

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России)

Кафедра философии

**«ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ ПРОВИНЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»
(к 90-летию образования Курской области)**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

4-5 апреля 2024 г.
г. Курск, Россия

УДК 908(470.323)(063)

ББК 26.89(2Рос)я43

И90

История государства через историю провинции: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции «История государства через историю провинции: проблемы и перспективы развития» (к 90-летию образования Курской области) (4-5 апреля 2024 г.), проведенной в рамках Года семьи, учрежденного указом Президента Российской Федерации, приуроченной к 90-летию образования Курской области / Курский государственный медицинский университет, Кафедра философии; сост. О.В. Пыжова, отв. ред. Е.С. Кравцова. – Курск: КГМУ, 2024. – 1 CD-ROM. – Текст: электронный.

Редакционная коллегия

проректор по научной работе и инновационному развитию, профессор кафедры общей хирургии и топографической анатомии, доктор медицинских наук, профессор В.А. Липатов

доктор исторических наук, профессор кафедры философии Е.С. Кравцова (ответственный редактор)

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Н.Д. Борщик

В сборнике опубликованы материалы Всероссийской научно-практической конференции «История государства через историю провинции: проблемы и перспективы развития» (к 90-летию образования Курской области) (4-5 апреля 2024 г.), проведенной в рамках Года семьи, учрежденного указом Президента Российской Федерации, приуроченной к 90-летию образования Курской области.

ISBN 978-5-7487-3187-4

©ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, 2024

Содержание

1.	<i>Акользина М.К.</i> ПРАЗДНИЧНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОЖАН ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ	6
2.	<i>Алексушин Г.В.</i> САМАРА – ЗАПАСНАЯ СТОЛИЦА	12
3.	<i>Апанасенок А.В.</i> «ОТДЫХ ДЛЯ ДУШИ И ТЕЛА»: ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО АКТИВИЗМА В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ 1950–70-Х ГГ.	15
4.	<i>Балахонцев В.Ю., Мочалова Н.Ю.</i> ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПРОЕКТА «УРАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УГАСАНИЯ	22
5.	<i>Борисов А.М.</i> ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ (1946 Г.) ПРОВЕРКИ ОРГАНИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО ДЕЛА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ КОНТРОЛЬНЫМИ МИНИСТЕРСТВАМИ РСФСР	28
6.	<i>Брендель В.П.</i> СТАРООСКОЛЬСКОМУ ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМУ КЛУБУ «ПОИСК» – 55!	41
7.	<i>Виницкая Н.В., Шабалина Е.П.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ С УЧЕТОМ СОХРАНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ	48
8.	<i>Волкова А.И.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX В. В ОСВЕЩЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	53
9.	<i>Гусарова С.В.</i> КНЯЗЬ ДОНСКОЙ, ДА НЕ МОСКОВСКИЙ (РОЛЬ СЕРПУХОВСКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА ХРАБРОГО ЗАЩИТЕ И УКРЕПЛЕНИИ МОЛОДОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА)	60
10.	<i>Долакова М.И.</i> ТЕАТР КАЗАНИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА КАК ИНСТИТУЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА	68
12.	<i>Есаулкова А.Д.</i> РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ (1996 – 2006 ГГ.)	74
13.	<i>Изетов Р.А.</i> К ИСТОРИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И КАРАТЕЛЬНО-РЕПРЕССИВНЫХ ОРГАНОВ КРЫМСКОЙ ССР (АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1919 Г.)	78

14.	<i>Исаева Р.М.</i> НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И СТАНОВЛЕНИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ В ЧЕЧНЕ И ИНГУШЕТИИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 20-х гг. XX в.	92
15.	<i>Карапетова Р.В.</i> БАЯН – СИМВОЛ ПОБЕДЫ, ИЛИ ИСТОРИЯ УДИВИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА	95
16.	<i>Киреев Д.Ф.</i> УЧАСТИЕ Е.Д. МАКСИМОВА В ЗЕМСКОМ ДВИЖЕНИИ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ	99
17.	<i>Кружалина А.А.</i> «ВЫХОД ИЗ ФРАКЦИИ НИ НА ЙОТУ НЕ ИЗМЕНИЛ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕПУТАТСКОЙ КАРЬЕРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ Т. О. БЕЛОУСОВА	104
18.	<i>Кукушкин В.Л., Кукушкина И.А.</i> ЛЕНИНГРАД 1942 — 1943 ГГ. В ФРОНТОВЫХ ПИСЬМАХ ВОЛОГЖАНКИ ЗОИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЛАПШИНОЙ	108
19.	<i>Курицын А.И.</i> Н.Е. МАРКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	113
20.	<i>Максимова И.В.</i> ПОЛНОТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ БИБЛИОТЕК КАК ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	131
21.	<i>Миненко И.Ф.</i> КУРСКИЙ ВЕТЕРИНАРНО-БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ВЕТВРАЧА Н.Д. ДИКОВСКОГО: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	138
22.	<i>Мищенко М.А., Максимова К.А.</i> ИЗ ИСТОРИИ АВИАЦИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПЕНЗЕНСКИЙ ОСОАВИАХИМ	145
23.	<i>Мокшин Г.Н.</i> ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ СЛОВА «ВОРОНЕЖ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ ПОД 1177 ГОДОМ: К СПОРАМ О ПРЕДЛОГЕ	150
24.	<i>Мухина З.З., Пивоварова Л.Н.</i> А.П. НИКУЛОВ – ПРИРОЖДЕННЫЙ И НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОСКОЛЬСКОГО КРАЯ	155
25.	<i>Никольский Я.С.</i> РОЛЬ РЕГИОНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	164
26.	<i>Понарин П.В.</i> ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД НЕУРОЖАЯ И ГОЛОДА 1891-1892 ГГ.	167

27.	<i>Раздорский А.И.</i> ДРЕВНЕЙШИЙ НАРРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК МЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ («ПОВЕСТЬ О ГРАДЕ КУРСКЕ» XVII ВЕКА)	172
28.	<i>Раков В.В.</i> СТОЛИЧНЫЙ ТЕАТР И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЗРИТЕЛЬ: СПЕКТАКЛИ АРТИСТОВ ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ НА КУРСКОЙ СЦЕНЕ (1850-Е – 1890-Е ГОДЫ)	179
29.	<i>Резухин П.С.</i> РЕАКЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1905-1907 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)	192
30.	<i>Салтык Г.А.</i> СОВЕТСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КУРСКОГО КРАЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	196
31.	<i>Самедова С.А.</i> ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ 1986-1999 ГГ.	203
32.	<i>Смородский С.Л.</i> СОСТОЯНИЕ ПИВОВАРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЗОРОВ ГУБЕРНИЙ)	206
33.	<i>Соборнов П.Е.</i> НИЖЕГОРОДСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА: ИЗ ОПЫТА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1917 ГОДА	209
34.	<i>Таскин Д.А.</i> ПЕРВОЕ КРУПНОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ РЕЖИМА АТАМАНА Г.М. СЕМЕНОВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ	214
35.	<i>Фоменков А.А., Пахомова Е.А.</i> ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ГОДЫ: ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕХНИКУМА	219
36.	<i>Шабалина У.А.</i> АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД 1917 ПО 1945 ГОД	222
37.	<i>Шальгин В.А.</i> «НИКОЛА РЫЛЬСКИЙ» И АМОНСКАЯ ПУСТЫНЬ	229
38.	<i>Шумилов Е. Н.</i> РУССКИЙ КАГНАТ И ПОСЕМЬЕ КАК ЕГО ЦЕНТР	243

ПРАЗДНИЧНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОЖАН ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

М.К. Акользина

ФГБОУ ВО Тамбовский государственный университет имени Г.Р.

Державина

akolmarina@yandex.ru

Аннотация: Региональные особенности социально-экономического развития уездных городов Тамбовской губернии в совокупности с географическими и климатическими условиями оказали огромное влияние на формирование и развитие традиций и праздничной культуры. Специфика региона связана с его ярко выраженным аграрным культурно-бытовым комплексом, поэтому досуговая практика, праздники, обычаи и традиции провинциальных горожан были тесно связаны с сельскохозяйственным календарем. Обычаи празднования знаменательных дат занимали важное место в жизни провинциального горожанина, поэтому порядку проведения таких мероприятий следовали очень строго. Праздники были временем, когда можно было веселиться и отдыхать. Русские очень любили и любят до сих пор такие даты, как Рождество, Пасха и свадьба. Им отдается, наверное, первенство в списке праздников. В некоторых местах на территории Тамбовской области традиционализм праздничной повседневности сохранился до сих пор.

Ключевые слова: повседневность, праздники, праздничная культура, горожане, провинциальные города, Тамбовская губерния.

FESTIVE EVERYDAY LIFE OF THE TOWNSPEOPLE TAMBOV PROVINCE IN THE XIX CENTURY

M.K. Akolzina

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

akolmarina@yandex.ru

Annotation: the regional features of the socio-economic development of the district towns of Tambov province, combined with geographical and climatic conditions, had a huge impact on the formation and development of traditions and festive culture. The specifics of the region are associated with its pronounced agricultural cultural and household complex, therefore leisure practices, holidays, customs and traditions of provincial townspeople were closely linked to the agricultural calendar. The customs of celebrating significant dates occupied an important place in the life of a provincial citizen, so the order of such events was followed very strictly. The holidays were a time when you could have fun and relax. Russians loved and still love such dates as Christmas, Easter and wedding. They probably take precedence in the list of holidays. In some places in the Tambov region, the traditionalism of festive everyday life has been preserved to this day.

Keywords: everyday life, holidays, festive culture, townspeople, provincial towns, Tambov province.

В XIX в. праздники у провинциальных горожан были связаны с аграрными циклами, сезонами года. Большая часть праздников приходилась на зиму и весну. Менее массовыми и менее яркими были летние и осенние праздники по той же причине.

Праздничные дни отличались от будней, прежде всего, сытной и обильной пищей. На Рождество происходило говение, празднующие потчевались скоромной пищей. Следующие двенадцать дней – святки, то есть святые дни. Согласно поверьям, на праздничном столе должно быть 12 блюд. Кутья и взвар переходили на рождественское утро с сочельника. Богатый стол на Рождество должен был способствовать и обеспечивать изобилие в новом году. Такой стол могли позволить себе и в небогатых городских семьях. В зажиточных семьях в кушанья добавляли осетрину или белорыбицу. На столе неизменно присутствовали жареный гусь или свиной окорок. Народная традиция призывала не принимать праздничную пищу до первой звезды в память о Вифлеемской звезде, указавшей, согласно Писанию, путь волхвам к месту Рождения Христа.

Рождество было праздником семейным, его было не принято праздновать в одиночку, поэтому празднующие собирались, как правило, в доме родителей. «Вечером, в канун Рождества Христова, – писал А.А. Коринфский, – неизменно придерживающиеся старых благочестивых обычаев люди русские не нарушают поста: по Уставу церковному разрешается вкушать в это время только сочиво» [2, с. 751].

Ярчайшим из праздников был Святки (Святки). Центральный сюжет – прославление Христа на Рождество детьми и взрослыми. По-народному этот праздник назывался «Овсень». Колядовать и «кликать овсень» ходили в основном дети бедноты: они проходили улицам с пожеланиями богатства и благополучия хозяевам. Дети зажиточных горожан не участвовали в колядовании, поскольку в XIX в. это действие приравнивалось к прошению милостыни.

Самобытные обряды и обычаи связаны с праздниками Благовещения и Вербного воскресения. В связи с этим праздником некоторые горожане помогали церковным служителям и привозили веточки вербы. Пучки веточек освящались в церкви, после церковной службы раздавались прихожанам. Те приносили их домой. Вербу хранили за иконой до того дня, когда осуществлялся первый выгон скота.

На праздниках пользовалась популярностью свинина. «Плохо-плохо, а две-три тушки свиных необходимо, – писал И. Шмелев, – да чёрных поросят, с кашей жарить, десятка три, да белых, на заливное, молошничков, два десятка, чтобы до заговин хватило» [5, с. 288]. На праздники в богатых домах с начала XIX в. появилось шампанское.

Отдельного внимания заслуживает праздничная пища на Пасху. Например, известные во всем мире блины, куличи, пасха. К традиционному праздничному столу люди относились трепетно во все времена, отсюда такое обилие блюд, которыми необходимо было удивить и порадовать гостей. К каждому празднику, будь то Масленица, Пасха, рождение ребенка готовились заранее, планируя застолье. Праздничный пасхальный стол упоминается во многих книгах писателей XIX в. или в дневниках. На Пасху пекли пышные сдобные куличи, делали сладкую, жирную сырную пасху и

варили, пекли яйца. Вообще обрядовой весеннее-летней пище яйца использовали широко как символ плодородия. Подготовка праздничного угощения была заботой достаточно состоятельной публики. В бедных городских семьях, не имевших деревенской родни, способной прислать продукты, все застолье ограничивалось крашенными яйцами и куличом не обязательно из белой муки. При отсутствии условий для выпечки кулича (в казарме, наемном углу), а также несемейными бедняками покупался белый ситный хлеб или самый дешевый кулич из несдобного теста. В семьях среднего достатка сдобные куличи пекла хозяйка. В богатых городских семьях в конце XIX в. куличи уже могли заказывать в кондитерской. По современным меркам это были торты из бисквитного теста, нарядно украшенные кремом, шоколадными и сахарными ангелочками, голубками, барашками, или посыпанные мелкими цветными карамельными шариками. Для прислуги пекли или покупали обычный сдобный кулич. Так как все желали иметь только свежие куличи, пекарни и кондитерские работали круглосуточно три предпраздничных дня. Богатые хозяйки сервировали праздничный стол всевозможными деликатесами. Преобладали холодные закуски. Традиционное сливочное масло прессовалось в виде барашка или подавалось в масленке такой формы, окорок украшался гвоздикой (пряностью), бантом и цветами. Сырные или творожные пасхи готовились разных сортов – шоколадные, малиновые, апельсиновые и другие. Им придавалась всевозможная форма, но все же чаще традиционная – усеченной пирамиды с пасхальной символикой. На праздничный стол могли подать желе с вставленной внутрь зажженной свечкой, фрукты. Куриные яйца красили все – и богатые, и бедные горожане. Использовались традиционные натуральные красители (луковая шелуха, березовые листочки).

Особой пышностью отличались свадебные застолья. Этот праздник, не привязанный жестко к религиозному измерению культуры, имел свою специфику, символику. На свадьбе традиционно присутствовал каравай, который воплощал собой плодородие и изобилие. Это был огромный пшеничный хлеб, торжественно-богатый и взбитый. Пышный каравай выносили на подносе, на котором лежало вышитое полотенце. Символизм был важен и в блюдах. Так лебедь, фигурки которого украшали караваи и пироги, подавался жареным и символизировал любовь супругов. Позднее лебедь был заменен другой домашней птицей. Свадебный куполообразный пирог (символ деторождения) назывался курник. Сервировка праздничного стола заслуживает отдельного внимания.

Не менее важными были храмовые праздники, например, праздник в честь Казанской иконы Божией Матери. Это был один из самых почитаемых образов Богородицы в Русской Православной Церкви. Действительно, праздник в честь Иконы Казанской Божией Матери – это светлый и торжественный праздник для православных городских жителей Тамбовского края. Русской Православной Церковью был установлен целый ряд

праздников для прославления Богоматери, но важнее всех – день её Успения, праздник, принадлежащий к числу двенадесятих важнейших праздников после Пасхи. В «Тамбовских епархиальных ведомостях» дьякон Алексей Знаменский утверждал, что «со времени блаженной кончины Богоматери явно открылось Её величайшее благоволение роду христианскому», Он становится тем, чего так не хватало русскому человеку [1, с. 33].

Неотъемлемой частью праздников были народные игры. В городах Тамбовской губернии были широко распространены следующие игры. Игра «селезень утку догонял»: участники игры создавали круг поднятыми руками вверх, что было призвано символически изображать ворота. Один игрок выбирался в качестве «селезня» (парень), другой – в качестве «утицы» (девушка). «Селезень» находился вне круга, тогда как «утица» внутри. Остальные игроки, создающие круг, пели игровую песню. «Селезень» мог перемещаться внутри круга, вне круга и по окружности, его цель – поймать «утицу». Игроки, создававшие круг, должны были помогать «утице», заключая «селезня» в круг опущенных рук. Песня исполнялась до достижения цели игры («селезень» поймал «утицу»). Поймав «утицу», игрок, исполнявший роль «селезня», должен был ее поцеловать и поклониться. Затем «утица» выбирала новую «утицу», а селезень – нового «селезня».

Игра «Тетера»: двое игроков изображали ворота. Они становились лицом друг к другу, сомкнув поднятые руки. Выбирали ведущего – Тетеру. Все остальные – ее детки. Они брались за руки, образуя цепочку. Тетера вела детей в «ворота». При этом исполняли песенку. После слов «Самого хорошего оставила» пара, изображавшая ворота, опускала руки, ловила игроков. Все пойманные присоединялись к «воротам». Продолжали игру до тех пор, пока все не станут «воротами». Самый быстрый и ловкий игрок, не пойманный «воротами», становился Тетерой.

Праздничная песенная культура имела свои особенности. Бескрайние степи, необозримые просторы Тамбовской земли располагали к протяжным лирическим песням. В Тамбовском крае их пели звонкими, громкими голосами, которые были слышны издалека. Однако помимо традиционных лирических песен в городах Тамбовской губернии, так же как и в сельской местности, присутствовали и другие фольклорные жанры: календарные обрядовые песни (святочные, масленичные и др.), семейные обрядовые песни (плачи и причитания, свадебные, колыбельные), шуточные, сатирические песни, жанровые песни (хороводные, игровые и др.), солдатские. Особенной популярностью на Тамбовской земле пользовались частушки.

Разнообразие традиционных музыкальных инструментов говорит о богатстве культуры городов Тамбовской губернии. Многообразными они были как по виду, так и по назначению. Не только в сельской местности, но и в городах звучал пастуший рожок. Звуки рожка играли сигнальную роль для выгона скота. Как правило, рожки изготавливались из бычьих или козлиных рогов. Музыкальное значение пастушеского рожка было незначительным. Обычно они имели не более двух пальцевых отверстий.

Популярными были дудочки. После таяния снега, в марте-апреле срезали ветки ветлы, побеги длиной до 20 см, небольшой толщины. Заготовку отбивали, после чего извлекали сердцевину. От количества пальцевых отверстий зависели музыкальные возможности незатейливого инструмента.

Свистульки изготавливались уже мастерами. Основное сырье – дерево и глина. С одной стороны – это музыкальный инструмент, с другой – игрушка для детей, поэтому важен был не только материал, но и форма. Чаще всего свистульки создавались в форме птиц или животных. Наличие двух звуковых отверстий давало возможность воспроизведения четырех звуков.

Наиболее популярным инструментом на городских праздниках была балалайка. Играли на балалайках, которые либо были изготовлены местными мастерами, либо фабричного производства. Существовали балалайки двух видов по форме – овальные и более традиционные – треугольные.

Гармонь появилась на Тамбовщине только во второй половине XIX в. Инструмент быстро набрал популярность и стал неотъемлемой частью любого праздника. Различные виды гармони типа «русской», «саратовской», «хромки», «рояльной» могли быть не только привезенными из других регионов, но и изготовленными местными мастерами.

Городские досуговые практики в XIX в. зависели от развития городской инфраструктуры. Поведение граждан сильно зависело от количества и специфики досуговых учреждений, состояние которых сильно менялось на протяжении XIX в. Если в начале столетия вечерами горожане и не думали выходить на улицу, то к концу века они посещали новые досуговые учреждения. Например, в Тамбове, «Судя по рекламе в «Губернских ведомостях» за 1881 г., – отмечала В.Д. Орлова, – спектакли в театре Пикулина начинались 8 вечера. Вечером же начинались и концерты в обществе народных чтений» [3, с. 134].

Освещенность городов оставляла желать лучшего. Даже в губернском центре было не более двух сотен фонарей. Тем не менее горожане посещали театры и концерты. После окончания представлений они возвращались домой в полной темноте (услуги ночных извозчиков стоили дорого).

Городская среда в XIX в. переобустраивалась на основе новых требований времени: широкое озеленение общедоступных городских территорий. «Прогулка с семьей по городскому саду, бульвару вдоль берега Цны, – писала В.Д. Орлова, – стала привычным досугом горожан уже во второй половине XIX в. Скверы были разбиты перед магазинами Шоршорова и Исаева, перед колокольней Казанского монастыря, Покровской церковью» [3, с. 135]. Расширение города Тамбова и его благоустройство было связано с увеличением площадей территорий, предназначенных для отдыха жителей.

Массово горожане посещали базар и городской сад. В этих местах они проводили значительную часть своего свободного времени. Уличные артисты и цирк – досуговые практики, доступные на базаре для городских

жителей. Кроме того, на базаре совершались почти все покупки. В обжорном ряду за длинным столом кормился люд победнее: за копейки можно было купить горячую еду из продуктов, оставшихся в ресторанах. Также еду можно было взять на вынос. «Гуляния в горсаду, – подчеркивала В.Д. Орлова, – предназначались для чистой публики, но были достаточно демократичны. В радиусе два-три квартала от базара находились театры, библиотеки, кофейни и кондитерские. Они ждали культурную не бедную публику. Здесь же были крупнейшие магазины» [3, с. 136]. Увеселительные заведения находились в нескольких кварталах от базара. Позже там располагались рестораны и кинотеатры.

Среди других досуговых возможностей в городе в конце XIX в. были короткие прогулки по набережной, лодочные пристани и купальни, заведения общепита, зона загородных пикников, летние закусовые, пивные и чайные.

И все же для основной части горожан главным развлечением в XIX в. были ярмарочные гуляния. «На ярмарках можно было купить не только ткани или съестное. Например, в Лебедяни проходила конская ярмарка, где можно было приобрести или продать лошадь любой масти и достоинства. Те, кто имел большие суммы денег, искал статных, породистых скакунов, многие искали лошадей коренастых и приземистых, чтобы работать на них. Все зависело только от потребностей покупателя. В «Записках охотника» И.С. Тургенева мы можем найти подробное и красочное описание лошадиной ярмарки вплоть до устройства самой ярмарки- на ярмарочной площади бесконечными рядами тянулись телеги, за телегами лошади всех возможных родов: рысистые, заводские, битюки, возовые, ямские и простые крестьянские. ...Здесь продаются разных мастей лошади, приведенные на Лебедянскую ярмарку с известного степного завода Анастасея Иваныча Чернобая, тамбовского помещика» [4, с. 36].

Кабаки и трактиры были неотъемлемой частью повседневной жизни многих горожан. Эти заведения были местом развлечений – здесь играли в кости и карты, здесь выступали скоморохи. Но также здесь заключались адвокатские сделки, писались жалобы. Кабаки были рассадником сплетен и слухов. Очевидно, что кабаки и трактиры в своем меню имели спиртные напитки, которые горожане с удовольствием употребляли – пили пиво, вино, брагу сбитень, квас, мед.

Самым известным кабаком был «бесшапочный» кабак Толмачева на ул. Октябрьской. Такое название он имел потому, что располагался напротив присутственных мест, и посетители, работавшие там просто перебежали дорогу, не надевая головных уборов в любое время года. Количество трактиров и кабаков было внушительным – в 1897 г. насчитывалось 179 подобных заведений, в том числе тех, где подавали крепкий алкоголь. Кабак был прибыльным делом, поскольку всегда пользовался спросом среди горожан. «Не только в трактирах и кабаках собирались люди в свободное время, также упоминаются и кофейни, где люди также развлекались игрой в

биллиард – дня через два я уехал, а через неделю опять завернул в Лебедянь на возвратном пути. В кофейной я нашел почти те же лица и опять застал князя Н. за биллиардом» [4, с. 44].

Обобщая тему праздничной повседневности горожан, мы принимаем точку зрения, что «новые формы досуга и обслуживающие их развлекательные заведения сразу захватывали более широкие городские и пригородные пространства и более многочисленных и социально разнородных участников, чем ранее существовавшие» [5, с. 136].

Список литературы

1. Знаменский А. Слово на праздник Успения Пресвятой Богородицы // Тамбовские Епархиальные Ведомости. – 1889. – № 18.
2. Коринфский А.А. Народная Русь. – М.: Директ-Медиа, 2013.
3. Орлова В.Д. Отражение в городском пространстве процесса модернизации городского досуга в конце XIX – начале XX в.: по материалам города Тамбова // Вестник ТГУ. – Выпуск 5 (133). – 2014.
4. Тургенев И.С. Записки охотника. – М.: «Public Domain», 1847-1853.
5. Шмелев И. Лето Господне. Праздники. Радости. Скорби. – М.: Т8RUGRAM, 2018.

САМАРА – ЗАПАСНАЯ СТОЛИЦА

Г.В. Алексушин

Самарский государственный экономический университет

Gva3@yandex.ru

Аннотация: Сформулированы автором основные факторы характера «запасной столицы» для Самары. Именно из-за них Самара дважды в своей истории становилась столицей России (СССР). К ним относятся железная дорога, левобережное размещение по отношению к реке Волга, и объединением этих и других маршрутов в мощный транспортный узел, а также мультинациональный характер Самары. Но, срабатывает этот комплекс факторов только в военный период времени.

Ключевые слова: Самара, столица, запасная, война, железная дорога.

SAMARA - RESERVE CAPITAL

G.V. Aleksushin

Samara State Economic University

Gva3@yandex.ru

Annotation: The author formulated the main factors of the nature of the «reserve capital» for Samara. It is because of them that Samara has twice in its history become the capital of Russia (USSR). These include the railway, the left-bank location in relation to the Volga River, and the unification of these and other routes into a powerful transport hub, as well as the multinational character of Samara. But, this complex of factors works only during the war period.

Keywords: Samara, capital, reserve, war, railway

Дважды в истории России (СССР) Самара (в 1935-90 гг. – Куйбышев) становилась её столицей – в 1918 г. в ходе индустриальной революции 1917-1929 гг. [5, с. 8], и в 1941 г. во время эвакуации столицы СССР из г. Москвы [8, с. 3; 9]. Ни на один провинциальный город России не возлагалось более подобной ответственности. Крайне интересным представляется поиск факторов, почему именно Самара стала запасной столицей для Советской России и СССР.

Первым из них представляется военное время – именно в такую беспокойную эпоху возникает потребность в Самаре как в столице. Доказать этот постулат можно, просто опираясь на даты – 1918 г. – период гражданской войны, 1941 г. – Великой Отечественной войны [9, с. 262].

Вторым фактором представляется железная дорога Москва-Владивосток, часть которой именуется в нашей истории как Транссибирская магистраль (далее ТранСиб). При этом, сейчас можно попасть из Москвы на ТранСиб двумя путями – через Самару или Казань. Но, Самара была выгоднее в этом логистическом выборе. Самаро-Златоустовская железная дорога (сегмент этого огромного трансконтинентального пути) была построена в 1874 г. [1], сделав Самару весьма привлекательной станцией на пути к ТранСибу. Когда чехословацкий корпус в 1918 г. двигался во Владивосток именно по этой железной дороге, он занял в июне Самару [10, с. 154], случайно обеспечив возможность создания здесь КомУча (правительства из членов бывшего Учредительного собрания), и когда корпус покинул Самару в октябре 1918 г., КомУч со столицей переместился в Уфу далее по этой железной дороге, где была создана Уфимская директория. Только узколобость мышления эсеров, собравшихся большим количеством в Самаре (в августе 1918 г. их было здесь 100 бывших членов Учредительного собрания, что составляло 25% от всего состава Учредилки) не дала расширить состав КомУча до большей репрезентативности, и объявить Самару столицей РДФР (Российской Демократической Федеративной Республики), о чём договорились члены распущенного большевиками Учредительного собрания. В 1941 г. эвакуация из Москвы в Самару (в то время Куйбышев) была по прямой, без пересадок, на довольно приличном удалении от Москвы – в 1000 км. Даже воинские части, участвовавшие в параде 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве [7, с.26-73], были временно сняты с эшелонов, следовавших из Сибири и с Дальнего востока [6, с. 5] в центр страны.

Третий фактор – левобережное расположение Самары. Ульяновск и Волгоград, Саратов и Нижний Новгород – правобережные города. И ситуация с вынужденной обороной Сталинграда в 1942 г. была очевидно потенциальной для других правобережных поволжских городов, потому столицу лучше было располагать в городе, размещённом за Волгой, а не перед ней. Кстати, Сталинград же (тогда Царицын) становился точкой

противостояния и в гражданскую войну, что подтверждает сходство статуса городов в войнах.

Четвёртый фактор – сочетание железной дороги и Волги в мощный транспортный узел, сочетавшейся с 1930-х гг. авиатрассами, а с 1946-7 гг. ещё дополненный автотрассой М-5 «Урал» (её стали активно прокладывать к Куйбышеву как раз в 1942 г.). Неудивительно, что некоторые дипломаты прибывали в Куйбышев волжскими пароходами [3, с. 32], а ряд организаций эвакуировали в Куйбышев из Москвы по Волге. Кстати, этот фактор усиливает факт «состыковки» Москвы и Самары по единой для них реке Волге.

Пятый фактор – национальный: видимо, руководство государства тех лет считало опасным выбирать под столицу мононациональные города вроде Казани (преобладание татарского населения) или Саратова (немало немцев Поволжья), в то время как Самара – многонациональна с преобладанием русских и без этнических проблем и противостояний в прошлом [4, с. 17-22].

Таким образом, многонациональная Самара становится из запасной столицы реальной столицей в период войны (неважно – гражданской или отечественной) благодаря тому, что находится за Волгой на одном из участков железнодорожного пути из Москвы во Владивосток (и составляют мощный транспортный узел). И поныне характер Самары как «запасной столицы» не изменился, т.к. все указанные факторы актуальны.

Список литературы

1. Алексушин Г. Самаро-Златоустовская железная дорога от океана до океана // Самара. – 2000. – №5. – С.66-67.
2. Алексушин Г.В. Военный Куйбышев - вторая столица СССР (1941-1943) // Образование и наука: Сборник статей Российской научно-методической конференции, Самара, 06–07 февраля 2004 года / научные редакторы В.А. Зимин, Р.Б. Туйкин. – Самара: Предприятие «Новая техника», 2004. – С.198-206.
3. Алексушин Г.В. Иностранное посольства в Куйбышеве – столице СССР (Самарский экскурсионный маршрут): Методическое пособие. – Самара: Эдельвейс, 2012. – 63 с.
4. Алексушин Г.В. Самароведение. – 2-е издание. – Самара: Прайм, 2017. – 132 с.
5. Алексушин Г.В. Самара революционная. – Самара, 2018. – 64 с.
6. Алексушин Г.В., Житков А.Е. Парад 7 ноября 1941 года в Куйбышеве. – 2-е издание. – Самара: Прайм, 2018. – 44 с.
7. Алексушин Г.В. Куйбышев-запасная столица: Совместный проект Глеба Алексушина, Администрации городского округа Самара и «Самарской газеты» – Самара: Издательский дом «Агни», 2021. – 132 с.
8. Алексушин Г.В. Куйбышев – столица СССР. 1941-1943: Монография. – Самара: Типография «Прайм», 2022. – 103 с.

9. «Россия – священная наша держава»: прошлое с нами: Учебное пособие в 5 книгах /Л.В. Горожанин, В.В. Рыбников [и др.]; под общей редакцией В.В. Рыбникова. Кн.4. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2004. – 322 с.
10. Русь – Россия – СССР – Россия: этапы большого пути: Учебное пособие для ВУЗов по курсу «Отечественная история» /А.В. Горожанин, В.В. Рыбников [и др.]; под общей редакцией В.В. Рыбникова. Т.2. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. – 507 с.

**«ОТДЫХ ДЛЯ ДУШИ И ТЕЛА»:
ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО АКТИВИЗМА
В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ 1950–70-Х ГГ.**

А.В. Апанасенок

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
apanasenok@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется феномен значительного численного преобладания женщин во время православных богослужений в российской провинции послевоенных десятилетий. Автор приводит статистические примеры соответствующего характера, а также в общих чертах рассматривает объективные причины женского религиозного активизма, носившие демографический, социально-психологический и социально-бытовой характер.

Ключевые слова: история СССР, религиозная культура, конфессиональные практики, женский активизм.

**«REST FOR BODY AND SOUL»:
THE PHENOMENON OF WOMEN'S RELIGIOUS ACTIVISM
IN THE SOVIET PROVINCE OF THE 1950-70s.**

BY A.V. Apanasenok

*Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
apanasenok@yandex.ru*

Annotation: The paper examines the phenomenon of a significant numerical predominance of women during Orthodox divine services in the Russian province of the post-war decades. The author provides relevant statistical examples and also examines in general terms the objective causes of women's religious activism, which were demographic, socio-psychological and socio-domestic in nature.

Keywords: history of the USSR, religious culture, confessional practices, women's activism.

Советский Союз был атеистически ориентированным государством. Но, как известно, коммунистическая партия так и не смогла изжить из ткани общественной жизни религиозную культуру. В любой из периодов

советского бытия значительная часть ее населения относилась к числу конфессионально-ориентированных людей. В свою очередь, большую часть из них составляли женщины. Этот факт много раз отмечался авторитетными исследователями православия (М.И. Одинцов, О.Ю. Васильева, М.В. Шкаровский, А.Л. Беглов и др.), однако отечественная историография все еще ждет основательного труда о феномене женского религиозного активизма в стране Советов. Насколько женщины преобладали над мужчинами в храмах с количественной точки зрения? Можно ли говорить об их ведущей роли в ретрансляции конфессиональных традиций? Почему именно представительницы «слабого» пола зачастую оказывались более стойкими, когда речь заходила о сохранении традиционного религиозно-бытового уклада семьи либо приходского сообщества? Ответы на эти важные вопросы требуют весьма масштабных исследований. Данный же краткий обзор призван дать общее представление о специфике проблемы с помощью конкретных примеров. В фокусе авторского внимания – «православная» часть российского провинциального социума 1950–1970-х гг.

Говоря о роли женщин в воспроизводстве православных традиций в советской среде, сначала обратимся к примеру из собственной исследовательской практики. В 2021–2022 гг. автором при помощи коллег из Регионального открытого социального института (г. Курск) были организованы полевые исследования, ориентированные на изучение воспоминаний наших современников о функционировании православной культуры в СССР. Основу этих исследований составило анкетирование. Респондентами выступили представители старшего поколения российских граждан, заставшие советскую эпоху в сознательном возрасте. Условием их включения в процессы анкетирования стала вовлеченность (в том числе эпизодическая или просто символическая) в церковную жизнь в позднесоветский период, поскольку только такой опыт давал возможность рассуждать о месте православной культуры в структуре советского бытия.

В течение 2021 г. респондентам предлагалось заполнить анкету на тему «Православные традиции в СССР» (откликнулись 144 человека в возрасте от 52 до 88 лет), в 2022 г. – на тему «Влияние православных традиций на уклад жизни граждан СССР в позднесоветский период» (эту анкету заполнили 58 человек в возрасте от 48 до 82 лет). Вопросы (в каждой анкете их было 20) были посвящены традициям крещения, празднованию дат православного календаря, походам в церковь, наличию в домах икон, влиянию православных традиций на приготовление пищи, возможностям совмещения советских и конфессиональных практик и т.д. [см.: 17, с. 17–19]. Описывая бытование тех или иных православных традиций в своих семьях в советское время, опрашиваемые постоянно ссылались на старших родственников. Слово «бабушка» оказалось представлено в 193 анкетах из 202 собранных за два года (при этом во многих анкетах оно было написано по нескольку раз). Слово «дедушка» встретилось в 117 анкетах, причем даже в них частота упоминания дедушек в среднем оказалась ниже, чем бабушек. Этот факт не

стал неожиданностью для команды исследователей: архивные документы и публикации того времени также говорят о большей (по сравнению с мужчинами) роли женщин в церковной жизни.

Приведем несколько красноречивых цитат из рапортов советских функционеров, представлявших Совет по делам Русской православной церкви (с 1965 г. – Совет по делам религий) при Совете Министров СССР. Вот, например, как описывал социальный состав посетителей рождественских служб в провинциальном Курске 1953 г. местный уполномоченный совета: «Для характеристики состава молящихся приведу такие примеры. В Рождество 7 января текущего года в соборе на ранней службе, начинающейся в 4 часа утра, было более 400 человек, почти исключительно одни женщины, в подавляющем большинстве старухи. На второй литургии в 6 часов утра в соборе было не менее 2000 человек, тоже преимущественно женщины, но уже среди них значительное число средних возрастов, много интеллигентных людей и молодежи ... На третьей литургии, после 9 часов утра, в соборе было до 1500 человек, преимущественно женщин, довольно много молодых, но подростков и детей уже меньше» [5, л. 78].

А вот характеристика состава участников знаменитого крестного хода из Курска в закрытую Коренную пустынь (стихийного, но весьма многолюдного до запрета в 1959 г.) в 1955 г., представленная коллегой упомянутого уполномоченного: «За три часа прошло более 15 тысяч человек. Это почти исключительно одни женщины, причем более одной трети молодые. Много интеллигентных, хорошо одетых женщин. Много подростков и детей, идущих с родными, а также и самостоятельно. В течение двух часов я насчитал среди проходящих паломников более 1000 человек детей и подростков, примерно от 17 лет и моложе, главным образом девушек. Встречались и группы их по 10–12 человек вместе» [4, л. 78].

О явном преобладании женщин во время тех или иных культовых действий писали уполномоченные из других регионов. Например, наблюдатель из Воронежа, обобщая опыт посещения предпасхальных служб в 1967–1968 гг., отмечал, что подавляющее большинство целовавших плащаницу – женщины в возрасте старше 50 лет. По его подсчетам, они составляли 59,6% в 1967 г. и 53,7 в 1968 г. Еще до 20% составляли женщины моложе указанного возраста. По этому поводу находим такое замечание: «Вызывает тревогу факт увеличения в 2,5 раза числа приложившихся к плащанице девушек и молодых женщин. Зафиксировано 269 случаев, когда молодые матери подходили к плащанице со своими младенцами и прикладывали их к месту, которое целовали до этого тысячи людей» [10, л. 62].

Представленные выше цитаты из донесений уполномоченных СДРПЦ и СДР, а также данные социологических исследований ясно показывают, что большинство участников православных богослужений, крестных ходов и прочих церковных действий в рассматриваемый период составляли женщины. В дополнение к уже рассмотренным фактам приведем еще статистику,

собранную в 1963 г. советским обществоведом, готовившим статью об атеистическом воспитании советских женщин. Для получения широкой картины он обратился к данным по богослужениям в церквях Пермской области и Караганды. Согласно этим сведениям, 28 марта 1963 г. (будний день) на утренней службе в кладбищенской церкви Перми на богослужении присутствовало 386 человек, 93% которых составили женщины. 11 апреля того же года на дневной службе в церкви с. Морочаны Красновишерского района Пермской области присутствовало 205 человек, из них 190 женщин (93%). 13 апреля на воскресной службе в той же церкви женщины составили 89% молящихся. На богослужении в единственном православном храме Караганды 7 июля 1963 г. (воскресенье) соотношение полов дало пропорцию 89 к 11% – опять же в пользу женщин [14, с. 213].

Конечно, не всегда численное доминирование женщин над мужчинами на богослужениях было столь внушительным. Например, курские уполномоченные СДРПЦ в 1950–60-е гг. отмечали, что доля мужчин в храмах, обычно очень скромная, в праздничные дни увеличивалась [см.: 3, 4, 6, 7, 8]. Однако даже в этих случаях она все равно оставалась существенно меньше, чем женская, доходя лишь до четверти от всех молящихся. Аналогичные оценки находим и в рапортах уполномоченных СДР за 1980-е гг. [11]. Это давало советским социологам (в том числе и автору упомянутой выше статьи) возможность констатировать, что женщин среди верующих гораздо больше, чем среди мужчин. Такая формулировка представляется чересчур прямолинейной: трудно судить о человеке как верующем или неверующем только на основании частоты его походов в церковь (сам термин «верующий» точно не определен ни в отечественном, ни в мировом религиоведении, но очевидно, что такое определение должно опираться на несколько критериев). Скорее следует признать факт явного преобладания женской части населения в публичном церковном пространстве традиционно православных регионов страны, а также более высокую степень женского церковного активизма.

Каковы причины этих явлений? Прежде всего следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, внешняя религиозность в большей степени характерна для женской части человечества в принципе – в силу психологических особенностей «слабого» пола, присущего женщинам более эмоционального (и менее рационального) восприятия действительности [см., напр.: 12, с. 329–332; 16, с. 24–39]. В этом смысле сам факт численного преобладания женщин на богослужениях в СССР (как и любой другой страны, где декларируется равенство в религиозных вопросах) не должен вызывать удивления. Однако, требует объяснения слишком значительная количественная разница между воцерковленными представителями обоих полов. Ее исследователи обычно связывают с демографической ситуацией в СССР [18, с. 63; 19, с. 32]. Этот тезис выглядит справедливым, хотя и требует конкретизации. Как известно, события Великой Отечественной войны, а также (хоть и в меньшей степени) репрессии сталинского периода

обусловили сильный демографический «перекос», который не был полностью преодолен даже к концу советской эпохи. Так, согласно результатам переписи 1959 г., женское население СССР составляло 114,8 млн, а мужское – 94,1 млн человек, то есть соотношение полов составляло 55 к 45% [2]. Двадцать лет спустя очередная перепись показала соотношение 53,4 к 46,6% [1, с. 242]. Однако еще более важной была огромная диспропорция в старшей возрастной категории. Так, согласно переписи 1959 г., число женщин старше 50 лет в стране почти вдвое превышало число мужчин того же возраста (соответственно 25,3 млн и 13,5 млн) [2]: сказывались как военные потери, так и меньшая средняя продолжительность жизни мужчин в СССР. Если учесть, что церковный актив, то есть категорию православных прихожан, регулярно ходивших на службы, составляли именно пожилые люди, становится понятно, почему женщины должны были количественно доминировать в церковном пространстве.

Говоря о «женском» характере православных богослужений в СССР и женском же активизме в соответствующей сфере, советские исследователи называли ряд «застарелых» (то есть имевших корни в дореволюционной действительности) причин социокультурного и социально-экономического характера. К ним относились: более низкий уровень образования и квалификации среднестатистической гражданки страны по сравнению с гражданином, большая уязвимость по отношению к семейным и личным проблемам, заставлявшая женщину искать дополнительную поддержку у священнослужителей, а также «увязание в быту», обусловленное большим объемом домашних обязанностей [14, с. 216–221]. Рассуждая о последнем, авторы-атеисты часто цитировали Н.К. Крупскую, писавшую: «Надо облегчить женщине, особенно трудящейся, домашнюю работу. Тот, кто работает над устройством детских яслей и садов, над устройством общественных прачечных, починочных мастерских и т.п., борется с женской религиозностью» [13, с. 59–60]. При этом подразумевалась следующая логика: перегруженность женщины бытовыми проблемами не оставляет ей возможностей для культурного досуга и саморазвития, оставляет в плену «домостроевских» традиций и «предрассудков». Освобождение женщины от лишних обязанностей и активное ее включение в общественную жизнь, напротив, должно способствовать духовному «раскрепощению» вчерашней «суеверной» хозяйки. Такое понимание причин женской религиозности определяло и содержание программ по борьбе с ней, которые порой принимались на советских предприятиях и в колхозах. Вот, например, основные пункты типичной программы, принятой в колхозе с. Первый Краснояр Пермской области: 1. Вовлечение женщин-домохозяек в колхозное производство. 2. Создание условий для выполнения всеми женщинами колхоза им. В.И. Ленина установленного минимума трудодней. 3. Улучшение культурно-просветительной работы среди женщин. Изучение бытовых условий жизни колхозниц и борьба против пережитков неправильного отношения к женщине в семье, борьба против пьянства и произвола в семье.

5. Оказание помощи родителям в воспитании детей в семье [цит. по: 14, с. 224].

Разумеется, охарактеризованные тезисы из советской литературы имели ярко выраженный идеологический окрас, предполагая, что религия – пережиток и с ней нужно бороться. Лишенные этого окраса, объяснения женского церковного активизма могли бы выглядеть так: регулярное участие в конфессиональных практиках для многих гражданок Советского Союза (как и для их бабушек – подданных Российской империи) было возможностью отрешаться от многочисленных хлопот и бытовых неурядиц, отдыхать и мысленно возвращаться к идеалам добра, справедливости и красоты, которые традиционно давало православие. В 1967 г. наблюдатель от СДР, пытаясь выразить эту мысль, но при этом не быть замеченным в идеализации религии, писал, что женщины часто рассматривают посещение церкви как «удобную возможность провести там свободное время, повстречать знакомых, отдохнуть душой и телом от всяких домашних неприятностей, послушать хорошее пение хора» [9, л. 98].

Церковь по-прежнему оставалась местом, куда люди (и прежде всего женщины) шли с горем. «У меня зять пьяница, каждый день в семье скандал, – рассказывала в том же году жительница одного из сел Костромской области, – я работаю, а вечером домашние дела делаю, да со страхом ждем с дочерью и внучатами, когда зять пьяный придет. Намотаешься за неделю и ждешь воскресенья сходить в церковь, знакомых повидать, новости узнать, службу послушать, и, вроде, успокоишься. И так всю жизнь» [9, л. 98].

В 1971 г. журнал «Наука и религия» довольно неожиданно опубликовал письмо одной своей читательницы, поясняющей мотивы посещения православного храма. В письме говорилось: «Интересовался кто-нибудь, почему люди вынуждены верить, ходить в церковь? Я молодая женщина, мать троих детей. Десять лет я была между жизнью и смертью, объехала все больницы. Признавали рак и глаукому. Из-за моей болезни ушел муж. Меня спасла церковь. Вам следовало бы знать, какая сила в причащении. Я вынуждена ходить в церковь, чтобы не умереть и не осиротить детей. И многие верующие ходят в церковь поэтому. Это подлинная история. Прошу вас мое письмо напечатать в журнале. В. Белова. Казань» [15, с. 37].

Таким образом, феномен женского религиозного активизма в послевоенном СССР носил ярко выраженные (по крайней мере, в количественном отношении) очертания и имел объективные причины демографического, социально-психологического и социально-бытового характера. обстоятельное рассмотрение каждой из них в рамках самостоятельного исследования, несомненно, будет способствовать более глубокому пониманию закономерностей духовной истории советской цивилизации.

Список литературы

1. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. – М.: Наука, 1981. – 880 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения СССР и союзных республик по полу, возрасту и состоянию в браке [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_mar_59.php (дата обращения: 3.03.2024).
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027. Оп. 2. Д. 16.
4. ГАКО. Ф. 5027. Оп. 2. Д. 26.
5. ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3.
6. ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 18.
7. ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 22.
8. ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 67.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152.
10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154.
11. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2494.
12. Гусева Е.С. Гендерные аспекты индивидуальной религиозности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. № 2-2. – С. 329–332.
13. Крупская Н.К. Вопросы атеистического воспитания. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
14. Писманик М.Г. О состоянии религиозности и некоторых особенностях научно-атеистического воспитания среди женщин // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания / под ред. И.Д. Панцхава. – М.: МГУ, 1969. – С. 218-229.
15. Письмо в редакцию // Наука и религия. – 1971. – №7. – С. 37.
16. Рязанова С. В., Михалева А. В. Феномен женской религиозности в постсоветском пространстве (региональный срез). – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. – 255 с.
17. Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.: коллективная монография / под ред. А.В. Апанасенка. – Курск: Изд-во РОСИ, 2022. – 321 с.
18. Сосковец Л.И. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2004. – №281. – С. 62–65.
19. Флетчер У. Советские верующие // Социологические исследования. – 1987. – №7. – С. 28–35.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПРОЕКТА «УРАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УГАСАНИЯ

В. Ю. Балахонцев, Н.Ю. Мочалова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
sulad.bogatov@gmail.com

Аннотация: в данной статье рассматривается проект «Уральской республики», как неудачная попытка изменения федеративного статуса Свердловской области в республику. Проанализированы взаимоотношения федеральной и местной власти, требующая автономию региона. Отдельно рассмотрен статус местной валюты «уральские франки». Упомянута идея интеграции регионов «Большого Урала». Рассмотрены причины неосуществления проекта.

Ключевые слова: Уральская республика, уральские франки, Большой Урал, федерация, автономия.

THE HISTORY OF THE CREATION OF THE URAL REPUBLIC PROJECT: THE CAUSES OF ITS EMERGENCE AND EXTINCTION

V. Y. Balakhontsev, N.Y. Mochalova

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian State Vocational Pedagogical University"
sulad.bogatov@gmail.com

Annotation: this article considers the project of the "Ural Republic" as an unsuccessful attempt to change the federal status of the Sverdlovsk region into a republic. The relationship between the federal and local authorities, which requires the autonomy of the region, is analyzed. The status of the local currency "Ural francs" is considered separately. The idea of integrating the regions of the "Big Urals" was mentioned. The reasons for the non-implementation of the project are considered.

Keywords: Ural Republic, Ural francs, Greater Urals, federation, autonomy.

Во многих крупных странах формой государственного устройства является федерация. Российская Федерация самим названием демонстрирует федеративный принцип государственного устройства. Однако в отличие от США и ФРГ, где все субъекты равноправны между собой, в России чётко выделяются республики и остальные субъекты (края, области, автономные округа, города федерального значения и автономная область). Можно сказать, что РФ является ассиметричным государством. У каждой республики есть конституция, столица, право устанавливать государственный язык, а также республики являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений. В 1993 году местными властями была предпринята попытка осуществить проект «Уральской республики», когда Свердловская область попыталась

установить республиканский статус. Однако этим планам не суждено было сбыться.

После распада Советского государства в 1991 году положение многих субъектов России было сложным, были сильны сепаратистские настроения. Татарстан провёл референдум о суверенитете, а Чеченская республика и вовсе развязала вооружённый конфликт с федеральной властью за независимость. Для того, чтобы страна окончательно не распалась на ещё более мелкие части, 31 марта 1992 года был подписан Федеральный договор, который разграничивал федеральные и региональные отношения. Документ был подписан с представителями субъектов Российской Федерации за исключением Татарстана и Чечено-Ингушетии. Документ был необходим прежде всего потому, что на тот период времени ещё не существовало конституции Российской Федерации, а действовала конституция РСФСР 1978 года.

Подписание Федерального договора в 1992 году определило статус регионов Российской Федерации. В качестве субъектов есть республики и другие виды субъектов РФ, которые не имеют такой же автономии. В этой ситуации интересно положение Свердловской области, которая не являлась республикой, однако хотела получить этот статус. Стоит отметить, какие именно регионы получили статус республики. Российские республики формировались из бывших Автономных Советских Социалистических Республик (АССР), которые в свою очередь опирались на национальный фактор. Например, в Калмыцкой АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года количество калмыков составляло 146 316 человек, а русских – 121 531 [1]. В других бывших АССР была похожая ситуация – «местная» национальность в республике была либо преобладающей, либо составляла большую часть населения республики. В Свердловской области, как и в других областях, преобладающим было русское население.

Также одной из причин возникновения Уральской республики был тот фактор, что в Свердловской области численность населения была выше, чем во многих регионах страны. По последней переписи 1989 года городское и сельское население в Свердловской области составляло 4 716 768 человек. На тот момент область являлась одним из крупнейших регионов РСФСР. В это же время в Карельской АССР по той же переписи проживало всего 791 317 человек, что почти на 4 млн. человек меньше, но Карелия обрела статус республики, а Свердловская область осталась областью [2].

При этом надо сразу уточнить, что проект Уральской республики не планировал выход области из состава Российской Федерации. Вообще не планировалось провозглашать независимость, как это было с Чеченской республикой. Известно, что 30 октября 1993 года в газете «Областная газета. Екатеринбургские ведомости» была принята программа конституции, в 3 статье которой говорится, что «Все граждане и их объединения обязаны неукоснительно соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, Конституцию и законы Уральской Республики» [9]. Авторы проекта

«Уральской республики» признавали федеральную власть и не собиралась создавать независимый регион.

Идеологом проекта Уральской республики можно назвать Эдуарда Росселя. На момент 1993 года он занимал должность главы администрации Свердловской области. Главы регионов назначались президентом России, а саму кандидатуру главы администрации должен был одобрить совет народных депутатов региона. Поэтому Э. Росселя вряд ли можно назвать оппозиционной фигурой Борису Николаевичу Ельцину. Тем более стоит учитывать тот фактор, что Ельцин родился в Свердловской области, а также с 1976 по 1985 годы являлся Первым секретарём Свердловского обкома КПСС, а значит, скорее всего, знал, какому именно человеку стоит дать власть в этом регионе. Более того, 2 ноября 1993 года Президент РФ Ельцин на расширенном заседании Правительства России заявил, что действие ряда областей по повышению своего статуса – объективный процесс, обусловленный несовершенством сложившихся федеративных отношений в России [7, с. 106].

25 апреля 1993 года прошёл первый референдум в РФ, который в народе запомнился, как «да-да-нет-да» из-за активной агитационной программы в СМИ. На референдуме в Свердловской области был поставлен ещё один вопрос «Согласны ли вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?» [3, с. 104]. Итогом этого голосования стало принятие 1 июля 1993 г. декларации об изменении статуса Свердловской области, а 27 октября одобрен проект Конституции Уральской республики [10, с. 152]. Для республики был выбран новый трёхполосный флаг. Цвета сверху вниз были белый, зелёный и чёрный. Флаг имел популярность, как в то время (например, в логотипе общественного движения «Преображение Урала»), так и сегодня его можно встретить в тематических сообществах и группах. Ярким примером можно назвать протесты 2019 г. по поводу строительства храма Святой Екатерины, когда среди прочих на митингах поднимался флаг Уральской Республики.

Кроме того, после провозглашения Уральской республики у соседних регионов появилось желание вступить в состав Уральской республики. Заявление о намерении создать «большую» республику на базе областей Урала было подписано руководителями представительной и исполнительной властей Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей в сентябре 1993 г. Однако объединительные процессы были остановлены из-за обострения конфронтации между федеральной исполнительной и законодательной ветвями власти [8, с. 149].

На самом деле в этой идее не было чего-то странного. Ещё в дореволюционные времена и первые годы советской власти (1796—1923 годы) существовала Пермская губерния, включающая в себя части современной территории Пермского края, Свердловской и Курганской областей. В 1923 – 1934 гг. в ходе реформы по укрупнению регионов,

существовала Уральская область, в состав которой вошли территории бывших Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний. Это объединение было оправдано - «Урал исторически сформировался как единое экономическое пространство» [10, с. 101]. Поэтому вопрос об интеграции регионов в единую «Большую Уральскую республику» был актуальным для реализации экономического развития Урала.

Возникает вопрос, почему Уральская республика так и не смогла полностью реализоваться и не существует до сих пор? Причина кроется, пожалуй, в том, что Ельцин смог укрепить свою власть после осенних событий 1993 года. Политический кризис, который длился с распада Советского союза до октября 1993 года отвлекал действующего президента от событий в регионах. Но после укрепления президентской власти, сразу было решено заняться региональными вопросами. Так 9 ноября 1993 года, Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ «О прекращении деятельности Свердловского областного Совета Народных Депутатов», а 10 ноября появился Указ Ельцина об отстранении от должности главы администрации Свердловской области Росселя [3, с. 106].

Это не было личным эмоциональным решением Ельцина. Многие из окружения президента опасались последствий большой автономии крупного региона с русским населением. А. Дуняшин пишет: «Против создания Уральской Республики было окружение Бориса Ельцина. В частности, Сергей Шахрай, в то время председатель Госкомитета по делам федерации и национальностей, и Сергей Филатов, руководитель администрации президента России. Они считали, что обретение областью с преимущественно русским населением республиканского статуса является шагом к распаду России». А. В. Гайда в интервью «Областной газете» в 2014 г. говорил: «Пошли разговоры, что Россель, дескать, собирается создавать армию, вводить свои деньги и выходить из состава России» [3, с. 138]. Но данные слухи не совсем правдивы. Относительно выхода из состава России уже было сказано, что по конституции Уральская республика является частью России, поэтому никакого отделения из состава России или создание собственной армии невозможно. Нет никаких свидетельств о том, что Россель и его команда планировала создание собственной армии.

Однако, если говорить про собственные деньги, то действительно существовали «уральские франки». Ещё в 1991 году по инициативе предпринимателя Антона Бакова на пермской фабрике «Госзнак» были напечатаны уральские франки. «Тогда планировалась либерализация цен, и мы опасались падения уровня жизни жителей Свердловской области. Как выход предложили ввести чековую систему (как чеки магазинов «Березка»), что в рамках одного отдельно взятого субъекта Российской Федерации – Свердловской области – позволило бы защитить людей от падения цен», - писал Баков в своей книге «Какой России я служу». Предполагалось, что часть населения сможет получать эти франки в виде заработной платы, либо закупать их в специальных обменниках. По словам предпринимателя, эту

идею поддержал тогда премьер-министр Егор Гайдар [6]. Данная цитата говорит о том факте, что «Уральский франк» не планировался, как альтернативная независимая валюта. Это скорее было дополнительной мерой, которая бы позволила бы уменьшить ущерб от рыночных реформ в начале 1990-х годов. Более того, уральский франк после принятия Конституции РФ и вовсе не мог существовать, как альтернативная российскому рублю валюта, так как согласно 75 статье: «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются» [5]. Однако нельзя сказать, что уральский франк полностью исчез, как идея. Введение «уральских франков» было вызвано очередным обострением «кризиса наличности» и необходимостью погашения задолженностей по заработной плате (1997г.) [11, с.14]. Поэтому Антон Баков, который в 1997 году был генеральным директором на Серовском металлургическом заводе, начал использовать «уральские франки» в качестве талонов на питание в заводских магазинах, столовых и буфетах. По данным специалистов, эти чеки были эффективными. Например, как отмечает В. Машков, оперирование низкономинальными чеками на Серовском заводе увеличило посещаемость столовых в 12 раз. [12, с. 70]. Однако после ухода Бакова с должности генерального директора в 2000 году, обращение «уральских франков» было полностью свёрнуто.

Кроме укрепления федерального центра и опасений сепаратизма, некоторые специалисты отмечали и другие причины угасания Уральской республики. В частности, никаких историко-культурных, географических или каких-либо других предпосылок для возникновения Уральской республики не существовало [4, с. 141]. Безусловно, Урал был перспективным экономическим районом, однако он не имел каких-то других оснований для автономности. Не было национальных, религиозных движений. Также, как не существовало никакого «уральского языка», который можно было защитить с помощью автономии. Сам процесс превращения области в республику был инициирован «сверху», прежде всего Э. Э. Росселем и его командой. Для большей части жителей области не было никакой мотивации отстаивать идеи республиканского статуса региона, его автономию или независимость, так как на тот момент времени для многих остро стоял прежде всего экономический вопрос, а не политический.

Таким образом, проект Уральской республики так и не смог реализоваться. Главной идеей Уральской республики был не сепаратизм, а экономическая и законодательная самостоятельность, достижение которой в отдельно взятом регионе было невозможно. Этот проект не получил поддержки от федерального центра и от местного населения. Кроме экономической выгоды для зарождающейся местной элиты не было никаких существенных причин обретения статуса республики. Эдуард Россель после отстранения от должности главы администрации Свердловской области ещё

некоторое время управлял областью в качестве губернатора (1995 – 2009 годы), однако повторных попыток изменения статуса области уже не предпринималось. Мечта об объединении Уральских регионов в единый субъект также потерпела крах. Исключением можно назвать лишь слияние Пермской области с Коми-Пермяцким автономным округом, результатом которого стало появление Пермского края. Впрочем, тема Уральской республики по-прежнему волнует жителей области, пусть и не так остро, как в 1993 году.

Список литературы

1. Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России: Калмыцкая АССР. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=56 (Дата обращения: 02.03.2024).
2. Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность населения СССР, РСФСР и её территориальных единиц по полу. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 02.03.2024).
3. Камынин В. Д., Лямзин А. В. Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – №481. – С. 134–142. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uralskaya-respublika-1993-g-v-diskurse-nauchnogo-soobschestva> (дата обращения: 07.03.2024).
4. Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2013. – №1. – С. 138–150. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ural-k-voprosu-ob-identifikatsionnoy-dinamike-brenda> (дата обращения: 08.03.2024).
5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter3> (дата обращения 11.03.2024).
6. Краснова А. Сам себе Центробанк: газета [Электронный ресурс] // РБК. – 2005. – № 113 (2130). – С. 16. – URL: <https://books.google.ru/books?id=-OswCgAAQBAJ&pg=PA16#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 10.03.2024).
7. Мошкин С. В. Уральская республика. Хроники [Электронный ресурс] // Дискурс-Пи. 2013. №3. С. 103 – 107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uralskaya-respublika-hroniki> (дата обращения: 25.02.2024).
8. Мошкин С.В. Уральская республика: «забытые» страницы [Электронный ресурс] // Дискурс-Пи. – 2023. – №1. – С. 124–140. –

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uralskaya-respublika-zabytye-stranitsy> (дата обращения: 14.02.2024).
9. Областная газета. Екатеринбургские ведомости. 1993. № 125. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/50791/1/0038196.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).
10. Осипов И. В. Идеиные основания движения за создание Уральской республики [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2019. – № 3. – С. 140–158. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideynye-osnovaniya-dvizheniya-za-sozdanie-uralskoy-respubliki> (дата обращения: 23.02.2024).
11. Пищулов В.М. Единая валюта и проблемы евро [Электронный ресурс] // Финансы и кредит. – 2010. – №45 (429). – С. 6–16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinaya-valyuta-i-problemy-evro-1> (дата обращения: 07.03.2024).
12. Янукян М. Г. Чеки в российской финансовой практике // Деньги и кредит: журнал. Центральный банк Российской Федерации. – 2007. – № 11. – С. 66-70.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ (1946 Г.) ПРОВЕРКИ ОРГАНИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО ДЕЛА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ КОНТРОЛЬНЫМИ МИНИСТЕРСТВАМИ РСФСР

А.М. Борисов

Председатель КРО ООО «Ассоциация историков права»
andrei_borisov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов деятельности налоговых подразделений областного финансового отдела Курского областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, относящихся к послевоенному 1946 году. Актуальность темы объясняется особым значением работы налоговых органов по обеспечению доходов государства для целей его социально-экономического развития. Автором использованы работы курских исследователей Н.Г. Кононова, С.А. Никифорова, А.А. Проскурина, а также материалы Государственного архива Курской области, дано описание проверок Министерством финансов РСФСР и Министерством государственного контроля РСФСР организации налогового дела в Курской области за период 1945 года и частично 1946 года. В исследовании использованы методы описания и анализа доступных материалов. Автор пришел к выводам об объективной необходимости проведения в первый послевоенный год внешнего контроля (ревизии) республиканскими министерствами работы курских налоговиков, серьезности вскрытых нарушений законности организации налогообложения и самого налогообложения, недостаточном контроле руководством Налогового отдела Курского областного финансового отдела за работой подчиненных ему должностных лиц районных финансовых отделов.

Ключевые слова: военный налог, контроль налогообложения, Курская область, Министерство государственного контроля РСФСР, Министерство финансов РСФСР,

налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, налоговое дело, оккупационный период, сельскохозяйственный налог.

THE FIRST POST-WAR (1946) INSPECTIONS OF THE ORGANIZATION OF TAX BUSINESS IN THE KURSK REGION BY THE CONTROL MINISTRIES OF THE RSFSR

A.M. Borisov

Chairman of the KRO LLC "Association of Legal Historians"

andrei_borisov@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the consideration of some issues of the activities of the tax divisions of the regional financial department of the Kursk Regional Executive Committee of the Council of Working People's Deputies relating to the post-war 1946. The relevance of the topic is explained by the special importance of the work of tax authorities to ensure state revenues for the purposes of its socio-economic development. The author used the works of Kursk researchers N.G. Kononova, S.A. Nikiforova, A.A. Proskurin, as well as materials from the State Archive of the Kursk Region, a description of the inspections by the Ministry of Finance of the RSFSR and the Ministry of State Control of the RSFSR of the organization of tax affairs in the Kursk Region for the period 1945 and partly 1946 is given. The study used methods for describing and analyzing available materials. The author came to the conclusions about the objective need for external control (audit) by the republican ministries of the work of the Kursk tax authorities in the first post-war year, the seriousness of the revealed violations of the legality of the organization of taxation and taxation itself, insufficient control by the management of the Tax Department of the Kursk Regional Financial Department over the work of the district financial officials subordinate to it departments.

Keywords: military tax, tax control, Kursk region, Ministry of State Control of the RSFSR, Ministry of Finance of the RSFSR, tax on bachelors, single and small-family citizens, tax affairs, occupation period, agricultural tax.

Предваряя материал общей характеристикой довоенной и, с учетом причиненного ущерба народному хозяйству и населению, послевоенной экономики региона отметим, что по свидетельству Н.Г. Кононова, экономический потенциал Курской области к началу Великой Отечественной войны возрос многократно по сравнению с началом 20-х годов XX века (к 1941 году численность населения области, включающей территории Белгородской области и некоторых районов Липецкой и Орловской областей, составляла более 3 млн человек, в том числе 2,8 млн сельского населения; 495 076 крестьянских хозяйства были объединены 5 261 колхозов и 55 совхозов; работали 178 машинно-технических станций, 36 мастерских капитального ремонта техники, 146 мастерских текущего ремонта и один ремонтный завод; в хозяйствах насчитывалось крупного рогатого скота – 738 535 голов, свиней – 462 630, овец и коз – 925 927, лошадей – 356 036 [1, с. 17]; работали 831 крупное предприятие, в том числе 19 сахарных заводов; техническая вооружённость хозяйств составляла по тракторам – 16 680, комбайнам – около 4 000, автомобилям – более 1 000 [2, с. 44-45]; в 1940 году область произвела около 767 тыс. тонн хлеба, более 261 тыс. тонн мяса,

481 548 гектолитров молока, почти 508 тонн шерсти, 14 млн центнеров сахарной свеклы [1, с. 16]).

Курская область, на территории которой проходили многочисленные бои и одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны была опустошена и позднее отнесена к наиболее пострадавшим регионам (население сократилось на 537,1 тыс. человек [3, с. 71]; по докладу областной Чрезвычайной комиссии об итогах учёта ущерба злодеяний, причинённых немецко-фашистскими захватчиками, народному хозяйству и гражданам Курской области от 8 апреля 1945 года, общий ущерб по области «составлял 14 888 979 тыс. рублей. Уничтожено жилых построек 65 054, подсобных построек 53 129, КРС (крупного рогатого скота – авт.) 120 384 голов, свиней 26 743, овец и коз 136 220, лошадей 7 021 голов, пчелосемей 21 976, зерна 147 889 тонн, муки 3 094, картофеля и овощей 228 531, других продуктов 40 189 тонн» [1, с. 148]). Эти данные уточнялись и по 137 345 представленным актам ущерб был оценен в размере 26 819 678 тыс. рублей, количество уничтоженных строений составило более 81 тыс., уничтожено 284 120 голов КРС, 322 489 лошадей, 256 276 свиней, 427 254 овец и коз, разной птицы – 1 281 089, промышленность области в 1943 году дала лишь 8% от довоенного уровня валовой промышленной продукции [3, с. 71-72].

С освобождением территории Курской области от немецко-фашистских захватчиков с февраля 1943 года постепенно возобновлялась трудовая жизнь населения. С этого же месяца в Курске приступили к работе работники областного финансового отдела.

Экономические интересы страны определялись в первую очередь военными нуждами, поэтому особое внимание органов управления уделялось возобновлению производства на предприятиях промышленности и сельского хозяйства, а для финансовых органов основная задача не менялась – обеспечение государственных доходов Союза ССР.

Курский облфинотдел возглавлял З.А. Красавин, а начальником Налогового отдела облфо являлся И.К. Корсаков, которыми была организована разноплановая работа по решению этой задачи в сложившихся тяжелых условиях разрушенного хозяйства, недостаточного материально-финансового обеспечения и нехватки кадров.

Не касаясь всей работы облфо, отметим, что в относительно короткие сроки был сформирован штат налогового аппарата, неполный, но позволявший охватить все населенные пункты, организовывалась учеба и консультирование, ибо большинство работников не имели соответствующего опыта работы, решались вопросы размещения подразделений, в том числе в районах области, снабжения и налаживания взаимодействия с различными областными структурами, районными и поселковыми советами.

По всем основным вопросам и проблемам информация направлялась руководством облфо в Министерство финансов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (МФ РСФСР), которое отвечало за организацию поступления государственных доходов в

республиканский бюджет, и в начале 1946 года, исходя из объективной необходимости наладить эту работу в соответствии с правительственными установлениями, направило в Курскую область бригаду проверяющих.

Без всяких скидок проверялась работа с 1943 года по 1944 год частично, за 1945 полностью и частично за первый квартал 1946 года, ревизии подверглась работа налоговиков Ленинского и Сталинского районов г. Курска и Щигровского района.

Из материалов проверки следует, что областными финансовыми органами в 1-м квартале 1946 года было обеспечено выполнение квартального плана в целом на 109,4%, но при этом руководство Курского облфо превысило свои полномочия в части завышения для райфинотделов плановых заданий. Получив план поступлений налогов на 1 квартал 1946 года 7 января, 10 января в районы были направлены завышенные на 19,2% суммы по сельхозналогу, а по всем платежам превышение составило 6,3%, хотя имеющиеся инструкции устанавливали, что «изменение установленных сумм квартальных планов поступлений налогов и сборов может быть произведено по отдельным платежам... лишь при условии получения непосредственных указаний или разрешения вышестоящего финоргана на внесение этих изменений» [4, Л. 3].

Ревизорами отмечен крайне низкий уровень платежной дисциплины по первым срокам уплаты подоходного и местных налогов, которые уплатили немногие плательщики. В числе недоимщиков числились, например, председатели и бригадиры некоторых колхозов, редактор районной газеты по Щигровскому району и др. Сроки от момента составления описей для передачи дел в суд по двум делам составили 78 дней, по другим двум делам – 127 дней. Качество описей неудовлетворительное и иногда их составляли лица, не имеющие на это права. Судебные решения (исполнительные листы) реализуются также с недопустимой волокитой (по взысканиям на заработную плату недоимщиков 77 и 89 дней, а по двум делам вовсе не реализованы. В Щигровском районе не реализованы 41 исполнительный лист за 1944 г. и столько же за 1945 г. на сумму 265,2 тыс. рублей [4, Л. 3об, 4, 4об, 20].

Установлены факты просрочки представления налоговой отчетности, неведения некоторых книг по налоговой бухгалтерии, несоставления списков недоимщиков, запутанности лицевых счетов плательщиков, переплаты лицами, освобожденными от обложения, неначисления пени и т.д. [4, Л. 5, 6].

По сельскохозяйственному налогу не проводилось по некоторым хозяйствам предварительное обследование, не во всех сельсоветах проверены похозяйственные книги, некоторые хозяйства не учтены, выявлены случаи неучета скота, а также непредоставления льгот тем лицам, кому они положены и факты незаконного предоставления льгот. Так, по спискам райисполкомов на предоставление дополнительных льгот после их проверки Облфинотделом были исключены 2 189 хозяйств (льготируемая сумма – 1 038 тыс. рублей). Одновременно отмечалось, что по всем районам завершена работа по предоставлению льгот семьям погибших воинов и

инвалидов войны, и сложены недоимка по сельхозналогу с 439 хозяйств на сумму 305,3 тыс. рублей и оклад текущего 1946 года с 7 032 хозяйств на сумму 3 318,4 тыс. рублей [4, Л. 8, 8об].

По налогу на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, входящих в состав хозяйств колхозников и единоличников показано увеличение количества таких лиц с 61 442 до 110 045 человек, но зафиксированы факты обложения этим налогом женщин, не подлежащих обложению по возрасту. Незначительны поступления по государственному налогу на лошадей единоличных хозяйств, так как их всего выявлено 25 и во многих районах в таких хозяйствах лошадей просто нет [4, Л. 9, 9об].

Отмечены недостатки по самообложению (неправильно оформлены протоколы, в них не указано количество принимавших решение граждан, не установлены ставки самообложения, не указывалось на какие цели планируется расходование средств самообложения и др.). В некоторых колхозах запущено счетоводство, и они не присылали отчеты по подоходному налогу с колхозов [4, Л. 10].

По налоговому учету в городах области установлено, что увеличилось по сравнению с 1945 годом число домовладений (с 27 308 до 27 692), но в карточках выявлены недочеты (недоучет граждан и прав граждан на льготы), где-то отсутствовали инвентарные книги [4, Л. 11].

На рынках идет перепродажа фабричных изделий (спекуляция) [4, Л. 13об]. Возросло количество плательщиков подоходного налога с населения (кроме рабочих и служащих) с 18 228 до 19 936 человек на селе и 8 070 до 11 007 в городах, налога со строений – с 18 575 до 19 460 человек, кустарей и ремесленников – с 169 до 314 (сапожники, по пошиву головных уборов, слесарь, по выпечке булочек и ржаных пирожков, конфетчики) и по отдельным кустарям Ленинского, Сталинского районов г. Курска и г. Щигры установлено занижение райгорфинотделами облагаемого налога от 1 890 рублей сапожнику и 4 700 рублей мастеру по пошиву головных уборов до 21 010 рублей для выпекающих пирожки и 64 190 рублей для конфетчиков, на 8 900 рублей слесарю [4, Л. 14об, 15, 15об].

Оценки их облагаемого дохода производились путем обследования и уточнения выработки и реализации с сопоставлением этих данных с понесенными по промыслу расходами (количество и стоимость сырья).

Также увеличился состав священнослужителей с 23 до 26 человек, обложение которых осуществлялось на основе их показаний и записей о получаемых суммах. Установлено, что доходы священника кафедрального собора И. оказались стабильными за 1944, 1945 и 1946 гг., но они не подтверждались какими-либо контрольными материалами. В Николаевской церкви (Сталинский район) был заявлен пониженный в сравнении с прошлым годом причтовый доход в размере 34 504 рубля и, исходя из количества проданных просфор и иных треб доход был повышен до 46 788 рублей, и данное изменение не было обжаловано. Также был повышен с

43 279 рублей до 57 400 рублей облагаемый доход по церковной общине г. Щигры [4, Л. 16].

Общее количество предприятий, учреждений и организаций составило 6 351 (было проверено 3 558) с общим числом рабочих и служащих 178 645 (по лицевым счетам, проверено 117 433). Выявлено 2 733 ошибки в удержании налога с заработной платы рабочих и служащих (2,3% от общего количества проверенных лицевых счетов), 192 предприятия, задержавших перечисления по этому налогу. К ответственности были привлечены 62 главных и старших бухгалтеров [4, Л. 17об].

Ревизоры вскрыли серьезные недостатки при организации обложения рыночных торговцев разовым сбором. Так, проверка на Дзержинском рынке г. Курска, проведенная 31 марта 1946 года, показала, что разовым сбором были охвачены только 62 человека из 425 проверенных или 14,3%. В следующие дни на рынках выявлялись факты сборов по повышенным ставкам, хотя они решением Курского Облсполкома от 27 марта 1946 года были снижены.

В 1945 году во всех судах (областном и иных народных судах), в органах записи актов гражданского состояния и нотариальной конторе были проведены пошлинные ревизии и установлены факты нарушений при взимании пошлины, в том числе выявлено присвоение заведующей Ленинского бюро ЗАГС 1 695 рублей. Были выявлены нарушения в работе по жалобам – некоторые жалобы не регистрировались и не рассматривались в установленные сроки, или по ним выносились неправильные решения, в том числе о красноармейским жалобам [4, Л. 19, 19об, 20об].

Одно из важных направлений работы проверяющих – положение с ревизиями касс налоговых агентов. Отмечалось, что в некоторых районах полного охвата ревизиями этих касс не обеспечено и, как итог в 1945 году ежеквартально росло количество нарушений и сумм растрат: 1 квартал – 15 случаев на сумму 89,5 тыс. рублей, 2 – 22 случая (68,1 тыс. рублей), 3 – 21 (70,3 тыс. рублей), 4 – 48 (267,1 тыс. рублей). По Медвенскому району сплошная проверка по квитанциям, находящимся на руках у налогоплательщиков, выявлены злоупотребления и растраты за 1943, 1944 и 1945 годы у 10 налоговых агентов из работавших 22 на общую сумму свыше 250 тыс. рублей [4, Л. 22об].

По результатам проведенной ревизии проверяющие подготовили предложения по устранению недостатков, и одна из установленных причин ненадлежащей организации дел состояла в принятии бывшим заведующим Облфо Макеевым распоряжения о приеме платежей налоговыми инспекторами и их помощниками. В Облфо был составлен план работы по воплощению этих предложений по акту ревизии в жизнь, принято решение об отмене подобной практики приема платежей, и они стали приниматься через кассы Госбанка.

В мае месяце проверенные райфинотделы отчитывались об устранении недостатков и, например, по Курскому горфо (Трескин) было установлено,

что коренного улучшения работы не произошло, недоимка по налогам увеличилась на 131 тыс. рублей, в налоговой бухгалтерии по Сталинскому району не велась две книги сводных итогов. Приказом Облфинотдела заведующему было указано на непринятие должных мер, и он был предупрежден о более строгом взыскании в случае неисpravления положения дел в ближайшее время, а заведующий налоговым сектором (Костин) был освобожден от работы [4, Л. 93, 93об]. Принимались соответствующие меры к руководителям других райинотделов.

Министерство финансов РСФСР держало на контроле работу по устранению недостатков и 3 мая 1946 года в Облфо поступило письмо, где указывалось на непринятие мер о ликвидации недоимки, сумма которой достигла 20 432 тыс. рублей, и отсутствие доклада об устранении недостатков, также выражалась просьба ускорить высылку доклада, что было исполнено 13 июня 1946 года [4, Л. 102-103].

Однако более строгой и детальной оказалась проведенная по приказу Министра государственного контроля РСФСР проверка, осуществленная Заместителем Главного контролера МГК РСФСР И.А. Белобоковым. Она проводилась с 22 по 29 июня 1946 года и установила невыполнение планов поступления налогов за 2, 3 и 4 кварталы 1945 года, рост недоимки до 30 122 тыс. рублей (наибольшие суммы недоимки образовались Больше-Солдатском – 803,9 тыс. рублей, Конышевском – 1 406,9 тыс. рублей и Льговском районах – 1 467,9 тыс. рублей), непринятие мер по взысканию недоимки и в Советском районе занижение райфинотделом представляемых в Облфо сумм недоимки (Советский район), невыполнение 1 123 решений нарсудов о взыскании штрафов на сумму 1 820,4 тыс. рублей, ненадлежащая работа по спискам для исчисления сельхозналога за 1945 год (Чернянский райфо – утверждено лишь 2 списка из 30, Обоянский – 6 из 12, Советский районы), что имело итогом пропуски объектов обложения. В Советском районе не освобождены от обложения сельхозналогом 3 льготника, в семьях которых нетрудоспособны 14 человек, в том числе дети до 12 лет, но там же незаконно освобождены 13 хозяйств на сумму 4 212 рублей. В Обоянском районе освобождены от уплаты сельхозналога и военного налога как семьи военнослужащих и пострадавших от оккупации 27 хозяйств, не имевших права на получение льгот, еще 17 хозяйств освобождены от уплаты этих налогов на сумму 9 126 рублей в порядке предоставления дополнительных льгот, хотя они не были включены в списки лиц, имеющих на это право. В Советском и Чернянском районах в описи имущества, подлежащего изъятию за неуплату налогов включали имущество не подлежащие изъятию по закону (дома, единственные коровы и др.), но 68 подлинных актов описей имущества участковыми налоговыми инспекторами уничтожено, Налоговым отделом Облфо своевременно не рассмотрены 51 заявление плательщиков и имеет место нарушение сроков рассмотрения обращений (до 5 месяцев), аналогичное положение дел в районах. В Обоянском районе квитанции выписывались плательщикам с многочисленными нарушениями (без печати,

с записью карандашом, с исправлениями и подчистками) и по двум сельским советам пропали 720 корешков квитанций. Облфо не обеспечил соблюдение установленного порядка ревизии касс налоговых агентов и вскрытия широко развитой практики присвоения налоговыми агентами собранных платежей.

Несгораемыми ящиками налоговые агенты не обеспечены, деньги хранят дома в сумках, портфелях и в ящиках столов. Налоговыми работниками райфинотделов совершено в 1945 году 106 фактов растрат денежных средств на сумму 495 017 рублей, а в 1 квартале 1946 года 82 растраты на сумму 530 120 рублей. Облфинотдел не проводил своевременно ревизий налоговой работы финотделов, а проводимые Налоговым отделом Облфо обследования были поверхностными и не вскрывали нарушений. По некоторым докладным запискам старших инспекторов и ревизоров, выявлявших различные нарушения, ни начальник Налогового отдела, ни заведующий Облфо мер не принимали. Установлены факты существенного занижения сумм налогов в лицевых счетах плательщиков при уплате по квитанциям или указании в списках плательщиков более высоких сумм. Выявлены и другие нарушения [4, Л. 119, 119об, 120, 120об, 121, 121об, 122].

Объяснения начальника Налогового отдела Облфо состояли в следующем: рост недоимки связан с увеличением норм доходности и отрывом финансовых работников на длительный срок ради спасения урожая; неоформлением актов по безденежным недоимкам; взыскание штрафов осложнено загруженностью работников, некачественным составлением описей органами госзаготовок и дублированием ими работы финорганов; недоучет объектов обложения связан с неисполнительностью заведующих райфинотделами, неукомплектованностью и малообученностью работников; затрудняют работу затягивание сроков высылки в райфо необходимых материалов, недостаточное материальное обеспечение (отсутствие бумаги; в подтверждение данного обстоятельства добавим, что в архивах имеются документы, оформленные на обойной бумаге). В конце документа И.К. Корсаков указывает на некомплект Налогового отдела Облфо (по штату 21, а налицо – 13 работников, ревизоров о штату 7, а в наличии всего 2), признает недостатки, в том числе в личном руководстве, которые частично объясняются его заболеванием крупозным воспалением легких и плевритом [4, Л. 123-125].

В Докладной записке заведующего Облфинотделом З.А. Красавина в Министерство Государственного контроля РСФСР приведены объяснения по некоторым фактам, выявленным проверкой. Подтверждалось невыполнение планов по налогам и рост недоимки и обращалось внимание на выполнение планов за 1 квартал 1946 года на 110%, за 2 квартала – на 101%, снижение недоимки за 5 месяцев 1946 года до 10 593 тыс. рублей. Поэтому он не соглашался с выводом о непринятии мер по сокращению недоимки. По нарушениям в работе с описями уточнялось, что по таким описям исполнение и передача их в суды не проводилось, имущество, неправильно внесенное в описи не изымалось. Во всех случаях растрат материалы

передаются судебно-следственным органам на предмет привлечения виновных к уголовной ответственности.

Также обращалось внимание на недостаточную квалификацию работников: из 1170 агентов не имели среднего образования 830 человек, из 268 человек налоговых инспекторов – 217 человек, из 68 человек старших налоговых инспекторов – 44 человека [4, л. 126-127].

По итогам последней проверки состоялись три приказа по МГК РСФСР. В приказе от 16 июля 1946 года № 560 «О неправильном лишении льгот по денежным налогам граждан, пострадавших от немецкой оккупации, нарушении установленного порядка взыскания налогов и хищении государственных средств в Чернянском районе Курской области» указывалось, что контролером МГК РСФСР Мартыненко Я.Ф. установил ряд упущений со стороны заведующего райфинотделом Полукаровым М.Ф., в результате чего: 376 хозяйств, пострадавших от немецкой оккупации, не получили льгот по сельхозналогу и военному налогу на 227 тыс. рублей, и из взысканных с них 134 тыс. рублей райфинотдел возвратил только 300 рублей; установленный порядок взыскания платежей не соблюдался и в погашение недоимок описывалось имущество, не подлежащее изъятию, из 144 проверенных описей составлено с нарушением 77 описей; ревизии касс налоговых агентов производились поверхностно, что привело к злоупотреблениям и хищению денежных средств работниками райфо (в приказе они названы), которые присвоили 23 704 рубля. Заведующему райфо был объявлен строгий выговор и восемь сотрудников арестованы [4, Л. 130-131].

Следующий приказ от 17 июля 1946 года № 561 «О незаконном применении принудительных мер взыскания налогов и непредставлении установленных льгот семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны в Советском районе Курской области» указано, что при проведении ревизии помощник контролера МГК РСФСР Мишустин В.И. установил систематические нарушения установленного законом порядка взыскания невнесенных в срок налогов со стороны заведующего райфо Петрищева И.Ф., его заместителя Алтунина А.С. и старшего налогового инспектора Трубникова К.П. Нарушения состояли: в незаконном составлении и передаче в суд 30 описей из 33 проверенных за 1 полугодие 1946 года, последующем, после погашения недоимки, уничтожении многих описей, а также уничтожении 68 из 118 произведенных описей за 1945 год и 1 полугодие 1946 года; в непредоставлении положенных льгот 13-ти хозяйствам на сумму 4 212 рублей. Заведующему райфо и старшему налоговому инспектору был объявлен строгий выговор, заместитель заведующего райфо отстранен от занимаемой должности [4, Л. 134-134об].

Третий приказ от 20 июля 1946 года № 568 «Об извращении налогового законодательства, злоупотреблениях и массовом хищении государственных средств в Обоянском районе Курской области» был самым «разгромным». Из материалов контролера МГК РСФСР Рахманова Ф.Г. следовало, что

заведующий райфо Иванюков И.П. допустил извращения постановления СНК СССР от 20 февраля 1945 года № 317 «О проведении государственных и местных налогов и сборов на территории, освобожденной от немецкой оккупации», в результате чего члены семей военнослужащих, бывших партизан и граждан, пострадавших от немецкой оккупации были лишены законных льгот по налогам за 1945 год. Установлено, что: райфинотделом не был возвращен 278 хозяйствам взысканный с них сельхозналог в сумме 130 983 рубля, а в феврале 1946 года он представил в райисполком проект решения о предоставлении таких льгот другим, якобы пропущенным 278 хозяйствам, с которых в итоге были незаконно списаны как с недоимщиков 130 983 рубля сельхозналога; 420 хозяйств подлежали освобождению от военного налога и налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан на сумму 88,5 тыс. рублей, но райфо их об этом не известил и не возвратил им собранные 59,4 тыс. рублей; из 251 акта ревизии касс налоговых агентов за 1944-1946 годы формально рассмотрены и утверждены только 34 акта, ревизии производились поверхностно и по сути прикрывали хищения государственных средств, совершенные налоговыми агентами путем подделки денежных документов, фиктивных записей в лицевых счетах и незаконного взыскания налогов с освобожденных хозяйств.

Так, налоговый агент Е. систематически уменьшала принятые от населения Павловского сельского совета платежи и подделала 60 копий квитанций, присвоив 13 832 рублей. Став участковым налоговым инспектором, она продолжила злоупотреблять своим положением, совершая хищения и покрывая подчиненных налоговых агентов. По тому сельсовету сменившая ее налоговый агент С. совершала незаконные взыскания, подделала 54 копии квитанций, присвоив 11 376 рублей, путем фиктивных записей в лицевых счетах плательщиков списала платежи с родственников и знакомых на сумму 3 533 рубля.

Налоговый агент Б. таким же способом за два года подделала 246 квитанций и присвоила 49 660 рублей, искусственно подвела под льготы ряд хозяйств, с которых затем взыскала и присвоила 11 298 рублей, указала заведомо неверный состав своей семьи, чем освободила свое хозяйство от сельхозналога на сумму 1 468 рублей, незаконно взыскала с льготников 2 578 рублей, присвоив 2 288 рублей. Впоследствии она скрылась.

Старший инспектор Д. и участковый инспектор Е. с целью сокрытия преступлений, совершенных налоговым агентом Б. изъяли у плательщиков с. Каменки платежные квитанции и уничтожили их.

Кроме указанных работников подобными злоупотреблениями и хищениями занимались еще 15 других налоговых агентов, присвоивших 361 728 рублей, за что 10 из них были арестованы и 5 из них скрылись. Таким образом у 18 из 29 налоговых агентов выявлены подобные нарушения на общую сумму 438 022 рубля.

Заведующий Обоянского райфо был отстранен от должности и привлечен к судебной ответственности, заместителю председателя

Обоянского райисполкома Курской области Афанасьеву И.З. был объявлен строгий выговор, к судебной ответственности были привлечены четверо вышеуказанных работников [4, Л. 138-139].

Министерством государственного контроля в отдельном письме от 27 июля 1946 года «О результатах ревизии правильности проведения налогов и сохранности государственных средств в финорганах Курской области» была неудовлетворительно оценена деятельность Облфинотдела и его руководству предложено принять меры к упорядочению налоговой работы и отчитаться по принятым мерам по устранению недостатков к 10 октября 1946 года. На письме выведены резолюции, в т.ч. заведующего Облфо З.А. Красавина «Т. Корсаков. Подготовить письма районам по ревизии Госконтроля, а то в октябре отчитываться» [4, Л. 142].

Только через месяц (23 августа 1946 года) состоялся приказ Министерства финансов РСФСР по результатам им проведенной проверки, также описывающий состояние дел и предусматривающий меры ответственности должностных лиц.

Резонансное значение проведенных проверок проявилось в рассмотрении их результатов в областных и районных исполнительных органах. Так, выписка из Протокола № 24 заседания Исполкома Чернянского райсовета депутатов трудящихся от 31 августа 1946 года информирует о рассмотрении вопроса «О ходе мобилизации денежных средств III квартала 1946 г.» и признании неудовлетворительным выполнения финансового плана по всем видам платежей (57%) и взносов по займу «Восстановление и развитие народного хозяйства СССР» (76%). Отмечалось также, что председатели сельсоветов не занимаются финансовой работой, актив села не работает в этом направлении, массово-разъяснительная работа не ведется, вскрыты факты сокрытия объектов обложения по сельхозналогу еще в нескольких сельсоветах [4, Л. 166-166об].

Рассмотрим один из отчетов райфинотделов по принятым мерам. Например, Чернянский райфо письмом от 17 сентября 1946 года сообщал об устранении недостатков, в том числе о возврате 358 хозяйствам переплаченных ими сумм по сельхозналогу в размере 135 247 рублей 24 копейки и 44 хозяйствам – по военному налогу в размере 7 297 рублей. Взыскано с бывших налоговых агентов 8 459 рублей 34 копейки, за ними осталась невзысканная сумма в размере 22 330 рублей 10 копеек, а сами они находятся в заключении, следствие закончено и в ближайшее время материалы будут переданы в нарсуд [4, Л. 158-161].

В рамках контроля велась активная переписка между финорганами. Так, в письме Облфо на имя Заведующего Чернянским райфо Полукарова М.Ф. отмечалось, что по докладу инспектора Налогового отдела актив одного из сельсоветов в количестве 102 человек не рассчитался с налогами на сумму 62 тыс. рублей, а в некоторых сельсоветах актив вообще не приступил к его уплате. Исчисление этого налога завершено с опозданием на десять дней, по семи сельсоветам выявлены пропуски 100 хозяйств, неучет садов на

1,04 га, пчелосемей – 86, коров – 6, овец и коз – 145, обревизованы кассы лишь 10 налоговых агентов из 30. Облфо обязывал заведующего райфо поставить вопрос перед исполкомом райсовета об исполнении налоговых обязательств сельским активом, завершить сбор сельхозналога и провести ревизии касс оставшихся налоговых агентов [4, Л. 169].

Информация об устранении недостатков поступала в течение сентября месяца, в этот же период проводились проверки отмеченных приказами МГК РСФСР райфинотделов и выявлялись факты неисполнения требований вышестоящих финансовых органов.

Отчет Облфо был направлен в МГК РСФСР 9 октября 1946 года и информировал о детальной проработке актов ревизий и приказов министерства, рассылке по всем райфинотделам писем о вскрытых нарушениях и требованиях об улучшении работы, о проведении последующих проверок в Советском, Чернянском и Обоянском финотделах. Сообщалось, что в 78 районов были командированы 72 работника Облфо и других контролирующих структур, направлено в районы письменных указаний от Облфинотдела – 9, Исполнительного комитета Облсовета – 6, Областного комитета ВКП (б) – 1, были заменены заведующие райфо в Больше-Солдатском и Льговском районах как не обеспечившие проведения налоговой работы, снята с работы за бесконтрольность в проведении налогов и сохранности средств, собираемых налоговыми агентами заведующая Беловским райфо, сняты с работы и привлечены к судебной ответственности бывшие заведующие Коньшевским и Пристенским райфо, сняты с работы или привлечены к дисциплинарной ответственности работники нескольких райфинотделов. Завершался отчет словами о значительном улучшении всей налоговой работы, в том числе работы по обеспечению сохранности государственных средств [4, Л. 175-177об].

Анализируя представленный архивный материал, нельзя не отметить, что на работников курских налоговых органов возлагался большой объем работы и основная их часть добросовестно выполняла свои обязанности, что подтверждают суммы поступлений в государственный бюджет за 1945 год от всех плательщиков Курской области – 380 470 тыс. рублей [4, Л. 2]. Трудящиеся Курской области, несмотря на огромный ущерб, причинённый её экономике в оккупационный период, личные утраты и имущественные потери, вносили значительный трудовой и финансовый вклад в государственный бюджет Союза ССР и восстановление экономического потенциала социалистического Отечества.

Растраты и хищения в совокупности составляют незначительную долю от вышеприведенного показателя государственных доходов, но в известных сложившихся условиях организация налогового дела в Курской области действительно нуждалась в корректировке внешними контрольными структурами республиканского значения и проверяющие от Министерства финансов РСФСР и Министерства государственного контроля РСФСР проявили высокий профессионализм и объективно требуемую

принципиальность столь детально обследовав состояние дел и отразив недоработки и нарушения в заключительном акте по итогам проверки руководствуясь главным принципом – принципом обеспечения законности налогообложения.

Очевидно, что многочисленные факты нарушений не могли объясняться только простыми ошибками, они могли быть связаны и во вскрытых фактах злоупотреблений были связаны с корыстными побуждениями некоторых работников налоговых органов. Оценивая качество управления налоговым делом нельзя не констатировать ослабление контроля со стороны Налогового отдела областного финотдела за деятельностью подчиненных должностных лиц районных подразделений.

Также важно подчеркнуть, что, во-первых, по всем выявленным фактам злоупотреблений виновные понесли заслуженное и предусмотренное законодательством наказание. Во-вторых, по итогам проверок властями принимались практические меры к возмещению причинённого ущерба тем налогоплательщикам, чьи права были нарушены. В-третьих, проведенный анализ позволяет говорить о бездоказательности утверждений как о пассивности органов республиканского финансового и государственного контроля, так и о низком уровне правоохраны социалистических общественных отношений. В-четвертых, констатируя обременительность налоговых норм для курских тружеников села, неоспоримы факты серьезной поддержки государством сельскохозяйственного производства в области и внимания к семьям, перенесшим оккупацию, имевшим членов семей, проходящих военную службу, инвалидам Великой Отечественной войны, проявившемуся в предоставлении им ряда льгот о налогах. В-пятых, мы не можем согласиться с мнением, отрицающим эффективность действия норм социалистического права в этот период.

Список литературы

1. Кононов Н.Г. Курская деревня в годы великих испытаний 1941-1945 гг. Изд-во ООО «Мечта». – Курск, 2015. – 616 с.
2. Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 гг.: дис. на соискание уч. степени канд. историч. наук. – Курск, 2003. – 253 с.
3. Проскурин А.А. Основные задачи органов власти на освобождённой территории Курской области в годы Великой Отечественной войны // Правда истории: Сб. науч. статей. Выпуск VIII / Под ред. Г.А. Салтык. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. – 154 с.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 4036. Оп. 2. Д. 537.

СТАРООСКОЛЬСКОМУ ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМУ КЛУБУ «ПОИСК» – 55!

В.П. Брендель

Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)
федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Национальный исследовательский технологический
университет «МИСИС»
Kovtun2004@mail.ru

Аннотация: В статье обобщается опыт деятельности старооскольского историко-патриотического клуба «Поиск» по поиску и увековечению памяти погибших воинов в годы Великой Отечественной войны в Белгородской области. Автором изучены архив основателя поискового движения в регионе, материалы текущего архива старооскольского клуба «Поиск», отчеты экспедиций за все годы деятельности старооскольских поисковиков. Старооскольские поисковики за 55 лет непрерывной деятельности проделали огромную работу по поиску и увековечению памяти о павших защитниках Родины.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, поисковое движение, сохранение исторической памяти.

STAROOSKOLSKY HISTORICAL AND PATRIOTIC THE SEARCH CLUB IS 55!

V.P. Brendel

Starooskolsky Technological Institute named after A.A. Ugarov (branch) of the
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National
Research Technological University "MISIS"
Kovtun2004@mail.ru

Abstract: The article summarizes the experience of the Starooskolsky historical and patriotic club "Search" in the search and perpetuation of the memory of fallen soldiers during the Great Patriotic War in the Belgorod region. The author studied the archive of the founder of the search movement in the region, the materials of the current archive of the Starooskolsky club "Search", expedition reports for all the years of activity of the Starooskolsky search engines. Over 55 years of continuous activity, Starooskolsky search engines have done a great job in searching for and perpetuating the memory of the fallen defenders of the Motherland.

Keywords: Great Patriotic War, search movement, preservation of historical memory.

На современном этапе большое внимание уделяется сохранению исторической памяти, патриотическому воспитанию молодежи. Великая Отечественная война не обошла стороной наш город – Старый Оскол. В июне 1942 года здесь произошла большая трагедия. В Старооскольском районе в окружение попали части 40-й и 21-й Армий, которые понесли

огромные потери [1, с. 35-43]. Сколько же было погибших? Эти данные не удастся уже восстановить. С послевоенных лет остается важнейшая проблема – это поиск незахороненных останков павших и без вести пропавших солдат. Даже после стольких лет поисковой работы, которая берет свое начало с 1970 годов в стране не имеется информации о количестве погибших и пропавших без вести в боях годы Великой Отечественной войны. В это время начались походы по местам боевой лавы, встречи с ветеранами – участниками войны, переписка с ними и их родственниками. Данное движение на тот момент развернулось активно по всей стране. Такие клубы были созданы в каждом уголке нашей Родины. Но и сегодня остается делом чести достойное захоронение павших воинов, и увековечение их имен. К началу 1990-х гг. из 8 668.4 тысяч погибших воинов не установлено было около 2 миллионов имен в воинских захоронениях [1, с. 538].

Поисковики Старооскольского историко-патриотического клуба «Поиск» поисковую работу начали вести одни из первых.

В 2023 году члены клуба «Поиск» отметили свой юбилей – 55 лет [4, с. 298], организатором которого был Эдуард Иванович Григорьев, Почетный гражданин города Старый Оскол и Старооскольского района. Э.И. Григорьев родился 2 февраля 1928 года в Донецкой области в г. Дебальцево. В боях с фашистами погибли его отец и дядя. Как и принято, по военному времени в военные годы работали и женщины и дети. Так и Эдуард с такими же подростками, как и он, вошел в состав группы минеров, прошел непродолжительное обучение и вскоре стал заниматься разминированием и уничтожением оставшихся после боев взрывоопасных грузов и находок. Эти навыки пригодились ему позже в поисковой работе. В 1968 г. Э.И. Григорьеву, фрезеровщику механического завода города Старый Оскол пришла идея создания городского общественного клуба по поиску воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. 19 августа 1968 года данный вопрос был поставлен в повестку дня заседания бюро Старооскольского городского комитета комсомола. Идея была одобрена, данная дата стала считаться днем основания общественной организации молодежи г. Старый Оскол – клуба «Поиск». Девизом поисковиков стали слова: «На наших полях гремела война, неизвестным героям вернем имена!» [3, с. 38].

В ноябре 1994 года на базе Старооскольского городского общественного клуба «Поиск» было учреждено Белгородское областное общественно-патриотическое объединение (БООПО) «Поиск» (ныне – Белгородская региональная общественная организация «Историко-патриотическое объединение «Поиск»). Председателем правления был избран Иван Иванович Андреев, один из первых членов старооскольского клуба «Поиск». Этот пост он занимает по настоящее время.

С этого момента поисковики из Старого Оскола стали работать в составе областной организации поискового движения.

Благодаря стараниям Эдуарда Ивановича и членов клуба «Поиск», свыше 4000 воинов, погибших на территории Старооскольского района и долгое время числившихся без вести пропавшими, обрели имена, а также заняли свое место в братских могилах города и района.

«На территории Старооскольского района погибли тысячи советских воинов... Погибшие долгое время оставались лежать там, где их застала смерть: в траншеях, бомбовых воронках, присыпанных землей. На территории Старооскольского района погибли тысячи советских воинов... Погибшие долгое время оставались лежать там, где их застала смерть: в траншеях, бомбовых воронках, присыпанных землей. Первые поисковые работы велись в лесных урочищах Старооскольского района близ населенных пунктов Верхнее Чуфичево, Верхнеатаманское, Сорокино, Великий Перевоз, Шмарное, Новиково и др. [3, д.5]. Работы проводились и в самих населенных пунктах. В августе 1968 года была проведена первая поисковая экспедиция клуба «Поиск» В июне 1942 года у с. Нижнее Чуфичево шли кровопролитные бои. Участниками данной экспедиции были исследованы данные территории и в результате работы найдены 79 останков солдат, личные вещи и смертные медальоны. Останки погибших воинов были перезахоронены в братской могиле» [3, л. 117]. Для установления имен была проведена длительная и скрупулезная работа. Именно после этой работы поисковика начинается складывается архивная база, составляются акты, отчеты о проделанной работе и её результатах.

Старооскольские поисковики «по выходным дням работали с утра до вечера, часо под проливным дождем, стоя по колено в воде. Так, например, в октябре 1969 г. было извлечено 297 останков советских воинов [1, л. 119]. Братские могилы Ямской слободы г. Старый Оскол, села Нижнее Чуфичево приняли первые захоронения солдатских останков, найденных членами клуба «Поиск». В дальнейшем в урочище Селище, в Ямской и Атаманском лесах были обнаружены десятки останков советских воинов, погибших в июле 1942 г. – марте 1943 г. Останки были перезахоронены в братскую могилу сел Верхнее Чуфичево и Сорокино. В 1975 году в Атаманском лесу были обнаружены останки 89 советских воинов» [1, л. 121], погибших в июле 1942 г., когда части 21 и 40 армий прорывались из окружения к реке Оскол. Удалось установить имена только 5 воинов. Торжественное захоронение с воинскими почестями состоялось в братской могиле № 31 на юго-западной окраине г. Старый Оскол, у Атаманского леса.

«Свое первое захоронение солдатских останков поисковики произвели у стен цементного завода, когда при строительстве была найдена траншея с погибшими солдатами. А в 1975 году члены клуба установили у Атаманского леса небольшой обелиск, сварив его из кусков листового металла на механическом заводе, и с тех пор многие погибшие воины обрели под этим обелиском место последнего упокоения. Так у Атаманского леса возник настоящий мемориальный комплекс а в 2005 г. на этом месте был открыт воинский мемориал – сегодня, он является в Белгородской области самым

большим по численности в ней похороненных поисковиками погибших бойцов.

С 1975 г. ознаменован началом работы старооскольского городского военкомата на постоянной основе по составлению карточек на всех захороненных (известных и неизвестных), обнаруженных поисковиками на территории Старооскольского района. Во время поисковых экспедиций в 1976 г. были вскрыты захоронения советских солдат в с. Верхнее Чуфичево, с. Николаевка в урочище Липяг, в районе сел Бродок и Набокино, [6], в с. Верхне-Атаманское, Нижнее Чуфичево, Верхнее Чуфичево [7]. Удалось установить, что это были лыжники 6 отдельного лыжного батальона, освобождавшего г. Старый Оскол. Так, 12 августа 1977 г., произошло обнаружение 51 останков советских воинов при прокладке траншеи для кабеля около здания хирургического отделения Старооскольской больницы, в старой траншее времен Великой Отечественной войны, которые были расстреляны фашистами и умерших от ран в период оккупации города» [3, л. 3-4]. Братская могила у Атаманского леса уже не один десяток лет хранит останки красноармейцев поднятых поисковиками.

В 1983 г. к руководителю клуба «Поиск» Э.И. Григорьеву обратились жители бывшей слободы Ямской г. Старый Оскол о помощи благоустроить братскую могилу, где, по их воспоминаниям захоронено, около ста человек. Данная братская могила вообще нигде не значилась... Старооскольские поисковики во время работы обнаружили останки 129 воинов [2, с.192]. Членам клуба «Поиск» удалось восстановить, что там захоронены воины 6-й лыжной бригады бывшей 304-й дивизии, которые 29-30 января 1943 г. начали освобождение г. Старый Оскол.

Вот уже на протяжении многих лет поисковики Старого Оскола находят останки советских воинов, захоронение которых производят в братской могиле мемориала «Славы» у Атаманского леса. [4, с. 297-302]. Например, в оборонительных траншеях у Атаманского леса были обнаружены останки более 1500 советских воинов, только часть фамилий восстановлена по нагрудным капсулам, архивным документам в Москве, Ленинграде, Подольске.

За всем этим стоит многолетняя, кропотливая работа, написаны и получены тысячи писем, прошли множество интересных встреч с родственниками погибших. Письма с благодарностями в адрес клуба «Поиск» идут и сегодня.

Старооскольские поисковики включились в работу по подготовке материалов для Книг Памяти [4, л. 40]. Много времени уделял работе по созданию Книг Памяти Э.И. Григорьев, окончивший к этому времени исторический факультет Воронежского государственного университета. Он вместе со старооскольскими поисковиками тщательно обследовал многие районы боевых действий в Белгородской области, работал в архивах, изучал материалы школьных музеев, вел переписку с ветеранами Великой Отечественной войны, их родственниками по крупицам собирая данные о

погибших и пропавших без вести. Огромный массив установленных имен был передан им в редколлегии и координационные группы Книг Памяти разных регионов. В 1993–1995 годах было издано по Белгородской области пять томов «Книги Памяти», в которую внесены фамилии более 197 тысяч жителей области [2, с. 15], в том числе по Старооскольскому району – 15 048, погибших на полях сражений [2, с. 288].

Старооскольские поисковики совместно с другими членами БРОО ИПО «Поиск» принимали активное участие в создании «Всероссийской электронной Книги Памяти».

Однако не только поисковой работе останков и увековечению имен погибших воинов посвящена деятельность членов клуба. Поисковики, особенно в первые годы своей деятельности, обнаруживали и обезвреживали многочисленные взрывоопасные предметы (бомбы, мины, запалы, толовые шашки, боеприпасы различных орудий) времен Великой Отечественной войны на старооскольской земле. Члены клуба «Поиск» были награждены почетными знаками Министерства обороны «За разминирование». Среди них: Э.И. Григорьев, Д.В. Мишустин, В.В. Глазков, И.И. Андреев, Н.А. Ревякин, Вал.П. Прокудин, И.Л. Бородин, В.И. Кошкарлов, Р.И. Мелентьев и Ф.В. Простев. Впервые в России гражданские люди были удостоены этой военной награды.

Старооскольские поисковики особое внимание уделяют сохранению реликвий Великой Отечественной войны. В 1981 году по инициативе поисковиков был открыт общественный музей Боевой славы. Одним из активных организаторов музея был Д.В. Мишустин. В 2018 г. поисковики получили новое просторное помещение для клуба и общественного музея Боевой славы, в котором экспонируются военные реквизиты, найденные поисковиками во время экспедиций. Данные экспонаты бесценны. Они прямо из земли, прямо с поля боя попали в музей. Подлинность документов, фактов и подлинность исторических событий, что дает сегодня возможность увидеть своими глазами предметы, оружие, медицинские инструменты и многое другое времен Великой Отечественной войны.

«Поисковики старооскольского клуба «Поиск» пополняют фонды своего музея, помогают другим музеям страны в пополнении экспозиций по истории Великой Отечественной войны. Большое количество экземпляров разной военной техники поисковики Старого Оскола передали Старооскольскому краеведческому музею и в Белгородский музей-диораму «Курская битва. Белгородское направление», музей Центрального управления военных сообщений Министерства обороны, в Государственный исторический музей, Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник, в краеведческие музеи г. Старый Оскол, г. Белгорода, г. Корочи, в Государственный музей-заповедник «Прохоровское поле», в музей Боевой

славы городского военкомата и др. большое количество экспонатов было передано в советский период в школьные музеи и комнаты Боевой славы г. Старый Оскол и Старооскольского района». [3, с. 140]. Ценность экспонатов музея в том, что они взяты прямо из земли, с поля боя. У каждого экспоната своя история.

Неоценимы помощь, консультации поисковиков, особенно Д.В. Мишустина, И.И. Андреева, которую получают сотрудники краеведческого музея, а также организаторы других музеев и уголков боевой славы при описании музейных предметов военного времени. И.И. Андреев является уже много лет руководителем поискового движения в Белгородской области, Почетным дарителем музея диорамы «Курская битва. Белгородское направление».

Важен и воспитательный фактор деятельности членов «Поиска». В первые десятилетия деятельности клуба «Поиск» десятки трудных подростков прошли через поисковую деятельность, возмужали, повзрослели и изменили свою жизнь благодаря увлечению, ориентируясь на подвиги героев войны.

На протяжении 55 лет Старооскольские поисковики непрерывно ведут работу по поиску и увековечению памяти о павших защитниках Родины, создают Книги Памяти, музеев и залов Боевой славы советского народа. Они отдают много времени и сил воспитанию школьников и студенческой молодежи и др. Книга отзывов музея Боевой славы старооскольского клуба «Поиск» хранит записи благодарностей и теплых слов в адрес клуба и музея. На разных языках мира посетители и гости музея пишут о своих чувствах восхищения бескорыстной работы поисковиков по сохранению исторической памяти.

Какие изменения произошли в поисковом движении за последние годы? Прошло много лет со времен войны. Ушли из жизни фронтовики, уходят и свидетели тех лет, жители мест, на территории которых шли боевые действия. Если раньше поисковики опирались на рассказы местных жителей, то сейчас с этим сложно. Старооскольский клуб «Поиск» вышел на архивы Германии, которые достались нашим союзникам в годы Великой Отечественной войны. Андреевым И.И., и членами клуба были выкуплены аэросъемки, которые велись немцами по предполагаемым датам ведения боевых действий на территории области. Далее работа строится следующим образом: эти карты в соответствующем масштабе накладываются на современные карты региона. В результате поисковики видят ход боевых действий и дату, затем определяют точное место. Такой анализ в клубе идет на протяжении зимнего времени, когда раскопки вести невозможно. Уже за период с 1 по 10 апреля «ВВПОД Белгородской области» и БРОО ИПО «Поиск» провели поисковую экспедицию «Вахта памяти» в с. Волобуевка, в которой приняли участие семьдесят поисковиков. Найдено на этот раз 212 останков солдат, при них посмертных медальонов 23. Как было установлено - это красноармейцы 81, 124, 227 стрелковых дивизий. Зимой 1941 - 1942 гг.

наши воины пытались безуспешно отбить стратегически важный участок железной дороги Москва - Симферополь и станцию Сажное. Но с каждым годом, говорят поисковики, тяжелее становится установить личность погибшего, в связи с истлевшими посмертными записками.

Сегодня клуб «Поиск» ведет не только раскопки, а хранит и передает память и историю тех лет молодому поколению. Активно проводит экскурсии в музее «Боевой славы», устраивает встречи с учащимися школ города и региона. Также вовлекают в свою деятельность школьников и студентов проводя мастер - классы по восстановлению музейных экспонатов, по их реставрации, является участником проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Список литературы:

1. Всероссийская книга памяти, 1941-1945: Обзорный том. – М.: Воениздат, 1995. – 544 с.
2. Дригайло В. Поиск ведет поиск // Октябрьские зори. – 1986. – 13 декабря Книга Памяти. Белгородская область. Том VI. – Белгород. – 2005. – 192 с.
3. Мухина З. З. Это нужно живым... К сорокалетию организации поискового движения на Белгородчине. – Старый Оскол: РОСА, 2008. – 168 с.
4. Мухина З.З. «Вахты Памяти» старооскольского историко-патриотического клуба «Поиск» // История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: сборник научных статей участников Всероссийской научн.-практ. конф. с международным участием, посвященной 80-летию победы в Курской битве, 12-13 мая 2023 г. / ред. кол.: В.В. Коровин (гл. ред.) [и др.] – Курск: «Университетская книга, 2023. – С. 297–302.
5. Муниципальный архив г. Старый Оскол и Старооскольского района. – Фонд 15. Личный фонд Григорьева Эдуарда Ивановича (далее – МАСО). – Оп.1. – Д. 3.
6. Муниципальный архив г. Старый Оскол и Старооскольского района. Фонд 15. Личный фонд Григорьева Эдуарда Ивановича (далее – МАСО). Ф. 15. Оп.1., Д 5.
7. Муниципальный архив г. Старый Оскол и Старооскольского района. – Фонд 15. Личный фонд Григорьева Эдуарда Ивановича (далее – МАСО). – Оп.1. – Д. 22.
8. Муниципальный архив г. Старый Оскол и Старооскольского района. – Фонд 15. Личный фонд Григорьева Эдуарда Ивановича (далее – МАСО). – Оп.1. – Д. 53.

9. Текущий архив Белгородской региональной общественной организации «Историко-патриотического объединения «Поиск» (далее – ТАБОП). – Акт. Май. 1975 г.
10. Текущий архив Белгородской региональной общественной организации «Историко-патриотического объединения «Поиск» (далее – ТАБОП). – Акт. Апрель. 1976 г.
11. Текущий архив Белгородской региональной общественной организации «Историко-патриотического объединения «Поиск» (далее – ТАБОП). – Акт. Август. 1976 г.
12. Пушкаренко Е.А. Немецкая оккупация Старооскольского края (июль 1942 – февраль 1943 гг. // Оскольский край: Научный альманах. / Отв. ред.: З.З. Мухина – Вып. 2. – Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2007. – С. 35–43.
13. Пушкаренко Е. А. Немецкая оккупация Старооскольского края (июль 1942 – февраль 1943 гг.) // Оскольский край : научный альманах. Вып. 2. – Старый Оскол, 2017. – С. 42.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ С УЧЕТОМ СОХРАНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Н.В. Виницкая, Е.П. Шабалина

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени В.М. Шукшина»
natigor007@yandex.ru, shabalinaep@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается культурное наследие ценностей Алтая, проблема искусства, традиций региона. Проводится анализ социокультурной ситуации в художественной культуре Алтая, которая указывает на формирование восприятия современного мира. Описывается поиск художников-исследователей природных богатств. Особое внимание авторами уделяется культу природы, распространенному на Алтае.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, воспитание, традиции, этническая самобытность, искусство.

FORMATION OF MODERN CULTURE CONSIDERING THE PRESERVATION OF REGIONAL TRADITIONS

N.V. Vinitskaya, E.P. Shabalina

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy
natigor007@yandex.ru, shabalinaep@mail.ru

Annotation: the article examines the cultural heritage of Altai values, the problem of art and traditions. An analysis of the sociocultural situation in the artistic culture of Altai is carried out, which indicates the formation of the perception of the modern world. The search for artist-researchers of the natural resources of Altai is described. The authors pay special attention to the cult of nature, widespread in Altai.

Keywords: culture, cultural heritage, education, traditions, ethnic identity, art.

Реалии современного мира привели к четкому пониманию того, что без знания и осознания опыта прошлого нельзя понять современность и спроектировать её будущее развитие. Осознание необходимости прогресса, развития технологического в тоже самое время подводит к осознанию необходимости сохранения духовного наследия прошлого, бережного отношения к традициям, морально-нравственным, этическим и эстетическим ценностям, сформированным в ходе исторического развития народов. Стремление к толерантности и открытости границ, стремление к поиску большего количества точек соприкосновения в межкультурном диалоге не должно в тоже время приводить к обезличиванию и девальвация культурных ценностей отдельных национальных традиций. Именно поэтому как в культурной жизни страны, так и в системе отечественного образования уделяется огромное значение воспитанию и просвещению в области межнациональных отношений, этнопсихологии, знакомство с лучшими образцами культуры и искусства разных народов мира. Однако, умение понять и принять культуру других народов должна начинаться с умения понять культуру «родную». Именно поэтому вновь начинают уделять большое внимание развитию регионоведения, краеведения и других курсов, способствующих принятию культуры одного народа в «соседстве» с культурами других народов, проживающих на одной территории.

Особенность России как многонационального государства весьма способствует осознанию данных процессов. Не случайно и в перечне программ для «Ядра высшего педагогического образования» появляется курс «Основы государственной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений».

Нам видится, что опыт регионов, характерным признаком которых стали поликонфессиональность и полиэтничность, может стать хорошим примером объяснения формирования культуры современности с учетом сохранения традиций, следование своей культурной идентичности, не отрицая иных практик построения жизни, веры, культурной традиции.

Одним из таких регионов, несомненно, может стать Сибирь, огромная территория которой сохранила и не раз переосмыслила традиции разных этносов, религий. В искусствоведении даже появился термин «сибирский стиль», гласным признаком которого называется сохранение самобытных национальных традиций.

М.М. Щеглов, мастер книжной графики, художник-педагог, сформулировал свои представления о сибирском стиле, как о самобытном явлении в искусстве Сибири, подчеркивая «инородческие орнаменты, чисто сибирские формы растений и животных, инородцев с их своеобразными костюмами» [1, с. 3].

Начало XX века ознаменовалось появлением не только новописьменных культур на территории Сибири, но и формированием художественных школ, где народные традиции коренных народов Сибири стали интерпретироваться авторским видением профессиональных

художников, получивших образование в академических кругах российского художественного образования.

Одним из таких регионов стал Алтай (территория современного Алтайского края, Республики Алтай и частично Томской области, в начале XX века являвшейся губернским центром). Мощная и самобытная школа сформировалась на этой территории на протяжении XX века.

О необходимости анализа культуры данного региона, как центра между Востоком и Западом, А.М. Сагалаев указывал на необходимость осмысления творчества художников-современников с позиции художественного наследия прошлого [7, с. 10].

В исследовании Е.П. Маточкина прослеживается путь фольклорных и языческих художественных образов через долгий путь развития искусства на Алтае: от петроглифов эпохи ранней бронзы, через скифский звериный стиль и древнетюркские мотивы к творчеству первого художника Алтая Чорос-Гуркина до творчества наших современников [2, с. 24].

А.В. Эдоковым было выделено семь основных икон (образов-знаков), составляющих элементную основу звериного стиля. Среди них орнамент, травоядные, хищники, фантастические существа, птицы и рыбы. Могут формироваться и пары противоположностей (сцены терзания, символизирующие столкновения между природными стихиями) [3, с. 125].

Среди встречающихся образов есть второстепенные и доминирующие. Последние способствуют «космизации», упорядочиванию пространства, выполняя роль сакрального центра [4, с. 28]. Таким сакральным центром может стать священное дерево (подобный статус был у тополя или кедра, в более поздний период при формировании бурханизма данный статус обрела и береза). В другом варианте роль сакрального центра получали горы. Современные пейзажи и сейчас сохраняют нередко эту традицию – расположения в центре композиции горы, священной вершины.

Пользуясь терминологией Г. Гачева, можно определить эту черту как стремление сохранить Логос кочевника, издавна населявшего эти края, с особым почтением относящегося к природе [5, с. 6].

Анализируя творчество современных художников Алтая, невольно обращается внимание на преобладание такого жанра как пейзаж. Не натюрморт с его «умервщенной», подчиненной человеку природой, не бытовой жанр с его идеализацией предметной стороны жизни, не портрет с его восхищением человеком как вершиной мироздания. Но именно природа как высшая ценность, пронизанная гармоничным покоем и совершенством.

Есть, конечно, стилизованные работы Н. Чепокова, З. Ибрагимова, М. Чевалкова, Ю. Бралгина, содержащие архетип матери-природы или мудрого старца, но и они представлены на фоне природы как гармоничная ее часть. Особенно в работах Н. Чепокова и Ю. Бралгина изображение людей и предметов, гор и облаков соответствует тому «национальному пониманию миру», о котором писал Г. Гачев и которое сохраняется в лучших работах с национальным колоритом [5, с. 7].

Каждый народ видит мир особым образом. Мир кочевника – это соединение стихий и постоянное среди них пребывание. Неоднократно в пейзажах Алтая можно наблюдать, словно ступенчатое их изображение: *Вода* (реки, озера) горы, воздух (небо). Так формируется «национальный космос», а в нем национальный логос – миропонимание [5, с. 10]. С одной стороны, мир кочевника – это мир стихий, с другой стороны – это ось-соединение. Такой осью, объединяющей все стихии, может стать священное дерево, функция которого неоднократно и подробно была описана в исследованиях или река. Это ось-вертикаль и ось-горизонталь. Мир не мыслится разрозненно. Он един и должен быть объединен. Но он не может быть подчинен и усмирен (позиция человека Нового времени «мир – мастерская, а человек – работник в ней»).

Человек может счастливо и гармонично «вписаться» в этот мир (Ю. Бралгин «Обращение к духам», «Первая ягода, «Рождение Катуни», «Лейли»»). Н. Чепоква «Прерванный рассказ», «Яркая лунная ночь». В большинстве этих работ присутствует круговая композиция. И это тоже не случайность. Форма круга совершенна. В ней нет острых углов и противоречий. Так же как в мире природы все взаимосвязано и взаимообусловлено. Кроме того, юрта кочевника, имеющая форму круга, приучает с одной стороны расставлять предметы не по «сторонам света» как в квадратном или прямоугольном жилище земледельца, а именно в круговой композиции. С другой стороны и сама форма жилища – это отражение мира, имеющего, по-видимому, в представлении кочевника форму купола, окружающего его в период кочевий.

Третий фактор связан с феноменом шаманизма, имеющим как целая культурная практика в жизни сибирских народов большое значение. Круглый шаманский бубен – средоточие значимых образов, уходящих своей семантикой в религиозные и мифологические представления. И здесь так же помимо круговой композиции присутствует «многоуровневая» (чаще трехступенчатая) последовательность образов, связанных с подземной, земной и «небесной» сферой. Животные, птицы и рыбы в данном контексте будут восприниматься как символ определенных стихий.

А многослойность работ В. Тебекова и Н. Чепоква (когда, например, пещера показана как чрево земли, населенной животными) при знании особенностей восприятия мира коренными народами Алтая или по определению Г. Гачева, учитывая законы построения космолога Кочевника, начинает восприниматься как «две оси времени – внешний Космос (год и сезон Земли) и внутренний Космос (цикл зачатий и рождений животных) [2; 3].

Среди антропоморфных образов выделяются женские образы, семантическое значение которых связано с материнским началом, образы старцев и духов-покровителей, шаманов и сказителей. Обращаясь к традиционным образам, художники достигают гармоничного сочетания правдивости этнографических деталей, чуткого и верного использования

символики. Восприятие внешнего плана изображений служит отправной точкой для понимания авторских интерпретаций на пути постижения внутреннего содержания мифологических и религиозных образов. Стилизованные или использованные как «цитата» образы мифологии в авторских работах сочетаются с высоким уровнем постижения и отражения мифопоэтического народного восприятия.

Пестрая картина современного искусства многогранна. Реализм и абстракция по-своему интересны. Но визитной карточкой региона с развитой туристической сферой чаще становятся работы с национальным колоритом, пронизанные историей, мифами и легендами. Их следует читать как энциклопедию древних образов. Нужно лишь научиться понимать эти образы, складывая из них представления о прекрасном и гармоничном мире наших предков. Эффективное привлечение культуры как ресурса туризма в дальнейшем позволит сохранить и укрепить культурную самобытность богатейшего наследия региона.

Список литературы

1. Алексеева Т.П., Веницкая Н.В., Шевлякова И.А. Образы алтайской мифологии как универсальные символы в живописи и графике художников Алтая // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – № 1. – С. 35-36.
2. Веницкая Н.В., Шабалина Е.П. Историко-культурное наследие как компонент туристско-рекреационного потенциала Алтайского края // Культурное наследие и устойчивое развитие туризма: материалы Международной научно-практической конференции 13-15 марта 2014 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014. – С. 44-52.
3. Веницкая Н.В., Шабалина Е.П. Этнокультурные традиции как фактор формирования эстетических представлений в современной культуре // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2023. – № 1. – С. 124-126.
4. Веницкая Н.В., Шабалина Е.П. Этнокультурные ценности как воспитательный потенциал молодежи // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2013. – № 2 (39). – С. 27-29.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – Москва: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.
6. Маточкин Е.П. Художественное наследие и проблемы в изобразительном искусстве Горного Алтая: Автореф. дис. доктора искусствоведения. – Барнаул, 2011. – 50 с.
7. Сагалаев А.М. Архаичное миропонимание и современный менталитет России // Вестник Томского государственного университета. – 1999. – № 2. – С. 9-11.
8. Щеглов М.М. Сибирский стиль в прикладном искусстве // Сибирская жизнь. – 1909. – № 4. – С. 3.
9. Эдоков А.В. Декоративно-прикладное искусство Алтая (С древнейших

времен до наших дней). – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2006. – 180 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX В. В ОСВЕЩЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

А.И. Волкова

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
anettvolkova@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы подходы к изучению термина «историческое пространство». Выявлено значение региональной периодической печати как исторического источника при изучении исторического пространства российской провинции XIX в. на примере газетных изданий Курской губернии.

Ключевые слова: периодическая печать, печатные СМИ, регион, провинция, Курская губерния, историческое пространство, исторический источник.

HISTORICAL SPACE OF THE RUSSIAN PROVINCE OF THE XIX CENTURY IN COVERAGE OF REGIONAL PERIODICAL PRESS

A. Volkova

Kursk State University
anettvolkova@yandex.ru

Annotation. The article analyzes approaches to the study of the term «historical space». The importance of regional periodicals as a historical source in the study of the historical space of the Russian province of the 19th century has been revealed. using the example of newspaper publications in the Kursk province.

Key words: periodicals, print media, region, province, Kursk province, historical space, historical source.

Современная историческая наука предлагает исследователям наличие разнообразного терминологического аппарата при двух почти противоположных тенденциях. Так, одновременно существуют стандартные общепринятые и понятные всему научному сообществу дефиниции и «новая терминология», которая привносит в научный оборот нестандартность и креативность. При этом идет обращение к устоявшимся терминам, наполняющихся новым содержанием и получающих новые трактовки, а также возвращение в оборот «забытых» терминов и определений. Подобным «забытым» термином, не получившим должное место в российской историографии является понятие исторического пространства. В советской историографии понятие исторического пространства не получило должного

распространения в научном обороте. В зарубежной историографии данный термин был известен более широко, однако антропологически ориентированная историческая наука более пристальное внимание уделяла понятию исторического времени [См. теорию разных скоростей времени: 4, 5]. Обращение к такой дефиниции как историческое время вполне понятно и объяснимо, именно время задает параметры развития человечества. Отсюда и определение, сформулированное Марком Блоком: «История – это наука о людях во времени» [2, с. 19]. Однако человек и общество развиваются не только во времени. Любые события имеют конкретную локализацию (геотег), поэтому пространство – еще одна характеристика развития истории. Ведь даже говоря о том или ином историческом событии, мы указываем не только конкретную дату, но и место, в котором оно произошло. То есть пространство, наряду со временем – важнейшая дефиниция при смысловой реконструкции модели всемирно-исторического процесса.

Рассмотрим далее историческое пространство российской провинции XIX в. в освещении региональной периодической печати. В данном контексте, согласимся с мнением исследователя Я.М. Цыгановой, что российская провинция – не только географический и административный, но и особый социально-психологический и культурный феномен, поэтому она является объектом изучения для многих гуманитарных наук (исторических, социологических, психологических, литературоведческих и других) [19, с. 74–82]. Исходя из этого, в данной работе мы будем понимать под историческим пространством российской провинции – административную единицу (губернию), находящуюся в определенных географических рамках, для которой характерен особый социально-психологический и культурный феномен. В отечественной историографии российскую провинцию традиционно рассматривают как пространство, наделенное особыми культурными характеристиками. Так, историк М.А. Орешина характеризует провинциальный регион «как уникальный локальный хронотоп, которому свойственны внутренняя самодостаточность, самобытность, подвижность границ, его немасштабность и одновременно разномасштабность, потенциальная целостность, культурная полифоничность» [11]. Региональное историко-культурное пространство рассматривается ею как «социально выраженное пространство духовно-культурной интеграции, как пространство, имеющее свои генетические корни» [11].

История провинции, включая ее различные аспекты, часто выступает объектом исторических исследований. Наибольший интерес исследователи, как правило, проявляют к социальным процессам региональной жизни. Не остаются без внимания и тесно связанные с ними вопросы культуры и культурного наследия, причем интерес прослеживается к различным аспектам и явлениям провинциальной культурной жизни. Введенное в научный оборот понятие «социокультурное пространство», с одной стороны, вызвало дискуссии, но, с другой стороны, позволило выявить новое направление исторических исследований. Как следствие появляются работы,

комплексно рассматривающие социокультурное развитие и процессы, происходившие в том или ином регионе [См., напр.: 1, 12, 13, 15, 17]. Здесь уточним, что в определении понятия «социокультурное пространство» мы согласны с исследователем Д.И. Тушкановым и подразумеваем под ним «комплекс духовных и материальных ценностей, традиций, норм, а также особенностей организации жизни во всем ее многообразии. Эти традиции, ценности и нормы создаются обществом на определенной территории и, оказывая влияние на его развитие, создают неповторимый социокультурный облик городов того или иного региона, а также формируют особенности характера и быта их жителей» [18, с. 3].

Одним из главных элементов социокультурного пространства России и, в частности Курской губернии, в XIX в. была периодическая печать. При этом она обладала важной особенностью: являясь частью социокультурного пространства, в то же время, периодика – один из важнейших факторов его формирования.

В России XIX век – период бурного развития периодической печати – особенно заметен рост количества газет. Менее чем за столетие сформировалась система провинциальной прессы, появились не только официальные губернские издания, но и местная неофициальная пресса. Именно в этот период свои органы печати стали появляться не только в губернских городах, но и уездных. Увеличение количества периодических изданий, появление частных типографий, а также рост грамотности городского населения привели к расширению круга читателей и повышению роли газеты в жизни провинции. Многочисленные изменения в России, происходившие в XIX в., нашли свое отражение на страницах периодической печати губерний и даже отдельных городов.

Отправной датой губернской периодической печати является 3 июня 1837 г., когда издание «Губернских ведомостей» стало обязательным при каждом губернском правлении, а с 1 января 1838 г. они уже выходили в 42 губерниях России [3, с. 21]. На страницах официальных изданий находили место материалы исторического, этнографического, статистического содержания. В неофициальной периодике размещались различные по содержанию и форме материалы. Проследим на конкретных примерах. Официальное издание «Курские губернские ведомости» в неофициальной части регулярно публиковало обзоры культурной жизни провинции, включая отчетную документацию учреждений культуры, например, «Выставка пожарных инструментов» [6, часть неофиц., № 16, 1889, с. 1], «Курские музыкальные классы: из краткого отчета...» [6, часть неофиц., № 85, 1889, с. 1–2]. Прочное место на страницах издания заняли исторические статьи и заметки (особенно, когда редактором неофициальной части газеты являлся историк и краевед А.А. Танков – *А.В.*). Так, читатели познакомились с «Историей пожарных команд курской губернии» [6, часть неофиц., № 21, 1889, с. 2], «Освобождение крестьян в Курской губернии» [см.: 6, часть неофиц., № 49, 1889; № 75, 1889; № 85, 1889], «Новые

сведения о Новооскольском кустарном сапожном промысле», «К истории края» [см.: 6, часть неофиц., № 21, 1889; № 85, 1889; № 57, 1890; № 62, 1890] и т.д. Можно отметить, что «Курские губернские ведомости» как официальное издание губернского правления формировало социокультурное пространство по официальной идеологической линии, что не снижало качества публикуемых материалов и того эффекта, который производила газета на провинциальную публику, несмотря на «отстраненность «Губернских ведомостей» от общественно-политической борьбы» [10, с. 15].

Повседневную-бытовую сторону исторического пространства региона во многом иллюстрируют объявления, причем как рекламного характера, так и социально-ориентированные. Например, «Учреждение Дворянского пансиона в Белгороде», «Охота за волками в Новооскольском уезде» [6, часть неофиц., № 14, 1839; № 4, 1841; № 37, 1843; № 42, 1843; № 2, 1850]. Обращение журналистов на страницах газет к историческим материалам служит источником изучения историко-культурного пространства. В 1890-х годах «Курские губернские ведомости» часто обращаются к истории Курского края, размещая на своих страницах различные заметки и статьи по данной теме. Например, «Бой русских с турками в г. Белгород» [6, № 86, 1879]. Газета постоянно публиковала отчеты Курской губернской земской управы губернскому земскому собранию, сметы уездных земских сборов, общие раскладки уездного земского сбора, сметы уездных денежных земских повинностей и т.д. [16] Раздел «Новости из уездов», имеющийся в официальной губернской газете, знакомил читателей с объявлениями, сообщениями, новостями, статьями различной направленности, в частности, деятельности земского движения. Здесь можно было найти торговые и промышленные сведения, хронику текущих событий, корреспонденцию из уездов губернии, сведения о деятельности администрации, городских общественных управлений, судебные известия, хозяйственные и гигиенические сведения и т.п., то есть все то, что дает современным исследователям материал для изучения различных аспектов исторического пространства Курской губернии как части российской провинции.

Наравне с «Курскими губернскими ведомостями» культурное пространство губернии формировали официальные «Курские епархиальные ведомости», неофициальная «Курская газета», частный «Курский листок объявлений» (впоследствии издание называлось «Курский листок» – А.В.) и другие издания.

«Курские епархиальные ведомости», как официальное издание Курской епархии, практически не уступали «Курским губернским ведомостям» по качеству материала, ориентируясь на религиозную тематику и социально-культурный характер публикаций.

В официальной части газеты находим Указы Синода, отчеты об открытии училищ по епархиальному ведомству, здесь же читатель знакомился с Поучениями, прочитанными лицами духовного сана при

открытии подобных училищ, например, «Поучение для девиц при открытии училища при Белгородском женском монастыре» и т.п. [7, № 1, 1871, с. 1] В неофициальной части находим материал по религиозной истории региона, дополняющий знания об историко-культурном аспекте регионального пространства. Газета постоянно освещала события истории Курского края, однако чаще всего, «учитывая специфику издания, авторы подобных статей обращались к религиозной истории» [14, с. 74]. Например, на протяжении 1871 года вышел в свет цикл статей «Белгород и его святыни» [см.: 7, №№ 7, 9, 19, 1871].

Кроме официальных периодических изданий источником при изучении исторического пространства российской провинции XIX – начала XX вв. служат и частные газеты. «Курская газета» и «Курский листок» уступали официальной периодике, ориентируясь, в основном, на публикацию небольших статей, заметок, обзоров, объявлений социально-культурного характера. Так, газета «Курский листок», в основном, состоящая из объявлений о товарах и услугах, а также из новостей хозяйства и культуры, было известным и популярным среди населения и города Курска и губернии в целом, вследствие чего на его страницах можно найти довольно много актуальной информации по истории губернии. Например, в рубрике «Хроника» находим сообщение от Харьковского Общества сельского хозяйства, на заседании которого был представлен доклад А.И. Иоста «О результатах девятилетнего ведения хозяйства в селе Безсоновке, Белгородского уезда» [9, № 16, 1893]. На первой полосе «Курского листка» за 1893 г. в рубрике «Театр и музыка» помещено сообщение, характеризующее культурную сторону повседневной жизни курян: «В воскресенье в театре клубного сада была поставлена, хотя старая, но очень музыкальная и остроумная оперетта «Птичка певчая». Мужской хор был не дурен, что касается женского, то мы советовали бы его увеличить» [8, № 44, 1893].

В рубрике «Вести из уездов» можно было найти самую разнообразную информацию, главным объединяющим ее фактором было то, что события, описанные в данном отделе, происходили в уездах Курской губернии. Прежде всего, здесь помещались статьи и заметки о насущных проблемах населения, важных, требующих решения социальных вопросах. Часто подобные статьи приобретали характер прошения от жителей определенного населенного пункта и подробно освещали социально-экономические и бытовые проблемы (неурожай и угроза голода), культурно-просветительские вопросы (организация библиотечного дела, нехватка книг, учебных пособий).

Таким образом, региональная периодическая печать как источник раскрывает различные аспекты исторического пространства Курской губернии, такие как повседневно-бытовые, социально-психологические и культурные. Раскрывая неповторимый облик исторического пространства, периодическая печать региона выявляет его этнокультурный облик, структуру социокультурных взаимоотношений между столичными,

губернскими и уездными городами, между городом и деревней. Материалы прессы как источник служат изучению региональной идентичности и исторической памяти социума, способствуя при этом формированию узнаваемых, выразительных образов региона в общественном сознании. В историческом пространстве интегрирующая роль принадлежит исторической памяти. Внедрение этого понятия в методологический инструментарий исторической науки открывает новые перспективы для изучения российской провинции.

Таким образом, если рассматривать культуру провинции как творческое выражение исторически сложившихся духовных, материальных и общественных потребностей ее жителей, которые придают провинциальной культуре оригинальный облик, отличающий ее от культуры столичной, находящейся под постоянным инновационным внешним воздействием, то именно на страницах провинциальной периодической печати исследователи могут найти множество информации, позволяющей составить ее полноценный образ. Провинциальные издания XIX в. следили за всеми явлениями и процессами, освещая из номера в номер социокультурную жизнь региона. При этом печать является и элементом, и фактором социокультурного развития губернии, что объясняется ее доступностью, массовой распространенностью, а также важнейшими характеристиками подачи информации, такими как злободневность и оперативность.

Список источников и литературы:

1. Акунина Ю.А., Ванина О.В. Проектирование креативных общественных пространств: социально-культурный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 3(89). 2019. С. 167–174.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 233 с.
3. Блохин В.Ф. «Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. С. 20–31.
4. Бродель Ф. История и социальные науки: время большой длительности // Философия и методология истории / Под ред. И.С. Кона. 2000 (переиздание 1963 г.). С. 115–142.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
6. Курские губернские ведомости [Обзор].
7. Курские епархиальные ведомости [Обзор].
8. Курский листок [Обзор].
9. Курский листок объявлений [Обзор].

10. Мохначева М.П. «История или известование»? (Губернские ведомости в контексте источниковедения историографии 30–70-х гг. XIX в.) // Журналистика и историческая наука. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999. 511 с.
11. Орешина М.А. Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем регионалистики: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 333 с. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/russkij-sever-nachala-xx-veka-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo.html> (дата обращения: 19.02.2024).
12. Орлова Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7(81). Тамбов: Грамота, 2017. С. 149–152.
13. Рыжова Т.С. Город в социокультурном пространстве региона // Регионоведение. 2010. С. 250–257.
14. Силакова Д.В. Особенности жанрово-тематической структуры газеты «Курские епархиальные ведомости» в период с 1871 по 1917 гг. // Труды 3 международной научной конференции «Актуальные проблемы регионоведения». Ч. 2. Курск, 2008. С. 74–77.
15. Страданченков А.С. Ценность законодательства в социально-культурном пространстве // Система ценностей современного общества. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-zakonodatelstva-v-sotsialno-kulturnom-prostranstve> (дата обращения 29.02.2024).
16. Танков А.А. Указатель важнейших статей, помещенных в Курских Губернских Ведомостях с 1839 по 1900 год // Труды Курской губернской ученой комиссии. Вып. II. Курск, 1915. С. 112–147.
17. Тельманова А.С. Проблемы дефиниции социально-культурного пространства // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. С. 149–155.
18. Тушканов Д.И. Отражение в провинциальной периодической печати социокультурных процессов конца XIX – начала XX вв. (на примере Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2018. 248 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/otrazhenie-v-provintsialnoi-periodicheskoi-pechati-sotsiokulturnykh-protsessov-kontsa-xix?ysclid=luip2ry7a8307605670> (дата обращения 29.02.2024).
19. Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению // Вестник Самарского государственного университета. № 8/2 (109). 2013. С. 74–82.

КНЯЗЬ ДОНСКОЙ, ДА НЕ МОСКОВСКИЙ

**(РОЛЬ СЕРПУХОВСКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА
ХРАБРОГО В ЗАЩИТЕ И УКРЕПЛЕНИИ МОЛОДОГО
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА)**

Гусарова С.В. к.п.н., доцент
Колледж Всероссийского Государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
г. Наро-Фоминск Московская область
Gusarova34141@gmail.com

Аннотация: история страны всегда писалась по тому принципу, что основное внимание следует уделять столичным правителям: им приписывались победы, указывалась их главная роль в знаковых событиях, а деяния тех, кто обеспечивал эти победы, порой жертвуя ради этого всем – состоянием, славой, а то и жизнью – замалчивались и забывались. И эти общие положения можно увидеть на конкретном примере исторических личностей: Московского князя Дмитрия Донского и удельного князя Владимира Храброго. Автор ставит перед собой цель раскрыть роль Серпуховского князя в истории Русского Средневековья.

Ключевые слова: Серпуховской князь, «брат младший», удельное княжество.

**PRINCE DONSKOY, BUT NOT MOSCOW
(the role of Serpukhov Prince Vladimir Andreevich the Brave in protecting
and strengthening the young Russian state)**

BY Gusarova S.V., Associate Professor
College of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Naro-Fominsk, Moscow region
Gusarova34141@gmail.com

Annotation: the history of the country has always been written on the principle that the main attention should be paid to the rulers of the capital: victories were attributed to them, their main role in significant events was indicated, and the deeds of those who ensured these victories, sometimes sacrificing everything for this – fortune, fame, or even life – were hushed up and forgotten. And these general provisions can be seen in the concrete example of historical figures: Prince Dmitry Donskoy of Moscow and the appanage Prince Vladimir the Brave. The author sets out to reveal the role of the Serpukhov Prince in the history of the Russian Middle Ages.

Keywords: Serpukhov prince, "younger brother", appanage principality.

Особенности взаимоотношений провинции со столицей является важным моментом в процессе исторического исследования. Долгое время их взаимодействие рассматривалось через противопоставление их друг другу.

Если столица понималась как основной системообразующий институт, устанавливающий с провинцией вертикальные связи, скрепляя их в единое целое, то главной функцией провинции считалась поддержка и обеспечение центра ресурсами. «Соотношение между столицей и провинцией обыкновенно мыслится как контраст богатства и скудости. При этом не всегда пропорции определяются точно и взаимоотношение представляется смутно, обычно – в ущерб провинции» - писал еще в начале прошлого века Н.К Пиксанов [6, с.18].

По такому же принципу писалась история страны, где основное внимание уделялось столичным правителям: им приписывались победы и главная роль в знаковых событиях, а деяния тех, кто обеспечивал эти победы, оставались в тени. И эти общие положения можно увидеть на конкретном примере исторических личностей.

Так мы можем вспомнить, что в 50-е годы далекого XIV века в короткие сроки скончались все сыновья Московского князя Ивана Даниловича Калиты. В живых остались только его внуки: двоюродные братья — девятилетний Дмитрий и шестилетний Владимир [1, с.189]. Возмужав, эти княжичи обретут славу героев России. Это те, кто возглавит в 1380 году на Куликовом поле объединенные войска русских земель — Московский князь Дмитрий Иванович Донской и Серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый. В летописи тех времен их имена будут стоять рядом.

Но, – увы! – пройдут года и имя Владимира Храброго — князя скромного провинциального Серпухова — окажется в тени его двоюродного брата Московского князя Дмитрия Донского. Восстановим же историческую, да и просто человеческую справедливость.

Славный представитель рода Рюриковичей, Владимир Храбрый, появился на свет 15 июля 1353 года в доме меньшего сына Ивана Калиты – Андрея, который прожил короткую жизнь длиною всего в 26 лет. До рождения своего второго наследника князь Андрей не дожил 40 дней — чума, выкосившая Русь, не обошла стороной и их семью.

Спустя 4 года от этой же напасти скончался старший брат Владимира Андреевича – Иван, оставив его единственным продолжателем рода отца и владельцем Серпуховского удела.

После череды этих горестных событий опеку над малолетним Владимиром взял брат его бабушки – великий князь Иван Красный – отец Дмитрия Донского. Поручив воспитание детей митрополиту Алексию, Иван Красный завещал племяннику новые уделы из своего владения, и отошёл в мир иной [2].

С тех пор осиротевшие дети росли и воспитывались вместе. В 1359 году после смерти отца Дмитрий стал главой московского княжеского дома, и Владимир, став вторым лицом княжества, присягнул ему на верность. Никогда Владимир Андреевич не изменит своему слову и не будет

вынашивать честолюбивых планов потеснить брата на престоле, что, прямо скажем, было нетипично для того времени.

Митрополит Московский Алексей (Бяконт), взявший в свои руки и дело воспитания князей-сирот Дмитрия и Владимира, и управление страной при малолетнем князе, понимал, сколь хрупка и ненадежна та ниточка, на которую он уповает, выстраивая систему русской государственности. Ведь жизнь ребенка в XIV веке, полном войн, болезней, ордынской угрозы, могла оборваться в любой момент. Но два наследника Московского княжеского дома, надежнее, чем один. Их и воспитывали, и готовили к деяниям власти вместе. Только Владимир знал и всегда помнил, что власть принадлежит Дмитрию, а он - только следующий в очереди.

Так сложилось, что и по лествичному праву он должен заступить на княжеский стол после Дмитрия, и в случае смерти юного князя.

Главной целью совсем еще желторотого князя Владимира стала защита интересов княжества, которая в те времена чаще всего осуществлялась на поле боя. Он не спорил о власти, он просто выполнял свое назначение по мысли митрополита Алексея: защищать и оборонять Русь. Оттачивать своё воинское мастерство удельный князь начал в восьмилетнем (!) возрасте, когда в составе дружины в 1362 году отправился в поход на Галич. Проявив небывалые для ребёнка бесстрашие, энергию и стойкость, Владимир не только впечатлил маститых военачальников, но и обеспокоил наставников Дмитрия [9]. А вдруг «брат младший», осознав свою силу, захочет восстать на старшего брата?

И вот тогда митрополит Алексей и московские бояре поспешили составить первый княжеский «ряд» между Владимиром Серпуховским и Дмитрием Московским. Алексей стремился внушить Владимиру, что его роль быть верным «братом младшим» т.е. вассалом великого князя, чтобы в будущем избежать междоусобиц внутри Московского княжества.

Договор гласил: «Се аз князь великий Дмитрий Иванович докончали есмы с братом своим младшим со князем Володимиром Андреевичем, целовали есмы крест у отца своего у Алексея у митрополита всея Руси. Бытины за один, имети ми брата своего старейшего князя великого Дмитрия в отца место... А тебе брату моему младшему мне служити без послушания..., а мне тебе кормити по твоей службе».

Митрополит Алексей обладал большим талантом убеждения. Поэтому воспитанный под влиянием митрополита «брат младший» Владимир Серпуховской всегда будет предано и исправно нести службу «брату старейшему» Дмитрию Московскому.

Согласно этому договору, в 1364 году 10-летний отрок Владимир выступает с дружиной против суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, оспаривавшего у московского князя ярлык на великое княжение Владимирское. Противостояние завершилось миром, Дмитрий получил заветный ярлык на великое княжение, все права были возвращены

Москве. А что же юный Владимир? Перенеся все тяготы походной жизни, Серпуховской князь вынес из этого похода бесценный опыт, но и только.

Дебютом князя Владимира как воеводы стала война с Тверью 1368 года. В то лето Тверь последний раз в своей истории попыталась вернуть себе ярлык на великое княжение Владимирское, а вместе с ним и политическое лидерство на всем русском Северо-Востоке. Союзником тверского князя Михаила Александровича выступил могущественный Ольгерд Гедиминович, великий князь Литовский и Русский. Походы Ольгерда на Московское княжество непосредственно затронули и личное владение Владимира Андреевича - его Серпуховской удел [3, с.145].

Отстояв наследственную землю, 15-летний Владимир с 18-летним Дмитрием сели в осаду в новопостроенном московском белокаменном Кремле. Тем временем серпуховской полк Владимира сумел прогнать «литву» (западнорусские отряды Ольгерда) из Ржева, а потом сражался в составе московского войска на Тростне. Не сумев овладеть Москвой, Ольгерд подался восвояси [10].

Не добившись успеха на военной ниве, в 1371 году князь Ольгерд заключил с Московским княжеством мирный договор, и предложил скрепить это событие свадьбой своей дочери Елены и Владимира Серпуховского. Это был единственный брак князя Владимира: Елена родила ему 7-х сыновей и верно ждала его возвращения из военных походов. Брак с дочерью одного из наиболее влиятельных игроков на политической арене Восточной Европы был крайне почетен главы небольшого удельного княжества и возвысил его в глазах Дмитрия.

После женитьбы Владимира в 1372 году великий московский князь Дмитрий Иванович заключил с ним новый «ряд» и «яко семейному» даровал Серпуховскому князю Дмитров и Галич, а также передал ему в удел земли по реке Протве.

В Серпухове в 1374 году Владимир «учинил строительство» деревянного кремля. Кроме того, князь чтобы привлечь новых поселенцев «дал людям и всем купцам ослабу и лготу многу». Пришлось ему также восстанавливать кремль в Дмитрове, после того как тверской князь «город Дмитров пограбил, посад и села пожег, а бояр и людей многое множество с женами и детьми в Тверь свел и с города окуп взял». Прирос деревянной крепостью и каменными церквями и Боровск. А почти пятнадцать лет спустя, уже после Куликовской битвы, когда жена князя Елена Ольгердовна подарила ему сына Ярослава, князь посвятил ему недавно основанный город Ярославль Боровский, впоследствии во избежание путаницы названный Малоярославцем.

Помогая «брату старейшему» Дмитрию укреплять Великое княжество Московское Владимир Андреевич участвовал в войнах против правителей Твери (1375 г.), Рязани (1385 г.) и даже Великого Новгорода (1392 г.) [5].

Но все же важнейшим событием в жизни Владимира Серпуховского стала Куликовская битва, свершившаяся 8 сентября 1380 года.

«Сказание о Мамаевом побоище» повествует, что незадолго до отбытия войск в поход против Мамаю великий князь Дмитрий Иванович ездил с Серпуховским князем Владимиром Андреевичем на поклон к Сергию Радонежскому, желая получить от игумена лесной обители благословение перед трудным и опасным делом.

Эта сцена изображена на мраморном горельефе работы скульптора А. В. Логановского, который был установлен на фасаде Храма Христа Спасителя.

Сергий Радонежский изображён в центре, с иконой в руках, перед ним, едва склонив голову, принимает благословение Дмитрий Московский, а за спиной брата молитвенно сложив руки преклонил колени Владимир Серпуховской. Историк С. В. Поздняков даёт свою трактовку этого изображения [7, с. 96]. Известно, что в эти годы Дмитрий Иванович Московский находился в затяжном конфликте с Православной церковью, и отношения между Сергием и великим князем были весьма натянутыми. Зато с князем Владимиром у игумена Троицкого монастыря всегда было полное взаимопонимание. Достаточно вспомнить, что основатель Троице-Сергиевой Лавры несколько раз посещал Серпухов, и что в 1374 году в городе по благословению преподобного Сергия Радонежского был заложен Высоцкий Богородицкий монастырь. С. В. Поздняков предполагает, что если принять благословение Сергием князей на битву за исторический факт (что некоторые историки просто отрицают), то произошло это благодаря именно Серпуховскому князю Владимиру Андреевичу. Но почему-то об этом вспоминать не принято, и многие считают, что Сергий благословил на битву именно Дмитрия, замалчивая о заслугах Серпуховского князя.

О том, что Серпуховской князь был искренне верующим, или по словам летописцев «христолюбивым», подтверждает все то же «Сказание о Мамаевом побоище», где говорится, что перед битвой Владимир горячо молился: «Боже, Отец наш, сотворший небо и землю, помоги народу христианскому! Не допусти, Господи, радоваться врагам нашим над нами, мало накажи и много помилуй, ибо милосердие Твое бесконечно!»

Согласно военному плану, именно князю Владимиру отводилась роль верховного командующего объединённым русским войском. Он находился рядом с Дмитрием Боброком-Волынским во главе Засадного полка. Сам Дмитрий Донской, как известно, сражался рядовым воином в составе Передового полка [3, с.146].

Удар Засадного полка в тыл татарской коннице, которая, потеснив русский полк левой руки, стала заходить во фланг Большого полка, стал поворотным моментом Куликовской битвы. Этот удар привел к паническому отступлению и разгрому войск темника Мамаю.

После жестокой сечи Владимир Андреевич разыскал на Куликовом поле раненого князя Дмитрия, очень обрадовался, что брат жив и первым сообщил ему весть о победе.

На картине Е. Емельянова «Зову живых» мы видим князя Владимира верхом на белом коне под хоругвью. Рядом с ним молодой дружинник трубит в рог, возвещая о победе и призывая откликнуться тех, кто сумел выжить в этой страшной сече.

Именно после «битвы на поле Куликовом» Владимиру присвоили «звания» Храбрый и Донской, но второе не прижилось к нему, став неотъемлемой частью имени его не менее отважного брата Дмитрия. Но летописцы называли князя Владимира Донским, прозвания «Донской» и «Храбрый» вошли в эпитафию на надгробной плите на захоронении Владимира Серпуховского в Архангельском соборе московского Кремля.

По возвращении с битвы благоверный князь захоронил в стенах Высоцкой обители останки воинов-серпуховичей и в их числе 40 бояр. Над братской могилой в память великой победы был воздвигнут белокаменный собор в честь Зачатия Пресвятой Богородицы святой праведной Анной, а также каменная церковь-трапезная для братии в благодарность за молитвенный подвиг. Место погребения воинов по сей день можно увидеть в подклете Зачатьевского собора [4, с.191].

Еще не раз Владимир Храбрый будет отстаивать независимость родной земли. В 1382 году после сожжения Москвы ханом Тохтамышем Серпуховской князь не пожелал, как остальные русские князья, покориться врагу без боя. В результате, он оказался единственным, кто оказал сопротивление. Владимир Храбрый вывел свою дружину под Волоколамск, где разбил передовой отряд татар. Тохтамыш не рискнул продолжить нашествие и ушел в Степь.

В 1395 г. Владимир Серпуховской выводил московские полки навстречу среднеазиатскому эмиру Тамерлану. Выступление Владимира Храброго оказалось счастьем для Руси. Тамерлан не стал воевать Русь и пострадали лишь отдельные пограничные районы [8].

Не отступил Владимир Храбрый и в 1408 году, когда полчища ордынского темника Эдигея вторглись во владения Москвы, где к тому времени правил уже сын Дмитрия Донского — малодушный Василий I. Московский князь сбежал от врага в Кострому, поручив оборону города дяде Владимиру Андреевичу. Благодаря усилиям Серпуховского князя, после трехнедельных бесславных попыток захватить белокаменную крепость, ордынцы ретировались.

Это изгнание татар стало последним военным подвигом Владимира Храброго.

Но историки считают, что главное достижение удельный князь Серпуховской Владимир Андреевич Храбрый-Донской совершил в нравственной сфере, когда в 1388 году не стал оспаривать с оружием в руках своё право на престол, который умирающий Дмитрий Донской вопреки закону лествичного права завещал сыну Василию I. Хотя закон прямо указывал, на передачу престола «по старшему в роду».

Н.М. Карамзин высоко оценил этот поступок Владимира Андреевича Серпуховского, отказавшегося биться за великокняжеский престол: «Сей знаменитый внук Калитин... преставился с доброю славою князя мужественного, любившего пользу отечества более власти. Он первый отказался от древних прав семейственного старейшинства и был из князей российских первым дядею, служившим племяннику. ... Сия великодушная жертва возвысила в Владимире пред судилищем потомства достоинство героя, который счастливым ударом решил судьбу битвы Куликовской, а может быть России» [5].

Парадоксально, но есть все основания полагать, что благородный поступок Серпуховского князя принес больше вреда, чем пользы его звучанию роли в истории России.

Если бы Владимир Храбрый решил отстоять свои законные права у малодушного наследника Дмитрия Донского и выступил бы против своего племянника, устроив очередную междоусобицу, то наверняка в исторической памяти он оставил бы о себе гораздо более яркий след, хоть и государству в таком случае он мог нанести большой ущерб.

Зато, возможно, в таком случае и судьба его потомков сложилась бы более счастливо и благополучно.

Дело в том, что главная резиденция Серпуховского князя находилась в Москве, где по завещанию Ивана Красного он получил судебную и финансовую власть над 1/3 Московского посада. Владимир Андреевич имел свой двор в Кремле. Но главную московскую резиденцию серпуховского князя составлял «большой двор на Трех горах». Из своего Тригорского дворца Владимир контролировал свои земли: Серпуховский край, Дмитровский и Галицкий уделы.

И эта злополучная «треть Москвы» роковым образом скажется на судьбе потомка Серпуховского князя — его единственного выжившего внука Василия.

Василий Ярославович, обладая великодушием своего деда, оказывал большие услуги своему четвероюродному брату великому князю Василию Темному. Он усердно и много работал на государя в «Шемякину смуту», не бросил своего князя во время заточения последнего в Кириллове монастыре, а вместо благодарности от него же и пострадал.

Желая покончить с «третним владением в Москве» Василий Темный приказал арестовать Василия Ярославича и послал его в заточение в Углич. А когда боярские дети князя Василия попытались освободить его из заточения, великий князь так жестоко расправился с ними, что даже выдавшие виды москвичи были поражены лютостью этой казни. «У всех очи были наполнены слезами, потому что никогда такое ни слышали, ни видели в русских князьях», — с горечью пишет летописец.

Василий Ярославович так и умер в заточении. В княжеском узилище сгинули и его дети, невинные жертвы политических интриг. О горькой

судьбе Ярославичей вспоминали даже во второй половине XVI века [9, с. 202].

Такова судьба и трагедия потомков героя Куликовской битвы — Владимира Андреевича Храброго, князя Серпуховского, человека, который ценил пользу отечества более власти.

Поэт Георгий Степанченко, посвятил Владимиру Храброму такие строки:

«Князь Владимир... Да был ли правитель такой
В городке захолустном над светлой рекой?
Только вот по нему прозывается град,
И о нём старожилы легенду творят».

На примере отношений между Василием I и Владимиром Храбрым мы видим, что история порой сохраняет имена правителей не за их реальные заслуги, а за их социальный статус. Мы помним всех властителей Москвы, даже самых бесталанных, но раз они правили столицей, то волей-неволей попали в учебники истории. А имена и деяния тех, кто из своих провинциальных уделов обеспечивал эти победы, частенько забываются.

Будучи не менее одаренным по сравнению Московскими князьями в государственных делах и превосходя многих из них в полководческом таланте, удельный князь Владимир Серпуховской достоин того, чтобы его имя не было забыто в истории России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Д. Д., Гусарова С. В. Иван Калита: личность и деяния в оценках современников и историков. // «Актуальные вопросы современной науки и образования»: Сб. Всероссийской конференции в рамках проведения XXIII научно-практических чтений, посвященных памяти А.Н. Радищева. – Малоярославец: МФЮА, 2023.
2. Володихин Д. Благословлял ли Сергей Радонежский Дмитрия Донского? // Журнальный клуб Интелрос «Фома» 2014, №7.
3. Гусарова С.В. Защитник земли русской князь Владимир Андреевич Храбрый-Донской. // Сб.: Воротыньские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков. материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Вологда, 2023. С. 144-152.
4. Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». В 2-х кн. М., 2010.
- Карамзин. Н.М. История государства Российского. Том V. Глава I. - [Электронный ресурс] — Режим доступа - URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/kar05_01.htm
5. Кучкин В.А. Договор 1372 г. Великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским. «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», 2007. № 1 (27)
6. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. – М.-Л., 1928.
7. Поздняков С.В. Поместное и вотчинное землевладение в Малоярославецком уезде (XVII в.). Дис. канд. ист. наук. М., 1982.

8. Сушко Л. Князь Владимир Храбрый. В тени Дмитрия. Омск, 2012.
9. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV-XV веках. – М.: Изд. Мос. Университета 1957 г.
10. Черникова Т.В. Серпуховской Владимир Андреевич. Сражения и победы. - [Электронный ресурс] — Режим доступа - URL: <http://100.histrf.ru/commanders/serpukhovskoy-vladimir-andreevich/>

ТЕАТР КАЗАНИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА КАК ИНСТИТУЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

М.И. Долакова

Казанский федеральный университет

makka7@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается развитие театрального искусства в Казани, основные направления взаимодействия антрепренеров и городской театральной комиссии, определены факторы, влиявшие на отбор антрепренера для аренды городского театра, дана характеристика договорной практики театральной комиссии.

Ключевые слова: театр, городская дума, изящные искусства, антрепренер, театральная дирекция, театральная комиссия, труппа, аренда театра.

THE KAZAN THEATER AT THE END OF THE 19TH CENTURY AS AN INSTITUTION OF THE CITY'S CULTURAL SPACE

M.I. Dolakova

Kazan Federal University

makka7@mail.ru

Annotation: The article examines the development of theatrical art in Kazan, the main directions of interaction between entrepreneurs and the city theater commission, identifies the factors that influenced the selection of an entrepreneur for renting a city theater, and characterizes the contractual practice of the theater commission.

Keywords: Theatre, city council, fine arts, entrepreneur, theater management, theater commission, troupe, theater rental.

Театр является важной институцией городского пространства, формирование театральной жизни города было важным показателем культурного бэкграунда города в XIX веке. Муниципальные театры в российской провинции возникают после появления «Городового положения» (1870 г.). Для управления театральным делом в городских думах формируются театральные комиссии, все вопросы, связанные с взаимоотношениями с городским театром, выполняла театральная комиссия и прежде всего это строительство театральных зданий и сдача их антрепренеру в аренду. Анализ нескольких документов, связанных с деятельностью городской администрации, позволяет произвести историческую реконструкцию алгоритма взаимодействия театров и городской администрации в XIX веке в Казани.

17 сентября 1845 г. газета Казанские губернские ведомости писала о закладке здания для помещения городского театра: «Летопись изящных искусств являет нам, что везде у всех народов проявлялись первоначально в духе и цели безусловно нравственных. Так было и одной из отраслей их – искусством сценическим» [4]. Такой подход к искусству в целом и к театральному искусству в частности был доминирующим в XIX веке, известный английский искусствовед и художник Джон Рескин в своих лекциях об искусстве, прочитанных в Оксфордском университета, указывал на три главные функции искусства: укрепление религиозного опыта, подъем нравственного состояния и оказание практической пользы. Полное отсутствие искусства для людей, писал Рескин, хоть сколь-нибудь здоровых в нравственном отношении невозможно» [6, с.79]. Именно нравственный аспект развития театрального дела, являлся доминирующим в регулировании театральной деятельности. Эта стратегия была важным компонентом парадигмы восприятия культурной деятельности как деятельности, направленной на нравственное и эстетическое воспитание человека.

По многочисленности народонаселения, указывают Казанские ведомости, по значительности г. Казани и «из желания доставить жителям возможность пользоваться полезным и приятным развлечением, г. Казанский военный губернатор генерал-адъютант Сергей Павлович Шипов ходатайствовал о возведении здесь каменного для помещения театра здания, которое вполне удовлетворяло бы всем требованиям и условиям. Наконец 14 сентября в первом часу пополудни мы имели удовольствие видеть заложение с приличною торжественностью первого камню зданию г. военным губернатором в присутствии значительнейших военных и гражданских чиновников» [4]. Для того чтобы поместить эту короткую заметку в определенный исторический контекст, обратимся к статье французского издания, которая стала продолжением серии сказаний иностранцев о Казани, начатого на страницах девятнадцатого тома «Известий» Общества археологии, истории и этнографии известным казанским ученым Н.Ф. Катановым. «Чистота, хороший воздух и безупречное содержание зданий – вот какова во всей империи репутация Казани и, поистине она ее заслуживает. Казань составляет четвертый учебный округ русской империи и обладает со свои университетом, 13-ю гимназиями, 79 уездами и 169 приходскими училищами, 24 пансионатами или частными учебными заведениями, управляемые тысячей учителей и посещаемые 17 тысячами учеников. Самое любопытное в Казани – это совместное существование храмов различных религий, которые мирно возвышаются здесь на границе двух миров, диаметрально противоположных в своей цивилизации, в своем развитии и своих идеалах. Мы знаем, что в городе 42 православные церкви. Сюда присоединяются 9 мечетей, шесть православных монастырей, церковь староверов, римско- католическая церковь, протестантский храм и синагога». Из всех городов России в Казани, отмечается в издании, более всего процветают промышленность и мануфактурное производство – «Здесь

насчитывают 126 фабрик и мануфактур. Из этого 46 занимаются исключительно выделкой того, что в Париже и Лондоне называют русской кожей. Продуктивность казанской промышленности оценивается в сумму пяти миллионов двухсот тысяч франков» [1, с. 13].

Кажется вполне закономерным развитие театрального дела в городе, где имелись все необходимые для этого социально-экономические предпосылки, наличие университета формировало слой образованных людей, которые с каждым годом расширяли зрительскую аудиторию театров Казани. Для городского самоуправления театральная жизнь являлась не только источником эстетического наслаждения, но и предметом административной заботы. В 1872 году в Казани была учреждена театральная дирекция по решению театральной комиссии Казанской думы. Сама комиссия была создана, как уже отмечалось, для решения вопросов аренды и последующих финансовых вопросов городского театра. Первоначально предполагалось, что здание городского театра будет сдаваться в аренду на 5 лет антрепренеру, однако театральная комиссия Казанской городской думы отклонила этот проект городской управы мотивировав тем, что сезон театральных представлений, начинающийся обычно в конце августа каждого года, не представляет возможности новому антрепренеру составить «не только хорошую, но и посредственную труппу актеров, так как к этому времени они оканчивают все свои сделки». По этой причине комиссия определила срок сдачи театра в аренду 5 лет и 5 месяцев. Также театральная комиссия определила, что для того «чтобы поставить театра на ту степень нравственно-полезного его назначения, которого от него вправе ждать любое образованное общество, комиссия признает возможным никаких особых выгод из отдачи театра не извлекать, кроме тех, которые в проекте условий означены а именно – на счет арендатора – страхование, ремонт театра на том основании, что незначительные материальные выгоды не вознаградят тех огромных нравственных ущербов, которые общество потерпит безвозвратно от того, что при взимании особой за содержание театра платы, оно уже не может требовать от антрепренера содержания хорошей труппы и выбора и обстановки пьес, как это выражено в проекте условий контракта». Такой подход был обусловлен тем, что антрепренер при повышении арендной платы за театр, будет поставлен в условия выгадывать необходимую платимую им сумму из наемной платы актеров и, следовательно, труппа будет составлена не из талантливых актеров, а из актеров, чьи финансовые запросы дешевле и именно этот финансовый фактор может стать определяющим при наборе труппы. По мнению театральной комиссии, такой подход может привести к тому, что «постановка пьес серьезного направления будет невозможна, да и сама театральная обстановка не будет отвечать тем условиям сценического искусства, которых зритель вправе требовать от театра». Комиссия в проекте договора аренды театра обозначала значимые позиции взаимоотношений с антрепренером, например, что 1. Театр отдается с имуществом в нем находящемся, которое должно быть принято по описи и

сдано в прочном и приличном виде, причем за все утраченное, поломанное и испорченное должно быть уплачено по оценке, 2. Ремонт здания как капитальный, так и всякий другой относится за счет арендатора 3. Капитальный же ремонт, а также пристройка или переделка театра должны производиться с разрешения управы и не иначе как под наблюдением городского техника и члена управы, причем все сделанное антрепренером в здании театра, как для удобства, так и для украшения театра кроме декораций должно поступить в собственность города без дополнительного вознаграждения. 4. Здание театра и его имущество должно быть застраховано на сумму не менее 50 тысяч рублей 5. Антрепренер должен содержать русскую драматическую труппу из лучших персонажей, имея на каждые роли по несколько талантливых актеров и актрис по контрактам, предъявляемым управе, разнообразить по возможности представления, как репертуаром так и персонажами, заботиться о хорошей и по возможности изящной постановке пьес, для чего должен иметь при театре хороших декораторов, машинистов, бутафоров, сценаристов и режиссера. «Выбор пьес, указывается в постановлении театральной комиссии, должен быть по возможности приличным по содержанию, оперетки Оффенбаха и других подобных авторов не должно составлять основание репертуара, а могут быть даваемы не более одного раза в неделю, всякие же неприличные телодвижения, фарсы и танцы на сцене должны быть воспрещены». Указанные в постановлении «оперетки Оффенбаха» являлись популярными музыкальными спектаклями в Европе, в которых соединялась ирония, пародийность, использование таких танцев как галоп, кадрили и пр., это был новый тип музыкального спектакля, который очень быстро приобрел популярность в Европе, в некоторой степени отражая тенденцию демократизации культуры, эти спектакли были адресованы самой широкой аудитории. «Орфей в аду», «Прекрасная Елена», «Перикола», «Мадам Фавар», «Герцогиня Герольштейнская», «Сказки Гофмана», «Синяя борода», «Парижская жизнь» и др. оперетты Оффенбаха носили в большей степени развлекательный и сатирический характер, чем и вызвали такую оценку театральной комиссии.

Комиссия в договорных отношениях с антрепренером определяла и численность оркестра театра, так как уменьшение количества музыкантов неминуемо должен был сказаться на качестве театральных постановок. Оркестр в театре должен был состоять из не менее 25 музыкантов. 6. Отопление театра, его освещение внутри и снаружи также были предметом заботы антрепренера 7. Для курения в театре должны были быть отведены отдельные комнаты и так приспособлены, чтобы запах не мог попадать в зал театра. 8. Плата за билеты не могла превышать определенных театральной комиссией сумм. Увеличение числа посадочных мест в театре, приставлением кресел и стульев, не допускалось, о чем свидетельствовало специальное положение. В каждой ложе должно было быть по 5 мест и по требованию лиц, взявших ложе, два стула должны могли быть еще

прибавлены бесплатно. 9. Арендатор имел право по своему усмотрению передавать театр со всем имуществом во временное пользование кому пожелает, с соблюдением условий контракта. Сдать театр на все время арендного срока антрепренер мог только с согласия городской управы. Во время зимнего сезона, антрепренер обязан был давать два представления с благотворительной целью, а также два раза в год, театр должен был бесплатно уступать сцену для городских любительских спектаклей, все расходы по этим постановкам несли участвующие в любительском спектакле, антрепренер же имел право на 10 процентов от прибыли таких постановок [5, с.128-137.].

Важным событием для городской театральной жизни являлся отбор антрепренера для сдачи театра, этот процесс находился под контролем городской думы и театральной комиссии. Например, театральная комиссия в 1893 году «сделала вызов лиц, желающих снять театр через газеты: «Новое время», «Артист» и «Театральный Мирок». На вызов последовали заявления от артистов Алинского, Ленского театров из Перми, Галицкого, Бельского, от режиссера думы, антрепренера Харьковского оперы Карташова, от товарищества Саратовской оперы под управлением Унковского». Театральная комиссия рассмотрела поданные заявки на своих заседаниях и разделила всех претендентов на аренду театра на две категории – «1. Не имеющих серьезных данных для хорошего и целесообразного ведения театрального дела в Казани и 2. – претендентов основательных, аренда театра которыми представляется желательной. Ко второй категории были отнесены: 1. Известный оперный антрепренер, вполне благонадежный Карташов, но после переговоров управы с ним он сделал последнее заявление, что взять театр на предстоящий сезон не может, так как остался со своей труппой еще на один год в Харькове. 2. Предложившее организованную оперную труппу Саратовское товарищество под управлением Унковского по собранным сведениям вело театральное дело в Саратове удовлетворительно. И наконец, товарищество Бородая, пользующееся известностью, однако предлагающее на первый зимний сезон одну драматическую труппу» [3, с.304.]. Театральная комиссия была заинтересована прежде всего в товариществе М.М. Бородая, так как оно являлось авторитетной театральной организацией, это было артистическое товарищество на паях. Именно М.М. Бородай и возглавил театральное дело Казани в конце XIX века. Для того, чтобы оценить сложность положения театральной комиссии в связи с тем, что первый зимний сезон предполагается только драматическая труппа без опер, нужно отметить, что постоянные оперные спектакли в Казани давались с 1874 года. Труппа М.М. Бородая по составу актеров считалась самой сильной в российской провинции. Желание комиссии привлечь авторитетного антрепренера и вместе с тем подготовить городскую публику к тому, что целый сезон не будет оперных постановок, как раз и было, обусловлено авторитетом М.М. Бородая. Однако уже в 1896 года М.М. Бородай выделил оперную труппу в самостоятельное предприятие – «Казанско-Саратовское оперное товарищество п/у Бородая» и эта дилемма была разрешена.

Исследователь Благов Ю.А. в своем диссертационном исследовании о Казанском русском драматическом театре в общественной и культурной жизни Казани, пишет о весьма непростых отношениях антрепренеров с театральной комиссией. Однако, при всей неоднозначности этих отношений, постоянно возникавших противоречиях и конфликтах, отмечает исследователь, тем не менее, будет справедливым отметить, что казанские городские власти неукоснительно проявляли заботу о театре, заинтересованность не только в том, чтобы в городе постоянно функционировал театр, но и в том, чтобы театр этот удовлетворял запросы всех слоёв общества, чтобы спектакли театра отличались высоким художественным уровнем и с точки зрения содержания, и с точки зрения исполнения [2].

Казань стала в XIX веке одним из крупных региональных театральных центров, «Поволжскими Афинами» называли дореволюционную Казань вследствие развитости театрального дела и включения театра в городское культурное пространство, традиции эти сохраняются и в современный период.

Список литературы

1. Андерсон В.Н. Сказание иностранцев о Казани. – Казань, 1911. – 113с.
2. Благов Ю.А. Казанский русский драматический театр в общественной и культурной жизни Казани XX в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kazanskii-russkii-dramaticheskii-teatr-v-obshchestvennoi-i-kulturnoi-zhizni-kazani-xx-v> (дата обращения 21.03.2024).
3. История Казани в документах и материалах XIX век. – Казань, 2011. – 815 с.
4. Казанские губернские ведомости. – 1845. – 17 сентября. – № 28.
5. Постановления Казанской городской думы. – Казань, 1872. – 303с.
6. Рескин Джон Лекции об искусстве. – Москва, 2022. – 416с.

РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ (1996 – 2006гг.)

А.Д. Есаулкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт(филиал) федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования «Российский
государственный профессионально-педагогический университет»
eesaulkova2@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена истории развития малого бизнеса в г. Нижний Тагил в 1996-2006гг., а также мерам, проводившимся городскими властями для стимулирования этого процесса. Малый бизнес в Нижнем Тагиле играл и играет важную роль в развитии экономики города. Он создает новые рабочие места, развивает различные отрасли и способствует увеличению налоговых поступлений в бюджет города. В ходе исследования были определены основные направления развития малого бизнеса и деятельность городской администрации по созданию условий для развития предпринимательства в г. Нижний Тагил в 1996-2006гг.

Ключевые слова: бизнес, малый бизнес, экономика, потребители, товары, услуги, рынок, промышленность, предпринимательство.

SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN NIZHNY TAGIL (1996-2006)

A.D. Yesaulkova

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the Federal State
Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian State
Vocational Pedagogical University"
eesaulkova2@gmail.com

Annotation: The article is devoted to the history of small business development in Nizhny Tagil in 1996-2006, as well as measures taken by the city authorities to stimulate this process. Small business in Nizhny Tagil is important and plays an important role in the development of the city's economy. It creates new jobs, develops various industries and helps to increase tax revenues to the city budget. The study identified the main directions of small business development and the activities of the city administration to create conditions for the development of entrepreneurship in Nizhny Tagil in 1996-2006.

Keywords: business, small business, economy, consumers, goods, services, market, industry, entrepreneurship.

Город Нижний Тагил является классическим индустриальным центром. В структуре хозяйственного комплекса города ведущей отраслью является промышленность. Основу промышленного производства города всегда составляли и будут составлять крупные и средние предприятия. Однако и малый бизнес является одним из важных элементов конкурентного рыночного механизма наряду со средним и крупным предпринимательством.

Малый бизнес – это сектор экономики, который обслуживает основную массу потребителей, производя комплекс товаров и услуг в соответствии с быстро меняющимися требованиями рынка. Малое предпринимательство создает новые экономические ниши, развивается в отраслях, непривлекательных для крупного бизнеса, способствует увеличению налоговых поступлений в бюджет.

В современной экономической литературе понятие «малый бизнес» используется как синоним термина «малое предпринимательство». В

частности, это отражено в экономическом словаре. В нем можно найти следующее определение: «бизнес – самостоятельная, инициативная экономическая деятельность, которая осуществляется за счет заемных или собственных средств, под свою имущественную ответственность и на свой риск, которая ставит целью получение прибыли и развитие собственного дела» [1, с. 20].

Период с 1996 по 2006 год являлся важным временем для развития малого бизнеса в Нижнем Тагиле. Благодаря реализации экономических реформ, государственной поддержке и модернизации технологий, предпринимателям стало доступнее осуществлять свои бизнес-идеи и развиваться. Этот период оставил значительный след в истории города, внес важный вклад в экономическое развитие и создание новых рабочих мест, а также повысил общую жизнь его жителей.

В соответствии с Областным законом от 14 апреля 1997 года № 20-ОЗ № О государственной поддержке малого предпринимательства в Свердловской области» и Программами государственной поддержки малого предпринимательства в Свердловской области администрацией муниципального образования «город Нижний Тагил» была организована работа по поддержке и развитию малого предпринимательства [7, л. 25].

В соответствии с «Программой государственной поддержки малого предпринимательства в Свердловской области на 1998–1999 годы» была проведена работа по созданию Нижнетагильского муниципального фонда поддержки малого предпринимательства, было принято постановление Главы города от 29.11.99 № 746 «О Нижнетагильском муниципальном фонде поддержки малого предпринимательства» [4, л. 40]. Согласно ему администрация муниципального образования «город Нижний Тагил» вошла в состав учредителей Нижнетагильского муниципального фонда поддержки малого предпринимательства совместно с Центром содействия предпринимательству Свердловской области.

Уже в начале следующего столетия публикуется «Программа государственной поддержки малого предпринимательства в Свердловской области на 2000-2001 годы». Согласно этому документу Нижнетагильским фондом поддержки малого предпринимательства была организована работа по следующим направлениям:

- предоставлению финансовой поддержки субъектам малого предпринимательства по программе «Микрокредит»;
- информационному обслуживанию малого предпринимательства;
- консультационной поддержке малого предпринимательства;
- предоставлению офисных услуг [5, л. 2].

В 2001 году администрацией муниципального образования был осуществлен переход от отдельных мероприятий к программно-целевому методу поддержки предпринимательства. Постановлением Глав города от 3.05.2001 № 398 и решением Нижнетагильской городской Думы от 19.09.2001 № 74 была утверждена муниципальная целевая программа

«Поддержка малого предпринимательства в городе Нижний Тагил (2001 – 2002гг.)» [6, л. 46].

Муниципальная целевая программа сыграла положительную роль в развитии и поддержке малого предпринимательства в городе. Реализация программы позволила решить поставленные задачи и достигнуть намеченные цели развития. Сектор малого предпринимательства занял определенное место в социально-экономическом развитии города, создав реальные возможности населению города для самореализации и занятия предпринимательством. В городе была сформирована инфраструктура поддержки малого предпринимательства, которая постоянно развивается.

На конец 2002 года в городе насчитывалось около 2480 предприятий малого и среднего бизнеса.

По сферам деятельности они распределялись следующим образом:

- 305 промышленных (Самые крупные: ООО «Колор», ООО «Соевой мир», ЗАО «Урал-Втормет»)
- 1014 торговых (Самые крупные: ООО «Центр оптовой торговли», ООО «АНТОЛЛ», ООО «Центральный»)
- 449 строительных (Самые крупные: ООО «Олимп», ООО «Промальц-Тагил», ООО «Металлургремонт»)
- 36 бытовых (Самые крупные: ООО «Феерия», ООО «Реквием»)
- 676 других (Самые крупные: ООО «Бизнес-клуб», ООО «НПФ ЭЛСИКОН», ЗАО «П и К») [3, л. 67].

К концу 2003 года в сфере поддержки развития малого предпринимательства были осуществлены значительные изменения. Так, например, был отменен на территории Свердловской области единый налог на вмененный доход; в Екатеринбурге прошел первый съезд представителей малого бизнеса области; начал работу созданный при главе города совет по малому предпринимательству; снижен на 25–35 % размер арендной платы за землю; проведен день предпринимателей (круглые столы по доступности финансовых ресурсов, по взаимодействию малого и крупного бизнеса, приглашены специалисты для консультирования, проведена заключительная конференция); 2 человека прошли стажировку в США в рамках программы «Бизнес для России» [4, л. 67].

Наиболее привлекательной для малого бизнеса в 2000-е годы являлась сфера торговли и общественного питания, так как здесь не требовались вложения долгосрочных инвестиций, оборудования, производственной базы, значительно ниже уровень риска. К 2004 году к ней относилось 38,8 % от общего числа малых предприятий. В целях развития конкуренции в сфере потребительского рынка товаров и услуг, повышения культуры обслуживания, обеспечения жителей города качественными товарами и услугами, пропаганды и распространения положительного опыта предпринимательской деятельности комитетом по экономике и ценовой политике администрации города была организована работа по распространению конкурса на право присуждения «Диплома доверия

потребителей». К концу 2004 года обладателями диплома стали 291 предприятий.

В октябре 2004 года состоялось открытие Центра согласования для субъектов малого предпринимательства. Идея Центра состояла в том, что в одном месте, в одно время, один раз в неделю работают с предпринимателем представители федеральных органов исполнительной власти Свердловской области, структурных подразделений администраций города и районов, другие организации, взаимодействующие с субъектами малого предпринимательства.

Проведенная работа положительно повлияла на развитие малого предпринимательства в городе. На 1.01.2005 года 2995 предприятий относились к сфере малого бизнеса. За 2004 год было зарегистрировано 407 малых предприятий различных организационно-правовых форм (за 2003 г. 308), ликвидировано 299 (за 2003 г. 179). Прирост к началу года составил 3.7 % (за 2003 г. 5,2 %).

В 2006 году в программе поддержки малого предпринимательства выделен принципиально новый раздел – развитие партнерства, регулирование социально-трудовых отношений. На реализацию мероприятий этого раздела была направлена акция по защите трудовых прав наемных работников, проведенная в апреле 2006 года. Следующим этапом в реализации этого направления поддержки стало заключение трехстороннего соглашения о социальном партнерстве в сфере малого предпринимательства. Соглашение заключено между Администрацией города Нижний Тагил, Некоммерческим партнерством субъектов малого и среднего бизнеса «Союз», Нижнетагильской городской профсоюзной организацией работников среднего и малого бизнеса и Горком профсоюзной организации «Торговое единство» [2, л. 170].

Соглашение имеет своей целью развитие социального партнерства в сфере малого предпринимательства, как системы взаимоотношений между работниками, работодателями – субъектами малого предпринимательства, направленной на обеспечение эффективной деятельности субъектов малого предпринимательства, решение трудовых проблем, установление отношений сторон в области охраны труда.

Безусловно, экономический потенциал Нижнего Тагила определяют крупные предприятия. Но, как показывает статистика, для развития малого бизнеса во многих сферах экономики ситуация была вполне благоприятна. На начало 2000-х годов на него приходилось более 87% всего розничного товарооборота, почти 40% объема строительно-монтажных работ, более 50% объема бытовых услуг. Развитие малого бизнеса напрямую способствовало удовлетворению потребностей населения в многообразных и качественных услугах, формированию среднего класса как основы социальной стабильности в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сектор малого бизнеса играл важную роль в экономическом развитии города Нижний Тагил в 1996-

2006гг. Он способствовал созданию новых рабочих мест, развитию различных отраслей экономики и увеличению налоговых поступлений в бюджет. Малый бизнес охватывал широкий спектр сфер деятельности, включая промышленность, торговлю, строительство и другие. С помощью программ государственной поддержки и создания подходящей инфраструктуры, малым предпринимателям предоставлялись возможности для реализации своих идей и развития своего бизнеса. К концу 2000-х годов в городе Нижний Тагил уже функционировало значительное количество предприятий малого и среднего бизнеса, что говорит об успешном развитии этого сектора. Внедрение новых мер политики поддержки малого бизнеса, таких как снижение налогов, организация консультаций и предоставление финансовой поддержки, способно еще больше стимулировать развитие этого сектора экономики и способствовать более устойчивому развитию города в целом.

Список литературы

1. Лозовский Л.Ш. Универсальный бизнес-словарь / Л.Ш. Лозовский., Б.А. Райзберг, А.А. Рантовский. – Москва, 1999. – 640 с.
2. Нижнетагильский городской исторический архив. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 1045.
3. Нижнетагильский городской исторический архив. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 726.
4. Нижнетагильский городской исторический архив. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 828.
5. Нижнетагильский городской исторический архив. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 937.
6. Нижнетагильский городской исторический архив. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 14.
7. Нижнетагильский городской исторический архив. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 15.

К ИСТОРИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И КАРАТЕЛЬНО-РЕПРЕССИВНЫХ ОРГАНОВ КРЫМСКОЙ ССР (АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1919 Г.)

Р.А. Изетов

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского
ruslanizetov12@gmail.com

Аннотация: Целью работы является исследование деятельности карательно-репрессивных органов Крымской ССР (апрель-июнь 1919 г.) и сравнение крымской практики с практикой репрессий на территории РСФСР. Автором изучены документы карательно-репрессивных органов Крыма, в том числе впервые введены в научный оборот документы Феодосийского военно-революционного комитета и Феодосийской ЧК. На основе документальных источников автором выделено два периода становления

карательно-репрессивных органов в Крыму. Также был сделан вывод о том, что карательно-репрессивная практика в Крыму в апреле-июне 1919 г. была схожа с деятельностью репрессивных органов на территории РСФСР в аналогичный период, однако репрессии на территории Крымской ССР имели свои региональные особенности.

Ключевые слова: Крымская ССР, контрибуция, Таврическая ЧК, Феодосийская ЧК, 1919 год.

TO THE HISTORY OF LAW ENFORCEMENT AND PUNITIVE-REPRESSIVE BODIES OF THE CRIMEAN SSR (APRIL-JUNE 1919)

P.A. Izetov

Crimean Federal University V.I. Vernadsky

ruslanizetov12@gmail.com

Annotation: The purpose of the work is to study the activities of punitive-repressive bodies of the Crimean SSR (April-June 1919) and to compare the Crimean practice with the practice of repression in the RSFSR. The author studied the documents of the Crimean punitive-repressive bodies, including the documents of the Feodosiya Revolutionary Committee and Feodosiya Cheka for the first time. On the basis of documentary sources the author distinguished two periods of formation of punitive-repressive bodies in the Crimea. It was also concluded that the punitive-repressive practice in Crimea in April-June 1919 was similar to the activities of repressive bodies in the RSFSR in the same period, but repression in the territory of the Crimean SSR had its own regional peculiarities.

Keywords: Crimean SSR, Contribution, Tavricheskaya Cheka, Feodosiyskaya Cheka, 1919.

Проблема репрессивной политики в Крыму в апреле-июне 1919 г. поднималась отечественными исследователями 1990-2000-х гг. Однако их выводы были весьма противоречивы. С одной стороны, они заявляли о начале новой волны красного террора. С другой стороны, они писали об отсутствии массового террора по отношению к политическим оппонентам. [1, с. 146-157].

Среди более поздних исследований следует отметить работу публициста М. В. Владимирского «Красный Крым 1919 года», вышедшая в свет в 2016 году.

Однако данные авторы не проводили сравнительного анализа репрессивной политики Крымской ССР с репрессиями на территории РСФСР в аналогичный период, и сравнивали их только с репрессиями в Крыму в 1918 и 1920-1921 гг. Между тем, как справедливо отмечает историк И. С. Ратьковский, в феврале 1919 г. на фоне улучшения военно-политического положения Советской России последовали значительные реформы в области полномочий чрезвычайных комиссий. 17 февраля 1919 г. ВЦИК принял постановление «О Всероссийской чрезвычайной комиссии». В постановлении говорилось о передаче права вынесения судебных приговоров в революционные трибуналы, которые должны были в свою очередь пройти определенную реорганизацию. Ревтрибуналам также предоставлялось право ревизии следственных действий ЧК и проверки законности произведенных арестов. За чрезвычайными комиссиями сохранилось, однако, право

непосредственной расправы при наличии вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, и только за преступления, указанные в постановлении о введении военного положения. Таким образом, массовые репрессии, применявшиеся в Советской России в феврале-июле 1919 г., проводились в значительной степени через военные органы и ревтрибуналы [14, с. 106].

В Крыму организация репрессивных органов происходила крайне оперативно. Симферопольская ЧК (в будущем – Таврическая ЧК) была организована 14 апреля, спустя 7 дней после взятия власти в Симферополе ревкомом и спустя 3 дня после вступления в город частей РККА [5, с. 22]. Феодосийская ЧК была организована 29 апреля, спустя 10-12 дней после взятия власти местным ревкомом и спустя 7 дней после входа в Феодосию частей РККА [17; 5, с. 34]. Севастопольская ЧК была организована 28 апреля, спустя 10 дней после перехода власти в городе в руки ревкома и за день до вступления в город частей РККА (до этого в городе с 18 апреля дислоцировался один красноармейский батальон) [5, с. 212]. Однако в Севастополе городская ЧК организовывалась в условиях дислоцирования в городе иностранных войск, что необходимо учитывать.

Таким образом, среднее время организации городских (и одновременно уездных) ЧК составляла порядка 9 дней после взятия в городе власти ревкомом и 7 дней после входа в населённый пункт частей РККА.

Подобные темпы связаны с несколькими факторами. Во-первых, местные ЧК организовывались местными кадрами, в основном бывшими подпольщиками. Так, Таврическую ЧК, после непродолжительного председательства И.В. Дурандина (инструктора Всеукраинской ЧК, оставшегося в членах Таврической ЧК, по крайней мере, до 2 мая) 15 апреля возглавил Купайгородский, бывший подпольщик. В разные периоды из бывших подпольщиков в состав Таврической ЧК входил Эйхер, М. С. Баранчик, Рылов, Орлов-Шестаков [5, с. 216], тем самым штат Таврической ЧК на протяжении апреля-мая 1919 г. состоял, как минимум, наполовину из крымских большевистских кадров. Схожая ситуация была и в Феодосийской ЧК, в состав которой входили М. Г. Миронов (председатель), В. Рузов-Волдинер (товарищ председателя), Я. Жаков (секретарь, настоящее ФИО – Я. Г. Будницкий) [17]. Двое из трёх руководителей, М. Г. Миронов (Пекуровский) и Я. Жаков числились в списках членов коммунистической партии [10], а также все три руководителя имели псевдонимы, что говорит о том, что они также являлись бывшими подпольщиками.

Во-вторых, Симферопольский ревком (де-факто исполнявший обязанности областного ревкома) с 10-х чисел апреля вступил в борьбу с тремя прифронтовыми ЧК, прибывшие в Крым вместе с заднепровскими полуповстанческими частями под командованием П. Е. Дыбенко. Крымские прифронтовые ЧК позиционировали свои задачи на том, чтобы осуществлять *«надзор за действиями местных властей прифронтовой полосы»*. Подобные

идеи были неприемлемы для руководителей ревкомов (в первую очередь представителей Симферопольского ВРК), и ответом на вмешательство прифронтовых чекистов стала организация местных ЧК. В Симферополе вопрос организации городской ЧК решался на заседании городского ревкома 15 апреля. На нём же были утверждены штабы ЧК, прошло обсуждение и утверждение кандидатур в её состав [5, с. 210]. Схожие процессы происходили в Феодосии – здесь председатель местной ЧК М. Г. Миронов был назначен на свою должность приказом №4 Феодосийского ревкома, датированным 28 апреля [15]. Как видим, крымские ЧК организовывались под руководством ревкомов, и это было связано в том числе и со стремлением сформировать собственные репрессивные органы с целью замещения ими прифронтовых ЧК, деятельность которых не была согласована с крымскими ревкомами.

Таким образом, на протяжении апреля в Крыму развёртывается двоевластие репрессивных чекистских органов (местные и прифронтовые ЧК). Однако, по итогу данного противостояния 8 мая 1919 г. приказом, подписанным наркомом по военным и морским делам Крымской ССР П. Е. Дыбенко и председателем Симферопольского ревкома Е. Р. Багатурьянц прифронтовые ЧК были распущены, и отныне *«всеми вопросами специального характера ведает Особый отдел при штабе Крымской Советской армии»* [5, с. 210]. Отныне проблемы взаимоотношения между военными и крымскими властями решались единственным органом, напрямую связанным с Крымской Советской армией.

Необходимо остановиться более подробно на деятельности Феодосийской ЧК. Так, М. В. Владимирский полагает, что данная ЧК была составлена из «случайных людей» [5, с. 213]. Между тем, как уже ранее было отмечено, процесс образования Феодосийской ЧК был схож с процессом формирования Симферопольской ЧК и находился под контролем городского ревкома.

Также М. В. Владимирский обвиняет Феодосийскую ЧК в «кровавости» на основании материалов обсуждения романа В. В. Вересаева «В тупике» руководством СССР, датированное 1 января 1923 года, ссылаясь на конкретную цитату из речи Ф.Э. Дзержинского: «Товарищи, между нами — то ли еще бывало!». М. В. Владимирский почему-то относит данную цитату к процессу обсуждения личности феодосийского деятеля А. П. Искандера [5, с. 214], однако на деле она была сказана в ответ на обвинения В. В. Вересаева в клевете на ЧК [4, с. 216-234].

Также М. В. Владимирский по каким-то причинам называет А. П. Искандера «главой феодосийской ЧК», хотя и в самом романе, и в его обсуждении он называется председателем ревкома.

В своём произведении В. В. Вересаев рисует Искандера (именуемого в книге без инициалов) жестоким, пренебрегающим законностью и склонным к хамству. В связи с этим Ф. Э. Дзержинский поинтересовался судьбой

реального А. П. Искандера у писателя: *«Он (Ф. Э. Дзержинский – Р. И.) меня между прочим спросил:*

– А скажите, пожалуйста, где сейчас находится этот Искандер, о котором вы пишете?

В моем романе был выведен председатель ревкома, садически жестокий армянин, взявший себе псевдоним «Искандер». Я ответил, что после прихода белых Искандер бежал из Феодосии в Карасубазар (совр. Белогорск – Р. И.). Но его выследили дашнаки и застрелили из револьверов при выходе из парикмахерской, куда он зашел с целью преобразить свою наружность. Когда меня это спрашивал Дзержинский, глаза его блеснули так холодно и грозно, что я почувствовал, что плохо пришлось бы этому Искандеру, если б он был жив» [4, с. 216-234].

Между тем, реальный А. П. Искандер не был председателем ревкома, а являлся его заместителем, что подтверждается как мемуарной литературой [5], так и приказами ревкома [19, 20], подписанным А. П. Искандером вместо председателя ревкома. В реальности должность председателя Феодосийского ревкома занимали Х. М. Гильдин (18-21 апреля – 22 мая) и Т. М. Рак (23 мая – 18 июня). Также А. П. Искандер не фигурирует ни в одном документе Феодосийской ЧК.

Говоря о взглядах и действиях А. П. Искандера, следует обратить внимание на публикации в газете «Известия Феодосийского военно-революционного комитета», выходившей в апреле-июне 1919 года. В ней имеется ряд статей под заголовком «Очередные задачи» автором которых значится «А. П.». Из всех партийных и советских деятелей Феодосии того периода наиболее вероятным автором, скрывающимся под данными инициалами, по мнению автора настоящих строк, является А. П. Искандер. Большинство этих статей посвящены хозяйственно-экономической и политической жизни как отдельно взятой Феодосии, так и всей Советской России в целом. Общий стиль и посыл статей позволяет нам говорить о наличии у А. П. Искандера багажа знаний о практиках социалистического строительства. Однако в своих работах А. П. Искандер иногда подвергает критике деятельность тех или иных отделов Феодосийского ревкома и местных экономических органов власти, и его взгляды зачастую были более радикальными, чем взгляды окружавших его работников [9].

Наиболее чётко взгляды А. П. Искандера на репрессивную практику выражены в его статье «Народный суд. Следствие и аресты. Расправа, наказание и исправление», датированная 21 мая 1919 г. В ней автор пишет: *«Итак, надо создать понятие о праве, о правосудии, надо воспитать в массах уважение к свободной личности человека, ее неприкосновенности. Отсюда легко прийти и к утверждению новых форм правосудия. <...>*

Сейчас же, в обстановке и условиях военного лагеря рано думать о правильных формах судопроизводства, о конституции, ограждающей права человека и гражданина.

Однако, элементарные, общие понятия о судопроизводстве необходимо теперь же поставить в основание деятельности народных судов, которые должны быть сформированы даже у нас, на театре военных действий, для борьбы с преступностью, не затрагивающей сферы компетенции военных властей» [11, с. 2].

Таким образом, взгляды А. П. Искандера на репрессивную практику в рамках советской системы полностью противоречат мировоззрению и действиям персонажа Искандера, созданного В. В. Вересаевым в романе «В тупике». Искажение образа реального политического деятеля могло быть связано с возможными конфликтами между А. П. Искандером и В. В. Вересаевым в бытность последнего председателем, а затем работником отдела народного просвещения Феодосийского ревкома в апреле-июне 1919 года.

Говоря о крымской репрессивной практике, необходимо отметить основное направление совместной деятельности ревкомов и крымских ЧК. В первые дни работы Симферопольского ревкома выяснилось, что его финансовые возможности были ограничены суммой в 1 млн рублей. Данной суммы не хватало для удовлетворения нужд Крыма, и председатель финансового отдела ревкома меньшевик А. Галлоп предложил три пути: 1) собрать контрибуцию, 2) допечатать номера крымских знаков, заготовленных Краевым правительством и выпустить эти знаки в обращение, 3) обратиться за помощью в Москву и Киев. Хотя в итоге Симферопольский ревком использовал все три варианта, только первый из них позволял оперативно восполнить бюджетный дефицит, поэтому ревком принялся разрабатывать планы сбора денежных взысканий с буржуазии. А. Галлоп подсчитал, что контрибуция даст следующие суммы: торгово-промышленный класс — 4 млн, домовладельцы — 2 млн, землевладельцы — 4 млн. *«Престиж власти диктует необходимость требовать столько, сколько возможно получить. Важно не столько достать требуемые миллионы, сколько способ их доставания – задача ВРК строго следить за справедливостью обложения: беспощадно для богачей и, соответственно, уменьшая долю для середняков»* – заявил руководитель финотдела. Поэтому Симферопольский ревком постановил контрибуцию установить в 10 млн. рублей [5, с. 138, 271].

Политика контрибуции внедрялась прочими крымскими ревкомками. Так, в Севастополе буржуазия была обложена контрибуцией в 10 млн. руб., Ялте – 5 млн. рублей, в Феодосии – 3 млн. руб., Перекопе – 500 тыс. руб., Алушке – 500 тыс., Джанкое – 500 тыс. рублей [5, с. 246-247; 19]. Таким образом, всего планировалось по Крыму взыскать около 29,5 млн. рублей.

В Феодосии сбор контрибуции осуществлялся комитетом по обложению в составе 59 человек [8, с. 3], организованным ревкомом. По отношению к лицам, не внёсшим в контрибуцию, применялась мера ареста, производимого Феодосийской ЧК. В случае внесения необходимой суммы арестованные оперативно отпускались. Акцент на экономической борьбе в деятельности Феодосийской ЧК имеется и в документах данного органа,

изданных в конце апреля 1919 г. – основными направлениями работы феодосийских чекистов признавалась борьба с продажей спиртными напитками, пьянством, спекуляцией, укрывательством товаров. Аналогичной деятельностью занималась и феодосийская комендатура (исключая аресты обложенных контрибуцией). Из неэкономического направления деятельности Феодосийской ЧК и комендатуры необходимо отметить сбор оружия у населения и борьбу с разжиганием межнациональной розни (в первую очередь погромной антисемитской агитацией) [21]. Причём эта работа была совместной – в конце апреля – начале мая 1919 г. комендантом Феодосии П. М. Новиковым было издано объявление, в котором уточнялось, что помимо комендатуры ордера на обыски, аресты и реквизиции могут выдаваться и работниками Феодосийской ЧК [22]. Отметим, что специфика взыскания контрибуции зачастую имела свои отличия в разных городах. Так, в Перекопе и Джанкое было взято несколько заложников из представителей буржуазии [5, с. 247].

По итогу планы по контрибуциям были выполнены лишь частично. Так, в Симферополе было собрано, по меньшей мере, 5 млн. рублей, в Феодосии (на момент 14 мая) было собрано лишь около миллиона рублей. Из-за этого руководство Феодосийского ревкома грозило членам комиссии по обложению арестом. В Ялте (к середине июня) было собрано 1,7 млн. рублей. Полностью была собрана контрибуция в Алушке, однако эта сумма не позволила надолго удовлетворить местные нужды [5, с. 247, 19].

Первый, наиболее активный этап взыскания контрибуций, проходил с 16 апреля до 15 мая. Именно 15 мая вышло постановление №53 финансового отдела Симферопольского ревкома, воспрещавшего наложение контрибуций без своего разрешения. Однако по постановлению взыскание уже установленных контрибуций могло быть продолжено. Но фактически этим постановлением контрибуция, как один из главных инструментов борьбы с финансовым голодом, отходила на второй план [5, с. 272].

Одновременно встаёт вопрос о деятельности органа, являвшимся силовой опорой для денежных взысканий – Таврической ЧК и местных ЧК. Благодаря доминированию в этих органах бывших подпольщиков чрезвычайные комиссии были хорошо осведомлены о представителях буржуазии и об их денежном потенциале, что делало их незаменимыми работниками в сфере сбора контрибуций. Однако теперь, когда данный инструмент был исчерпан, вставал вопрос о целесообразности и дееспособности крымских ЧК в других вопросах (борьба с политическими оппонентами, антисоветским подпольем и т. д.), так как они были образованы в короткий срок, имели малые штаты и были крайне слабо снабжены специалистами из УССР и РСФСР.

Помимо сворачивания политики контрибуции следует отметить иные три фактора, которые привели к изменению репрессивной системе в Крыму. Первым фактором стало сворачивание деятельности Симферопольского

ревкома, который де-факто контролировал деятельность Таврической ЧК, и делегирование его полномочий Симферопольскому совету и СНК Крыма.

Вторым фактором являлось восстание Н. А. Григорьева, вспыхнувшее 7-9 мая на территории Южной Украины, из-за которого значительно осложнялась коммуникация Крыма с Киевом и Москвой. Угроза проникновения григорьевских частей и начала крестьянских восстаний нависает и над Крымом, находившимся географически близко к восставшим районам Украины. Также на солдат и командование Крымской Советской армии оказывали влияние григорьевское и махновское повстанческие движения [5, с. 221, 223].

Третьим фактором, оказавшим влияние на крымский репрессивный аппарат, стали севастопольские расстрелы, произошедшие в середине мая 1919 г. в Севастополе. Известно, что в этот период *«было расстреляно без суда красноармейцами 9 человек и 4 человека Чрезвычайной комиссией. Из них два как бандиты, и два как контрреволюционеры»*. Данное событие привело к началу дискуссии среди работников Севастопольского ревкома о том, каким образом должны проводиться дальнейшие расстрелы в городе. Коммунисты потребовали привлечь виновных в расстреле к ответственности и вместе с левыми эсерами предложили впредь ни одного расстрела без санкции Ревкома не проводить. Меншевики предложили создать революционный трибунал и ему (а не ревкому) передать право выносить смертные приговоры [5, с. 70-71].

Севастопольские события послужили толчком к началу масштабных реформ карательного аппарата Крымской ССР. К этому времени обозначились два направления, в рамках которых, осуществлялись репрессии против политических оппонентов большевиков. С одной стороны, были структуры, подконтрольные Крымской Советской армией – особые отделы и контрольные пункты при частях армии, а также местные комендатуры. С другой стороны, были гражданские карательные органы, представленные крымскими ЧК. И если над чекистами крымские власти в лице Совнаркома Крыма и местных советов и ревкомов имели контроль, то деятельность особых отделов никак не контролировалась, кроме как командованием КСА. Вместе с тем, военные были более организованы, чем крымские ЧК. Поэтому руководство Крыма решает подчинить себе инициативу военных, в связи с чем во второй половине мая СНК Крымской ССР издаёт два постановления. Первое из них, датированное 19 мая, было связано с роспуском крымских ЧК и было подписано и. о. председателя СНК Крыма Д. И. Ульяновым и наркомом внутренних дел Ю. П. Гавеным. Протицируем основные положения данного документа: *«1. а) Функции по борьбе с контрреволюцией в тылу, в области розыска и предварительного дознания передать особому отделу при Военно-революционном Совете Республики. Примечание: все дела о контрреволюционных движениях лиц гражданского населения по производству предварительного дознания, но не позднее 48 час. со дня ареста, передать следственной комиссии Революционного трибунала»*.

б) *Функции по борьбе со спекуляцией и уголовными преступлениями возложить на отдел судебно-уголовного розыска при Комиссариате юстиции.*

в) *Функции по борьбе с преступлениями по должности передать социалистическому контролю республики.*

2. *Поручить комиссии в составе представителей Народного комиссариата юстиции, социалистического контроля и особого отдела при Революционном Военном Совете Республики немедленно приступить к ликвидации Таврической Чека, а на местах ликвидация производится комиссиями из представителей отдела управления юридического отдела и военного контроля. Означенные комиссии обязаны закончить ликвидацию в недельный срок, а копии актов приема и сдачи представить немедленно в Совнарком, а на местах в Исполкомы или Ревкомы.*

3. *Комиссии по ликвидации чрезвычайной комиссии все дела и вещественные к ним доказательства немедленно передать судебному отделу Народного комиссариата юстиции, а на местах в местные юридические отделы для распространения их по принадлежности.*

4. *Все кредиты, отпущенные на содержание Чека, закрыть к 21 мая с. г.*

5. *Инвентарь и наличные суммы в центре сдать немедленно Наркомвнутделу, а на местах ему же через местные отделы управления.*

6. *Батальон особого назначения, имеющийся в распоряжении Чека, передать в распоряжение особого отдела при Реввоенсовете Республики. <...>» [3, с. 160-161].*

Прежде всего необходимо обозначить состав военно-революционного совета (далее – Реввоенсовета) Крыма, созданного декретом крымского СНК: П. Е. Дыбенко (председатель), И. Ф. Федько, Б. В. Нерослов (ранее – ответственный редактор газеты «Голос евпаторийского пролетариата»), В. Толмачев, Я. Я. Пече, М. М. Богданов (начальник Симферопольской милиции). Реввоенсовету подчинялись штаб сухопутный, штаб морской, политическое управление и управление снабжения, все вооруженные силы РККА в Крыму, [2, с. 53].

Также необходимо остановиться на статусе судебно-уголовных отделов в Крыму. В РСФСР данные отделы были созданы 5 октября 1918 года и находились в подчинении народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) РСФСР, но организация его конкретных подразделений (в соответствии с указаниями НКВД) о структуре, численности, правовом статусе, некоторых процессуальных аспектах деятельности и т.п. возлагалась на местные Советы [13, с. 189]. Однако в Крымской ССР, исходя из вышеназванного декрета, уголовные отделы подчинялись наркомату юстиции. Также в декрете не было оговорено положение самой милиции.

Следующее постановление СНК Крымской ССР датируется 21 мая. Прочитаем его содержание: «1. *Отнять от всех особых отделов армии и*

контрольных пунктов право суда и расстрела, сделав их следственными органами.

2. В срочном порядке организовать Военно-Революционный Трибунал Армии и Революционный Трибунал Крымской Республики.

3. Отныне ни одного расстрела без суда Рев[олюционного] Трибунала произведено не может.

4. Назначить Следственную Комиссию с чрезвычайными полномочиями в составе представителей: Народного комиссара юстиции, Народного комиссара контроля и Военно-Революционного Совета Республики, для расследования причин расстрелов и привлечения к строжайшей ответственности виновных <...>» [5, с. 213]

Таким образом, в рамках данных постановлений, с 21 мая 1919 г. карательно-репрессивный и правоохранительный аппарат Крымской ССР находился в руках Особого отдела РВС (борьба с политическими оппонентами), наркомата юстиции (борьба с уголовными преступлениями) и органов соцконтроля (преступления по должности). Данные директивы, по задумке их авторов, должны были упорядочить процесс перехода репрессивного аппарата из рук Симферопольского ревкома и привести к его огосударствлению и урегулировать деятельность военных карательных органов, а также их подчинить воле крымского правительства. Также произошла централизация процесса вынесения смертных приговоров в руках Ревтрибунала. К сожалению, состав данного органа остался нам неизвестным, поэтому говорить о преобладании в нём военных или гражданских работников пока не представляется возможным.

Но военными и гражданскими властями данные декреты истолковывались по-разному и далеко не всегда выполнялись. Так, 28 мая замом главнокомандующего Крымской Советской армией М. А. Петровским в Ялту было отправлено распоряжение: «Контрразведчику 1-го караульного батальона Котельвец. Копия: Коменданту города Новикову и председателю Ревкома. Довожу до Вашего сведения, что Вам никто не давал право кого бы то ни было пороть и расстреливать. Своими действиями Вы терроризируете население и восстанавливаете его против Советской власти. Приказываю Вам арестованных немедленно передать Особому Отделу. Категорически заявляю, что если подобные случаи ещё хоть раз повторятся, Вы будете преданы Военно-Революционному суду. <...>» [5, с. 70, 252-253].

Также в конце мая Ю. П. Гавеном были даны разъяснения, которые с большой долей вероятности были вызваны нарушением декретов СНК Крыма: «Право расстрела за какие-либо, хотя и тяжкие, преступления принадлежит исключительно судебной власти (в лице ревтрибунала Крыма - Р. И.), но ни в коем случае — особому отделу при РВС армии» [5, с. 70, 253].

Слабым местом крымского советского законодательства стал неурегулированный статус милиции и военных комендатур. 11 мая, перед

отъездом главкома КСА П. Е. Дыбенко на территорию УССР, им был подписан приказ о назначении И. Котова начальником охраны Крыма: *«Все вооруженные силы Республики стоящие на охране побережья и внутри Крыма, несущие гарнизонную и караульную службы, а равно все коменданты городов и все военные комиссары — подчиняются тов. Котову»* [5, с.40]. Вместе с тем, И. Котов не был представлен в Реввоенсовете Крыма, что фактически делало военные комендатуры подконтрольными исключительно военным.

Этой ситуацией воспользовался комендант Феодосии Ф. М. Новиков. Он занял свою должность 20 мая, заменив на ней П. А. Грудачева, будучи изначально «исполняющим обязанности». Однако его положение на следующий день было закреплено телеграммой начальника штаба Крымской дивизии (на тот момент эту должность занимал С. И. Петренко, также не включённый в состав РВС Крыма), хотя формально этим вопросом должен был заниматься И. Котов. 23 мая Ф. М. Новиковым был издан «Приказ №14», в котором говорилось: *«§ 1. Напоминаю всем гражданам города, что ордера на право обысков, арестов и реквизиций могут быть выданы только за моею подписью, о всех же самочинных обысках и реквизициях немедленно доносить мне. § 2. А также предупреждаю, что все агитации, выступления и восстания против Советской власти, мною будут подавляться беспощадным образом, лица же, уличенные и замеченные в антибольшевистской агитации, будут расстреливаться на месте. <...>»* [21]. 24 мая комендатура издаёт «Приказ №16», в котором отмечалось: *«§ 1. В дополнение к приказу моему за №14, объявляю для сведения всех граждан г. Феодосии, что мандаты на право обысков и арестов могут выдаваться кроме меня и заведующим контрольным пунктом тов. Добрицким»* [22].

Таким образом, руководство следственными процессами в Феодосии с 20-х чисел мая находилось в руках военной комендатуры и местного контрольного пункта. И если роль последних была оговорена в крымском законодательстве в декрете от 21 мая, то право комендатур участвовать и руководить следственными процессами оговорено не было. Таким образом, деятельность Ф. М. Новикова шла вразрез с указаниями из Симферополя, что ставило её вне декретов Крымской ССР. Тем не менее, никаким наказаниям феодосийская комендатура не была подвергнута, и Ф. М. Новиков продолжил издавать приказы со схожим содержанием вплоть до перехода Феодосии в руки Вооружённых сил Юга России 18 июня 1919 г.

Более того – подобная практика обхода крымских законов была поддержана главкомом Крымской Советской армии, председателем Реввоенсовета Крыма и наркомом по военным и морским делам Крыма П. Е. Дыбенко, который в пункте 6 Приказа №32 от 5 июня сообщал: *«Приказываю всем подведомственным мне военным учреждениям и лицам, занимающим ответственные посты, принять самые решительные меры против черносотенной агитации. Лиц, активно выступающих против Советской власти и ведущих агитацию, расстреливать на месте».* [5, с. 69].

Говоря о крымской милиции, следует отметить положение милиции Феодосии, которая, в соответствии с указаниями Ф. М. Новикова находилась в подчинении феодосийской комендатуры. Какого-либо законодательства о том, в чьем ведении находилась крымская милиция, на данный момент не обнаружено, однако в распоряжении исследователей имеется принятый 3 апреля 1919 г. декрет СНК РСФСР «О советской рабоче-крестьянской милиции». В нем милиция определялась как *«особая вооруженная организация, призванная не только охранять порядок в тылу, но и вместе с РККА участвовать в боевых действиях на фронте»* [] В милиции вводилось обязательное военное обучение и воинская дисциплина. В тех городах, которым угрожало нашествие антибольшевистских сил, милиция переводилась на казарменное положение и переходила в непосредственное подчинение военным властям. Учитывая, что линия фронта находилась всего в 20-30 км от Феодосии, а также то, что с 13 мая Крым находился на осадном положении, подчинение милиции коменданту не шло вразрез с российским советским законодательством. Также учитывая прецедент в Феодосии, автор статьи полагает, что подчинённость милиции военным органам и нахождение уголовных отделов (как проводников политики крымского наркомата юстиции) вне милицейского аппарата было актуально для всего Крыма в апреле-июне 1919 года.

Тем не менее, несмотря на существовавший беспорядок и нарушения военными деятелями декретов СНК Крымской ССР, им удалось не допустить масштабных расправ и террора на территории полуострова, сведя случаи одного до единичных эксцессов. Причём угроза развязывания массовых расправ исходило не только от отдельных военных деятелей в Крыму, но и также от представителей проукраинских фракций, существовавших внутри Крымского обкома коммунистической партии [12, с. 15-25], стремившихся сохранить крымскую парторганизацию в составе КП(б)У и ликвидировать влияние КСА и лично П. Е. Дыбенко на крымскую политику при поддержке украинских партийно-государственных органов. В этом случае Крым неизбежно был бы втянут в орбиту украинского красного террора весны-лета 1919 г., пагубная роль которого признавалась в Москве. Так В. И. Ленин писал председателю Всеукраинской ЧК М. И. Лацису 4 июня 1919 года: *«...Каменев говорит — и заявляет, что несколько виднейших чекистов подтверждают, — что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся <...>»* [5, с. 209]. Однако Крым подобной участи избежал.

Можно согласиться с мнением М. В. Владимирского: *«...считаю, что в 1919 г. красным в Крыму репрессировать «всерьез», т.е. лишать свободы и даже расстреливать, было почти НЕКОГО и почти НЕКОМУ. Поясняю этот тезис. В 1919 г. весь белый лагерь юга России еще не концентрировался в Крыму, а был рассеян по всему югу России, т.е. находился в Ростове, Харькове, Новороссийске и других южных городах. Под белым лагерем я имею в виду те массы, которые не приняли большевиков и*

смогли разными путями проникнуть на юг. С другой стороны, военные, не справившиеся с обороной Крыма от заднепровцев П. Дыбенко, смогли организованно отойти за Ак-Монай, и практически никто из них в красном Крыму не остался. Вследствие этого в 1919 году красные чекисты расправлялись там только с той местной буржуазией, которая не успела его покинуть. Причем, «расправлялась» — слишком сильно сказано — да, были конфискации и все перечисленные выше моменты, но жизни никого не лишали. Да и занимались этим непрофессиональные чекисты «местного разлива», Интеллигенция в тот период репрессиям практически не подвергалась» [5, с. 240].

Подводя итоги, стоит выделить два периода становления крымского репрессивного аппарата. Первый период, датируемый с 15 апреля по 18 мая, связан с ведущей ролью крымских ЧК в проведении репрессивной политики, основным краеугольным камнем которой являлся сбор контрибуций с оставшейся буржуазии с целью борьбы с дефицитом денег в Крыму. Ответственность за репрессии в данный период лежит, в первую очередь, на Симферопольском ревкоме и местных ревкомах, контролировавших деятельность Таврической ЧК и городских ЧК.

Второй период, датируемый с 19 мая по 18 июня, характеризуется масштабной реорганизацией крымского репрессивного аппарата. Автор выделяет четыре причины масштабных реформ в данной сфере:

- 1) Сворачивание активной фазы сбора контрибуций;
- 2) Прекращение деятельности Симферопольского ревкома;
- 3) Начало восстания Н. А. Григорьева на территории Советской Украины;
- 4) Бессудные расстрелы в Севастополе, произошедшие в середине мая.

Итогом реформ стало делегирование карательно-репрессивных функций Реввоенсовету Крымской ССР, созданного по инициативе крымского правительства, что обеспечивало тесный контакт между данными органами власти. Борьба с бандитизмом была разделена между судебнo-уголовным розыском, подчинявшимся наркомату юстиции Крыма, и милицией, подчинявшейся местным комендатурам. Право на расстрелы формально стало монополией Ревтрибунала Крымской ССР. Однако в реальности эта монополия нарушалась военными органами в лице комендатур и командования Крымской Советской армии.

Тем не менее, деятельность крымских ревкомов и чекистов, а также СНК Крымской ССР обеспечила недопущение террора, схожего с украинским, и сохранило Крым в орбите репрессивной политики РСФСР, для которой в апреле-июне 1919 г. было характерно ослабление репрессивной практики и её дальнейшая «ревтрибунализация». Вместе с тем крымская репрессивная практика имела свои региональные особенности, которая коснулась в первую очередь органов ЧК, которые, в отличие от России, не превратились в постоянный карательный орган. Также свою специфику

имела деятельность милиции и судебно-уголовного розыска, связанная с введением на территории Крыма осадного положения.

Список литературы

1. Бикова Т. Б. Організація Кримської соціалістичної радянської республіки у 1919 р. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип. 13. – Київ: Наук. думка, 2005. – С. 118-159.
2. Брошеван, В. М. Военкоматы в Крыму, 1919-1920 гг. / Владимир Брошеван. – Симферополь: б. и., 2019. – 159 с.
3. Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Т. 2. / М. М. Максименко (отв. ред.). – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 364 с.
4. Вересаев В. В. В тупике / В. В. Вересаев. – Ленинград: Лениздат, 1989. – 234 с.
5. Владимирский М. В. Красный Крым 1919 года. / М. В. Владимирский – Москва: Издательство Олега Пахмутова, 2016. – 304 с.
6. Грудачев П. А. Багряным путем Гражданской: Воспоминания. / П. А. Грудачев. – Симферополь: Таврия, 1971. – 130 с.
7. Зиборов О. В. Отдельные вопросы использования военного положения в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции [Электронный ресурс] // ИСОМ. – №3. – 2014. – С. 315–317. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-voprosy-ispolzovaniya-voennogo-polozeniya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-i-inostrannoy-voennoy-interventsii> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Известия Феодосийского военно-революционного комитета. Феодосия. 1919. 1 мая.
9. Известия Феодосийского военно-революционного комитета. Феодосия. 1919. 15-31 мая.
10. Известия Феодосийского военно-революционного комитета. Феодосия. 1919. 16 мая.
11. Известия Феодосийского военно-революционного комитета. Феодосия. 1919. 21 мая.
12. Изетов Р. А. Борьба внутрипартийных группировок Крымской областной партийной организации большевиков в апреле – июне 1919 года [Электронный ресурс] // StudArctic Forum. – 2024. – Т. 9, №1. – С. 11-25. – URL: <https://saf.petrso.ru/journal/article.php?id=12181> (дата обращения: 30.03.2024).
13. Матиенко Т. Л. Из пепла революции: к вопросу об организационных и правовых принципах становления советского уголовного розыска [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. – №6. – 2021. – С. 187-192. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-pepla-revoljutsii-k-voprosu-ob-organizatsionnyh-i-pravovyh-printsipah-stanovleniya-sovetskogo-ugolovnogo-rozyska> (дата обращения: 11.03.2024).

14. Ратьковский И. С. Красный террор. Карающий меч революции. / И. С. Ратьковский. - Москва: Яуза-каталог, 2021. – 350 с.
15. Феодосийский музей Древностей (ФМД) №18/140, Д-3088.
16. ФМД №18/25, Д-3102.
17. ФМД №18/44, Д-3121.
18. ФМД №18/60, Д-3137.
19. ФМД №18/102, Д-3177.
20. ФМД №18/123, Д-3198.
21. ФМД №18/149, Д-3222.
22. ФМД №18/153, Д-3226.

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И СТАНОВЛЕНИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ В ЧЕЧНЕ И ИНГУШЕТИИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 20-Х ГГ. XX В.

Р.М. Исаева

Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

Институт чеченского языка

isiewa.roz@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты деятельности центральных и северокавказских краевых научных экспедиций, в частности, их лепту в становление краеведения в Чечне и Ингушетии в 20-е гг. XX в.

Ключевые слова: Чечня, Ингушетия, научные экспедиции, краеведение.

SCIENTIFIC EXPEDITIONS AND THE FORMATION OF LOCAL LORE IN CHECHNYA AND INGUSHETIA: THE SECOND HALF OF THE 20s of the twentieth century.

R.M. Isaeva

Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic

Institute of the Chechen Language

isiewa.roz@yandex.ru

Annotation: The article attempts to highlight some aspects of the activities of the central and North Caucasian regional scientific expeditions, in particular, their contribution to the formation of local lore in Chechnya and Ingushetia in the 20s of the twentieth century.

Keywords: Chechnya, Ingushetia, scientific expeditions, local history.

В начале 20-х гг. XX в. перед Чечней и Ингушетией встали неотложные задачи восстановления разрушенных производительных сил, подъема экономики и социальной сферы. Решение этих сложных и трудных задач потребовало их научной разработки, опираясь на точные данные о местных ресурсах. Поэтому одной из первоочередных мер для возрождения Чечни и Ингушетии, а также определения перспектив их дальнейшего развития

являлось изучение природных богатств и производительных сил с тем, чтобы приступить к их дальнейшему освоению.

Между тем, Чечня и Ингушетия в рассматриваемый период не располагали необходимыми ресурсами для организации широкомасштабных исследовательских работ, в связи с чем в этих целях возникла необходимость привлечения научных сил со стороны.

Непреодолимое значение в научном познании Чечни и Ингушетии имела деятельность на их территориях центральных и северокавказских краевых научных экспедиций. Так рассматриваемый регион впервые становится объектом планомерного, систематического и комплексного изучения.

Особенно активизировалась исследовательская деятельность научных экспедиций в Чечне и Ингушетии во второй половине 20-х гг. XX в. В результате их плодотворной и поистине подвижнической деятельности здесь были проведены научные изыскания: этнографические, лингвистические, археологические, геологические, гидрогеологические, гидрологические, гидрометрические, сейсмологические, мелиоративно-гидротехнические, лесомелиоративные, ботанические, геоботанические, медико-санитарные, бальнеологические. Объектами изыскательских работ экспедиций были растительный покров, посевные площади, почвы, экономическое состояние, сельское хозяйство, животноводство, фауна, минеральные источники и др. [1;2;3;4;8;11;13].

Работы научных экспедиций носили в основном прикладной характер и в большинстве случаев отвечали практическим нуждам социально-экономического и культурного развития Чечни и Ингушетии. Кроме того, деятельность экспедиций явилась толчком к развертыванию научных исследований и оказала стимулирующее воздействие на властные структуры по созданию в Чечне и Ингушетии стационарных научно-исследовательских, научно-опытных, научно-вспомогательных учреждений, вузов, формированию научной интеллигенции, в том числе из лиц коренной национальности.

Деятельность научных экспедиций в 20-е гг. XX в. разворачивалась в пору «золотого десятилетия» краеведения в России [14, с.16].

В период бурного развития краеведения в стране деятельность научных экспедиций в Чечне и Ингушетии содействовала активизации внимания местной интеллигенции, краеведов-любителей к изучению «малой родины», способствовала возникновению научных краеведческих организаций и сообществ.

Во второй половине 20-х гг. XX в. в Чечне и Ингушетии краеведение развивалось в трех основных формах: государственное (Чеченский и Ингушский научно-исследовательские институты краеведения, краеведческие музеи, архивные бюро, библиотеки); общественное (добровольные научные краеведческие сообщества: «Ингушское литературное общество», «Комиссия по краеведению Чеченской автономной

области», «Краеведческое общество Чеченской автономной области», «Научное общество Чеченской автономной области», «Грозненский научный кружок», «Грозненское научное общество») [3, л.46-47; 5; 6, с.439; 7, с.8; 9;10, л.46-47; 12, с.47]; а также школьное.

Важным аспектом деятельности научных экспедиций, проводивших изыскательские работы в Чечне и Ингушетии, стало взаимодействие с краеведческими сообществами, которым оказывалась консультативная помощь по различным научным, методическим и организационным вопросам.

Наряду с запланированной исследовательской, участники экспедиций проводили большую научно-просветительскую, научно-популяризаторскую работу в регионе. Об этом ярко свидетельствуют их выступления с научными и научно-популярными докладами, сообщениями в научно-исследовательских институтах, научных краеведческих обществах, а также перед широкой общественностью, в средствах массовой информации и др.

По окончании полевых работ экспедиции нередко передавали безвозмездно инструментарий, приборы и другое научное снаряжение, а также выделяли часть материалов, которые пополняли фонды местных научных учреждений, музеев, научных краеведческих обществ, архивов, библиотек. Важнейшими историческими и этнографическими источниками являлись рисунки, зарисовки, эскизы, фотоснимки, планы жилищных построек, обмеры, сделанные экспедициями и имевшие огромное значение в становлении этнографической науки в Чечне и Ингушетии.

Экспедиции тесно контактировали с местным населением, которое оказывало им посильную помощь. Отдельные из них принимали участие в работе экспедиций в качестве вспомогательного состава (переводчиков, проводников, информаторов). Особенно значительна была их роль при проведении археологических раскопок и сборе этнографических материалов.

В работе экспедиций приняли участие и ряд местных научных работников и краеведов-любителей. Работая в составе экспедиций под руководством видных ученых и творческих работников, они приобретали навыки исследования крупных научных проблем. Эта была замечательная школа и практика, особенно для начинающих заниматься научно-исследовательской работой, многие из которых в дальнейшем посвятили себя науке.

Таким образом, деятельность центральных и северокавказских краевых научных экспедиций во второй половине 20-х гг. XX в. внесла неоценимый вклад в дело изучения Чечни и Ингушетии, заложив прочную основу для дальнейших, более углубленных, фундаментальных научных исследований, а также внесла свою лепту в становление и развитие здесь краеведения.

Список литературы

1. Архив РАН (Архив Российской академии наук). – Ф. 138, 163, 677.

2. ГАРО (Государственный архив Ростовской области). – Ф. 1390, 2443, 2605.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф.2307.
4. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). – Ф.1260.
5. Грозненский рабочий, 1928, 12 сентября.
6. Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. – Вып.1. – Владикавказ, 1928.
7. Ингушское литературное общество. – Владикавказ, 1924.
8. Обзор деятельности СКАНИИ в 1926-1927 гг. // Труды СКАНИИ. Т.41. – Ростов-на-Дону, 1928.
9. Отчет Научного общества Чеченской автономной области на 01.10.1929 г. // Известия Научного общества Чеченской автономной области №2. – Грозный, 1930.
10. Положение о Чеченском научно-исследовательском институте имени «Десятилетия Совласти в Чечне» // ГАРФ. - Ф.А-2307. – Оп.18. – Д.5.
11. Сводка научно-исследовательских работ в Северо-Кавказском крае за 1925, 1926 и 1927 гг. – Ростов-на-Дону, 1928.
12. Устав Научного общества Чеченской автономной области // Известия Научного общества Чеченской автономной области. – №1. – Грозный, 1929.
13. ЦГА РСО-Алания (Центральный государственный архив Северной Осетии – Алания). – Ф. Р-890, Р-605.
14. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие советского краеведения». // Отечество. Краеведческий альманах. – Москва, 1990. – Вып.1. – С.11-27.

БАЯН – СИМВОЛ ПОБЕДЫ, ИЛИ ИСТОРИЯ УДИВИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Р.В. Карапетова

ГБПОУ Краснодарского края «Краснодарский педагогический колледж»
rozeline@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается биография основоположника династии музыкантов-педагогов, жизненный путь основателя профессионального обучения детей игре на гармонике.

Ключевые слова: игра на исконно русских народных инструментах – баяне, гармонике, пропаганда народного искусства Кубани не только в крае, но и за его пределами.

BAYAN - A SYMBOL OF VICTORY, OR THE HISTORY OF AN AMAZING PERSON

R.V. Karapetova

State Budgetary Educational Institution of the Krasnodar Territory "Krasnodar
Pedagogical College"
rozeline@mail.ru

Annotation: the article examines the biography of the founder of the dynasty of musicians-teachers, the life path of the founder of professional training for children to play the harmonica.

Keywords: playing the original Russian folk instruments - accordion, harmonica, propaganda of folk art of Kuban not only in the region, but also beyond its borders.

Ким Никифорович Головки родился 1 января 1926 г. в селе Великовечное Белореченского района Краснодарского края. Отец, Никифор Андреевич Головки, работал в правлении колхоза станицы Великовечное. Мать, Анна Фалалеевна Головки, была типичной сельской крестьянкой, проработавшей всю сознательную жизнь за трудовыми в колхозе.

Детство Кима пришлось на трудное военное время. Но, несмотря на разруху, голод, всеобщую бедность, народ умел не только работать, но и радоваться жизни. Отец, видя тягу к музыке, сделал маленькому Киму, возможно, самый дорогой в его жизни подарок – баян! Никифор Андреевич, считавшим нужным продать корову и на вырученные деньги купить инструмент – осуществить мечту сына. Мечту, которая станет смыслом всей его долгой и счастливой жизни, посвященной любимому делу. Страстный любитель музыки самостоятельно научился играть на баяне.

Оккупация Белореченского района началась 15 августа 1941г. и продолжалась до 31 января 1943г. Фашисты отбирали у местного населения последние крохи, все, что представляло хоть какую-нибудь ценность. К несчастью, баян Кима приглянулся одному из полицейских – и он забрал его себе! Невозможно представить, что в тот момент пережил юный музыкант: «Отъезжающий от нашего дома грузовик, с награбленным у жителей, мы с братом забросали камнями. В ответ – автоматная очередь. Случайно нас не задело...» – вспоминал Ким Никифорович.

Вероятно, судьбоносную роль баян сыграл в жизни Кима в этом случае исключительно потому, что от 5 сентября 1941 г. в директиве № 220 Главного Политуправления Красной Армии отводилась особая роль музыке и её исполнителям: «Русская песня, гармонь, пляска – друзья бойца. Они сплывают людей, помогают легче переносить тяготы боевой жизни, поднимают боеспособность и формируют настроение личного состава», поэтому и предписывалось: «...в каждой роте иметь запевал, гармонистов и гармонь» [5, с. 129-130]. Это была пока маленькая, но победа на трудном пути к успеху, к осуществлению мечты. Удивительно, но очень часто любовь к баяну помогала прадедушке преодолеть самые, казалось бы, невероятные обстоятельства.

После окончания морской школы с отличием Ким Никифорович 22 апреля 1943 года был отправлен на Балтику в звании «краснофлотец», где был зачислен рулевым на катер МО (Морской Охотник) -552. Демобилизовался Ким Никифорович лишь спустя три года после объявления победы Советского Союза над фашистской Германией. Война позади,

впереди - новая и счастливая мирная жизнь. Вернувшись домой, К.Н. Головкин поступил в музыкальное училище по классу баяна.

Работая в ансамбле Кубанских казаков, Ким Никифорович понял, что его призвание не сцена, не публичные выступления, ему хотелось учить игре на любимом инструменте. И он исполнил мечту своей жизни: целиком и полностью посвятил себя педагогической, просветительской деятельности. Работал преподавателем по классу баяна в музыкально-педагогическом, а затем в музыкальном училище города Краснодара.

За свою трудовую деятельность Ким Никифорович воспитал не одно поколение талантливых, заслуженных, известных далеко за пределами родного края учеников и последователей любимого дела, таких, как:

- народный артист Виктор Гаврилович Захарченко;
- генерал-лейтенант, профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского Виктор Васильевич Афанасьев;
- заслуженный артист России и республики Беларусь, лауреат премии МВД РФ, руководитель ансамбля «Кубанцы» Юрий Булавин;
- заслуженный артист Кубани, лауреат международных конкурсов, солист-гармонист сочинской филармонии Николай Горенко;
- заслуженный учитель России, преподаватель Краснодарского музыкально-педагогического колледжа Владимир Юрченко;
- доцент Дальневосточного института искусств Татьяна Тыква;
- заслуженный работник культуры Кубани Валентин Кравченко, преподаватель СОШ-интерната народного искусства им. В.Г.Захарченко и многие другие.

На протяжении всей жизни искренняя творческая дружба связывала его с бывшим учеником, а ныне руководителем Кубанского хора В.Г. Захарченко. В 1992 году по инициативе Виктора Гавриловича была открыта школа народного искусства при Государственном академическом Кубанском казачьем хоре.

Одним из первых на работу в школу В.Г. Захарченко пригласил своего учителя Кима Никифоровича Головкина. Началась еще одна страница в его биографии – обучение детей игре на традиционных русских народных инструментах. В новой школе впервые на Кубани был открыт класс обучения игре на гармонь-хромке на профессиональной основе. Нужно было создать «модель» выпускника народного отделения школы, создать программу на все годы обучения.

Первыми преподавателями народного отделения стали сын и дочь Кима Никифоровича, такие же преданные народному искусству педагоги. Приступая к обучению, Ким Никифорович и его коллеги преподаватели-гармонисты столкнулись фактически с полным отсутствием регионального компонента в изданном нотном репертуаре, методики преподавания игры на инструменте. Началась работа по сбору существующих обработок для гармонь, написание аранжировок, переложений, и в 2002 – 2006 г были изданы три выпуска сборника «Играй, гармонь Кубанская!». В эти издания

вошли более ста обработок различной сложности популярных кубанских, украинских, русских народных песен, танцевальных народных мелодий, гармошечных наигрышей, авторских песен кубанских композиторов.

Ким Никифорович всячески способствовал открытию классов гармонии в школах города и края, пропагандировал гармонию в среде музыкантов-профессионалов, активно участвовал в подготовке концертных программ, посвященных гармонии. Ученики школы народного искусства много выступали не только в крае, России, но и за рубежом.

Гармонисты школы принимали участие в конкурсах народных инструментов наравне с баянистами, учащимися детских музыкальных школ. Многие ученики Головки К.Н. были победителями, лауреатами этих конкурсов. За достигнутые успехи Киму Никифоровичу присваивается звание «Заслуженный работник культуры Кубани». 2 июля 2007 года Ким Никифорович был награжден медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани».

Большая дружба связывала прадедушку с Геннадием Заволокиным, а позже и с его дочерью Анастасией. Он участвовал в съемках передачи «Играй, гармонь любимая», его ученики – неоднократные участники передачи, а Степанов Александр и Цокуров Юрий вошли в золотую десятку лучших гармонистов России.

В 1999 году вышел первый выпуск журнала «Играй, гармонь любимая», Геннадий Дмитриевич подарил экземпляр со своим автографом. В дальнейшем Ким Никифорович сотрудничал с редакцией журнала, неоднократно печатались его статьи.

Кубань – казачий край. Еще одна страница в биографии К.М. Головки – активная работа в Кубанском казачьем войске (Екатеринодарский отдел). Совет старейшин, в который он входил, занимался делом воспитания молодого поколения. Ким Никифорович посещал казачьи классы в школах города, делился воспоминаниями о войне и пропагандировал народное искусство Кубани, России. Приказом войскового атамана был награжден наградным крестом «За заслуги перед кубанским казачеством» [9].

Имя Головки К.Н. хорошо известно и почитаемо не только в Краснодарском крае, но и за его пределами. Его плодотворная профессиональная деятельность занимает особое место в истории становления-развития баянного и гармонного обучения исполнительству на Кубани.

В некрологе, напечатанном в газете «Вольная Кубань», сказано: «...на 86-м году жизни скончался музыкальный просветитель, педагог, подвижник развития фольклорного искусства России...» [3, с. 24].

На его памятнике золотыми буквами высечены слова:

И в радости, и в горе,
И в этот скорбный час,
Твоей гармонии звуки
В душе поют у нас.

Так баян стал семейной реликвией, символом Победы не только над фашистской Германией, но и победы в любых обстоятельствах, когда человек верен своему делу, любит этот мир и готов творить на благо Родины.

Список литературы

1. Аргументы и факты Кубань № 50 // 15-21.12.2010.
2. Вольная Кубань №111 (25558) // 11 августа 2011 года.
3. Вольная Кубань №53 (23935) // 5 апреля 2003 г.- стр.24.
4. Вопросы методики обучения в детских школах искусств и эстетических центрах. Воспитание личности, внеклассная работа. – Краснодар, 2014.
5. Г. Пожидаев. Музыка на фронтах Великой Отечественной войны. – М., 1970, с. 129-130.
6. Играй, гармонь кубанская!: сборник произведений для двухрядной гармоники-хромки и ансамблей гармоник. Вып. 1 / Кубанский казачий хор; сост.: А. К. Головкин. – Краснодар: Эоловы струны, 2002. – 110 с.
7. Играй, гармонь! // №19 (№1-2007 г.) – С. 52.
8. Играй, гармонь! №19 2007 год / Издательский дом «Сибирская горница».
9. Постановление главы администрации края от 02.07.2007 № 608.
10. Сайт Память народа [Электронный ресурс]. – URL: <https://poisk.re/awards/1537500846> (дата обращения 08.09.2016).

УЧАСТИЕ Е.Д. МАКСИМОВА В ЗЕМСКОМ ДВИЖЕНИИ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Д.Ф. Киреев

Воронежский государственный аграрный университет имени императора
Петра I

dmitriy.kireev.1998@mail.ru

Аннотация: в данной статье рассматривается деятельность Е.Д. Максимова (1858–1927) в качестве гласного Суджанского уездного земства в 1880-е гг. На основе анализа журналов заседаний Суджанского земства и публикаций Максимова в периодическом органе этого земства оценивается его вклад в развитие земского движения на территории Курской губернии.

Ключевые слова: Е.Д. Максимов, Суджа, земство, статистика.

THE PARTICIPATION OF E.D. MAXIMOV IN THE ZEMSTVO MOVEMENT

D.F. Kireev

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great
dmitriy.kireev.1998@mail.ru

Annotation: this article devoted to the participation of E.D. Maksimov (1858–1927) in the Sudzhansky district zemstvo in the 1880s as a public assessor. Based on minute books of the Sudzhan zemstvo and Maksimov's publications in the periodical of the local zemstvo, the role and results of his activities in the zemstvo movement are assessed.

Keywords: E.D. Maximov, Sudzha, zemstvo. statistic.

Уроженец Курского края Евгений Дмитриевич Максимов принадлежит к числу видных писателей и общественных деятелей культурно-народнического направления.

Будущий теоретик и историк «культурной работы» родился 18 января (31 января) 1858 г. в уездном городе Суджа в семье мелкого почтового служащего. Свои юношеские годы провел в Полтаве, где был одним из участников сапожной артели начала 1870-х годов [8, с. 453]. В 1876 г. Максимов поступил в Московское высшее техническое училище, которое бросил на последнем году обучения, чтобы пойти работать сельским учителем. Вернувшись в родную Суджу в 1879 г., Максимов познакомился с председателем местной земской управы К.П. Арнольди, который оказывал в дальнейшем значительное влияние и поддержку молодому Евгению [11, с. 17].

Проработав несколько лет учителем в народной школе села Графовка Суджанского уезда, в 1883 г. Евгений Максимов по совету К.П. Арнольди обзавелся своим собственным имением в соседнем селе Демидовка [13, с. 73]. Кроме того, наличие земли давало ему право участвовать в выборах в качестве гласного в уездном земстве.

В литературе о Максимове эпизод его биографии, связанный с участием в земском движении, не получил должного освещения. О его деятельности в выборном органе местного самоуправления свидетельствуют, прежде всего, данные журналов заседаний Суджанского уездного земского собрания, а также издававшийся в те годы «Еженедельник Суджанского уездного земства». Отдельно следует остановиться на последнем. Как отмечал дореволюционный историк земства Б.Б. Веселовский, «за все сорок лет органы периодической печати (не специальной) имели 19 губернских земств и только одно уездное» [1, с. 562]. И таким уездным земством оказалось Суджанское земство Курской губернии. В 1882 г. оно стало издавать свой периодический орган – «Еженедельник Суджанского уездного земства» с целью «облегчения сношений земской управы с читателями уезда по различным вопросам земского самоуправления». Редактором «Еженедельника» являлся упомянутый выше К.П. Арнольди. В газете можно

было найти не только объявления, информацию о выставках, конкурсах и съездах мелких землевладельцев, но также и материалы известных деятелей земского движения, одним из которых являлся Е.Д. Максимов [6, с. 323].

В эпоху великих реформ Александра II земская реформа 1864 г. занимала значимое место. Создававшаяся система выборного местного самоуправления на губернском и уездном уровнях позволяла вовлечь в обсуждение накопившихся проблем более широкие слои населения. В круг ведения новых общественных структур входили различные хозяйственные дела, народное образование, здравоохранение, местные дороги и мосты, связь, огнестойкое строительство, организация продовольственной помощи и множество других проблем, которые возникали по мере назревания на местах [5, с. 16]. Тем самым, коронная администрация освобождалась от ряда обременительных забот, передавая их в руки земств.

2–3 декабря 1883 г. в Судже состоялся съезд мелких землевладельцев и священнослужителей, на котором необходимо было решить вопрос о баллотировке в гласные в уездное земство. К моменту открытия в зале заседаний присутствовало 118 избирателей, на плечи которых легла задача выбора кандидатов. Однако во время заседания на вопрос председателя съезда о желании возразить против прав участия того или иного члена неожиданно откликнулся некий Мещерский. И первым, кто подвергся нападкам с его стороны, оказался Е.Д. Максимов. Мещерский заявил, что Максимов был внесен земской управой в избирательный список после «припечатания» первоначального списка в Губернских ведомостях. В конечном счете, обсуждение данного вопроса было отклонено из-за его нецелесообразности, тем более что, как потом оказалось, Максимов всё-таки значился в печатном списке, опубликованном в Губернских ведомостях [14, с. 2].

Разрешив организационные вопросы, председатель съезда заявил, что в выборах должны принять участие 113 человек, владевших в общей сложности 4904 дес. земли, на основании чего, необходимо было выбрать 24 уполномоченных членов. В итоге выборы прошли успешно и на период с 1883 по 1885 гг. Е.Д. Максимов становится гласным уездного земства.

Первые заседания Суджанского уездного земского собрания с участием Е.Д. Максимова проходили с 18 по 22 декабря 1883 г. В первый день заседания Евгений Дмитриевич наряду с десятью другими гласными вошел в состав ревизионной комиссии для «обревизования» дел уездной земской управы. Помимо этого, по инициативе гласного С.И. Жекулина был поднят вопрос о прибавке жалованья председателю и членам земской управы. Е.Д. Максимов вместе со своим другом К.П. Арнольди поддержал данное предложение. В итоге собрание утвердило прибавку жалованья по 300 руб. всем, за кого ходатайствовал Жекулин. Так завершился первый день заседания земства [2, с. 10].

На следующий день обсуждался вопрос о земской медицине. В своем докладе гласный А.В. Евреинов предложил изменить направление земской

медицины и направить ее на изучение санитарных и гигиенических условий труда [2, с. 13]. Однако с возражениями здесь выступил Е.Д. Максимов. Он отметил, что каждое санитарное исследование местности потребует очень много времени и «солидной научной подготовки», что являлось не совсем выгодным занятием. Максимов предложил проект по созданию врачебного совета из 5 врачей и 10 членов от земства. Разразилась дискуссия между Евреиновым и Максимовым, завершившаяся избранием особой комиссии для практической разработки по созданию врачебного совета, в которую были приглашены А.В. Евреинов, А.Н. Стоянов, граф С.А. Апраксин, Н.П. Сомов, а также сам Е.Д. Максимов.

Стоит отметить, что во время заседаний Суджанского земства Е.Д. Максимова как бывшего сельского учителя особенно волновал вопрос о народном образовании. Максимов заявлял о неравномерном распределении школ по Суджанскому уезду по причине того, что некоторые школы находились на большом расстоянии друг от друга. Это могло привести к неравномерному распределению процента грамотных в уезде. Собрание не могло не согласиться с заявлением Максимова [4, с. 5].

В период 1884–1885 гг. имя Максимова стало чаще встречаться в журналах заседаний земства и на страницах «Еженедельника». По всей видимости, этот временной отрезок оказался для Максимова наиболее плодотворным. Известно, что он вошел в состав комиссии в 1884 г. по вопросу платежных сил населения. На одном из заседаний земства Евгений Дмитриевич вновь вернулся к проблеме народного образования в Суджанском уезде [3, с. 9]. Предварительно в «Еженедельнике» им был опубликован проект организации народного образования в Суджанском уезде, где подробно излагалась суть проблемы и способы ее решения [12, с. 2]. Автор проекта предложил разделить уезд на школьные районы и открыть 15 новых училищ в разных селах. Были высказаны предложения и об улучшении гигиенических условий школьных помещений. Эти и другие предложения Максимова вызвали сильную волну прений между гласными. Но, тем не менее, к проблеме народного образования на заседании отнеслись серьезно и со многими предложениями проекта его члены все же согласились.

Именно на данный период времени приходится начало активной публицистической деятельности Е.Д. Максимова, неразрывно связанной с его работой в земстве. Так, в 1884 г. в столичном журнале народнического толка «Русское богатство» была помещена статья Максимова под названием «Земский обзор», посвященный доказательству плодотворности деятельности земских учреждений [7]. А своеобразным итогом его деятельности в земстве можно назвать первую крупную монографию «Земские финансы», вышедшую в 1885 г., где автор затрагивал проблему финансовой самостоятельности земств [10].

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона в заметке про Максимова упоминается факт его участия в земском статистическом

обследовании Курской губернии [9, с. 127]. Также известно, что Е.Д. Максимов произвел подворное исследование двух волостей Суджанского уезда. Вероятно, этот опыт позволил ему в дальнейшем стать исполняющим обязанности секретаря терского статистического комитета во Владикавказе в конце 1880-х – начале 1890-х гг.

Таким образом, рассматривая участие Е.Д. Максимова в земском движении, стоит отметить его неуклонный энтузиазм и упорство во время работы гласным в Суджанском уездном земстве. Вопросы, которые Максимов выдвигал на заседаниях земского собрания, были связаны, в первую очередь, с развитием земской медицины и народного образования в уезде. Наряду с этим, Евгений Дмитриевич состоял в различных земских комиссиях, а также принимал участие в статистическом обследовании Курской губернии. Полученный в земстве опыт работы Е.Д. Максимов сумел применить в дальнейшем, уже на государственной службе, занимаясь вопросами общественного призрения и благотворительности.

Список литературы

1. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – Санкт-Петербург, 1909. – Том 1. – 724 с.
2. Журналы заседаний XIX очередного Суджанского уездного земского собрания с 18 по 22 декабря 1883 года / Земство Курской губернии. – Курск, 1884. – 111 с.
3. Журналы заседаний XX очередного Суджанского уездного земского собрания с 15 по 19 октября 1884 года и экстренных земских собраний 8 февраля и 11 июня 1884 года. / Земство Курской губернии. – Курск, 1885. – 425 с.
4. Заседания Суджанского уездного очередного земского собрания. Заседание 20 декабря. // Еженедельник Суджанского уездного земства. – 1884. – № 12–13. – С. 3–6.
5. Карпачев М.Д. Земство в политической системе российского самодержавия // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2023. – № 4. – С. 14–23.
6. Кононова Т.Л. История книжного дела в Суджанском уезде (вторая половина XIX – начало XX в.) // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. – Курск, 2015. – С. 316–325.
7. Макс Евгений. Земский обзор // Русское богатство. – 1884. – № 11. – С. 416–427.
8. Максимов Евгений Дмитриевич // Отечественная история. Энциклопедия. – Москва, 2000. – Том III. – С. 453–454.
9. Максимов Евгений Дмитриевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1906. – Том II (3). – С. 127–128.
10. Максимов Е.Д. Земские финансы. – Санкт-Петербург, 1885. – 40 с.

11. Максимов Е.Д. На культурной работе. Очерки и воспоминания М. Слобожанина. – Санкт-Петербург, 1907. – 484 с.
12. Проект организации народного образования в Суджанском уезде (Доклад гласного Е.Д. Максимова ближайшему экстренному земскому собранию) // Еженедельник Суджанского уездного земства. – 1884. – № 23. – С. 2–5.
13. Прокопенко З.Т. Е.Д. Максимов-Слобожанин и В.Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. – Белгород, 2002. – 268 с.
14. Съезд мелких землевладельцев и священнослужителей 2 и 3 декабря 1883 г. // Еженедельник Суджанского уездного земства. – 1883. – №41–42. – С. 1–5.

**«ВЫХОД ИЗ ФРАКЦИИ НИ НА ЙОТУ НЕ ИЗМЕНИЛ
НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕПУТАТСКОЙ
КАРЬЕРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ Т. О. БЕЛОУСОВА**

А. А. Кружалина

Иркутский государственный университет

kliokrua@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается общественно-политическая деятельность Т. О. Белоусова, депутата III созыва Государственной думы Российской империи от Иркутской губернии. На основе широкого круга источников автор характеризует его участие в избирательном процессе, депутатскую активность. Особое внимание уделено взаимоотношениям Белоусова с коллегами по фракции и политическими оппонентами.

Ключевые слова: школьный вопрос, Т. О. Белоусов, Иркутская губерния, Сибирь, Государственная Дума, Российская империя.

**"LEAVING THE FACTION HAS NOT CHANGED THE DIRECTION OF
POLITICAL AND PUBLIC ACTIVITY ONE IOTA": ON THE
CHARACTERISTICS OF THE DEPUTY CAREER OF A PROVINCIAL
TEACHER T. O. BELOUSOV**

A. A. Kruzhalina

Irkutsk State University

kliokrua@yandex.ru

Annotation: The article examines the socio-political activity of T. O. Belousov, a deputy of the III convocation of the State Duma of the Russian Empire from the Irkutsk province. Based on a wide range of sources, the author characterizes his participation in the electoral process and parliamentary activity. Special attention is paid to the relationship of Belousov with colleagues in the faction and political opponents.

Keywords: school question, T. O. Belousov, Irkutsk province, Siberia, State Duma, Russian Empire.

15 декабря 1907 г. в ходе заседания Иркутского губернского избирательного собрания из двух претендентов (Т. О. Белоусова и П. И. Федорова) первый был избран депутатом III Государственной Думы с перевесом всего в 1 голос (10 «за», 9 «против») [8]. Однако из-за того, что перевес в один голос был обеспечен участием самого кандидата, Терентий Осипович не получил абсолютного большинства и процедура должна была быть признана недействительной. Однако никто, в том числе председатель Иркутской судебной палаты П. Д. Попов, ответственный за организацию выборов, этого не заметили. Проблема вскрылась уже по прибытии депутата в столицу, где его судьбу решила специальная комиссия Государственной Думы.

1 февраля 1908 г. тайным голосованием было решено сохранить за Белоусовым депутатский мандат, так как из 316 депутатов, только 178 высказались за отмену выборов, а 138 приняли противоположное решение [6, стб. 1638.]. Сорока голосов перевеса оказалось недостаточно.

При этом трудности на пути в Думу сопровождали Белоусова задолго до Иркутского съезда. Изначально, учитель Черемховского 2-классного училища не попал в списке избирателей и вынужден был дважды обращаться с письмом в Балаганскую городскую комиссию по выборам, чтобы добиться реализации положенного ему избирательного права. В письме от 14 февраля 1907г. Белоусов аргументированно, со ссылками на законодательные акты и различные инструкции обосновывал своё избирательное право следующим: как лицо заведующее училищем, открытым на основании инструкций 1875 г., он имеет право участвовать в выборах как любой другой, находящийся на общественной или государственной службе [3, л. 27]. Кроме того, Т. О. уточнял, что не имеет принципиального значения, за чей счёт финансируется училище: частный или сельского общества (что, по его мнению, было основанием исключения его из избирательных списков) [3, л. 27]. Автор письма указывал на благосклонность учебной инспекции и опыт участия в предыдущих выборах, в подтверждение чему ещё 1 февраля в Балаганскую уездную комиссию по выборам было направлено письмо инспектора народных училищ с подтверждением «права быть избирателями» Белоусова и еще пяти учителей, в котором также указывалось, что он числится на Черемховских копиях Шелкунова учителем [3, л. 34–34 об.].

Кроме того, Белоусов «настоятельно просил» как можно скорее уведомить его о включении в список избирателей «чтобы иметь возможность своевременно обжаловать действия комиссии» [3, л. 27], что безусловно свидетельствует о высокой мотивации участия в выборах и достойном уровне развития правосознания автора. 20 февраля 1907 г. последовало распоряжение о включении Т. О. Белоусова в список избирателей по Балаганскому уезду [8, л. 60–60 об.], а 11 ноября 1907г. он был избран выборщиком в Иркутское губернное избирательное собрание, как представитель городских избирателей по Балаганскому уезду [2, л. 9–9 об.].

Терентий Осипович происходил из крестьянин-старожилов Севера Иркутской губернии. Окончил приходское и городское училища в Нижнеудинске. В 1892 г. в Иркутской учительской семинарии получил диплом сельского учителя. Преподавал в Преображенском приходском училище, а после в ряде сёл Иркутской губернии, прежде чем оказался в селе Черемхово Балаганского уезда. Белоусов стал одним из организаторов и руководителей Иркутского отделения Всероссийского учительского союза, а также являлся членом иркутского общества взаимопомощи учителей.

Т. О. Белоусов был весьма активным депутатом. Неоднократно выступал с думской трибуны, состоял в ряде думских комиссий, регулярно публиковал «отчетные» заметки в «Сибирских вопросах» и других изданиях. Только в «Сибирских вопросах» за 1908–1911 гг. им было опубликовано свыше тридцати разнообразных материалов.

С думской трибуны Т. О. Белоусов (меньшевик), как правило, озвучивал отношение всей социал-демократической фракции к тому или иному законопроекту, в частности по вопросу финансирования народного образования. Так 16 апреля 1912г., после продолжительного перерыва, Терентий Осипович выступал с критикой сметы расходов по Министерству народного просвещения, отмечая, что вопрос о введении всеобщего обучения в Сибири, в отличие от Европейской России, «весьма далеко отстоит от своего осуществления» [7, стб. 2340–2341.]. Белоусов настаивал, что именно отсутствие земских учреждений в крае негативно отражается на школьном деле в сибирских губерниях и областях. В отношении к земству Т. О. Белоусов был последователен.

Журнал «Сибирские вопросы» свидетельствует о том, что за четыре первые сессии III созыва Государственной Думы (1908–1911) депутат Т. О. Белоусов выступил с трибуны Думы сто четыре раза [10, с. 102], в том числе семдесят семь при обсуждении законопроектов и двадцать один раз по бюджетным вопросам [9].

В феврале 1912г. Т. О. Белоусова внезапно покинул социал-демократическую фракцию III Государственной думы, активным членом которой он был на протяжении четырех лет. Произошедшее стало для него драматичным и сложным событием, подорвавшим душевное и физическое здоровье. В дополнении ко всему прогрессировала заболеваемость туберкулезом. Но Белоусов не отказался от депутатского мандата, как он сам объяснял, «ради нужд своих избирателей» и не смотря на призывы к обратному со стороны бывших коллег по фракции. Однако его активность в парламенте в статусе беспартийного депутата (февраль–июнь 1912 г.) оказалась менее интенсивной.

Социал-демократы всех направлений единодушно осудили поступок Белоусова. В. И. Ульянов (Ленин) опубликовал под псевдонимом «Т» статью в газете «Звезда», в которой раскритиковал бывшего однопартийца, уточнив, что «фракция еще два года назад превратилась для него в «чуждую среду» [11].

15 марта в «Сибири» было напечатано письмо Белоусова с разъяснением причин выхода из фракции [1]. Опальный депутат отметил серьезные разногласия между ним и социал-демократической группой депутатов «во взглядах на вопросы парламентской тактики и на пути и формы организации народных масс». По мнению Белоусова, парламентская тактика социал-демократов не могла охватить все многообразие выдвигаемых своеобразной русской жизнью запросов. В качестве примера он привел законопроект о земствах в Сибири.

Однако его политические оппоненты пытались ограничить возможную политическую активность нашего героя даже после сложения им депутатских полномочий. Председатель Балаганского уездного предвыборного комитета «Союза православных приходов», настоятель Балаганского Спасского собора протоирей Дмитрий Ивейский 21 августа 1912г. обратился к Балаганскому городскому старшине с жалобой на якобы неверное включение Т. О. Белоусова в избирательные списки по г. Балаганску [4, л. 27–27 об.]. Ивейский в жалобе указывал на неправомерное признание за Белоусовым имущественного ценза, на основании которого Белоусов значился в списках, ибо купленный Белоусовым у мещанина Щербакова дом, по свидетельству жалобщика, принадлежал городу, так как Щербаков «на владение земельным участком под этим домом никаких нотариальных документов не имел и не имеет» [4, л. 27].

Городской старшина отписал на жалобе, что вопросы некорректности включения избирателей в списки рассматриваются в Балаганской уездной по выборам комиссии. О чем распорядился уведомить комиссию и Протоирея Д. Ивейского 24 августа [4, л. 28]. Неизвестно, подавал ли последний жалобу непосредственно в комиссию.

Что касается Т. О. Белоусова, то после сложения депутатских полномочий парламентария III созыва, он отошел от политических дел, какое-то время жил в Санкт-Петербурге, что даже стало основанием к осуществлению полицейского надзора за ним за ним. При том, что партию Белоусов скандально покинул ещё в феврале, в ноябре 1912 г., уже накануне открытия заседаний Государственной думы четвертого созыва, начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице сообщал в Департамент полиции о том, что из бывших членов социал-демократической фракции III Думы в городе «значатся на жительстве» четыре человека, в том числе и Т. О. Белоусов [5, л. 293].

Список литературы

1. Белоусов Т. О моем выходе из социал-демократической фракции (письмо депутата) // Сибирь. – 1912. – 15 марта.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 421. – Оп. 1. – Д. 6.
3. ГАИО. – Ф. 421. – Оп. 1. – Д. 7.
4. ГАИО. – Ф. 421. – Оп. 1. – Д. 9.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – ДП. ОО. – 1912. – Д. 307.
6. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. I. – СПб., 1908.
7. Государственная Дума. Созыв третий. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч. III. – СПб., 1912.
8. Родионов Ю. П. Т. О. Белоусов в Государственной Думе: от социал-демократии к беспартийности. Исторический ежегодник за 1997 год (спецвыпуск). Омский государственный университет, 1999. – С. 58–71. – URL: http://www.hrono.info/statii/2005/belousov_to.html (дата обращения 25.03.2024).
9. Сибирские депутаты (немного статистики) // Сибирские вопросы. – 1911. – № 40–41. – С. 47–53.
10. Сибирские депутаты (немного статистики) Окончание // Сибирские вопросы. – 1911. – № 42–43–44. – С. 96–105.
11. Т. По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. фракции // «Звезда». – № 17 (53). – 13 марта 1912 г.

ЛЕНИНГРАД 1942 — 1943 ГГ. В ФРОНТОВЫХ ПИСЬМАХ ВОЛОГЖАНКИ ЗОИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЛАПШИНОЙ

В.Л. Кукушкин

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В.

Верещагина

kukvasleo@yandex.ru

И.А. Кукушкина

Вологодский областной медицинский колледж

irkukaq1976@yandex.ru

Аннотация: Статья написана на основе фронтовых писем 1942 — 1943 гг. Их автором является жительница провинциального города Вологды Зоя Александровна Лапшина. В годы Великой Отечественной войны она в качестве военного фельдшера служила на Ленинградском фронте. Запечатленная в письмах вологжанки жизнь блокадного Ленинграда представляет интерес для исследования в аспекте восприятия очевидцем из российской глубинки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, женщина на войне, письма с фронта, образ культурной столицы

LENINGRAD IN 1942 — 1943 IN THE FRONTLINE LETTERS OF VOLOGDA WOMAN ZOYA ALEXANDROVNA LAPSHINA

V. L. Kukushkin

Vologda State Dairy Farming Academy named by N.V. Vereshchagin

kukvasleo@yandex.ru

I. A. Kukushkina

Vologda Regional Medical College

irkukaq1976@yandex.ru

Annotation: The article is based on the materials of letters from the front written in 1942 — 1943. The author of the letters is Zoya Alexandrovna Lapshina. She arrived as a military paramedic at the Leningrad front from the provincial city of Vologda. The life of besieged Leningrad depicted in the letters is interesting for research in the aspect of perception by an eyewitness from the Russian hinterland.

Keywords: the Great Patriotic War, Leningrad blockade, a woman at war, letters from the front, the image of the cultural capital

Выявление и публикация всех источников, имеющих прямое или косвенное отношение к истории обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, является важнейшей задачей на современном этапе развития исторической науки [8, с.70]. Среди сохранившегося комплекса документов особое значение для изучения блокадной жизни города во всех ее проявлениях имеют источники личного происхождения, в частности — дневники, мемуары, письма [2, с. 163; 10, с. 34].

Среди писем, освещающих быт и состояние осажденного Ленинграда, особый интерес для исследования представляют письма Зои Александровны Лапшиной — двадцатитрехлетней жительницы города Вологды, младшего лейтенанта медицинской службы Красной Армии, военфельдшера 12 Отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона, погибшей в октябре 1943 г. в бою в районе Полтавы. В 1942 — 1943 гг. Зоя Александровна участвовала в боевых действиях на Ленинградском фронте, 26 июля 1943 г. ей была вручена медаль «За оборону Ленинграда». С фронта Зоя отправляла в Вологду письма своим родным и близким. Сохранилось 35 посланий девушки, из них примерно 25 можно отнести ко времени ее пребывания под Ленинградом. После войны часть материалов переписки была передана родственниками З.А. Лапшиной на хранение в музей Вологодского областного медицинского колледжа — учебного заведения, которое она окончила в 1940 г. под названием «Вологодская фельдшерско-акушерская школа» [3, с. 476 — 477]. Военская часть, где служила З.А. Лапшина, дислоцировалась за пределами Ленинграда, тем не менее, девушка имела возможность посещать город. Всего в письмах упоминается о пяти таких посещениях. Своими впечатлениями о Ленинграде Зоя делилась в переписке, что позволяет дополнить объективное представление о блокадной жизни города через восприятие стороннего провинциального наблюдателя.

Первое впечатление о Ленинграде отражено в почтовой карточке, написанной Зоей 30 мая 1942 г., где описывается безрадостный городской пейзаж: «Прошли через Л[енингра]д. Город имеет угрюмый мрачный вид, людей мало» [4, л. 9]. Примечательно, что такие же образы темного, безлюдного и погруженного в зловещую тишину блокадного города, по наблюдениям историка В.Л. Пянкевича, запечатлены во многих воспоминаниях ленинградцев [7, с. 136 — 137].

Оказавшись в Ленинграде, З.А. Лапшина покупает в городе вещи, которые совсем негодились бы ей на войне, а, занимая лишнее место в

вещевом мешке, только бы обременяли ее в дальнейшем: юбки, синяя гимнастерка и черные туфли на каблучке [4, л. 11]. Член Политуправления Ленинградского фронта, писатель Н.С. Тихонов в рассказе «Костер», где девушки из медсанбата сжигают мешающие им модные предметы гардероба, показал бессмысленность подобных приобретений в военное время [9, с. 39 — 42]. Отмечая стремление к покупке модных вещей среди девушек-военнослужащих, С.А. Алексеевич, приходит к выводу о неподготовленности их сознания к военной службе: «Они были готовы к подвигу, но не были готовы к армии. И армия, в свою очередь, не была готова к ним...[1, с. 51]» Вместе с тем, не исключено, что приобретение красивых вещей для женщины в военной форме также являлось повышающим настроение и устраняющим тревожные мысли средством психологической разгрузки, способом сохранения гендерной идентичности.

Получавшие паек военнослужащие были для большинства блокадников значимыми участниками товарообмена [5, с.157], поэтому почти сразу Зоя включилась в отношения блокадного рынка, откуда вынесла новые представления о ценностях осажденного Ленинграда: «Сейчас ценят не вещи, а хлеб и продукты»; «Здесь овощи есть, но дорогие, да и вообще все продукты дорогие» [4, л. 10, 11]. В.Л. Пянкевич отмечает среди солдат-ленинградцев массовое стремление к сбережению продуктов пайка с целью их последующей передачи своим голодающим членам семьи [6]. По-видимому, и Зоя Лапшина оказалась под влиянием этих настроений. В письме от 21 августа 1942 г. она пишет, что ей «нормы хватает еще с остатком». Получив из Вологды письмо от матери о дефиците в родном городе хлеба, Зоя в ответном послании 28 августа 1942 г. притворно жалуется на «надоевшее» ей однообразное питание, на то, что «через силу» ест суп, «страдает» от «излишка получаемых продуктов». Она в письмах выражает готовность отправить «излишки» своей семье в Вологду, однако тогда почта еще не принимала посылки военнослужащих. В переписке нет сведений о том, куда делись сэкономленные Зоей «излишки», поэтому, не исключено, что переданные через ее сослуживцев продукты, могли помочь кому-то из голодающих ленинградцев. Неспособность поддержать семью продуктами Зоя пытается компенсировать картинками «яркой красивой жизни», посылая в письмах приобретенные в Ленинграде открытки с художественными изображениями. Отправить подарки семье на «большую землю» удалось только в марте 1943 г. вместе с проживавшим в годы блокады в Ленинграде земляком Лапшиных — Василием Ивановичем Коробулиным. 13 марта Зоя с этой целью специально прошлась по ленинградским магазинам и приобрела игрушки для своей малолетней племянницы Натальи («зверинец» и рота солдатиков), кофты и чулки. В Ленинграде работали бани, Зоя Александровна в одном из своих писем упоминает о посещении бани в ходе непродолжительного визита в город. Показательно, что после первых визитов в Ленинград, она выпивает вместе с сослуживцами [4, л. 11, 12, 13, 15, 32].

В основном поездки девушки в Ленинград были связаны со служебной надобностью (визит к раненому сослуживцу в госпитале, совещание военных фельдшеров), в ходе которых она при наличии свободного времени навещала земляков и друзей, могла побывать в городских торговых и культурных учреждениях. Так, планируя на 13 марта 1943 г. поездку в город, Зоя составила целую программу развлекательных мероприятий: «Думаю сфотографироваться — зафиксировать 1943 год; и сходить в кино обязательно — немного «приобщиться к культуре». Сяду «насередку оперы и буду смотреть театр». Хотя бы театр-то посмотреть...» К сожалению, программу развлекательных мероприятий за недостатком времени пришлось свернуть. В кино и театр Зоя в блокадном Ленинграде не попала [4, л. 15, 31, 32].

По мнению исследователя С.В. Ярова, многим авторам источников личного происхождения, описывающим ужасающие подробности блокадной жизни, присуща самоцензура. Люди не могли писать об этом открыто по этическим соображениям [10, с. 34 — 35]. Имелись также опасения понести уголовную ответственность за «антисоветскую агитацию и пораженческие настроения» [8, с. 83]. Кроме того, отправляемые с фронта письма просматривались органами военной цензуры. На письмах Зои Лапшиной имеются отметки такого просмотра, потому вполне объяснимо отсутствие в ее корреспонденции детальных описаний и оценок явлений блокадной повседневности.

Голод влиял на поведение ленинградцев неоднозначно. С.В. Яров в исследованиях представляет многочисленные случаи личного распада и нравственной деградации человека в условиях «смертного времени». Некоторые ленинградцы становились апатичными, циничными, у них атрофировались чувства уважения к себе и к другим, пропадали даже безгливость и понимание необходимости ухода за собой, соблюдения личной гигиены [11; 12]. Человек, попавший в осажденный город, чтобы не сломаться психически, вынужден был подавлять эмоции от всего увиденного. По-видимому, такое отношение сформировалось и в душе Зои Лапшиной, писавшей о происходящем вокруг весьма лаконично: «В общем живу, хорошо. Обстановка особенно не действует. Стараюсь меньше обращать внимания» [4, л. 11].

Таким образом, Ленинград 1942 — 1943 гг. в представлении провинциальной жительницы Зои Лапшиной — это, как она пишет в одном из своих писем, «большой город» [4, л. 31], который даже в условиях осадного положения и голода был местом для удовлетворения ее бытовых, социальных и культурных потребностей, скрашивал ее однообразную и опасную фронтовую жизнь. Героический город продолжал борьбу и его учреждения жизнеобеспечения работали, мотивируя девушку на самоотверженное служение стране. Визуальное восприятие Ленинграда гостем из северной провинции в лице З.А. Лапшиной имело общие черты с представлениями жителей города. Тем не менее, находясь в системе

снабжения в более привилегированном положении, она сохранила разносторонний интерес к жизни, поэтому и смотрела на обстановку более оптимистично. В письмах Зои Лапшиной нет описаний фактов голода и смерти ленинградцев, свидетелем которых она, без сомнений, была, но, очевидно, в силу объективных и субъективных причин не могла об этом открыто сообщать в письмах.

Список литературы

1. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо...: Документальная проза. — М.: Правда, 1988. — 464 с.
2. Гриднев В.П. Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. — 2018. — № 5. — С. 162-171. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memuary-kak-istochnik-izucheniya-bitvy-za-leningrad/viewer> (дата обращения: 26.02.2024).
3. Кукушкин В.Л., Кукушкина И.А. Фронтовые письма Зои Александровны Лапшиной 1941 — 1943 гг. как исторический источник [Электронный ресурс] // Военная история России. Материалы XV Международной военно-исторической конференции. Под редакцией М.А. Королевой, В.А. Носова, С.А. Пищулина. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 475-482. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_53851080_92987649.pdf (дата обращения: 26.02.2024).
4. Музей колледжа. Основной фонд. З. Лапшина. — МК ОФ-169-ЗЛ 1. — Л. 1 – 36.
5. Пянкевич В.Л. «Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде [Электронный ресурс] // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. — 2012. — № 9. — С. 155-183. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17921066_83082101.pdf (дата обращения: 26.02.2024).
6. Пянкевич В.Л. Мужчины на защите блокированного Ленинграда и близких [Электронный ресурс] // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. — 2014. — № 19. — С. 176-193. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22835435_11594064.pdf (дата обращения: 26.02.2024).
7. Пянкевич В.Л. «Симфония войны». Звуки и тишина блокадного Ленинграда в восприятии горожан [Электронный ресурс] // Петербургский исторический журнал. — 2019. — № 3 (23). — С. 130-154. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41140659_75439736.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

8. Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию [Электронный ресурс] // Новейшая история России. — 2012. — № 3 (5). — С. 70-96. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18356126_96709267.pdf (дата обращения: 26.02.2024).
9. Тихонов Н.С. Костер // Ленинградские рассказы. — Л.: Детская литература, 1977. — С. 39-42.
10. Яров С.В. Источники личного происхождения о жизни блокадного Ленинграда в 1941 — 1942 гг. [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2013. — № 1, Т. 4. — С. 34-40. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-lichnogo-proishozhdeniya-o-zhizni-blokadnogo-leningrada-v-1941-1942-gg/viewer> (дата обращения: 26.02.2024).
11. Яров С.В. Ленинградцы в «смертное время»: предпосылки изменения нравственных ценностей [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2008. — № 4, Т. 4. — С. 23-46. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leningradtsy-v-smertnoe-vremya-predposylki-izmeneniya-nravstvennyh-tsennostey/viewer> (дата обращения: 26.02.2024).
12. Яров С.В. Одинокие люди в блокадном пространстве [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2010. — № 3, Т. 4. — С. 69-79. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20743323_70351693.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

Н.Е. МАРКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.И. Курицын

ГУО «Средняя школа №175 г. Минска»

dorward@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается совокупность современных исследований, посвященных Н.Е. Маркову. Анализируется его роль в черносотенном движении в начале XX века, как в Курской губернии, так и в целом в России в современной историографии. Существенное внимание уделено проблеме политического размежевания в среде правых в 1907-1912 гг., и место в данном процессе Н.Е. Маркова. Особым образом отмечен вклад современных исследователей в изучение эмигрантского периода правого политика.

Ключевые слова: черносотенцы, крайне правые, монархисты, Н.Е. Марков, Союз русского народа.

N.E. MARKOV IN MODERN HISTORIOGRAPHY

A.I. Kuritsyn

SIE «Secondary school № 175 in Minsk»

Annotation: The article examines the totality of modern studies devoted to N.E. Markov. His role in the Black Hundred movement at the beginning of the twentieth century, in the Kursk Governorate and in Russia in modern historiography is analyzed. Considerable attention is paid to the problem of political division among the right in 1907-1912, and the place in this process of N.E. Markova. The contribution of modern researchers to the study of the emigrant period of the right-wing politician is especially noted.

Keywords: Black Hundreds, extreme right, monarchists, N.E. Markov, Union of the Russian People.

Россия в конце XIX – начале XX вв. переживала процесс глубокой трансформации, затронувшей все сферы жизни. Во многом это было обусловлено реформами 1860-1870-х гг., а также дальнейшим развитием капиталистических отношений в Российской империи. Вместе с тем, данные изменения болезненно воспринимались значительной частью населения. Модернизация существенно изменила образ жизни и финансовое состояние огромного количества людей, что не могло не вызвать ответной реакции, которая проявилась в радикализации общественной жизни, не только под левыми, но и правыми знамёнами. Выразителем мнения части этих людей стало черносотенное движение, возникшее в начале XX века под лозунгами сохранения самодержавия в неизменном виде, возвращения к исконным «старомосковским» порядкам XVI-XVII вв., что на практике привело бы к созданию совершенно новых общественных отношений. В связи с этим многими черносотенцы воспринимались не как консерваторы, что представляется вполне естественным, но как радикалы, и даже «революционеры справа» [6, с. 891]. Анализируя данное представление, известный исследователь правых политических движений Т. Рокки отмечает, что «по-своему черносотенство являлось революционным движением справа против существовавшего строя в России и вносило свой вклад в падение самодержавия и особый путь русской революции» [11, с. 47]. Тем самым, мы можем констатировать, что политические процессы, протекавшие в России в начале XX века, являются исключительно сложными как для восприятия, так и для изучения исследователями, для них была характерна высокая «мозаичность» и фрагментарность, не только на левом фланге, но и на правом.

Наиболее влиятельной правой партией стал Союз русского народа (СРН), возникший осенью 1905 г. в Санкт-Петербурге, и вскоре ставший крупнейшей политической организацией в Российской империи. На пике, осенью 1907 г. в него «входило около 550 местных отделов, в которых состояло более 400 тыс. человек» [9, с. 123]. Своего наибольшего могущества Союз достиг в ходе противостояния революционным силам во время Первой русской революции, и после её окончания, постепенно теряет свою значимость. Этому во многом способствовал тот факт, революционное насилие, захлестнувшее Россию в ходе событий 1905-1907 гг., являлось зримым доказательством того, о чём говорили черносотенцы, и служило

мощным мобилизационным средством, лучшей агитацией для СРН. В свою очередь поражение революции, утверждение «третьеиюньской монархии» создавало совершенно новые реалии, в которые Союз русского народа смог «вписаться» лишь с большим трудом, путём напряжённой внутренней полемики, которая привела к нескольким расколам и существенному падению численности организации до нескольких десятков тысяч человек. Впрочем, необходимо признать, что подобного рода изменения протекали и среди других крупнейших политических партий, таких как РСДРП, «Союз 17 Октября» и др. Необходимо отметить, что важнейшую роль в данных процессах играли как идейные столкновения, так и личные амбиции политических лидеров, имевшие под собой, всё же вполне объективный фундамент. Союз русского народа, как всесословная организация, включал в себя представителей различных слоёв общества, имевших зачастую диаметрально противоположные интересы, что повлекло сначала к идейному, а впоследствии и политическому размежеванию. И если глава организации – А.И. Дубровин, занимая более непримиримую позицию по отношению к политической системе, сложившейся после третьеиюньского переворота, был выразителем во многом обедневших крестьян, мещан, рабочих, мелких служащих, то его оппоненты – В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков, опирались на другие общественные группы. В результате в правом движении, отчетливо проявилось существование двух течений. Первое выступало против аграрных преобразований П.А. Столыпина, Государственной Думы и подвергало жесткой критике правительственный курс и бюрократические круги. Лидером данного направления был председатель Главного Совета Союза русского народа А.И. Дубровин. В противовес ему, В.М. Пуришкевич, а впоследствии и Н.Е. Марков, считали необходимым существование Думы (пусть скорее и в качестве законосовещательного органа), ликвидацию общинного землевладения и поддерживали правительственный курс П.А. Столыпина. Непримиримость между двумя лагерями привела к попытке В.М. Пуришкевича сместить А.И. Дубровина в конце 1907 – начале 1908 гг. Данная проба сил закончилась неудачей, в результате которой первый был вынужден покинуть СРН, что впрочем, не помешало ему создать новую правую политическую партию – Союз Михаила Архангела [7, с. 153]. Однако уход сторонников Пуришкевича, пусть на время и стабилизировав внутривнутрипартийную борьбу в Союзе, тем не менее, не решал всех имеющихся проблем. Более того, уже следующий конфликт между «умеренными» и «крайними» силами в СРН закончился поражением А.И. Дубровина, что вынудило уже его регистрировать новую политическую организацию – Дубровинский союз русского народа. В отличие от В.М. Пуришкевича, стремившегося в глазах широкой правой общественности к банальной смене руководства, Н.Е. Марков и Э.И. Коновницын действовали гораздо тоньше, во всяком случае, на первом этапе. Они воспользовались тем, что А.И. Дубровину в 1909 г. в связи с «началом судебного процесса по делу об убийстве в 1906 г.

перводумца М.Я. Герценштейна, организованном кандидатом Главного совета Н.М. Юскевичем-Красковским и совершённым членами боевой дружины СРН» угрожало судебное преследование [9, с. 126]. Тот был вынужден уехать из Санкт-Петербурга, что позволило Маркову и Коновницыну организовать новые выборы в Главный Совет Союза русского народа и получить там преимущество над сторонниками Дубровина, как бы «обновить» его, что станет поводом называть их «обновленцами». Не выступая прямо против А.И. Дубровина, пользовавшегося в партии серьёзным авторитетом, они, тем не менее, указывали, что в сложившихся обстоятельствах он не может исполнять свои прямые обязанности, и, следовательно, должен уступить место председателю Главного Совета. В результате начавшейся внутрипартийной борьбы, Н.Е. Марков в 1911 г. возглавляет Союз русского народа (и возглавляет его вплоть до 1917 г.), а А.И. Дубровин и его сторонники были вынуждены покинуть СРН.

Данная проблематика не получила должного рассмотрения в дореволюционной и советской историографии в силу ряда объективных и субъективных причин, как и деятельность Н.Е. Маркова в целом. Вместе с тем, он сам, как и обстоятельства прихода этого курского политика в Союз русского народа, а позднее и выдвижение в лидеры партии, несомненно, имеют высокий научный интерес. В связи с этим, уже в первом крупном исследовании, опубликованном после 1991 г., эта тематика стала предметом самого серьёзного изучения. В фундаментальной работе С.А. Степанова «Черная сотня в России: 1905-1914 гг.», впервые изданной в 1992 г., а впоследствии выдержавшей ещё два переиздания в 2005 г. и 2013 г., политическое размежевание правых, и роль в данном процессе Н.Е. Маркова стало одной из важнейших тем. Отмечая идейное противостояние между «дубровинцами» и «обновленцами», С.А. Степанов указывает, что ядро последних составляли те, члены СРН, которые смогли стать депутатами Государственной Думы, в том числе и Н.Е. Марков. Отдельно им отмечается имевшееся наличие различных социальных слоёв в Союзе русского народа, как фактор, непосредственно сыгравший исключительную роль, в расколе Союза [12, с. 301].

Вместе с тем, уделяет автор внимание и происхождению Н.Е. Маркова, отмечая, что «он приходился дальним родственником С.Ю. Витте» [12, с. 168]. Это в особенной мере символично, учитывая, что для черносотенцев С.Ю. Витте являлся одним из главных «злодеев» российской политической жизни, как человек повинный в появлении Манифеста 17 Октября. Подчёркивается исследователем и влияние Марковых в родной Курской губернии. Так, например, его дядя утверждал, что Н.Е. Марков совместно с братом, Л.Е. Марковым, «фактически захватил власть в губернии и на все должности рассадил своих родственников» [12, с. 169].

Особое внимание, уделено было автором и Н.Е. Маркову в Государственной Думе, его взглядам по целому кругу вопросов, как например, по проблеме малоземелья, имевшейся на значительной части

европейской части империи [12, с. 427]. Отмечается тот факт, что наряду с В.М. Пуришкевичем, Марков был одним из главных ораторов правых в Думе, на выступления которых «приходили как на концерты» [12, с. 282]. Важно подчеркнуть, что среди черносотенных депутатов, именно лидер «обновленцев» был тем человеком, который поддержал П.А. Столыпина в марте 1911 г. во время возникшего политического кризиса, связанного с законопроектом о введении в западных губерниях земств. Последний, угрожая императору Николаю II отставкой, заставил его распустить законодательные органы власти на три дня, и ввести данный земства «царским указом по статье 87 Основных законов» [12, с. 295]. Это привело фракцию правых к расколу ввиду того, что безоговорочно действия премьера были одобрены только Н.Е. Марковым, с чем было несогласно большинство её членов.

Не обходит вниманием автор, и проблему внешнеполитических ориентиров правых, и, в частности, Н.Е. Маркова. Выступая до Первой мировой войны за тесные отношения с Германией, как монархической державой, с началом боевых действий в августе 1914 г. они были вынуждены перестроиться, при этом современники подозревали их в неискренности [12, с. 502]. Впрочем, если симпатии лидеров черносотенцев и были скорее на стороне монархической Германии, это не мешало им деятельно участвовать в борьбе с ней. Так, С.А. Степанов отмечает тот факт, что Марков работая в Особом совещании по обороне, «зарекомендовал себя человеком, хорошо разбирающимся в самых сложных вопросах» [12, с. 513].

Примечательно, что в ноябре 1915 г. черносотенцами предпринимались попытки объединения, в которых Н.Е. Марков сыграл значимую роль. Так, на Петроградском совещании последний даже обменялся рукопожатием с А.И. Дубровиным, с целью продемонстрировать единение среди правых, однако настоящего объединения не произошло. Бывший глава СРН, в частной переписке именовал произошедшее собрание не иначе как «бутафорским марковским съездом» [12, с. 519]. Однако курс на единение был продолжен и на Нижегородском совещании правых, как указывает автор, «речи почетного председателя совещания А.И. Дубровина и почетного гостя Н.Е. Маркова дополняли друг друга» [12, с. 523]. Оба лидера критиковали социал-демократов как изменников Родины, в связи с поддержкой ими решений Циммервальдской конференции. Помимо этого, указывалось на опасность немецкого засилья в России, на необходимость объединения, борьбы с дороговизной и т.д.

Особое внимание было обращено С.А. Степановым на события, кульминацией которых стала знаменитая речь В.М. Пуришкевича, произнесённая им 19 ноября 1916 г. в Государственной Думе. Обвиняя правительство, как недостаточно эффективное в борьбе с имеющимися проблемами (а возможно и связанное с Германией тайными связями), оратор, тем не менее, использовал ряд выражений, которые с точки зрения фракции правых были чрезмерно резкими и недопустимыми. Более того, В.М.

Пуришкевич был поддержан как левыми, так и либералами, чего никогда не было. Ответить ему отважился лишь Н.Е. Марков, «выступивший через три дня в качестве фракционного оратора от крайне правых», которому, однако, фактически не дали слова, более того он был удалён за оскорбление М.В. Родзянко и подвергся «почти единодушному осуждению за оскорбление председателя» [12, с. 539].

Последние главы монографии С.А. Степанова посвящены судьбе черносотенцев после революционных событий 1917 г., в том числе и жизненным перипетиям Н.Е. Маркова. В частности, автором отмечается его попытка организации освобождения царской семьи из-под ареста, а также дальнейшая деятельность в эмиграции.

Анализируя вклад С.А. Степанова в освещение жизненного пути лидера крайне правых, а также его политическую деятельность, следует признать его существеннейшим. Несмотря на то, что в центре исследования автора было черносотенное движение как таковое, однако полноценное его изучение без анализа роли и положения в нем Н.Е. Маркова, как одной из центральных фигур правых, не представляется возможным. С.А. Степановым, были намечены, и во многом достаточно подробно проанализированы основные историографические сюжеты, связанные с деятельностью «курского зубра». Среди таковых стоит отметить его участие в политическом размежевании в конце 1900-х гг., а также думскую деятельность.

Достаточно узкому, но, тем не менее, важному сюжету – взаимодействию Маркова и власти – была посвящена статья Д.Д. Богоявленского «Н.Е. Марков и Совет Министров: Союз русского народа и самодержавная власть». Предваряя заявленную тему исследования кратким биографическим экскурсом, автор отмечает, что Н.Е. Марков «родился в 1866 г. в Курской губернии, в старинной дворянской семье» [1, с. 192]. Также автор рассматривает участие известного политика в основании в 1905 г. Партии народного порядка (ПНП) в Курске. Данная организация, насчитывавшая около 500 человек, и возглавляемая В.Ф. Дорером и Н.Е. Марковым, «выступала против неверного, с точки зрения ее членов, толкования Манифеста 17 октября 1905 г.» [там же]. Впоследствии, как и многие другие политические объединения правых, она становится частью Союза русского народа. Более того, Курский отдел СРН, во главе с Н.Е. Марковым, проводит энергичную и эффективную кампанию в III Государственную Думу, результатом которой становится то, что из одиннадцати депутатов-курян, девять являлись правыми, в том числе депутатские мандаты были получены Н.Е. Марковым и В.Ф. Дорером. Последний становится также и главой фракции правых в Государственной Думе [1, с. 193].

Анализируя взгляды Н.Е. Маркова в данный период, Д.Д. Богоявленский отмечает, что в «СРН он возглавил течение, которое сам характеризовал как «земско-соборническое» [1, с. 194]. Как уже указывалось

выше, сторонники данного направления, выступая за самодержавие, тем не менее, считали, что Государственная Дума, должна быть одним из важнейших составных элементов государственной власти.

Особое внимание автором уделяется тем проблемам, которые вызвало обсуждение аграрных преобразований П.А. Столыпина как внутри правого движения, так и в Союзе русского народа. И если «марковцы» выступили в поддержку данных изменений, то А.И. Дубровин, как известно, был категорически против них. По мнению Д.Д. Богоявленского, во многом именно земельный вопрос спровоцировал окончательное размежевание в среде черносотенцев [1, с. 196].

Исключительное влияние Н.Е. Маркова на политическую жизнь Курской губернии, подчеркивается Д.Д. Богоявленским тем, что помимо того, что сам Марков был избран депутатом IV Государственной Думы, «все депутаты от Курской губернии были членами правых организаций, сторонниками Маркова и руководимого им СРН» [1, с. 198].

Весьма характерным было отношение правых, в лице Н.Е. Маркова, и к надвигающейся Первой мировой войне. Политик, указывал, что у Германии и России нет взаимных противоречий, а результатом боевых действий может стать социальная революция, бенефициаром которой станут социал-демократы [1, с. 199].

Анализ сложных, весьма противоречивых, а подчас и конфликтных отношений внутри правого движения вообще, и Союза русского народа в частности, был продолжен Д.Д. Богоявленским в монографии «Проблема лидерства в Союзе русского народа», изданной автором в 2012 г., на основе его кандидатской диссертации. В ней исследователь, помимо вышеуказанных тем, рассматривает такой важный вопрос, как отношение высшего руководства Союза русского народа к индивидуальному политическому террору. Но не «левому», направленному против представителей власти, а правому – т.е. представлявшему собой убийство наиболее «опасных», с точки зрения черносотенцев, представителей разворачивающейся в стране революции. К таковым были отнесены, прежде всего, деятели партии кадетов, так правые в этот период, считали именно их ответственными за начавшиеся «нестроения» и «смуту». В частности, отмечая отношение Н.Е. Маркова к наиболее резонансным проявлениям правого террора – это убийство депутатов Государственной Думы М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса, покушение на С.Ю. Витте, Д.Д. Богоявленский указывает, что, по мнению Маркова, они были лишены логики, и представлялись ему инсинуацией левых газет [2, с. 88-89]. Впрочем, учитывая, что данное отношение им высказывалось во время допросов в рамках деятельности Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства, уже после падения самодержавия, видеть иные ответы было бы странно.

Характеризуя происходившие перемены в деятельности Союза русского народа в 1905-1907 гг., а равно и анализируя причины начавшейся череды расколов в 1907-1911 гг., Д.Д. Богоявленский указывает, что одной из

таковых причин стало то, что в рассматриваемый период, власть А.И. Дубровина в партии существенно возросла. Более того «в глазах политических оппонентов Дубровин становился олицетворением СРН. Фактически если в момент зарождения СРН его лидерами были наиболее активные основатели Союза, то во время революции понятие лидер стало синонимом слова «руководитель» [2, с. 97]. Постепенно это приведёт к конфликту, который закончиться тем, что Н.Е. Марков станет главой СРН во главе группы «обновленцев».

Возвращаясь к анализу политических воззрений Маркова, Д.Д. Богоявленский, отмечает, что следует признать, что именно «консервативные взгляды родственников и культурные традиции семьи повлияли на формирование мировоззрения будущего лидера крайне правых Н.Е. Маркова» [2, с. 110]. Исследуя экономическое положение, как самого политика, так и его семьи, автор отмечает, что будущему лидеру СРН принадлежала около 250 десятин земли; несколько «большими были земельные владения его брата, Льва Евгеньевича» [2, с. 111].

Отдельное внимание уделяется исследователем той деятельности, которую проводил Н.Е. Марков «в качестве участника съездов уполномоченных губернских дворянских обществ» [2, с. 114]. Решительно осуждая бездействие и отсутствие воли к борьбе среди части дворянства, Марков активно участвовал многих в обсуждении «проблем, стоящих перед Российским обществом в начале XX в. (аграрный вопрос, создание Государственной Думы, отношение к правительству, реформа местного управления)» [там же]. Весьма показательной в этом плане является позиция правого политика относительно наделения крестьян землёй, с чем Марков был категорически не согласен, считая это вредной мерой, которая не принесёт пользы крестьянам. По его мнению, государство должно предпринять шаги, направленные на создание «таких условий в государстве, при которых крестьянский труд нашел бы наибольшее применение» [8, с. 69]. И далее, продолжал: «требования земли раздуты, и от исполнения этих требований народу может быть гораздо хуже» [там же].

По мнению Д.Д. Богоявленского, именно из-за понимания того, как необходимо решить аграрный вопрос, началось открытое противостояние среди членов Союза русского народа. И если правые депутаты Государственной думы, поддержавшие П.А. Столыпина, считали его преобразование благом для крестьянства, и шире – для России, то сторонники А.И. Дубровина, как и он сам, указывали, что данная реформа есть самое верное средство в деле пролетаризации крестьянства, что им оценивалось однозначно отрицательно [2, с. 117]. Показательно, что, оценивая искренность воззрений Маркова, и имея в виду тот факт, что в дальнейшем он будет получать финансовые субсидии со стороны правительства, автор считает, что во взглядах правого политика главное играло иное. Как пишет исследователь, «он был землевладельцем, и для сельскохозяйственных работ ему нужны были наемные работники.

Идеальным средством для получения таковых могло стать разрушение общины, оставлявшее землю за богатыми «кулаками» и создававшее «армию» наемных работников» [2, с. 118]. Так же, отмечая мнение Н.Е. Маркова на крестьянскую общину, Д.Д. Богоявленский указывает, что лидер черносотенцев, считал «считал общину рассадником бедноты и недовольства среди крестьянства и настаивал на необходимости ее ликвидации» [2, с. 168].

Рассматривая представления Н.Е. Маркова на роль и сущность Государственной Думы, Д.Д. Богоявленский, указывает, что политик «возражал против парламентарного или конституционного образа правления в России. Единственно законной формой правления он считал Самодержавие» [2, с. 115].

Анализируя позицию Н.Е. Маркова по отношению к правительству в сложившихся условиях, автор отмечает, её двойственность. С одной стороны лидер СРН призывал к умеренности, призывая воздержаться от критики министров, с другой стороны, «сам Н.Е. Марков критиковал министра народного просвещения П.М. Кауфмана и его товарища Герасимова» [там же].

Подводя итог представлениям Маркова относительно наиболее животрепещущих вопросов, стоявших перед Россией в начале XX века, Д.Д. Богоявленский пишет, что он считал «возможным провести экономическую модернизацию и сохранить в неприкосновенности духовную и политическую сферы жизни общества», что по мнению исследователя было невозможным [2, с. 119-120].

Определённое внимание было уделено автором и финансированию политической деятельности Н.Е. Марковым со стороны правительства, особенно в контексте того, что это станет одним из обвинений, которое «дубровинцы» бросали «марковцам», забывая, что и А.И. Дубровин, и один из его ближайших соратников Б.В. Никольский также пользовались этим источником в начале существования СРН [2, с. 126].

Немаловажно частью монографии Д.Д. Богоявленского стало и освещение судьбы Н.Е. Маркова весной-осенью 1917 г., а также в ходе Гражданской войны, и последующей эмиграции. В частности, исследователем подчеркивается, что под влиянием правого политика, оказывавшего серьёзное идеологическое воздействие на армию Н.Н. Юденича, целью белых войск на северо-западе России стала «реставрация монархии, что было отличительным признаком белого движения» в данном регионе [2, с. 206].

Весьма примечательной является роль Н.Е. Маркова в организации работы знаменитого съезда в 1921 г. в Бад-Рейхенгалле (Германия). Организованный как Съезд хозяйственного восстановления России (СХВР), он представлял собой объединение представителей русского монархического движения за рубежом, для выработки общих принципов и определения своего отношения к произошедшим переменам в России [2, с. 210]. Весьма примечательными являются в этом плане слова Н.Е. Маркова, направленные

к участникам съезда: «монархисты не должны быть реакционерами в смысле возвращения старых ошибок и неустройства. Не к возвращению грехов и пороков прошлого, не к старым порядкам, а к старому порядку должны мы стремиться» [10, с. 8]. Сам Н.Е. Марков был избран главой Высшего Монархического Совета (ВМС), организации созданной на съезде с целью координации деятельности монархических объединений. Между тем, если изначально позиции «германофилов» во главе с Марковым были достаточно сильны, то позднее, во многом из-за происходивших в Германии процессов его влияние начинает падать. Большую роль в организации приобретает А.Ф. Трепов, и его сторонники, ориентировавшиеся на Англию. Однако несмотря на их требования удаления Н.Е. Маркова из ВМС, он оставался во главе объединения вплоть до 1926 г. [2, с. 212]

В этот период своей жизни «Н.Е. Марков все больше времени уделяет публицистическому творчеству, а с 1936 г. становится редактором русского выпуска еженедельника «Мировая служба» [там же]. Это не было для него чем-то новым, и как указывает Д.Д. Богоявленский, «обязательными чертами его публикаций были: приверженность правомонархическим идеалам, оправдание и пропаганда собственной политической позиции и ярый антисемитизм» [там же].

Подводя итоги эмигрантской деятельности Н.Е. Маркова, Д.Д. Богоявленский, отмечает, что «будучи вождем СРН, крупнейшей партии, он проявил себя способным организатором и руководителем. Однако, крайний консервативный догматизм в идеологии, которую Марков проповедовал негативные стороны его характера и характера других лидеров, распри и борьба за лидерство, стечение обстоятельств предопределили поражение правомонархического движения в целом» [2, с. 217].

Существенный вклад в изучение политической деятельности Н.Е. Маркова был внесён Д.И. Стоговым. Его авторству, принадлежит ряд исследований, значительно расширивших представление научного сообщества о фигуре правого политика, в том числе и по ряду малоизученных страниц его биографии.

Так, в обстоятельной монографии «Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию» (2012 г.) автором, наряду с другими правыми политиками, был дан подробный биографический очерк деятельности Н.Е. Маркова. Тесно примыкает к данной работе и написанное исследователем предисловие к сборнику думских речей и публицистических произведений правого политика «Думские речи. Войны темных сил» (2011 г.). В дальнейшем, Д.И. Стоговым будет продолжено исследованием послереволюционной судьбы Н.Е. Маркова в статьях «Судьба лидеров правых партий в годы гражданской войны» (2014 г.) и «Н.Е. Марков: жизнь и деятельность русского монархиста в изгнании» (2021 г.).

Так, в работе «Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию», Д.И. Стогов, обращает внимание на проблему происхождения рода Марковых. Анализируя имеющееся в литературе версии, в том числе и

высказанные и самим Н.Е. Марковым, он приходит к выводу, что нет достоверных свидетельств, которые бы позволили однозначно согласиться с одной из них. Тем не менее, бесспорным фактом является то, что данный род был ко второй половине XX века уже достаточно древним, и имел определённое положение в Курской губернии [16, с. 90]. Также исследователем отмечаются существующие разночтения относительно места рождения Н.Е. Маркова. Согласно общепринятой точке зрения таковым является село Александровка (Щигровский уезд, Курская губерния), однако в историографии высказывалось мнение, что таковым мог быть и г. Симферополь. Связано это с тем, что на момент рождения Маркова – 2 (15) апреля 1866 года, его отец «служил директором гимназии и народных училищ Таврической губернии» [там же].

Отмечая начало политической деятельности Маркова, Д.И. Стогов указывает, что тот, стал членом кружка, который сформировался в Курской губернии в этот период вокруг В.Ф. Доррера, белгородского уездного предводителя дворянства, в который также входили «такие видные впоследствии правые деятели, как М.Я. Говорухо-Отрок, князь Н.Д. Касаткин-Ростовский, Г.А. Шечков» и другие [16, с. 92]. Именно представители данного направления в будущем станут основателями черносотенного движения в регионе.

Особо Д.И. Стоговым отмечается тот факт, что помимо политической деятельности, Н.Е. Марков, плодотворно занимался публицистикой, в частности он был издателем и постоянным автором «Курской были», «Земщины», «Вестника Союза Русского Народа», «сотрудничал с правомонархической газетой «Свет» [16, с. 93].

Отдельно исследователь обращает внимание на участие Маркова в деятельности правомонархических салонов, имевших в России второй половины XIX – начала XX вв. определённое политическое влияние, особенно заметное в правительственной и близкой к ней среде. В частности, Д.И. Стогов отмечает тот факт, что Н.Е. Марков был вхож в довольно влиятельный «правомонархический салон генерала от инфантерии Е.В. Богдановича», а после его смерти «с 1915 года участвовал в работе правого кружка А.А. Римского-Корсакова» [16, с. 94].

Анализируя взгляды Н.Е. Маркова на проблемы развития сельского хозяйства в России начала XX века, Д.И. Стогов соглашается с точкой зрения Д.Д. Богоявленского, считавшего, как указывалось выше, что разрушение общины приведет к появлению большого количества наёмных работников, столь необходимых Маркову как крупному землевладельцу [16, с. 96-97].

Существенное внимание Д.И. Стоговым уделяется появлению газеты «Земщина». Данное издание, «детище Маркова», как пишет автор, «на протяжении многих лет фактически являлась неофициальным органом правой фракции III и IV Государственных Дум и «обновленного» Главного Совета Союза русского народа [16, с. 98]. Исследователем подробно рассматриваются лица, сыгравшие ключевую роль в становлении «Земщины»

как важнейшего печатного органа «обновленцев», отдельно отмечается её важность как инструмента внутрипартийной борьбы между «марковцами» и «дубровенцами». Не избегает Д.И. Стогов важного вопроса финансирования, как самой газеты, так и политической деятельности Н.Е. Маркова со стороны правительства П.А. Столыпина. Проблема получения денежных субсидий со стороны власти правыми партиями на рубеже 1910-х гг. довольно широко обсуждалась как внутри черносотенного движения, так в целом, представителями различных политических сил. Как известно, публично отрицая данный факт, Н.Е. Марков, тем не менее их получал [16, с. 99].

Отмечается Д.И. Стоговым и тот факт, что с началом Первой мировой войны, значительно изменился и характер деятельности правых партий, в том числе и СРН. Важную роль в их работе стала играть организация общественной поддержки правительства и фронта, в частности создание лазаретов и санитарных поездов. Характеризуя роль Маркова в данном начинании, автор справедливо замечает, что «сам Н.Е. Марков лично внес 1000 руб. на нужды лазарета», а «жены и дочери членов СРН исполняли обязанности медсестер и сиделок в этом лазарете» [14, с. 20].

Как известно, в годы Первой мировой войны происходит формирование Прогрессивного блока, представлявшего собой объединение тех политических сил, представленных в Государственной Думе, которые выступали за создание ответственного правительства перед законодательной властью и обществом. Как пишет Д.И. Стогов, «Н.Е. Марков сразу же выступил решительно против этого блока и дал ему едкое прозвище «желтый блок», подразумевая то обстоятельство, что ни «красные» (то есть левые), ни «черные» (то есть правые)» в данное объединение не вошли [14, с. 23]. В целом, как отмечает исследователь, Марков соглашаясь с необходимостью использования общественных сил для поддержки государственной власти в трудное время для страны (имея в виду, прежде всего деятельность военно-промышленных комитетов (ВПК)), считал, что они всё же должны находиться под строгим контролем правительства.

Примечательной является оценка Д.И. Стоговым тех усилий, которые были приложены Н.Е. Марковым для организации в конце 1916 г. – начале 1917 г. Всероссийского съезда представителей монархического движения. Высоко оценивая его вклад в данный процесс, а также отмечая, что на протяжении 1915 г. были существенно улучшены отношения между А.И. Дубровиным и самим Марковым, Д.И. Стогов указывает, что настороженное отношение правительства сделало его созыв невозможным [14, с. 26].

Характеризуя деятельность Н.Е. Маркова в ходе Гражданской войны, Д.И. Стогов отмечает, что тот «летом 1917 года создаёт в Петрограде подпольную организацию «Великая единая Россия», которая ставила перед собой цель спасти царскую семью» [15, с. 159]. Помимо этого, он входит в состав таких объединений как «Объединенная офицерская организация», «Комитет петроградской антибольшевистской организации» (являвшейся филиалом московского «Правого центра»). Однако, как известно, их

деятельность закончилась неудачей, а сам Марков в ноябре 1918 г. уезжает из Петрограда и сотрудничает с Н.Н. Юденичем, вплоть до поражения белых под Петроградом. После чего, с весны 1920 г. находится в эмиграции в Германии, где создаёт «Берлинское монархическое объединение», ставившее целью сплочение сил разрозненных правых за границей» [13, с. 120].

Как уже отмечалось выше, важной вехой в послеоктябрьской биографии Н.Е. Маркова, становится Рейхенгалльский съезд в 1921 г., положивший начало объединения монархических сил в эмиграции. Как справедливо пишет Д.И. Стогов, на съезде Марков объясняя причины поражения белых, указывал, что главным образом это произошло из-за того, что те недостаточно точно поместили на свои знамёна монархические принципы [13, с. 120-121]. Там же была выработана компромиссная позиция, суть которой заключалась в том, что постбольшевистская Россия должна быть монархической, а монархом стать один из представителей Дома Романовых. При этом, по мнению Н.Е. Маркова, императора необходимо было бы избрать на Всероссийском земском соборе.

В некотором смысле продолжением идей, сформулированных в Рейхенгалле, стал проект «Послания чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим», разработанный Н.Е. Марковым в рамках Всезарубежного (т.н. Карловацкого) Собора, который прошёл в 1921 г. в Сремских Карловцах. Не предрешая того, кто должен быть монархом, Марков считал, что тот должен происходить из династии Романовых, являться православным и быть сильным «любовью народной» [13, с. 123].

Анализируя взгляды Н.Е. Маркова в этот период, Д.И. Стогов приходит к выводу, что тот в 1920-е гг. «не просто воспроизводил известные с дореволюционных времен идеологические постулаты монархизма, но и творчески их интерпретировал, учитывая сложные реалии послереволюционного времени» [13, с. 122]. Наиболее заметным образом это проявилось в ходе работы Зарубежного съезда – объединительного съезда «правой и правоцентристской эмиграции, который состоялся в Париже» в 1926 г. [13, с. 123]. Как указывает исследователь, Н.Е. Марков подчеркивал, что оставаясь монархистом, он считает возможным забыть все партийные и мировоззренческие различия, ради свержения большевизма, и восстановления России.

Рассматривая деятельность Маркова в 1920-е гг., Д.И. Стогов отмечает, что некоторыми исследователями – в частности А.В. Серегиным, высказывалось предположение, что Н.Е. Марков в этот период стремился к воссозданию т.н. «Чёрного блока» – объединения правых членов Государственной Думы и Государственного Совета. По мнению Д.И. Стогова, данное предположение является маловероятным, хотя бы по тому, что, несмотря на то, что переговоры о создании «Чёрного блока» (в противовес «Прогрессивному блоку») имели место в 1915 г., они закончились провалом и он не был создан [13, с. 124]. Помимо этого, в

принципе представляется невозможным, что данного рода деятельность в 1920-е гг. имела бы хоть какие-либо шансы на успех.

В 1930-х гг. Н.Е. Марков участвует в деятельности различных монархических организаций, однако его влияние на политическую жизнь российской эмиграции постепенно исчезает, основное внимание им уделяется подготовке публицистических работ, и в частности, получившей определённую известность в консервативных кругах книге «Войны темных сил».

Характеризуя участие Маркова в русской секции журнала «Мировая служба» (Эрфурт, Германия), начиная с 1935 г., Д.И. Стогов, пишет, что «признавая отдельные факты, связанные с сотрудничеством Н. Е. Маркова с германскими нацистами», необходимо указать, что «он не изменил своим прежним монархическим взглядам», и считал «идеологию нацизма неприемлемой для России» [13, с. 125].

Необходимо признать, что благодаря исследованиям Д.И. Стогова современная историография пополнилась рядом исследований, сыгравших значительную роль в формировании образа Н.Е. Маркова, его публицистическое наследие прочно вошло в научный оборот, как один из важнейших источников по идеологии черносотенного движения в целом.

Важнейшим этапом в формировании современных представлений о жизненном и политическом пути Н.Е. Маркова стали работы А.А. Иванова. В ряде своих публикаций, им были исследованы малоизученные проблемы, связанные с политической деятельностью Н.Е. Маркова, особое внимание было уделено эмигрантскому периоду в жизни правого политика [3; 4; 5]. Материал данных публикаций станет основой для написания А.А. Ивановым монографии «Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков», первого крупного исследования, посвящённого исключительно судьбе Н.Е. Маркова.

В отличие от ряда других исследователей, А.А. Иванов значительное внимание уделил не только политической деятельности правого политика, но и описанию его как личности, со свойственными, как и всем людям, достоинствами и недостатками. Так в статье «Он силен волею и темпераментом...» Правый депутат Н.Е. Марков глазами современников» (2013 г.), автор отмечает, что фигура лидера СРН привлекала к себе самое пристальное внимание современников, совершенно разных взглядов. И если для сторонников правого политика, это был «умный, находчивый, смелый, твердый в своих взглядах, целеустремленный, блестящий оратор», то его противники и оппоненты, характеризовали его иначе [4, с. 47]. Примечательной является характеристика Маркова со стороны А.В. Тырковой-Вильямс, писавшей, что «он был человек с большим политическим темпераментом, с меткими словечками, не глупый, но необыкновенно грубый. Его даже нельзя назвать оратором, это был площадной красноречивый. И во всем его облике было что-то грубое, наглое» [17, с. 333-334]. Подводя итоги, А.А. Иванов указывает, что «Н.Е. Марков был, вне всякого сомнения, выдающимся русским политиком начала XX в.,

сформированным и закаленным новыми, отчасти враждебными ему реалиями «думской монархии» [4, с. 47].

Важным шагом в формирование современной историографии о Н.Е. Маркове, стала совместная публикация А.А. Иванова, С.В. Машкевича, А.С. Пученкова «Неизвестные страницы биографии Н.Е. Маркова: по материалам Бахметьевского архива» (2013 г.). Материалы данной работы впоследствии активно использовались исследователями, для характеристики жизни правого политика во второй половине 1920-х – середине 1940-х гг. Связано это в первую очередь с тем, что при написании исследования, активно использовалась биографии Маркова, хранившееся в коллекции Бахметьевского архива, написанная неизвестным. Как отмечают исследователи, предположительно это был кто-то из близкого круга родственников, возможно «его племянник Сева» [3, с. 31]. В литературе высказывалась точка зрения, что данная биография могла быть написана самим Марковым, однако некоторые имеющиеся в ней сведения не позволяют сделать таких выводов. В частности, как пишут авторы, это является невозможным, потому что «указать в воспоминаниях дату своей смерти и последовавшую через девять лет после нее кончину жены политик никак не мог» [3, с. 32]

Особое внимание А.А. Ивановым и его соавторами было уделено таким вопросам как детство будущего политика, а также юность, и последующая эмиграция после поражения белых в Гражданской войне. Объясняется это авторами в первую очередь тем, что период политической деятельности Маркова в 1905-1917 гг. изучен достаточно хорошо, с чем нельзя не согласиться. Отмечая тот факт, что Н.Е. Марков поступив после окончания в 1889 г. Института гражданских инженеров на службу на Юго-восточную железную дорогу, через некоторое время её оставляет, авторы указывают причину этого. Связано это с тем, что ему удалось весьма удачно построить и спроектировать «для одного подрядчика собор в Конотопе», что позволило оставить службу и «начать карьеру свободного архитектора в Москве» [3, с. 33].

В отличие от других исследователей, А.А. Иванов и его соавторы, освещают семейную жизнь Н.Е. Маркова, отмечая, что судьба его дочерей сложилась по-разному, но учитывая катаклизмы, вызванные событиями 1917 г., достаточно печально.

Особое внимание исследователями было уделено послеоктябрьскому периоду жизни бывшего лидера СРН, в частности его жизни в Берлине и Париже в 1920-е гг., когда Н.Е. Марков большую часть своего времени уделял выполнению редакторских обязанностей в журнале «Двуглавый орёл». Помимо этого, он периодически выступал с лекциями, «которые всегда делал только на русском языке и ограничивался, как правило, лишь двумя темами – положением в России и еврейским вопросом» [3, с. 39]. Тогда же «Марков выпустил два тома своей самой известной книги – «Войны темных сил», и подготовил третий том, однако финансовые проблемы не

позволили его выпустить, а рукопись впоследствии, скорее всего, была утеряна [там же].

Примечательно, что, характеризуя работу Н.Е. Маркова в антисемитском журнале «Мировая служба» (г. Эрфурт) во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х, исследователи указывают, что по имеющимся в их распоряжении материалам, одной из важнейших причин этого стало трудное материальное положение Марковых. Вместе с тем, в отличие от немецкой версии издания, Н.Е. Марков сосредоточился преимущественно на ведении антисемитской агитации (что для него было совершенно естественно), отказываясь заниматься антирелигиозной пропагандой [3, с. 40].

Существенным образом отличается по своей тематике от иных исследований, посвящённых Н.Е. Маркову публикация А.А. Иванова «Правый депутат Н.Е. Марков в зеркале советской прессы 1920-1930-х гг.» (2022 г.). В данной работе автором проведён анализ восприятия (а в некотором смысле и формирования) советской прессой образа бывшего черносотенного лидера, использования его для своих целей, как своего рода символа «старого порядка». Как указывает исследователь, «для иллюстрации той части эмигрантских настроений, которые выражали взгляды дореволюционного русского черносотенства, образ Маркова подходил как нельзя лучше» [5, с. 250]. Для этого имелись вполне объективные причины: из наиболее известных правых вождей, А.И. Дубровин и В.М. Пуришкевич к этому времени уже погибли, и «разоблачение» их деятельности не имело бы должного эффекта. Бывший лидер СРН становится одним из любимейших объектов для карикатур в сатирическом журнале «Крокодил» на протяжении 1920-1930-х гг., изображаемый в самом разном виде.

Вместе с тем, имя Маркова фигурировала и в таких изданиях как «Правда» и «Известия». Как выяснил А.А. Иванов, публикации, посвящённые Н.Е. Маркову, можно разделить на несколько групп. Во-первых, статьи и заметки информационного характера, в которых сообщалось о проведении эмигрантских форумов, в которых принял участие, в том числе и Н.Е. Марков. Во-вторых, «его имя использовалось как нарицательное и для сравнения с европейскими правыми политиками 1920–1930-х гг.» [5, с. 251]. В-третьих, при написании материалов, посвящённых дореволюционным событиям. В-четвертых, что бывало гораздо реже, имелись «материалы, специально посвященные «курскому зубру» [5, с. 252].

Особняком шли публикации, посвящённые Курскому краю, в них упоминание Н.Е. Маркова происходило с завидной популярностью, в большинстве случаев, «желая подчеркнуть прогрессивность СССР по сравнению с «отсталой» и «реакционной» царской Россией» [5, с. 259].

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. имя Маркова, как отмечает А.А. Иванов, практически перестаёт встречаться на страницах советской печати, что было обусловлено вполне естественными причинами, связанными с тем, что он прекращает заниматься политической деятельностью, и имя его

становится неизвестным для широкого круга общественности, уже выросшей в СССР.

Таким образом, необходимо отметить, что исследования, посвященные Н.Е. Маркову стали важнейшей частью современной историографии черносотенного движения. Связано это в первую очередь с той ролью, которую он играл в правом движении. Не стоя у истоков создания Союза русского народа – крупнейшей черносотенной организации, тем не менее, Н.Е. Марков был одним из основателей правого движения в Курской губернии. Личные качества, позволили ему стать депутатом III Государственной Думы, а она – обрести всероссийскую известность, что позволит в дальнейшем в результате ожесточенной внутривластной борьбы стать ему лидером СРН.

Всё это становится причиной того, что внимание многих исследователей будет приковано к его весьма неоднозначной фигуре. Тем не менее, в советский период, в силу целого комплекса причин это не представлялось возможным, поэтому первым исследованием, в котором наряду с основной темой – черносотенное движение – было дано пусть и краткое, но исчерпывающее описание его политической деятельности стала монография С.А. Степанова «Черная сотня», вышедшая в 1992 г.

Данная работа заложила своеобразный фундамент в совокупности исследований, посвящённых Н.Е. Маркову. В той или иной мере была рассмотрена его роль в размежевании Союза русского народа, произошедшая на рубеже 1910-х гг., а также отношения с правительством, и прежде всего П.А. Столыпиным. Вместе с тем, некоторые важные сюжеты – например, система представлений Маркова на устройство государственной власти, деятельность в Государственной Думе и другие, не получили должного рассмотрения.

Данные проблемы получили развитие в трудах Д.Д. Богоявленского, и прежде всего монографии «Проблема лидерства в Союзе русского народа». Автором детально рассмотрен путь правого политика от одного из сподвижников В.Ф. Доррера в Курской губернии, до лидера и главы общеимперского Союза русского народа. Особое внимание было уделено взглядам Н.Е. Маркова, его отношения не только к внутривластным проблемам, но и позиции на внешнеполитические взаимоотношения.

Вместе с тем, следует признать, что законченный образ Маркова (во всяком случае, на имеющейся в настоящее время источниковой базе) будет дан позднее в исследованиях Д.И. Стогова и А.А. Иванова. Их внимание к ряду сложных и малоизученных тем, рассмотренных выше, позволили сформировать целостное и непротиворечивое представление о Н.Е. Маркове, не только во времена расцвета его политической деятельности (времена III и IV Государственных Дум), но и выяснить важные биографические подробности более раннего периода, а также эмиграции.

Список литературы

1. Богоявленский Д.Д. Н.Е. Марков и Совет Министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сб. науч. трудов. Вып. 1. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2001. – С. 192-204.
2. Богоявленский Д.Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 242 с.
3. Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. Неизвестные страницы биографии Н. Е. Маркова: по материалам Бахметьевского архива // Научный диалог. – 2013. – №11 (23). – С. 30–43.
4. Иванов А.А. «Он силен волею и темпераментом...» Правый депутат Н.Е. Марков глазами современников // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. – Ч. 2. – СПб.: «ЭлекСис», 2013. – С. 32-47.
5. Иванов А.А. Правый депутат Н.Е. Марков в зеркале советской прессы 1920-1930-х гг. // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. – Ч. 1. – СПб: «Астерион», 2022. – С. 249-261.
6. Иванов А.А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, №4. – С. 884-905.
7. Курицын А.И. К вопросу о политическом размежевании Союза русского народа в 1907–1911 гг. // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Stydia historica jenium*. – 2017. – №1 (13). – С. 149-158.
8. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг.: в 3 тт. – Т. 1. 1906-1908 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 926 с.
9. Омелянчук И.В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. – 2021. – №1. – С. 123-138.
10. Речь Н.Е. Маркова 2-го на Съезде Х.В. России // Двуглавый орел. – 1921. – №10. – С. 3-9.
11. Рокки Т. Революция справа – российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – №1. – Т. 10. – С. 47-61.
12. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? – М.: Яуза-пресс, 2013. – 672 с.
13. Стогов Д.И. Н.Е. Марков: жизнь и деятельность русского монархиста в изгнании // Русско-Византийский вестник. – 2021. – №4 (7). – С. 116–127.
14. Стогов Д.И. Предисловие // Марков Н.Е. Думские речи. Войны темных сил. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 5-47.

15. Стогов Д.И. Судьба лидеров правых партий в годы гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. – Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. – С. 157-165.
16. Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 672 с.
17. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 392 с.

ПОЛНОТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ БИБЛИОТЕК КАК ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

И.В. Максимова

Волгоградский государственный медицинский университет
maksirinas@mail.ru

Аннотация: статья посвящена анализу информативных возможностей, специфики и перспектив использования информационных ресурсов современных библиотек в изучении истории российской провинции дореволюционного периода. Раскрытие темы осуществляется главным образом путем обращения к конкретным электронным краеведческим библиотекам и предлагаемым ими коллекциям оцифрованных документов открытого доступа. В результате проведенного комплексного исследования с опорой на личный опыт автор делает вывод о целесообразности более широкого использования электронных библиотечных ресурсов в научно-исследовательской деятельности. Благодаря чему обеспечивается существенная оптимизация временных и финансовых затрат, а также открываются новые возможности по поиску и обработке информации с применением информационных технологий.

Ключевые слова: информационные ресурсы, электронная краеведческая библиотека, полнотекстовая база данных, российская провинция, дореволюционный период.

FULL-TEXT ELECTRONIC DATABASES OF LIBRARIES AS THE MOST IMPORTANT SOURCES FOR THE STUDY OF THE REGIONAL HISTORY OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

I.V. Maksimova

Volgograd State Medical University
maksirinas@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the analysis of informative possibilities, specifics and prospects of using information resources of modern libraries in the study of the history of the Russian province of the pre-revolutionary period. The disclosure of the topic is carried out mainly by referring to specific electronic libraries of local lore and their collections of digitized open access documents. As a result of a comprehensive study based on personal experience, the author concludes that it is advisable to use electronic library resources more widely in research activities. This ensures significant optimization of time and financial costs, as well as opens up new opportunities for searching and processing information using information technology.

Keywords: information resources, electronic library of local lore, full-text database, Russian province, pre-revolutionary period

На современном этапе развития отечественной исторической науки в условиях «цифрового переворота», неразрывно связанного с ускоряющимся процессом накопления информационных ресурсов, особая роль отводится электронным библиотекам открытого доступа. По точному наблюдению Т.Я. Валетова, важнейшим изменениям подверглись следующие аспекты доступа к библиотечным собраниям: удобство работы с источниками информации; расширение круга доступных информационных ресурсов; новые возможности по поиску нужной информации [2, с. 282]. При этом исследователь далек от идеализации разворачивающихся изменений, резонно указывая на неоднозначные моменты в этом процессе, например, проблему повышения качества цифровых книг для обеспечения полнотекстового поиска информации [Там же, с. 291]. В работе другого автора М.Ю. Матвеева рассматриваются четыре основных этапа развития электронных собраний на базе национальных библиотек, отличающихся существенной трудоемкостью [11]. К первым двум этапам относится оцифровка фондов самих национальных библиотек и организация национальной цифровой библиотеки; применительно к нашей стране упор сделан на опыт реализации проекта Национальной электронной библиотеки [14], направленного на создание единого российского информационного библиотечного пространства. Анализируя влияние цифровых коллекций на восприятие традиционных книжных собраний, ученый обозначает возможную угрозу потери для библиотек реальных (а не виртуальных) читателей, ряд проблем психологического и философского порядка будущего, связанных с риском утраты своего «лица» [11, с. 91, 93].

Следует указать, что общепризнанного определения электронных библиотек не существует, также как и универсального «рецепта» по их созданию. В настоящей статье под термином «электронная библиотека» подразумевается информационная система, обеспечивающая обработку, хранение и доступ для широкого круга пользователей к цифровому контенту существующих библиотечных фондов [8, с. 8]. Одновременно можно констатировать активное вовлечение представителей библиотечного сообщества в обсуждение вопросов комплектования электронных библиотек и в целом эффективности их функционирования, в том числе на региональном уровне (см., например, [1; 7; 12]).

Целью данной работы является раскрытие информативных возможностей, специфики и перспектив использования полнотекстовых электронных баз данных библиотек в качестве важнейших источников по изучению региональной истории дореволюционного периода. Не вдаваясь детально в библиографические тонкости, что составляет сферу интересов специалистов в области библиотечно-информационной деятельности, с позиции историка-краеведа обратимся к конкретным примерам наиболее удачных, на наш взгляд, региональных библиотек открытого доступа, содержащих высокий процент электронных копий печатных документов

Российской империи. Для большей части из них характерен коллекционный принцип формирования и представления ресурсов, что упрощает работу пользователей по поиску необходимой информации. Некоторым электронным библиотекам также присущ интегрируемый характер, который определяется нахождением оригиналов документов в фондах разных учреждений (библиотек, музеев, архивов) и даже в частных коллекциях. Это обстоятельство, безусловно, гарантирует более высокую количественную и качественную наполняемость электронных библиотек, позволяя им аккумулировать «историческую память региона» в документах первоисточников.

Перечисленным выше характеристикам в полной мере отвечает Донская электронная библиотека – богатейший и во многом уникальный ресурс по истории Ростовской области (шире – Области Войска Донского) и Северного Кавказа. Формирование электронной библиотеки началось еще в 2004 г. с оцифровки дореволюционных документов по истории Ростова-на-Дону и донского казачества; качественный скачок в развитии проекта произошел в 2012 г. с переходом на новую платформу. Для формирования фонда цифровых копий библиотеки используется заимствованный в Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина «предметно-тематический принцип, позволяющий создавать логически упорядоченные массивы документов» (цит. по: [7, с. 88]). Руководством Донской государственной публичной библиотеки определены три базовых тематических блока: краеведческий; по истории Юга России и Кавказа; универсальный. Внутри каждого блока формируются коллекции, которые имеют индивидуальную структуру и различную степень детализации разделов и подразделов. С учетом того, что часть территории современной Волгоградской области располагалась на землях Области Войска Донского, для нас наиболее значимой базовой коллекцией краеведческого блока выступает «История донского казачества» [5].

Интегрируемый характер базы данных присущ и Национальной электронной библиотеке Республики Татарстан, которая с 2010 г. служит единой точкой доступа к ресурсам библиотек республики, обеспечивая свободный доступ к полнотекстовым электронным коллекциям, среди которых обращают на себя внимание коллекции «Татарика» и «Периодические издания Казанской губернии» [15].

В 2013 г. была создана электронная библиотека «Курский край», на платформе которой представлены электронные копии редких и краеведческих документов из фондов Курской областной универсальной научной библиотеки им. Н.Н. Асеева, а также библиотек и других информационных учреждений Курской области [21]. Специалистов по дореволюционному периоду могут заинтересовать такие коллекции как «Курская губерния в цифрах (статистические сборники)», «Листая страницы истории (Курский край в изданиях до 1940 г.)», «Курские губернские ведомости, газета» и др.

Незаменимым общедоступным информационным ресурсом по изучению Архангельской области в ее исторических и современных границах является электронная краеведческая библиотека «Русский Север» [23], сформированная на базе Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова. Создание большинства электронных краеведческих ресурсов, по мнению самих сотрудников библиотеки, стало возможным благодаря активной проектной деятельности (об этом подробнее см. [12, с. 19–20]). Среди тематических коллекций библиотеки хотелось бы отметить следующие: «Редкие книги об Архангельской губернии», «Арктика: история освоения», «Издания периода Первой мировой войны (1914–1918)», «Издания Архангельского губернского статистического комитета», «История северной медицины».

Электронная библиотека Самарской областной универсальной научной библиотеки (далее – СОУНБ) начала формироваться в 2008 г., в рамках реализации проекта «Перевод в электронную форму краеведческих изданий Самарской области и обеспечение доступа к ним» [1, с. 18]. Поскольку первые годы доступ к оцифрованным документам осуществлялся только в стенах библиотеки, собственно появление электронной библиотеки открытого типа приходится на 2012 г. В основе создания электронной библиотеки СОУНБ лежит оцифровка собственных фондов и последующее размещение электронных версий печатных документов по трем основным блокам, объединяющим все коллекции: «Самарика» (собрание краеведческих коллекций), «Наши раритеты» (собрание коллекций отдела редких книг), «Периодическая печать» (собрание цифровых копий газет и журналов, выходивших на территории Самарского края) [22].

Формируемая с 2008 г. сотрудниками Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской электронная библиотека «Астраханская краеведческая коллекция» также отличается разнообразием представленных изданий, применительно к изучаемому периоду интерес для исследователей представляют следующие коллекции: «Памятные книжки Астраханской губернии», «Путеводители по Волге и Астраханскому краю», «Исследования Астраханского края. Путешествия. Экспедиции», «История города Астрахани», «Астрахань православная: история и современность», «Периодические издания Астраханского края» и др. [20].

Богатейшей коллекцией информационных ресурсов по дореволюционному периоду располагает Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (далее – ЗНБ СГУ) [3; 16], постоянным пользователем которой с 2010 г. является автор настоящей статьи. Имея возможность сравнивать работу с оригиналами документов, в том числе в данной библиотеке, и их оцифрованными версиями, мы безусловный приоритет отдаем последнему варианту. Это связано не только с существенной экономией времени и денежных средств на проезд и проживание в чужом городе. Работа с некоторыми разновидностями исторических источников,

особенно с материалами региональной прессы, требует многократного повторного обращения. Так, первичный просмотр годовых подшивок ежедневной общественно-политической газеты «Саратовский вестник» за 1910–1913 гг., осуществленный в книгохранилище библиотеки до оцифровки, позволил выявить и задействовать при написании кандидатской диссертации ограниченные сведения. Вся многоплановость и широта представленных материалов в полной мере смогла раскрыться и продолжает раскрываться лишь при последующем пересмотре электронных версий газеты, с ведением тематического реестра встречаемых публикаций. Результатом кропотливой работы стало появление нескольких показательных научных статей, в том числе по проблеме социальных девиаций в городской среде (см., например, [9; 10]).

Для потенциальных пользователей электронных ресурсов Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич необходимо указать, что список изданий на платформе «Электронная библиотека On-Line» [16], удачно выстроенных по алфавитному принципу, с 01.01.2012 г. не обновляется. Вместе с тем обнаружить ссылку на данный информационный ресурс с нынешней редакции основного сайта библиотеки нам не удалось (в отличие от электронных версий газет [3]), а поиск по электронному каталогу ЗНБ СГУ конкретных дореволюционных изданий весьма неудобен.

Электронная библиотека БЕЛИНКИ содержит оцифрованные документы из фондов Свердловской областной универсальной библиотеки им. В.Г. Белинского. Для специалистов по истории дореволюционного Урала интерес представляет первый базовый тематических блок «Книги XIX – начала XX века» [18], хотя наполняемость представленных коллекций по сравнению с уже просмотренными ресурсами других электронных библиотек довольно скромна, возможно, в последующем она будет расширена.

Одной из главных стратегических задач ведущих региональных библиотек (о которых в принципе и шла речь в данной статье) на современном этапе становится обеспечение сохранности уникальных книжных коллекций для будущих поколений и их доступности в информационном пространстве. Этот процесс со временем только набирает обороты. Так, в рамках программы развития Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук на 2020–2024 гг. был запущен проект электронной библиотеки «Научное наследие Дальнего Востока». Среди оцифрованных и уже размещенных на платформе библиотеки документов велика доля редких изданий [13].

Важно подчеркнуть, что на виртуальных книжных полках электронных библиотек зачастую встречаются первоисточники, давно ставшие библиографической редкостью и (или) территориально недоступные исследователям на местах. Многие из них выходят за рамки отдельно взятого города, губернии, региона. Подобные ресурсы можно обнаружить как на сайтах столичных, так и региональных библиотек. Например, оценить движение народонаселения, динамику заболеваемости по годам невозможно

без учета статистических данных, содержащихся в отчетах медицинского департамента Министерства Внутренних Дел (1857–1898), размещенных на платформе Государственной публичной исторической библиотеки России, являющейся крупнейшей научной специализированной библиотекой в области истории [17]. Крайне проблематично составить представление о санитарном состоянии и в целом социокультурном облике поволжских городов Астрахани, Самары, Саратова, Царицына без обращения к работе отечественного ученого-гигиениста Г.В. Хлопина «Материалы по оздоровлению России» (1911); такую возможность нам дает астраханская электронная библиотека [20].

При этом на поиск некоторых публикаций общероссийского характера может подтолкнуть информация, содержащаяся в региональных источниках. В случае размещения первых в открытом доступе (как правило, на платформах или под эгидой крупнейших библиотек Санкт-Петербурга и Москвы [6; 14; 17; 19]) обеспечивается оперативное дополнение и лучшее понимание анализируемых текстов и в целом изучаемой проблематики. Так, в статье «Наброски текущей жизни» О.П. Богдановой (литературный псевдоним – О. Рунова), опубликованной в газете «Саратовский листок» от 1 мая 1913 г., идет отсылка на работу петербургского публициста А.Б. Петрищева, размещенную в отделе «Хроника внутренней жизни» журнала «Русское богатство» от января 1913 г. Обе публикации – местного и столичного автора – объединяет обращение к проблеме хулиганства (об этом подробнее см. [10, с. 13, 21–22]).

В заключении необходимо отметить, что осуществленный краткий обзор подтверждает огромный, до конца не раскрытый потенциал электронных краеведческих библиотек как важнейших ресурсов по интеграции, сохранению и изучению культурного наследия конкретного региона. Процесс оцифровки редких изданий, активно развернувшийся с начала XXI в. совместными усилиями сотрудников российских библиотек, по сути, обеспечил их второе рождение в «цифре». Последующее размещение электронных документов в открытом доступе значительно расширило исследовательские возможности на местах. Наряду с оптимизацией временных и финансовых затрат можно говорить о повышении качественной составляющей проводимых региональных исследований, в том числе благодаря применению новых информационных технологий (например, программ количественного контент-анализа). Неслучайно ряд авторов полагают, что информационная компонента исторической информатики в перспективе может послужить развитию такого направления, как источниковедение цифровых (оцифрованных) документов [4].

Список литературы

1. Андреева Т.А., Кузьмина О.В. Самарское печатное наследие в цифре // Современная библиотека. – 2023. – № 7 (137). – С. 18–21.

2. Валетов Т.Я. Электронные библиотеки для исторической науки и образования: современное состояние и перспективы // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. – Москва, 2016. – С. 282–293.
3. Газеты (электронные версии газет) // Зональная научная библиотека имени В.А. Артисевич: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sgu.ru/structure/znbsgu/gazety-elektronnye-versii-gazet> (дата обращения: 27.02.2024).
4. Гарскова И.М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды [Электронный ресурс] // Историческая информатика. – 2019. – № 3. – С. 57–75. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31251 (дата обращения: 27.02.2024).
5. Донская электронная библиотека: [Электронный ресурс]. – URL: <https://elib.dspl.ru/wlib/> (дата обращения: 27.02.2024).
6. Дореволюционные издания / Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prlib.ru/SECTION/698268> (дата обращения: 27.02.2024).
7. Желябовская А.В. Донская электронная библиотека как ресурс и платформа для интеграции культурного наследия региона // Интегрированные цифровые ресурсы: организационно-технологические и научно-методические основы развития. Сборник научных трудов / Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 6. – С. 87–92.
8. Зуйкина К.Л., Соколова Д.В., Скалабан А.В. Электронные библиотеки в России. Текущий статус и перспективы развития. – Москва: Ваш формат, 2017. – 120 с.
9. Максимова И.В. Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы). Часть 1 // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. – Вып. 9. – Ч. 1. – Самара, 2021. – С. 71–84. – URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=18> (дата обращения: 27.02.2024).
10. Максимова И.В. Хулиганство как явление повседневной жизни поволжского города накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы) // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. – Самара, 2022. – Вып. 10. – С. 7–23. – URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=20> (дата обращения: 27.02.2024).
11. Матвеев М.Ю. Национальные библиотеки: на пути к цифровому будущему // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2 (31). – С. 88–95.

12. Мосеева Д.С. Краеведение «Русского севера» в сети: из истории создания электронных краеведческих ресурсов // Библиотечное дело. – 2018. – № 15 (321). – С. 18–22.
13. Научное наследие Дальнего Востока Электронная библиотека ЦНБ ДВО РАН: [Электронный ресурс]. – URL: <https://cnbdvo.elpub.ru> (дата обращения: 27.02.2024).
14. Национальная электронная библиотека: [Электронный ресурс]. URL: <https://rusneb.ru> (дата обращения: 27.02.2024).
15. Национальная электронная библиотека Республики Татарстан: [Электронный ресурс]. URL: <https://kitap.tatar.ru/ru/ssearch/ecollection/> (дата обращения: 27.02.2024).
16. Электронная библиотека On-Line. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books.html> (дата обращения: 27.02.2024).
17. Электронная библиотека ГПИБ: [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9347-elektronnaya-biblioteka-gpib> (дата обращения: 27.02.2024).
18. Электронная библиотека БЕЛИНКИ: [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.uraic.ru> (дата обращения: 27.02.2024).
19. Электронная библиотека Царское Село: [Электронный ресурс]. – URL: <https://book-olds.ru/BookLibrary.html> (дата обращения: 27.02.2024).
20. Электронная библиотека «Астраханская краеведческая коллекция»: [Электронный ресурс]. URL: <http://aonb.astranet.ru/kk/> (дата обращения: 27.02.2024).
21. Электронная библиотека «Курский край»: [Электронный ресурс]. URL: <http://kurskonb.ru/zapisi-biblioteka/el-biblioteka/> (дата обращения: 27.02.2024).
22. Электронная библиотека СОУНБ: [Электронный ресурс]. URL: <http://old.libsmr.ru/node/14718> (дата обращения: 27.02.2024).
23. Электронная краеведческая библиотека «Русский Север»: [Электронный ресурс]. – URL: <https://ekb.aonb.ru> (дата обращения: 27.02.2024).

КУРСКИЙ ВЕТЕРИНАРНО-БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ВЕТВРАЧА Н.Д. ДИКОВСКОГО: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.Ф. Миненко

Курский государственный университет

mif1991@yandex.ru

Аннотация: В статье показана история агробиологической промышленности Курского края, зарождение и становление которой непосредственно связано с деятельностью ветеринарно-бактериологической лаборатории губернского земства и созданного на ее основе ветеринарно-бактериологического института.

Ключевые слова: Курский ветеринарно-бактериологический институт, Н.Д. Диковский, лаборатория, ветеринария, биопрепараты, вакцина, ветеринарный врач, агробиологическая промышленность.

DIKOVSKY KURSK VETERINARY BACTERIOLOGICAL INSTITUTE ITS INDUSTRY AND FOUNDATION HISTORY

I.F. Minenko
Kursk State University
mif1991@yandex.ru

Annotation: This article shows us the history of Kursk region Agro biological industry, its origin and foundation which is closely tied to Veterinary Bacteriological Lab Industry in Zemstvo Province, and also Veterinary Bacteriological Institute formation on its basis.

Keywords: Kursk Veterinary Bacteriological Institute, N.D. Dikovsky, lab, veterinary medicine, biologics (veterinary products), vaccine, a veterinarian, agro biological industry.

Историю развития России и других государств, с точки зрения ведения животноводства, можно представить в виде бесконечной цепи «моров», опустошавших города и села, обрекавших тысячи людей на голод, нищету и смерть. Эпизоотии сибирской язвы, ящура, чумы и повального воспаления легких крупного рогатого скота, бешенства, оспы овец, сапа лошадей наносили невосполнимый урон животноводству. Эффективность же проводимых мероприятий по борьбе с эпизоотиями и панзоотиями в это время была не высока. Только в 1885 г. в 10 уездах Курской губернии (45 неблагополучных пунктов) от чумы погибло 1012 животных [8, с. 47–48].

Существенную роль в деле внедрения массовых прививок животных сыграла земская ветеринария. Именно благодаря решению Первого съезда ветеринарных врачей и представителей земств Курской губернии 17 января 1896 г. была основана ветеринарная бактериологическая лаборатория Курского губернского земства [12, с. 142]. Ее директором стал Н.Д. Диковский, работавший с 1 октября 1883 г. по 1 апреля 1897 г. земским ветеринарным врачом Курского уезда.

Курская ветеринарно-бактериологическая лаборатория являлась пионером в России по выпуску новых биопрепаратов. При ней был хорошо оборудован отдел для микроскопических исследований, а также отдел по проведению биопроб на морских свинках, кроликах и белых мышах. Для выращивания мелких опытных животных были устроены при лаборатории образцовые питомники. Уже спустя несколько лет лаборатория производила такое количество биопрепаратов, что губернское земство смогло начать их продажу в другие регионы Российской империи по ценам более низким, чем импортные и достигло полного успеха. Так, в 1908 г. в 45 губерний было продано биопрепаратов на сумму 4912 руб. 40 коп., что позволило в последующем приступить к созданию своего здания лаборатории, к приобретению необходимых инструментов и оборудования [7, с. 2 – 9].

В 1912 году при штате, состоящем из 13 сотрудников (в т.ч. 2 ветврача) лаборатория производила 12 биопрепаратов. В 1913 году за достигнутые

успехи по изготовлению биопрепаратов на Всероссийской гигиенической выставке, посвященной 300-летию дома Романовых, ветеринарная бактериологическая лаборатория Курского губернского земства была награждена Малой золотой медалью, а Н.Д. Диковский за руководство научно-практической деятельностью ветеринарной лаборатории награжден Большой золотой медалью [8, с. 138 – 139].

После командировки Н.Д. Диковского в Венгрию в бактериологическую лабораторию АО «Филаксия» и общения с профессором Ференцом Гутирой в 1912 году, в Курске была успешно испытана сыворотка против чумы свиней и начата подготовительная работа по производству отечественной сыворотки, однако эти работы были приостановлены из-за начавшейся Первой мировой войны.

Выпуск биопрепаратов не прекращался и в годы Первой мировой и Гражданской войн. В центральных губерниях России в то время свирепствовала холера, сыпной и брюшной тиф и другие инфекционные заболевания людей.

Поэтому медицинской комиссией Народного комиссариата внутренних дел было принято решение об открытии в 1918 г. при Курской губернской ветбаклаборатории медицинского отделения. Н.Д. Диковский прошел в Московском бактериологическом институте стажировку по изучению технологии изготовления вакцины против азиатской холеры и брюшного тифа.

С июня по декабрь 1918 года лаборатория в основном занималась приготовлением вакцин против холеры и брюшного тифа, которые поставлялись в 59 губерний страны. Примечательно, что, несмотря на недостаток финансирования, в лаборатории продолжали проводить диагностические исследования. В 1918 г., их было проведено 765, в том числе по азиатской холере – 248.

В 1919 г. медицинскому отделению лаборатории удалось приготовить разного рода вакцин больше, чем в 1918 г., а именно: вакцин против азиатской холеры – 104700 грамм, против брюшного тифа – 110000 грамм и паратифозных – 6000 грамм. Было также произведено 379 диагностических исследований, из них на азиатскую холеру – 54 [6, с. 14–17].

После окончания Гражданской войны восстановление животноводства в Курской губернии проходило в трудных условиях. Тяжелое экономическое положение губернии усугубилось неурожаем. Повсюду свирепствовала чума крупного рогатого скота, холера и другие эпизоотии. Поэтому советское руководство большое внимание уделяло работе бактериологических учреждений.

В декабре 1920 г. состоялся губернский съезд ветеринарных работников, на котором большое место было отведено вопросам борьбы с эпизоотиями, особенно с чумой крупного рогатого скота, которая получила широкое распространение в центральных губерниях России. Съезд также дал высокую оценку работе Курской губернской ветеринарно-

бактериологической лаборатории, отметив при этом вклад ее руководителя Н.Д. Диковского: «...Именно во многом благодаря его усилиям эта лаборатория превращается в Бактериологический институт, так как помимо выработки вакцин и сыворотки для лечения животных, там приготавливаются сыворотки и вакцины для людей, устраивается Пастеровский институт для предохранительных прививок против бешенства и производятся диагностические исследования на заразные болезни человека и животных» [2, л. 5]. При этом съездом было принято решение присвоить этой лаборатории имя ветеринарного врача Николая Даниловича Диковского.

В ГАКО удалось обнаружить журнал заседания коллегии губземотдела от 5 апреля 1921 г. в котором отмечалось «признать труд ветврача Н.Д. Диковского высокополезным в деле охраны животноводства и народного здоровья не только в Курской губернии, но и во всей республике как безупречного и неустанного работника по приготовлению прививочного материала».

В связи с этим коллегия приняла решение «...в честь заслуг заведующего ветеринарно-бактериологической лаборатории ветврача Н.Д. Диковского, впредь учреждение именовать Курской губернской ветеринарно-бактериологической лабораторией имени ветврача Н.Д. Диковского» [1, л. 5].

Вместе с тем, руководство ветеринарией Курской губернии по праву считали ветеринарно-бактериологическую лабораторию с 1920 г. ветеринарно-бактериологическим институтом.

Так, в разделе «Хроника» «Вестника Курского губернского отдела здравоохранения» говорилось следующее: «Перегруженный своей обычной работой бактериологический институт начал производить разные клинические работы, относящиеся к холере, тифу, производить санитарно-гигиенические исследования воды и разных продуктов, а в последнее время начал изготовление разных вакцин для людей». И далее в «Вестнике...» отмечалось, что «... совсем недавно институт разработал планы изготовления антидифтерийной сыворотки и антирабической эмульсии». [7, с. 2 – 9].

Однако, только в марте 1922 года из Центрального ветеринарного отдела Народного Комиссариата земледелия (Цветотдела) РСФСР пришло официальное сообщение, что лаборатория преобразуется в Курский ветеринарно-бактериологический институт имени ветврача Н. Д. Диковского [3, л. 22]. 12 мая 1922 г. на заседании коллегии Губземотдела (протокол № 39) вышеуказанное решение Цветотдела было узаконено [11, с. 70–71].

14 декабря 1921 г. Коллегия НКЗ РСФСР утвердила «Положение о ветеринарно—бактериологических институтах», в котором оговаривались их задачи, важнейшими из которых являлось приготовление вакцин и сывороток «для предохранительных и лечебных прививок, выработка диагностических средств, а также научная разработка вопросов и изучение местных болезней». Не менее важной задачей являлось производство диагностических исследований «на основании присылаемого патологического материала», а

также «ознакомление ветработников, прикомандированных к Институту, с основами микробиологии, техникой прививок и методами бактериологической диагностики заразных болезней» [5, д. 12, л. 26].

В это время по инициативе Н.Д. Диковского в поселке Титовка Белгородского уезда была срочно организована противочумная станция по производству гипериммунной сыворотки для крупного рогатого скота. Первые опыты показали, что эффективность ее сыворотки значительно выше сывороток, получаемых от других бактериологических учреждений. 31 мая 1922 г. «Курская правда» писала: «Прививки, произведенные сывороткой, добытой на Курской противочумной станции, были несколько неожиданными по своим результатам, что проходят без всяких осложнений» [8, с. 161].

Удалось также восстановить и производство сыворотки в Шебекинской лаборатории (поселок Шебекино Белгородского уезда) [10, с. 80].

Вскоре в Центральном ветеринарном управлении состоялось заседание противочумной комиссии, на котором было принято решение «существующую противочумную станцию в Титовке считать временным противочумным отделением Курского ветеринарно-бактериологического института им. Н.Д. Диковского». Ответственность за качество вырабатываемого препарата было возложено на его руководителя – Н.Д. Диковского [5, л. 2].

Итак, в 1922 г. в Курский ветбакинститут входили медицинское отделение, противочумная станция в Титовке и, как филиал, Шебекинская лаборатория [8, с. 162].

С первых же дней работы на посту директора ветеринарно-бактериологического института Н.Д. Диковский столкнулся с огромными трудностями. Во-первых, институт формально подчинялся Центральному ветеринарному управлению, однако все вопросы снабжения, обеспечения оборудованием, фуражом во многом зависели от местных властей Курского округа. А возможностей у них было немного.

Во-вторых, штат ветбакинститута был укомплектован не полностью, что, безусловно, отражалось на качестве вакцин.

В Государственном архиве Курской области удалось обнаружить поименный список работников данного института (кроме ветеринарного персонала), а именно: Г.Г. Шелепов – завхоз; А.Н. Бланкенгорн – делопроизводитель; Ф.Г. Калашов – препаратор; О.Л. Сочава – счетовод и конторщик; Л.И. Соловьева, А.И. Балясов, А.А. Баланин, М.Ф. Адамова, А.М. Смирнова, М.А. Толмачев, К.М. Богданов, А.И. Бондарев и С.П. Гребенников – лабораторные служащие [5, л. 68].

Кроме Курской губернии, в 1920-е годы препараты направлялись в Вологодскую, Брянскую, Терскую, Тульскую, Киевскую, Кубанскую, Екатеринбургскую губернии, Горскую и Абхазскую республики, всего – 648800 грамм вакцин и сывороток [5, л. 136].

И все же Н.Д. Диковский был уверен в том, чтобы нормализовать работу по приготовлению биопрепаратов необходимо было увеличить штат сотрудников, о чем он неоднократно просил губземотдел. Однако губземотдел принял решение отделить от института медицинское отделение, уменьшив при этом его штат.

Были еще трудности, которые испытывал институт в первые годы своего существования – нехватка оборудования, недостаточное количество лошадей – продуцентов и кормов. Для научных исследований по разработке новых технологий необходимы были средства, а их не хватало даже на командировки. Тем не менее, благодаря энергии и настойчивости Н.Д. Диковского и А.И. Ефременко сотрудники учреждения продолжали проводить научные опыты, результаты которых в дальнейшем сыграли важную роль в истории становления агробиологической промышленности Курского края.

К середине 1923 г. эпизоотия чумы крупного рогатого скота пошла на убыль и в этом большую роль сыграло то, что для прививок широко использовалась местная сыворотка, которая давала меньше осложнений, чем присылаемая из Москвы и Воронежа.

В это время Н.Д. Диковский снова выступает с предложением о расширении производства биопрепаратов в Курске. Он делает заявки на новейшее оборудование, просит укомплектовать штат института специалистами и служащими, а также снова поднимает вопрос об увеличении финансирования. Он также предлагает пополнить количество лошадей-продуцентов, так как это было необходимо для продолжения научно-исследовательской работы. В отчете за 1926 г. Н.Д. Диковский писал: «Главная научно-исследовательская работа, которую поставил себе Курский ветбакинститут выполнить в ближайшие пять лет – это пироплазмоз лошадей и рогатого скота, попутно и других животных, по программе, разработанной 27 декабря 1924 г. техническим совещанием губветотдела Курского ГЗУ» [4, л. 11].

В 1926–1927 г. в институте проводились следующие научно-исследовательские работы: по пироплазмозу крупного рогатого скота и лошадей, по прививкам вакцин антракса методом профессора Безредки, по изучению роли собак в распространении сибирской язвы, а также изучению методов приготовления антирабической эмульсии и продолжительности иммунитета у привитых животных. Кроме означенных работ, в институте велись работы по приготовлению преципитирующих сывороток, необходимых в ветеринарной практике. Так, в 1927 г. Н.Д. Диковский вместе с А.И. Ефременко провел обширные прививки против сибирской язвы в хозяйствах сахаротреста методом профессора Безредки. Везде они прошли успешно, и на следующий год руководство сахаротреста просило прививки продолжить.

Одновременно в Курском ветбакинституте были проведены курсы усовершенствования для ветврачей, серологов, а затем и фельдшеров,

программу для которых подготовил Н.Д. Диковский. Вместе со своими коллегами – В.И. Васильяновским, А.И. Ефременко, Н.А. Соколовым и С.С. Куриным он выступал с лекциями, посвященными изучению технологии приготовления вакцин и сывороток.

Активная научная и педагогическая деятельность Н.Д. Диковского чередовалась с работой по укреплению материальной базы ветбакинститута. В это время руководящие органы пошли навстречу директору ветбакинститута и разрешили ему дополнительно приобрести 30 лошадей продуцентов, доведя в дальнейшем их общее количество до 55 голов.

После смерти Н.Д. Диковского в 1928 г. руководителем института стал его соратник А.И. Ефременко. В бактериологической лаборатории, а затем и в ветбакинституте он исполнял обязанности лаборанта. Именно ему Н.Д. Диковский поручил изготовление сибиреязвенной вакцины и сывороток против пастереллеза свиней и холеры птиц, а также проведение лабораторных диагностических исследований.

Став преемником Н.Д. Диковского на посту директора ветбакинститута, он много занимался проблемами сибирской язвы, пироплазмоза, бешенства и болезней птиц. С 1927 по 1929 г. им был опубликован ряд крупных научных статей в журнале «Ветеринарное дело» и «Известия Курского губернского общества краеведов».

Однако спустя год – в мае 1929 г. – А.И. Ефременко трагически погиб.

А между тем оперативным планом ветеринарных мероприятий в РСФСР на 1928 – 1929 гг. предусматривалась организация промышленного производства биопрепаратов в ветеринарно-бактериологических институтах 11 регионов страны, в том числе и Курской губернии [9, с. 38 – 39].

По решению Всесоюзного эпизоотического треста (ВЭТ) при Народном комиссариате земледелия СССР от 16 июля 1931 г. Курский ветеринарно-бактериологический институт имени ветврача Н.Д. Диковского был преобразован в Курскую маллеиново-туберкулиновую фабрику № 8.

Такое решение было принято не случайно. Именно в Центрально-Чернозёмной области (куда входил Курский округ) были апробированы первые серии маллеина и туберкулина, изготовленные Х.И. Гельманом в Институте экспериментальной медицины. Вопросы о туберкулезе, сапе, туберкулине и маллеине неоднократно обсуждались на всех съездах земских ветеринарных врачей Курской губернии, а ветеринарно-бактериологический институт им. ветврача Н.Д. Диковского имел богатый опыт разработок и производства вакцин по многим вышеперечисленным эпизоотиям. Таким образом, именно данное учреждение сыграло существенную роль в становлении агробиологической промышленности в Курском крае.

Список литературы

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р – 313. – Оп. 1. – Д. 420.
2. ГАКО. Ф. Р – 313. – Оп. 1. – Д. 420.

3. ГАКО. Ф. Р – 313. – Оп. 1. – Д. 1959.
4. ГАКО. Ф. Р – 313. – Оп. 1. – Д. 3325.
5. ГАКО. Ф. Р – 380. – Оп. 1. – Д. 12.
6. Диковский Н.Д. К истории возникновения и деятельности медицинского отделения Курской губернской бактериологической лаборатории // Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. – 1921. – № 1. – С. 14–17.
7. Диковский Н.Д. Курская губернская ветеринарная бактериологическая лаборатория: История и современное ее состояние (1896–1921) // Вестник губернского отдела здравоохранения. – 1921. – № 4 – 5.
8. Как это было. К 120-летию Российской агробиологической промышленности и Курской биофабрики: факты, события, воспоминания: учеб. пособие / Безгин В.М., Козлов В.Е. и др.; отв. ред. В.М. Безгин. – Курск: изд-во КГСХА, 2016. – 744 с.
9. Операционный план ветеринарных мероприятий в РСФСР на 1928–1929 год. – М.: «Новая деревня», 1929.
10. Очерки по ветеринарии Курского края (1883–2003 гг.): учеб. пос. /А.Ф. Лебедев, Б.Е. Григорьев, В.И. Гольцов, Н.С. Шевырев, И.П. Салтык. – Курск: изд-во КГСХА, 2004. – 407 с.
11. Положение о ветеринарно-бактериологических институтах. Постановление НКЗ. Декабрь 1921 г. // Ветеринарный вестник. – 1922. – № 2 // Музей Курской биофабрики.
12. Хроника. Архив ветеринарных наук. – 1896. – Отдел IV.

ИЗ ИСТОРИИ АВИАЦИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПЕНЗЕНСКИЙ ОСОАВИАХИМ

М.А. Мищенко

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия
m.marina.al@mail.ru

К.А. Максимова

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия
maksimovakseniia2005@mail.ru

Аннотация: Рассматривается становление авиации Пензенской области. Изучается путь развития от авиатехнического кружка при трубочном заводе до Пензенского авиаспортивного клуба оборонного спортивно-технического общества ОСОАВИАХИМ. Исследуется обучение лётчиков в школе авиаторов. Анализируется историческое значение Пензенского ОСОАВИАХИМА.

Ключевые слова: Аэроклуб завода им. Фрунзе, ОСОАВИАХИМ, Пенза, школа авиаторов.

FROM THE HISTORY OF AVIATION IN THE PENZA REGION: PENZA OSOAVIAKHIM

M.A. Mishchenko

Penza State Technological University, Penza, Russia
m.marina.al@mail.ru
К.А. Maksimova
Penza State Technological University, Penza, Russia
maksimovakseniia2005@mail.ru

Annotation: The formation of aviation in the Penza region is considered. The path of development from the aviation engineering circle at the pipe factory to the Penza Aviation Sports Club of the OSOAVIAKHIM Defense Sports and Technical Society is being studied. The study examines the training of pilots at the aviator school. The historical significance of Penza OSOAVIAKHIM is analyzed.

Keywords: Frunze Aeroclub, OSOAVIAKHIM, Penza, aviator school.

История пензенской авиации является частью советской авиации, которая имеет грандиозные авиационные открытия и традиции. В свою очередь история развития пензенской авиации представляет собой одну из наиболее интересных и мало изученных тем по краеведению, чем и объясняется ее актуальность. Изучение данной темы расширяет тематику истории региона, и истории лётного дела в целом, а также способствует распространению патриотических идей. Среди выпускников лётной школы, а затем ОСОАВИАХИМА есть известные всей стране имена: И. Д. Усыскин – физик, участник полёта стратостата «ОСОАВИАХИМ-1», В. С. Гризодубова — советская лётчица, участница Великой Отечественной войны, первая женщина, удостоенная звания Героя Советского Союза, В. Д. Борисов — диспетчер на заводе имени Фрунзе, полковник Советской Армии и участник Великой Отечественной войны, Н.В. Баланов — работник фабрики «Кожевник», лётчик-истребитель, командир звена в войсках республиканской Испании, А. С. Сенаторов — командир отдельной скоростной бомбардировочной авиационной эскадрильи ВВС Испанской Республиканской армии (Северный фронт), Н. С. Павлушкин — советский военный лётчик и др.

В центре внимания история пензенского аэроклуба (Пензенский авиаспортивный клуб оборонного спортивно-технического общества ОСОАВИАХИМ, с момента возникновения до 1948 г., когда был переименован в ДООСАФ).

Источниковая база включает в себя документы ГАПО, газетные публикации, монографии и статьи по истории Пензенского края.

История лётного дела в Пензенском крае начинается с 1923 г., когда в Пензе начал свою работу авиатехнический кружок при трубочном заводе (позднее – Велосипедный завод имени Фрунзе «ЗИФ»). Занятие авиамоделированием переросло в полёты в небо. Пензенская школа гражданской авиации была организована Борисоглебской военнотехнической школой авиаторов из Воронежской области, откуда прибыли лётчики-инструкторы с первыми самолётами. Руководителем школы был назначен С.

Степанов, первым инструктором – Николай Боровков, старшим авиамехаником – Дорошок, старшим авиатехником – В. В. Головещенко [4].

Школа авиаторов ГВФ (Гражданский воздушный флот) располагалась рядом с городом за железнодорожной станцией (ныне Пенза-III), в посёлке Свободном, который прежде именовался Манчжурией. Школе была выделена земля 800x800 м., которая силами коллектива и учащихся была обустроена под аэродром. Из самолётных ящиков сооружены мастерские для ремонта моторов и помещение для сторожа. Вместо ангара была растянута палатка, которая позднее пошла на устройство дверей для временно сооружённого ангара. «Полукапитальный ангар» был рассчитан на четыре самолёта и бензинохранилище на 600 пудов. Обустроена мастерская для небольшой починки самолётов и двигателей на аэродроме. В помещении, предоставленном Пензенским городским советом, были оборудованы три класса – по теории и технике полётов, двигательный и самолётный. Ученики вынесли на своих плечах всю организацию школы. Несмотря на материальную помощь со стороны партийных, советских и общественных организаций г. Пензы, а также военной лётной части, приходилось много трудиться в мастерских, чтобы подготовиться к полётам [1, с.14]. Учебные полёты выполнялись на самолётах У-1.

30 декабря 1924 г. во Дворце Труда (ныне – здание Законодательного собрания Пензенской области) состоялся II Губернский съезд Общества друзей Воздушного флота (ОДВФ), участниками которого стала молодёжь образовательных заведений, организаций и промышленных предприятий Пензы и области. Съезд бросил клич на всю губернию: «Даёшь мотор! Овладеем авиакультурой» [4]. В 1926 г. кружок был преобразован в планерную школу, которая незамедлительно получила статус Аэроклуба завода им. Фрунзе [4].

В 1925 г. в СССР путём слияния Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) и Общество друзей химической обороны и химической промышленности («Доброхим») было образовано общество «Авиахим». В 1926 г. Военно-научное общество было переименовано в Общество содействия обороне СССР (ОСО). Компания вовлечения молодёжи в военно-патриотическое дело, в том числе и лётному делу происходила по всей стране. В начале 1927 г. Авиахим и ОСО были слиты в одно общество под названием АВИАХИМ-ОСО. Позднее переименовано в «Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР», сокращенно ОСОАВИАХИМ СССР, просуществовавший до 1948 г.

В 1927 г. по авиационным видам спорта и распространению лётных знаний, которыми занимался Аэроклуб завода им. Фрунзе, Пензенская организация ОСОАВИАХИМА заняла первое место в Центральном Совете ОСОАВИАХИМА. Краеведы считают, что это стало причиной открытия в Пензе первой в СССР Школы гражданской авиации ОСОАВИАХИМА (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). 1 июля 1928 г. инструктор Управления Гражданского

Воздушного Флота А. Носов объявил об этом открытии в Пензе первой в СССР Школы гражданской авиации.

2 июля начались занятия для 24 курсантов. Кандидатуры учащихся утверждались комитетом ВКП(б) Пензенской области, предпочтение отдавалось членам ВКП(б) и ВЛКСМ. Курсанты получали денежное жалование. Полный пансион одного ученика в 1930 г. составлял 40 руб. в месяц [1, с.14]. Программа преподавания и режим функционирования школы и аэродрома разрабатывались и утверждались РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия), так как относились к секретным объектам.

В газете «Трудовая правда» в июне 1929 г. была опубликована статья, записанная со слов начальника школы А. Ф. Носова, начинавшаяся словами: «После кропотливой организационной летней и теоретической работы пензенская летняя школа празднует первый в СССР выпуск молодых гражданских пилотов.

Несмотря на крайне неблагоприятные метеорологические условия в период обучения, а также катастрофический недостаток технических материалов, денежных средств и скверное состояние аэродрома, ученики-летчики успешно окончили курс обучения» [3, с.1].

Из первого выпуска, состоявшего из четырех человек, трое были направлены в школу военных пилотов, а один остался в школе для подготовки на инструктора-летчика. Второй выпуск – 10 человек – все были направлены в летную школу, как и 9 человек из третьего выпуска, среди которых была В. С. Гризодубова [1, с.14].

Добровольные общественные организации ОСОАВИАХИМА занимали важное положение в общественно-политической структуре Советского Союза 20-40-х гг. прошлого века. В условиях враждебного окружения страна нуждалась в воздушном флоте, лётных кадрах. Кроме обычной учебно-лётной работы школа проводила общественно-агитационную работу: лекции и доклады среди населения о значении авиации, разбрасывала с самолетов листовки и литературу, и прочее. Развернув авиационную пропаганду ОСОАВИАХИМ привлёк в свои ряды тысячи молодых людей по всей стране. Лозунги «Комсомолец, на самолет!» и «От модели – к планеру, от планера – на самолет!» стали лейтмотивом тех лет. Но в Пензе развитие авиации имело особый импульс – здесь была образована первая школа.

В 1930 г. Пензенская школа гражданской авиации была переведена в Ульяновск, а на её базе был санкционирован Пензенский аэроклуб, который благополучно действовал и выпустил немало замечательных пилотов, планеристов и парашютистов.

Начиная с 1930 г. до самой войны, авиационное поле Пензенского аэроклуба периодически применялось для дислокации военных самолётов Красной Армии. На время их пребывания выставлялась охрана техники, а сами самолёты пытались максимально использовать в тренировочном процессе.

В том же 1930 г. Всероссийское сообщество «Добролёт» открыло за станцией Пенза-III Пензенский аэропорт московских воздушных линий, используя имеющееся авиационное поле. Было сооружено деревянное строение первого Пензенского аэропорта. Первую посадку в аэропорту произвел авиатор М. С. Бабушкин с бортмехаником А. Г. Роговым на самолете К-4 во время перелёта по авиалинии Москва-Ташкент. А с 5 мая 1934 г. через Пензу стартовали постоянные почтовые рейсы по линии Москва-Саратов и Москва-Куйбышев.

Развитие авиации и аэроклуба привело к необходимости создания нового аэропорта с большей территорией. Кроме того, авиационное поле затапливалось в сильный паводок и во время сильных длительных дождей. А также со временем аэропорт стал находиться в городской черте. Все перечисленные обстоятельства мешали использовать его в соответствии с требованиями подготовки лётчиков.

В августе 1934 г. в селе Терновка был открыт новый аэропорт, впрочем, ещё пару лет действовал и старый. Аэропорт в Терновке функционировал исключительно в дневное время, перемещение самолетов было редким. Штат составляли только 20 человек, включая авиатехников, связистов и др. В аэропорту не было промышленной электроэнергии и полёты проводились лишь при хорошей погоде [2].

В 1941 г. клуб был закрыт, вся его техника переведена совместно с курсантами в Оренбургское училище военных лётчиков. В 1948 г. вместо ОСОАВИАХИМА был образован ДОСААФ (Добровольное Общество Содействия Армии, Авиации и Флоту) [4].

Пензенский ОСОАВИАХИМ был одним из ведущих общественных объединений в Советском Союзе, игравшем решающую роль в подготовке специалистов для авиационной отрасли, несмотря на трудности материального обеспечения. Организация, используя широкий спектр учебных и агитационных мероприятий, способствовала подготовке молодых людей к защите своего Отечества.

Список литературы

1. Два года пензенской школе // Два года пензенской школе. Самолет. – 1930. – №8-9. – С. 14-15.
2. Информационное агентство «PenzaNews» Аэроклуб пензенский: Энциклопедия [Электронный ресурс] // PenzaNews. – URL: <https://penzanews.ru/region/encyclopedia/8987-2009> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Сегодня выпуск молодых летунов // Трудовая правда. – 13.06.1929.
4. Шишкин И. Начало Пензенской авиации [Электронный ресурс] // Культура провинции. – URL: <https://culture-province.ru/news/nachalo-penzenskoj-aviacii> (дата обращения: 25.02.2024).

**ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ СЛОВА «ВОРОНЕЖ»
В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ ПОД 1177 ГОДОМ:
К СПОРАМ О ПРЕДЛОГЕ**

Г.Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

mok410@mail.ru

Аннотация: в данном сообщении анализируются попытки исследователей раскрыть значение слова «Воронеж» (город, река или область), впервые упомянутого в русских летописях под 1177 годом, по стоящему перед ним предлогу («в» или «на»). Устанавливаются причины продолжения подобных попыток, несмотря на их очевидную бесперспективность.

Ключевые слова: слово «Воронеж», летописи, древнерусский город, XII век.

**THE FIRST MENTION OF THE WORD "VORONEZH"
IN OLD RUSSIAN CHRONICLES IN 1177:
TOWARD A DEBATE ABOUT THE PREPOSITION**

G.N. Mokshin

Voronezh State University

mok410@mail.ru

Annotation: this report analyzes the attempts of researchers to reveal the meaning of the word «Voronezh» (city, river or region), first mentioned in Russian chronicles under 1177, according to the preposition in front of it («in» or «on»). The reasons for the continuation of such attempts are being established, despite their obvious futility.

Keywords: word «Voronezh», annals, Old Russian city, 12th century.

Слово «Воронеж» появляется в древнерусских летописях в XII веке при описании междоусобной войны рязанского князя Глеба с Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо, завершившейся его утверждением на владимирском престоле. Решающее сражение между ними произошло 20 февраля 1177 г. на р. Колокше недалеко от Владимира. Рязанская дружина была наголову разбита. Князь Глеб попал в плен, а его шурина, Ярополка Ростиславича бежал в отдаленные пределы Рязанского княжества. Но вскоре он был выдан рязанцами по требованию князя Владимира.

В Лаврентьевской летописи обстоятельства поимки Ярополка передаются так: «...а по Ярополка посла глѣя Рязанцемъ вы имете нашего ворога али иду к вамъ. Рязанци же здумаша рекуще князь нашъ и братье наши погыбли в чюжемъ князи ехавше в Вороножь еша его сами и приведоша его в Володимеръ» [11, с. 385]. В других летописях эти события излагаются в целом сходно. Только перед словом «Воронеж» предлог «в» иногда заменяется на «на» или вообще отсутствует. И окончание слова часто меняется на «ажь» и привычное нам «ежь» (Воронажь, Воронежь).

Первые наши историки В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин увидели в данном летописном сообщении доказательство того, что город Воронеж существовал уже в XII в. Однако после того как в 1846 г. было установлено,

что современный Воронеж основан только в 1586 г., исследователи вдруг обратили внимание на то, что под летописным «Воронежем» может пониматься река или окружающая ее область. Дело в том, что в более поздней Никоновской летописи в процитированный выше отрывок была сделана любопытная вставка. Оказывается, в «Воронеже» Ярополк «перехожаше от града во град, от многие печали и скорби не ведый себя камо ся дети» [12, с. 5]. Ранее этому уточнению не предавали значения, т.к. считалась, что область «Воронеж» получила свое название от города.

Споры о том, куда бежал Ярополк (в город или на реку с прилегающей к ней территорией) естественно начались с попытки разобраться, какой же предлог стоял в первоисточнике: «в» или «на». Собственно такую постановку проблемы первым сформулировал историк С.М. Соловьев. В 1851 г. в комментариях к своей «Истории России» он пишет: «Из рязанских городов на Донской системе до половины XIII века упоминается только Воронеж под 1177 годом; но сомнительно, упоминается ли здесь город: в Лаврентьевском списке стоит: “ехавше (рязанцы) в Вороножь”: но в древнейшем Ипатьевском: “ехавшее Воронажь”; неизвестно, следовательно, какой предлог был в подлиннике – *въ* или *на*, причем последний означал бы только реку Воронеж, на которой князь Ярополк мог стоять с рязанским отрядом для наблюдения за Половцами, тем более что для обозначения движения к городу употребительнее был местный падеж без предлога “ехавше Вороняжю”» [15, стб. 5].

Позиция Соловьева стала мощным аргументом для скептиков и следующие полвека воронежские краеведы не занимались проблемой летописного Воронежа, т.к. не могли добраться до первоисточника. Возрождение интереса к этой теме связано с именем местного священника С.Е. Зверева. Опираясь на «Сказание родословия» XVII века, он пытался доказать существование в 1177 г. удельного Воронежского княжества, а следовательно, и города с таким названием [4, с. 1146]. Ему оппонировал С.Н. Введенский, который первым поставил под сомнение возможность разрешить спор о древнем Воронеже, опираясь исключительно на письменные источники.

В конце концов, в 1904 г. оба исследователя признали, что, оставаясь в пределах только одного (достоверного) летописного текста, вопрос о Воронеже еще не решается ни в ту, ни в другую сторону. Нужны другие, прежде всего археологические доказательства, ибо, как очень точно заметил Введенский, пока историки сомневаются в самой возможности существования древнерусского города на южной окраине Рязанского княжества, открытой в XII в. для постоянных набегов половцев. «Филологическими же особенностями текста (в котором упоминается Воронеж. – *Г.М.*) это сомнение только усиливается» [1, с. LIII–LIV].

С начала XX в. «фанаты» летописного города Воронежа во главе с самим Зверевым действительно приступили к его поискам на территории

современного города и его окрестностей. Но ничего подходящего так и не нашли, как и все довоенные советские археологи.

Обсуждение вопроса о существовании города Воронежа в XII в. оживляется с середины прошлого столетия.

В 1956 г. академик М.Н. Тихомиров во втором издании своего обстоятельного исследования «Древнерусские города» сделал следующее предположение. «По-видимому, уже в 1177 г. существовал и Воронеж («Воронаж»), т.к. в Ипатьевской летописи о нем говорится, как о городе: «ехавши Воронажь» (вариант: «в Вороняжь») [16, с. 41]. Понятно, что ряды воронежских краеведов, сторонников того, что летописный Воронеж – это древнерусский город, заметно подросли. А предположение о существовании на окраине Рязанского княжества города Воронеж начинает проникать в тогдашнюю учебную и справочную литературу, включая «Советскую историческую энциклопедию» [5].

Примерно в это же время советские исследователи древнерусских летописей установили, что запись о бегстве князя Ярополка в «Воронеж» могла быть сделана по горячим следам во Владимире местным летописцем-клириком. Вместе с другими владимирскими записями упоминание о «Воронеже» вошло во Владимирский свод 1178 г. При описании событий в Северо-Восточной Руси, составители Лаврентьевской и Ипатьевской летописей использовали Владимирский свод 1189 г., но первый из них, вероятно, располагал и более ранней его редакцией 1178 г. Иными словами, Лаврентьевская летопись ближе к первоисточнику. Кстати, один из ее списков датируется 1377 г. и он тоже самый древний [8, с. 108; 9; 10, с. 133–134, 153].

В середине 1960-х гг. к поискам древнего Воронежа подключается будущий проф. ВГУ В.П. Загоровский. Он станет самым крупным знатоком и популяризатором этого вопроса. А начнет свои исследования, так же, как и предшественники, с анализа летописных текстов. По мнению Загоровского, в первоисточнике перед словом «Воронеж», скорее всего, стоял предлог «в», т.к. в Никоновской летописи под ним однозначно имелась в виду не река, а область [3, с. 6–11]. В существовании города Воронежа в XII в. исследователь тоже не сомневался, только искать его надо было уже далеко за пределами современного мегаполиса (на Романовом городище в Липецкой области). Очевидно, что в разрешении споров о летописном Воронеже Загоровский по-прежнему отдавал приоритет археологии.

В 1981 г. местный краевед А.В. Кожемякин опубликует статью «Тайна предлога», где соберет вместе отрывки с упоминаниями о Воронеже под 1177 и 1237 г. из полдюжины летописей. Такое расширение круга источников, конечно, усиливает путаницу с предлогами перед словом «Воронеж», т.к. в 1237 г., по мнению большинства исследователей, в летописях имелась в виду река (отсюда началось вторжение на Русь орд хана Батыея). В итоге автор приходит к выводу о том, что читать уверенно «в Воронеж», т.е. в город, мы не можем и, следовательно, не можем признать наш «милый Воронеж» почти

ровесником «матушки столицы». И виной всему «языковые капризы» с предлогами [6].

В тоже время, в статье Кожемякина есть и одно важное наблюдение о том, что выражение «на Воронеж» могла означать не только реку, но и город, как в царских указах XVII в. Только автор не пишет, что в этом случае составители текста уточняли, о чем идет речь. Например, «на Воронеже в городе и на посаде и Воронежском уезде».

В 1986 г. Воронеж отмечал свой 400-летний юбилей. В преддверии этой даты вновь был затронут вопрос о летописном Воронеже как возможном предшественнике юбиляра. Правда, аргументация некоторых авторов, оказалась, мягко говоря, голословной. Так, краевед В. Душутин, комментируя события 1177 г., пишет, что Ярополк, несомненно, бежал не «куда глаза глядят». На самой отдаленной окраине Рязанского княжества он заранее подготовил себе убежище. Его точное наименование по летописи – «Воронеж». И это город, а не река, которая не может быть «надежным убежищем», тем более зимой. Таким образом, предлог «в» означает город «(В Воронеж, в Орел, в Курск, в Муром...)» [2].

Конечно, Ярополк не случайно бежал именно «в Воронеж». В 1284 г. в Воронежских лесах скрывался от преследования татар другой русский князь – Святослав из Липецка. Здесь в домонгольское время, по мнению наших археологов, существовало как минимум три города (на Романовом, Семилукском и Новоживотинном городищах) и несколько десятков селищ [17, с. 245]. Но доказать, что один из градов назывался Воронеж, пока, к сожалению, никто не может.

В настоящее время все более популярной становится версия о Воронеже как одной из отдаленных рязанских волостей – владении князя Ярополка [7, С. 248; 15]. Это тоже, по сути, развитие версии о существовании древнерусского города Воронежа (как центра данной волости). Но серьезных доказательств она не имеет.

В 2016 г. еще одну попытку разобраться в летописном тексте, но уже на фоне окружающей «Воронеж» природной и исторической картины, предпринял известный воронежский историк и краевед П. А. Попов. Свое исследование он начинает с простого вопроса, который мало кому приходил в голову: почему в текстах со словом «Воронеж» прямо не сказано «город» или «река», так мало предлога «на» или он вообще отсутствует? Версия Попова достаточно оригинальна. Летописный Воронеж – это не город и не река, а макротопоним, который включает и реку, и города и еще много кое-чего [13, с. 10–17]. Данный подход как будто примиряется все рассмотренные ранее точки зрения, но на самом деле играет на руку тем, кто отрицает существование древнерусского города.

До недавнего времени спор о предлогах перед словом Воронеж, упомянутом в летописях под 1177 г., грешил одной характерной особенностью. Исследователи в основном ограничивались только текстами из трех летописных сводов: Лаврентьевского, Ипатьевского и Никоновского.

Задача выявления всех летописных текстов и сравнения их между собой еще не ставилась и не обсуждалась. В 2017 г. за эту работу взялся доцент ВГУ Ю.В. Селезнев. Сделанная им выборка из десятка текстов подтвердила преобладание формы «в Вороножь», восходящей к Лаврентьевской летописи [14, с. 7].

Итак, вывод о том, что вопрос о существовании города Воронежа в 1177 г. по одному летописному тексту решить невозможно, был сделан еще в 1904 г. Но попытки разгадать тайну предлога продолжают до сих пор. Просто надежды Введенского и Зверева на данные археологии не оправдались. Грады, упоминаемые в Никоновской летописи, нашлись, но их было немного (если не включать в это понятие укрепленные села). Однако доказать, что один из городов мог называться «Воронежем» практически невозможно. Поэтому каждая новая интерпретация слова «Воронеж» (город, волость, макротопоним) заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к анализу летописного текста. При этом их выводы, по понятным причинам, будут зависеть от ответа на главный вопрос: признается или нет существование древнерусского города Воронеж.

Что удалось установить по интересующему нас вопросу.

1. Текст под 1177 г. о бегстве князя Ярополка в «Воронеж» был написан во Владимире по горячим следам предположительно монахом-летописцем. Первоначально он входил в состав Владимирского свода 1178 г., а уже из него попал в другие летописи. Ближе всего к первоисточнику Лаврентьевская летопись. Древнейший ее список датируется 1377 г.

2. Судя по тому, что в дошедших до нас летописных текстах преобладает предлог «в», скорее всего в первоисточнике стоял именно он. Это отмечает вариант с рекой, но не исключает территорию (местность), которая к этой реке прилегала.

3. Отсутствие в текстах уточнения «город» или «река», а также возможность употребления слова «Воронеж» с предлогом «на» или вообще без него, говорит в пользу того, что летописец имел в виду природно-историческую область. Версия с волостью хотя и набирает популярность, но, на наш взгляд, менее основательная. Доказывать существование в XII в. реки с названием «Воронеж» никому не нужно. А вот наличие здесь волостного центра – это пока большой вопрос, хотя он уже успел обрасти литературой.

Список литературы

1. Введенский С. Н. Вопрос о существовании города Воронежа в XII веке // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Воронеж, 1904. – Вып. 2. – С. XLVI–LXVII.
2. Душутин В. Что рассказала летопись о нашем городе? // За культуру обслуживания. – 1985. – 11 октября.
3. Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». 2-е изд. – Воронеж, 1977. – 102 с.

4. Зверев Ст. Митрополит Евгений, как ученый. Е. Шмурло. СПб., 1888 г. // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1888. – № 23. – С. 1129–1147.
5. Калашников М.А. Воронеж // Советская историческая энциклопедия. – Москва, 1963. – Т. 3. – Стб. 706.
6. Кожемякин А. Тайна предлога // Молодой коммунар. – 1981. – 22 января.
7. Кузнецов А.А. Ярополк Ростиславич // Большая Российская энциклопедия. – Москва, 2017. – Т. 35. – С. 766.
8. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. – Москва, 1965. – 283 с.
9. Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. – Ленинград, 1967. – 199 с. Приложение. Схема северо-восточного летописания XII в.
10. Насонов А. Н. История русского летописания XI–XVIII века. Очерки и исследования. – Москва, 1969. – 555 с.
11. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. – Москва, 1962. – Т. I. – 580 с.
12. Полное собрание русских летописей. Патриаршая или Никоновская летопись. – Москва, 1965. – Т. X. – 244 с.
13. Попов П.А. Воронеж: древнее слово и древние города. – Воронеж, 2016. – 608 с.
14. Селезнев Ю.В. Первое и второе упоминание Воронежа: обзор летописных известий // «Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании): мат-лы Всерос. науч. конф. – Воронеж, 2017. – С. 5–8.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Санкт-Петербург, [1851]. – Т. 1–5. – 1726 стб.
16. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. – М., 1956. – 477 с.
17. Тропин Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. – Москва, 2005. – С. 244–252.

**А.П. НИКУЛОВ – ПРИРОЖДЕННЫЙ И НЕУТОМИМЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОСКОЛЬСКОГО КРАЯ**

З.З. Мухина, Л.Н. Пивоварова

Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический
университет «МИСИС»
mukhiny@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам региональной истории, а так же исследователю-краеведу Оскольского края, кандидату исторических наук Никулову Анатолию Павловичу. На протяжении многих лет он вел работу по восстановлению и

переводу текстов ветхих документов, написанных скорописью, систематизации архивов по истории Оскольского края. Большое внимание им было уделено развитию края в XVII веке.

Ключевые слова: Анатолий Павлович Никулов, краевед, скоропись, архивы, история Оскольского края, Дозорная книга, Писцовая книга.

A.P. NIKULOV – NATURAL AND TIRELESS RESEARCHER OF OSKOL REGION

Z.Z. Mukhina, L.N. Pivovarova

Stary Oskol Technological Institute named after A.A. Ugarov (branch) FSAEI HE
«National Research Technological University «MISIS»
mukhiny@mail.ru

Annotation: The article is devoted to issues of regional history, as well as to the researcher-local historian of the Oskol region, PhD of historical sciences Nikulov Anatoly Pavlovich. Over the years, he worked on the restoration and translation of texts of dilapidated documents written in cursive writing, the systematization of archives on the history of the Oskol region. Much attention was paid to the development of the region in the XVII century.

Keywords: Anatoly Pavlovich Nikulov, local historian, cursing, archives, history of Oskol region, Sentinel book, Scribe book.

Анатолий Павлович Никулов был настоящим ученым, краеведом, учителем, влюбленным в свой родной край. Он гордился его многовековой историей и культурой, по крупицам собирал информацию о людях, когда-то здесь живших и ныне живущих. Жизнь его была насыщена самыми удивительными событиями. С детства он увлекался историей и туризмом, вместе с одноклассниками и друзьями совершал многодневные походы по родному Оскольскому краю.

История его семьи берет начало в Волгоградской области. Его отец, Павел Иванович Никулов, уроженец села Средняя Ахтуба Волгоградской области, а мать – Анастасия Исаевна Насонова, уроженка села Верхние Апочки Курской области. Род Насоновых известен на Староосколе с 70-х годов XVII века. По воспоминаниям А.П. Никулова, его предок по материнской линии Перша Насонов нёс государеву службу в конных рейтарах, а дед Исай Насонов был замечательным кузнецом и человеком необычайной силы. В роду Насоновых долго хранилась памятная реликвия – завязанная узлом кочерга [1].

Анатолий Павлович Никулов родился в городе Урюпинске Волгоградской области. В начале 1950-х годов семья А.П. Никулова переезжает в Старый Оскол, где он окончил среднюю школу.

В 1970 году после службы в Советской Армии он поступает на исторический факультет Воронежского государственного университета (ВГУ). Завершив обучение, А.П. Никулов связывает свою дальнейшую жизнь с педагогической и просветительской деятельностью в Старом Осколе. Вначале он работает учителем истории и обществоведения, преподает начальную военную подготовку в школах города, является директором

«Вечерней (сменной) школы рабочей молодежи № 1», занимает должность инспектора городского отдела народного образования и др. Заслуги А. П. Никулова не остались незамеченными: Анатолий Павлович в эти годы был награжден знаком «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

Из воспоминаний Людмилы Сергеевны Капковой (в то время она была директором школы № 1): «Трудовая деятельность А.П. Никулова в течение пяти лет проходила в Старооскольской средней школе № 1 в качестве учителя истории. Аккуратный, скромный, тактичный, с тонким чувством юмора, он в коллективе пользовался большим уважением. Прекрасный собеседник, поражал глубокими знаниями и широким кругозором не только в области исторических событий, но и в краеведении. Было видно, что он очень любил землю, на которой жили его предки. Собирал много архивных сведений в Москве, Воронеже, Курске по истории Старооскольского края. А.П. Никулова интересовали условия жизни и труда, быт и культура русского народа на протяжении многих столетий. Эту любовь к краеведению он прививал своим ученикам. Он был Учителем от Бога! Его уроки всегда отличались оригинальным системным построением. Неповторимой особенностью Анатолия Павловича было его умение общаться с учащимися на равных. При этом он тактично направлял учащихся на правильные выводы исторических событий. Дети очень любили его уроки, где можно было дискутировать и высказывать своё мнение. Как классный руководитель, все возникавшие проблемы с учащимися, он решал в классе без привлечения родителей. А.П. Никулов никогда никому не жаловался на учеников, относился к ним с любовью, что вызывало огромное взаимное уважение» [2]. Вместе с учениками Анатолий Павлович совершал многодневные походы по еще малоизученным местам Белогорья. Из походов школьники возвращались с мозолями на ногах, но с одухотворёнными и радостными лицами, горящими глазами и переполнявшими их души эмоциями! И детям, и взрослым он передавал настоящую любовь к родному краю.

Из воспоминаний учеников Анатолия Павловича: «Воспоминания нашего 11 «Б» класса средней школы № 1 Старого Оскола неразрывно связаны с нашим любимым и уважаемым учителем истории, классным руководителем Анатолием Павловичем Никуловым. Многие скажут, что так всегда, вспоминая школу, мы вспоминаем и одноклассников, и учителей, и классных руководителей!? Но вот в нашем случае – это не «как всегда»!

Анатолий Павлович был увлеченный историей человек, любивший Старооскольский край настолько, что сумел эту любовь передать нам, своим ученикам, и не через контрольные работы и оценки, а через путешествия, походы и приключения. У нас было то, чего не было у других, чего возможно не будет у наших детей.

Это были походы на несколько дней с ночевкой в палатке, с тяжелыми (как тогда казалось) рюкзаками, про тяжесть которых забывали мы уже спустя час. Это было для нас испытание на выносливость и терпение (о

которой с гордостью вспоминаешь до сих пор). Вспоминая все это – закрываешь глаза, а перед тобой простираются незабываемые пейзажи, меловые пещеры (в которые мы обязательно спускались), посещение музеев, еда, приготовленная на костре, наверное, самая вкусная в жизни. Как уложить вещи в рюкзак, чтобы было удобно его нести, приготовить еду на костре, правильно установить палатку, да и многие другие тонкости туристического похода – всему этому нас научил Анатолий Павлович.

Рискнул! Повел целый класс, заинтересовал нас настолько, что мы с переполнявшими нас эмоциями всем рассказывали и делились незабываемыми впечатлениями. Эти походы были не только своеобразным уроком истории, но и испытанием нашей дружбы, сплоченности, взаимопомощи, силы воли. Возможно, благодаря этому большинство из нас подружилось и до сих пор поддерживают связь друг с другом. Конечно, когда мы приезжали в родной город всегда старались увидеть Анатолия Павловича. Приходя к нему, всегда встречали человека, который с интересом расспрашивал нас о наших делах, радовался нашим успехам, старался угостить чашечкой ароматного кофе и вспомнить то замечательное время. Каждый из нас был для Анатолия Павловича как родной сын или дочь!

Будучи мягким человеком, в его методах воспитания всегда было чувство меры и справедливости. Это был широкой души человек, который всегда был готов прийти на помощь. Он никогда ничего не просил, даже в самые тяжелые моменты жизни. Что бы ни случилась с ним, с его лица никогда не сходила добрая улыбка. Анатолий Павлович навсегда останется в нашем сердце» [3].

Но только преподавания предмета в школе для творческой натуры А.П. Никулова было слишком мало, его тянуло к изучению истории края. Он начал собирать материалы по истории Оскольского края. В течение многих лет он работал в главных архивах страны: Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Центральном Государственном историческом архиве (ЦГИА), Архиве Ленинградского отделения института археологии (АЛОИА), Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), Архиве военно-медицинских документов (АВМД), а также в местных архивах Курской, Воронежской и Белгородской областей. Часть документов удалось найти в фондах Старооскольского городского архива и фондах архива Старооскольского краеведческого музея и др. Администрация и сотрудники музея активно помогали Анатолию Павловичу.

В 1992 г. вышла книга А.П. Никулова и Э.И. Григорьева «Старый Оскол. 1593-1993 гг.», в которой авторы представили обобщающие материалы по истории Старооскольского края. Большое внимание было уделено развитию края в XVII веке.

Событием в культурной жизни не только города, но и региона стало издание в 1997 году его фундаментального многолетнего труда «Оскольский край», подготовленного к 400-летию Старого Оскола. Отметим, что это были

«лихие 90-е» – очень сложное для страны экономическое и политическое время.

С.Н. Чернев, журналист и друг Анатолия Павловича, в статье «К 400-летию Старого Оскола подарят книгу городу: интервью с А.П. Никуловым» пишет: «Книга называется просто «Старый Оскол», на титульном листе будет написано «Историческое исследование Оскольского края». Книга разбита на пять частей. Первая – с древнейших времен до XVI века: археология, топонимика, развитие человека. Здесь достаточно гипотез и предположений. Одна из них – о прохождении дружины князя Игоря через наши земли. Последовательно излагается история возникновения города-крепости в составе Московского государства. К каждой части прилагаются карта и схемы территориальных границ, изменения и дополнения. Следующие главы конкретно посвящены векам – с XVII по XX век включительно. Вначале – строительство, уезд, топонимика и к ним приложена карта с границами, возникшими в этом веке» [7]. Книга была издана благодаря меценату Анатолию Александровичу Краснову, в то время он был директором Старооскольского информационно-коммерческого центра, и поддержке директора медицинского колледжа Николая Стефановича Селиванова.

С 2001 года А.П. Никулов начинает работать в Старооскольском краеведческом музее старшим научным сотрудником. Об этом периоде работы вспоминает сотрудник музея Е.М. Москаленко: «Годы сотрудничества с Анатолием Павловичем сотрудники музея будут вспоминать с неизменным теплом. Энергичный, доброжелательный и компетентный, наверное, не было вопроса, на который он не знал ответа. Благодаря Анатолию Павловичу в музее велась работа по восстановлению текстов ветхих документов, переводу документов, написанных скорописью, систематизации архивов. Он с увлечением работал над картой совмещения объектов архитектуры XIX в. с современной топографической основой. ...Серьезный ученый, чьи публикации востребованы и признаны научным сообществом, мудрый педагог, чутко относившийся к своим коллегам, сильная и яркая личность, лидер, способный организовать научную работу всего коллектива» [4].

Анатолий Павлович приступает к работе над монографией «Оскольские древности», принимает участие в научных конференциях кафедры гуманитарных наук Старооскольского филиала «МИСиС». В это время Анатолий Павлович знакомится с заведующей кафедрой З.З. Мухиной, которая приглашает его в 2003 году работать преподавателем-совместителем кафедры гуманитарных наук по предмету «История Отечества». Об этом времени А.П. Никулов вспоминает так: «Приобщаясь к преподавательской деятельности в вузе, даже не мечтал о научной карьере, пока не попал в «цепкие руки» Зинары Зиевны» [5, с.100]. Вся дальнейшая научная деятельность Анатолия Павловича была связана с кафедрой гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС», Исследовательской лабораторией проблем

культуры Оскольского края при кафедре, в рамках которой были начаты издания его книг и статей в научном альманахе «Оскольский край».

В 2004 г. вышли в свет первые две части книги «Оскольские древности (архивные материалы XVII в.)»: «Оскольская дозорная книга 1615 г. (текст и комментарии)» и «Писцовая книга 1643 г. (текст и комментарии)». В книгах приводятся архивные материалы, представляющие собой образец делопроизводства рукописных материалов, написанных скорописью, использовавшейся в первой половине XVII в. В них собраны факты, события, имена, названия рек, населённых пунктов. Переписи населения в XVII столетии производились с целью учета податных единиц, с одной стороны, и с целью фиксации прав на землю и списки зависимого населения, – с другой. В Дозорной и Писцовой книгах содержится описание города и уезда, хозяйственной деятельности, социальной структуры Оскольского уезда первой половины XVII века. Книги включают ценные топонимические и историко-антропонимические сведения: географические названия, имена и прозвища людей. Источник важен с точки зрения генеалогии, в нем содержатся данные о предках нынешних жителей Оскольского края. Уникальные документальные материалы и комментарии к ним – это была первая работа такого плана по транслитерации скорописи XVII в. в нашем регионе.

Следует отметить, что издание указанных уникальных книг было осуществлено благодаря финансовой поддержке директора издательства «ТНТ» Владимира Петровича Борискина и при поддержке директора СОФ «МИСиС» Вячеслава Борисовича Крахта.

В июле 2006 года Анатолий Павлович блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Население Старооскольского уезда в XVII – начале XVIII веков: локально-историческое исследование» по специальности «Отечественная история» в Диссертационном совете Курского государственного университета (руководитель – З.З. Мухина). Диссертационный совет особо отметил уникальность и сложность темы исследования, значительно превосходящем средний уровень кандидатских диссертаций, а также такой впечатляющий факт, что диссертант имеет научные труды общим объемом свыше 105 печатных листов.

В 2007 году А.П. Никулов меняет постоянное место работы и до середины 2011 г. работает в должности доцента кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС». Несмотря на тяжелые последствия перенесенного тяжелого заболевания, Анатолий Павлович продолжает плодотворно работать с имеющимися архивными материалами. Большую помощь в подготовке и издании книг и статей оказывал коллектив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС». Много сил и времени уходило на поиски средств для публикации книг и научного альманаха «Оскольский край», где почти в каждом номере были статьи и архивные материалы с комментариями А.П. Никулова.

В рамках деятельности Исследовательской лаборатории проблем культуры Оскольского края СТИ НИТУ «МИСиС» были подготовлены к изданию следующие две части «Оскольских древностей» А. П. Никулова – «Переписная книга 1646 года» (2017 г.) и «Писцовые книги 1686 и 1691 годов» (2017 г.) с основательными комментариями автора.

Продолжая серию «Оскольских древностей», автор по-прежнему сохраняет стиль подачи архивного материала. Источниковой базой третьей части является «Переписная книга 1646 года». Работа состоит из трех разделов – текст, комментарий к нему и обобщенный комментарий по переписям первой половины XVII в. Архивный материал представляет собой образец делопроизводственной рукописной книги, написанной скорописью первой половины XVII века.

Четвертая часть «Оскольских древностей» завершает данную серию. Источниковой базой стали писцовые книги второй половины семнадцатого столетия – «Писцовая книга 1685/86 гг. Федора Шахонского» и «Писцовая книга 1691г. Прохора Вяземского». В комментариях представлено обсуждение исторических событий рассматриваемого периода.

Следующим изданием является книга А.П. Никулова «Фамилии и имена Оскольского края» (2018 г.). Данная книга имеет не только значительную научную ценность, но вызывает интерес коренных жителей нашего края и всех тех, кто неравнодушен к истории Белгородчины. Авдеевы, Бурцевы, Волковы, Гавриловы, Демины, Емельяновы, Захаровы, Иголкины, Карповы, Ледовские, Мальцевы, Монаковы, Некрасовы, Прокудины, Ряполовы, Селютины, Холтобины, Черниковы, Щербинины и представители еще более 100 фамилий – являются первопоселенцами на Оскольской земле.

В 2019-2020 гг. в рамках деятельности Исследовательской лаборатории проблем культуры Оскольского края были подготовлены и изданы еще другие книги А.П. Никулова: «Оскольский край (субъективные рассуждения по поводу ...)» (2019 г.); «Поселения и православные храмы Оскольского края» (2020 г.); «Оскольские приборные люди, дворянство и купечество» (2020 г.).

В книге «Оскольский край (субъективные рассуждения по поводу...)» автор представил свое видение многовековой истории Оскольского края. Затрагиваются проблемы территории, её природные и ландшафтные особенности. В исследовании поднимается вопрос об археологических экспедициях, отдельных находках, рассматриваются причины, время основания города Оскол. Автором выявляются и обсуждаются проблемы заселения края, топонимика и развитие поселений региона, движение населения, его социальный состав и численность, вопросы служебных обязанностей, управления, экономики; церковной и повседневной жизни жителей региона – это ещё одна сторона исторического исследования.

В книге «Поселения и православные храмы Оскольского края» А.П. Никулов изложил информацию о более двухстах населённых мест

Оскольского края, которые в разные периоды времени были основаны или входили в границы региона. В книге приведена информация о православных храмах края XVII – нач. XX вв. Автором затрагиваются вопросы местоположения, времени возведения и именование городских, пригородных и сельских церковных строений, детально рассматриваются технологические приёмы, устройство храма, внутреннее убранство, предметы культа.

В последней книге «Оскольские приборные люди, дворянство и купечество (исследование)» А.П. Никулова содержится информация о категориях населения Оскольского края. Автор представил алфавитные списки и свои рассуждения о становлении и времени существования той или иной социальной группы.

Важно отметить, что последние пять книг увидели свет благодаря А.А. Угарову человеку, который в этот период был первым заместителем генерального директора – директором по производству Управляющей компании «Металлоинвест», депутатом Белгородской областной Думы.

Завершая обзор книг А. П. Никулова, отметим, что они до настоящего времени остаются единственным и фундаментальным трудом по переводу скорописи XVII в. Оскольского края. Анатолием Павловичем проделана гигантская работа, позволившая древние рукописи сделать достоянием исследователей и широкого круга читателей. Представьте, сколько времени он провёл в архивах, зачастую корпел с лупой над записями, потому что документы вековой давности сохранились не лучшим образом. Публикация архивных документов является весьма трудоёмким процессом. Составление комментариев требует глубоких исторических и энциклопедических знаний, тонкого понимания социальных, экономических, демографических процессов того времени. Поэтому многие исследователи предпочитают иметь дело с уже опубликованными документами, особенно, снабженными обширными комментариями. На этом фоне книги Анатолия Павловича Никулова можно считать не только библиографическим, но и историографическим явлением. Труды А.П. Никулова без преувеличения – важное научное достижение. Доктор исторических наук, профессор Г.Н. Чагин в своем отзыве о книгах А.П. Никулова написал: «Как показывают книги А.П. Никулова, Анатолий Павлович владеет навыками скорописи. Его титанический труд равен подвигу во имя и во славу Старого Оскола» [6]. А.П. Никулов был образцом объективности, скрупулезности и обоснованности исторических исследований, ведущим экспертом в области истории Оскольского края. Главное в трудах Анатолия Павловича – пробуждение интереса к истории и воспитание любви к своей малой родине. Ведь без этого нет и большой Родины.

Талантливые люди часто бывают разносторонними. Анатолий Павлович увлекался литературой, много путешествовал. Во время наших встреч он красочно и живо рассказывал об опыте приобщения к кинематографу. В 1967 году он первые полгода службы в Советской армии провел в качестве актера массовки на съёмках фильма «Война и мир» Сергея

Бондарчука. В последующие годы жизни пробовал себя как актёр и помощник режиссёра на театральных подмостках по месту жительства и работы.

Анатолий Павлович Никулов посвятил всю свою жизнь краеведению и развитию исторического образования в Старом Осколе. Благодаря его профессионализму, прекрасным человеческим качествам, подвижничеству несколько поколений старооскольцев переняли от него важнейшие ценности гуманизма, патриотизма, научной добросовестности, открытости и доброжелательности.

А.П. Никулов был награжден Памятным знаком «Старый Оскол – Город Воинской славы», медалью Старооскольского городского округа Белгородской области «За заслуги», Почетными грамотами и Благодарностями администрации Старооскольского городского округа, Дипломом управления культуры Белгородской области, был Лауреатом областной юбилейной акции «50-летию Белгородской области – 50 славных дел» (2005 г.), победителем областного конкурса «Лучшая книга Белгородчины» в номинации «Историко-документальное издание» за книгу «Фамилии и имена Оскольского края» (2019 г.). В 2018 году ему было присвоено звание «Почетного гражданина Старооскольского городского округа».

Список литературы

1. Беседы с А.П. Никуловым // Архив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСИС».
2. Воспоминания Л.С. Капковой. 2022 г. // Архив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСИС».
3. Воспоминания учеников А.П. Никулова. 2022 г. // Архив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСИС».
4. Москаленко Е.М. Воспоминания о А.П. Никулове. 2022 г. // Архив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСИС».
5. Никулов А.П. Юбилей ученого // Штрихи к портрету: К юбилею профессора З.З. Мухиной / Автор-сост.: Л.Н. Пивоварова. – М.: РОСА. – 179 с.
6. Чагин Г.Н. Слово о книгах Анатолия Павловича Никулова «Оскольские древности». Часть I, II. – Старый Оскол, 2004; Часть III, IV. – М., 2017 // Архив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСИС».
7. Чернев С.Н. К 400-летию Старого Оскола подарят книгу городу: интервью с А.П. Никуловым // Оскольские новости. – 1993. – № 1.

РОЛЬ РЕГИОНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Я.С. Никольский

Новосибирский государственный университет экономики и управления
nikolsky1996@yandex.ru

Аннотация: Важность регионов России с точки зрения продовольственной безопасности крайне важна, так как продовольствие необходимо для населения страны. Развитие агропромышленного комплекса (АПК) России играет ключевую роль в жизни регионов нашей страны. Благодаря развитому АПК наша страна полностью обеспечивает граждан России продовольствием по критически важным продуктам питания, а также экспортирует агропромышленные товары в другие страны. Помимо вышеперечисленного стоит также сказать, что роль развития сельского хозяйства способствует развитию регионов России, так как, за счет новых рабочих мест, а также увеличению доходов населения, складывается благоприятная экономическая ситуация в регионах страны. За последние десятилетия Россия укрепила свои позиции с точки зрения продовольственной безопасности и на сегодняшний день можно сказать, что наша страна продовольственная независимая страна, а это в свою очередь, безусловно укрепляет наше государство с точки зрения безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельскохозяйственное производство, доступность продовольствия, агропромышленный комплекс, АПК.

THE ROLE OF REGIONS IN ENSURING FOOD SECURITY AND AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING THE RUSSIAN STATE

BY Y.S. Nikolsky

Novosibirsk State University of Economics and Management
nikolsky1996@yandex.ru

Annotation: The importance of Russia's regions from the point of view of food security is extremely important, since food is extremely important for the country's population. The development of the agro-industrial complex in Russia plays a key role in the life of the regions of our country. Thanks to the developed agro-industrial complex, our country fully provides Russian citizens with food for critically important food products, as well as exports agro-industrial goods to other countries.

In addition to the above, it is also worth saying that the role of agricultural development contributes to the development of the regions of Russia, since, due to new jobs, as well as an increase in household incomes, a favorable economic situation in the regions of the country is developing. Over the past decades, Russia has strengthened its position in terms of food security and today we can say that our country is a food independent country, and this, in turn, certainly strengthens our state in terms of security.

Keywords: food security, agricultural production, food availability, agro-industrial complex, agro-industrial complex.

Главный документ России с точки зрения продовольственной безопасности нашей страны – это Доктрина продовольственной безопасности России, которая в свою очередь регламентирует нормы выращивания и производства продуктов питания. Непосредственно для того, чтобы

выполнить данные нормы по выращиванию и производству продуктов питания потребовались мощности регионов России.

Продовольственная безопасность – это в первую очередь обеспечение качественными продуктами питания населения страны, которые имеют доступность, как территориальную (физическую), так и экономическую. Само обеспечение продуктов питания для своих граждан – это безусловно один из факторов независимости государства. На момент 2024 года можно с уверенностью сказать, что Россия с точки зрения продовольствия – независимая страна.

Безусловно, чтобы достичь таких результатов, в достаточно краткие сроки, (первая продовольственная Доктрина от 2010 г.) потребовалось взаимодействия большинства регионов России, которые за последние десятилетия многократно увеличили мощности АПК. Производственные мощности отечественного АПК, как было сказано выше не только смогли обеспечить продуктами питания нашу страну, но также увеличили объему поставок продуктов питания в другие страны.

По мнению автора, следует отметить прирост экспорта агропромышленной продукции России.

По данным Росстата с 2018 года по 2022 регионы России нарастили экспортный потенциал от 2 до 55 процентов, а самый большой прирост экспорта с точки зрения получения прибыли, составляет у таких субъектов РФ, как: Московская область, Волгоградская область, Новосибирская область, Ростовская область, Белгородская область, Приморский и Краснодарский край. Стоит отметить, что в совокупности вышеперечисленные регионы производят более 70 процентов продовольственного питания.

Отечественные ученые замечают, что «...значимость производства сельскохозяйственной продукции определяется, прежде всего, наличием и рациональным использованием сельскохозяйственных угодий в каждом регионе, а от этого, в свою очередь, зависит производство основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия: зерна, мяса, молока и т. д.» [1, с. 75].

Исходя из данных [4, с. 33] рейтинг регионов Российской Федерации с точки зрения экспорта составляют: Ростовская область, Московская область.

Также стоит огласить следующие данные, которые, несомненно, влияют на роль регионов в обеспечении продовольственной безопасности. Так как огромное влияние на сельское хозяйство играет роль сельских жителей нашей страны, то следует привести статические данные, так доля сельского населения РФ, которая проживает непосредственно в сельской территории составляет порядка 36,9 миллионов человек, что составляет 25,3 процента от общего числа жителей РФ.

Вклад сельского хозяйства России с точки зрения занятости в экономике РФ составляет более 6,5 процентов, а вклад в экономику РФ порядка 4,5 процента) [3, с. 6].

Несмотря на то, что наша страна достигла таких впечатляющих результатов АПК России, стоит помнить, что вклад каждого региона России существенно различается, основные факторы различия – это природно-климатические условия, которые важнейшим образом влияют на выращивание и изготовления продуктов питания. Немало важную роль играет, также приграничные зоны, которые на момент 2024 года из-за неблагоприятных событий находятся по сравнению с другими годами в состоянии стагнации. Неустойчивость цен, а также доход граждан также влияет на развитие АПК России, кроме того, касательно человеческого капитала, за последние десятилетия число граждан РФ сократилось, также сократилось число работников АПК, что также в дальнейшем будущем приведет к ухудшению показателем отечественного АПК.

Однако, не смотря на высокий рост производства аграрной продукции, наша страна за последние годы сталкивается с чередой проблем, которые влияют на дальнейшее развитие агропромышленного комплекса России. [5, с. 16]. Одна из основных проблем – это устаревшая сельскохозяйственная техника, а также низкий доход аграриев, которые не могут позволить себе более новую и качественную технику, что в свою очередь мешает достичь более высоких показателей по сбору и посеву урожая. Несмотря на то, что государственная поддержка достаточно на высоком уровне, но с точки зрения сельхозтехники на момент 2024 года у отечественных аграриев складываются не лучшим образом.

Кроме того, наблюдается среди регионов России проблема в сфере технологий, по мнению отечественного ученого «...одной из проблем внедрения цифровых технологий в деятельность аграриев мелкого и среднего масштаба является наличие компьютеров и соединения с Интернет. Так, в России из 275 тыс. чел. фермеров только 3,3% от их числа использует компьютеры и только 1.1% работает в системе Интернет. В то время как в Дании из 60 тыс. чел. фермеров 80% от общего их числа применяют компьютеры в своей работе» [2, с. 3].

Обобщая выше сказанное, следует отметить, что на момент 2024 года потребность аграриев к компьютеру, а также доступу интернету только возросла, так как автоматизация и современные технологиикратно повышают эффективность агропромышленного комплекса.

В заключении стоит добавить, что, исходя из тенденции за последние десятилетия агропромышленный комплекс России находится в активной стадии роста и развития. Колоссальная поддержка государства, а также ответные санкции странам запада (продовольственное эмбарго с 2014 года) позволило отечественным аграрием заменить импортное продовольствие своим, что в свою очередь послужило отличным стимулом для роста и инвестиции в оточенные АПК.

Список литературы

1. Кириллов С. Л., Вахневич Н. И., Завальнюк А. В., Вышегуров М. С. Роль регионов в обеспечении продовольственной безопасности России // Вестник НГУ. – 2015. – № 3. – С. 73-86.
2. Кокова, Э. Р. Роль современных технологий в обеспечении продовольственной безопасности регионов // Вестник экспертного совета. — 2019.
3. Перечень сельскохозяйственной продукции, продажа которой осуществляется на сельскохозяйственном рынке и сельскохозяйственном кооперативном рынке (утв. Постановлением Правительства РФ от 19 мая 2007 г. № 297) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/12153531/> (дата обращения: 19.03.2024).
4. Подходы к анализу и направления развития экспорта продукции АПК субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Севастопольский государственный аграрный университет. – URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2023/09/M4_Лекция_выездной_семинар_отчет.pdf (дата обращения: 19.03.2024).
5. Смольяков А.А. Правовые аспекты государственной поддержки производителей сельскохозяйственной продукции // Юридический мир. 2013. № 6. С. 44-48.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД НЕУРОЖАЯ И ГОЛОДА 1891-1892 ГГ.

П. В. Понарин

Международный юридический институт, Тульский филиал

ponarin_p@mail.ru

Аннотация: в статье уделяется внимание осмыслению особенностей продовольственной политики в провинции в период неурожая и голода 1891–1892 гг. На примере Тульской губернии анализируются некоторые аспекты деятельности Особого совещания по продовольственной части, образованного при губернаторе Н. А. Зиновьеве и функционировавшего до лета 1893 г. Делается вывод, что продовольственная политика на уровне Тульской губернии оказалась эффективной и масштабной, обеспечив не только преодоление голода среди населения, но и создав условия для восстановления аграрной экономики региона в конце XIX- начале XX в

Ключевые слова: благотворительность, голод, губерния, земства, империя, крестьянство, продовольственное дело, ссуды.

FOOD POLICY IN THE TULA PROVINCE DURING CROP FAILURE AND FAMINE 1891-1892

P.V. Ponarin

International Law Institute, Tula Branch

ponarin_p@mail.ru

Annotation: Annotation: the article pays attention to understanding the features of food policy in the province during the period of crop failure and famine of 1891–1892. Using the example of the Tula province, some aspects of the activities of the Special Meeting on Food, formed under Governor N.A. Zinoviev and functioning until the summer of 1893, are analyzed. It is concluded that the food policy at the level of the Tula province turned out to be effective and large-scale, ensuring not only the overcoming of hunger among population, but also creating conditions for the restoration of the agrarian economy of the region in the late 19th - early 20th centuries

Keywords: charity, famine, province, zemstvos, empire, peasantry, province, food business, loan.

Продовольственная политика в Российской империи в XIX в. являлась одним из актуальных направлений государственного управления и именовалась «продовольственным делом». Важность осуществления мероприятий по обеспечению населения, в основном сельского, натуральной и денежной помощью со стороны государства, объяснялась регулярными неурожаями, приводившими к масштабному голоду. В частности, наиболее серьезные последствия имел неурожай и голод 1891–1892 гг. Голод не только негативно воздействовал на экономику, прежде всего, крестьянских хозяйств, но и формировал особый тип поведения, в котором архаичное почитание государства сочеталось с неприязнью к существующим правительственным и общественным институтам, формировало предпосылки крестьянского бунта.

В настоящее время изучение продовольственного дела в 1891-1892 гг. привлекает внимание исследователей как создающих обобщающие труды [4], так и осмысливающих региональные особенности деятельности государственных и общественных институтов [1, 10, 6, 5], церковной благотворительности [12]. Не вдаваясь в подробности историографического анализа, отметим, что введение в научный оборот документов областных архивов, способствует более полному, всестороннему осмыслению разноплановой деятельности по преодолению неурожая и голода в провинции.

В рамках настоящей статьи хотелось бы коснуться организации продовольственного дела в 1891-1892 гг. в Тульской губернии, остановившись на некоторых сторонах работы чрезвычайного органа – Особого совещания по продовольственной части при губернаторе Н. А. Зиновьеве (другое название этого органа, встречающееся в документах, – Губернское продовольственное совещание).

Известно, что бедствие начала 1890-х гг. охватило 17 губерний земледельческого центра России и Поволжья, затронув среди прочих Курскую и Тульскую губернии. Практически половина уездов Тульской губернии (Богородицкий, Веневский, Епифанский, Ефремовский, Крапивенский, Новосильский, Чернский) была охвачена неурожаем. Малорентабельное крестьянское хозяйство, очевидно, не способно было справляться с подобными кризисами. В неудовлетворительном состоянии находились и общественные продовольственные капиталы Тульской

губернии, составлявшие на 1 января 1891 г. 741 219 р. 60 ½ к. – 39 % от общей суммы продовольственного капитала [7, с. 11]. В этих условиях особое значение приобретали административные меры губернских властей, непосредственно подчинявшихся Министерству внутренних дел.

В частности, с ведома МВД в губерниях утверждались Особые совещания по продовольственной части. Изучение деятельности этих временных институтов позволяет понять особенности продовольственной политики в провинции, сочетавшей централизованные мероприятия с некоторыми местными инициативами.

Интенсивный период проведения Особых совещаний по продовольственной части в Тульской губернии приходится на конец февраля 1892 г. – январь 1893 г. [2, лл. 18-75об]. Всего за это время было проведено двадцать три заседания. Наиболее активно Губернское совещание по продовольствию работало в декабре 1892 г., когда состоялось шесть заседаний.

Состав участников зависел от повестки дня. Чаще всего Совещание работало в малом составе (губернатор, вице-губернатор, управляющий Государственными имуществами, управляющий Казенной палатой, председатель и члены Губернской Земской управы). При обсуждении вопросов, требовавших принятия ответственных решений, состав Совещания становился более представительным и в него включались председатели уездных земств. В его работе принимал участие и губернский предводитель дворянства. Активным членом Особых совещаний являлся и председатель продовольственной комиссии Богородицкого уезда кн. М. Р. Долгоруков. Исключенным из состава Совещания оказалось только епархиальное руководство, также осуществлявшее широкую благотворительную деятельность через епархиальный, уездные и приходские комитеты помощи голодающему населению.

В работе Губернских продовольственных совещаний следует выделить несколько направлений. Естественно, в первую очередь обсуждалась закупка необходимого количества хлеба для удовлетворения нужд голодающего населения.

К 1 января 1892 г. земством, с согласия правительства, оказалось приобретено 1 257 304 пудов 5,5 ф. хлеба [9, с.8]. При решении этой проблемы Особое совещание при губернаторе могло рассчитывать на значительные средства, выделенные правительством в январе 1892 г. размере 2 850 000 р. В качестве источника закупочной компании допускалось использование дополнительных средств – общественного (772873 р. 43 к.) и губернского (32458 р. 90 к.) продовольственных капиталов. Стабилизация доходной части, главным образом за счет средств государственного бюджета, создавала условия для эффективного администрирования в продовольственном вопросе в 1892 г. Операции по заготовке хлеба, начавшиеся в октябре 1891 г., были завершены в июне 1892 г. Однако новый неурожай обозначил необходимость продолжения закупочных операций

летом–осенью 1892 г., за которые в пределах губернии отвечали земские управы, а приобретение хлеба на внешних рынках производилось правительством.

Вопрос о закупке продовольствия сохранялся в повестке и осенью–зимой 1892 г. Так, 13 октября Особое Собрание обсудило доставленные приблизительные сведения от 53 земских начальников о количестве зерна, которое требовалось для продовольственной помощи. При соблюдении требования МВД от 30 сентября – выдавать 30 фунтов на едока – общий размер помощи был определен в 2030 тысяч пудов ржи, а на обсеменение яровых полей – около 1 608 тысяч пудов овса.

Приобретение продовольствия оставалось актуальной проблемой и зимой 1893 г. Собрание, обсудив 13 января наличие остатков хлеба в количестве 600 тыс. пудов и возможности приобретения в пределах губернии до 330 тыс. пуд., высказалось за продолжение приобретения зерна до 24 января 1893 г.

Итоги заготовительной кампании 1892 г., осуществленной земством и правительственными учреждениями в Тульской губернии, следует оценить как положительные и масштабные. Общее количество запасов, использовавшихся как для продовольствия, так и для обсеменения полей, составляло 4 872 809 п. 3,5 ф., из которых 2 103 034 п. 8 ф. было доставлено в Тульскую губернию из других регионов по ходатайству Губернского Продовольственного Собрания и соответствующему распоряжению правительства. Деятельность Собрания способствовала не только удовлетворению продовольственных нужд населения, но и содействовала восстановлению в последующие годы аграрной экономики региона.

Среди вопросов, обсуждаемых на заседаниях Особого собрания в 1892-1893 гг., стало и определение размеров и порядка выдачи продовольственной помощи.

Впервые этот вопрос губернатор поставил на заседании 25 февраля 1892 г., обратившим внимание на отсутствие единообразия относительно размеров выдаваемого земствами продовольствия. 22 августа Собрание определило наибольший размер выдачи хлеба на едока до 1 января 1893 г. в 30 фунтов, а выдачу ссуд на работоспособное мужское население в возрасте 18-55 лет решено было не производить [8, л. 44]. Но в январе 1893 г., в связи с сохранением тяжелой продовольственной ситуации, норма в 30 фунтов уже признавалась совсем незначительной, что вынуждало губернские власти обращаться за помощью к правительству. Плохое питание сказывалось и на физическом состоянии населения: в губернии фиксировались эпидемии сыпного и брюшного тифа. В этих условиях, в течение 1892-1893 гг., Собрание неоднократно высказывалось за повышение нормы, ссылаясь на статистические данные Тульского губернского статистического комитета, земских начальников, губернской и уездных земских управ. В итоге, норма на едока в течение 1892 года колебалась в разных уездах и разные месяцы от 20 фунтов до 0,5 пуда [8, с. 7].

Важным направлением в работе Особого совещания стала также координация раздачи продовольственной помощи населению, в основном, готовым (печеным) хлебом и мукой. К 1892 г. выдача продовольствия и продажа хлеба по заготовительной цене в Тульской губернии составила 3394 26 п. 23 ф. [11, с. 38]. Совещание также осуществляло регулирование цен на продовольствие в пределах Тульской губернии, в частности, разрешив в апреле 1892 г. продажу Новосильской уездной земской управе ржи по 1 р. 10 к. за пуд, ржаной муки – 1 р. 15 к., пшеницы – 1 р. 25 к. [3, л. 20об]. Для всех уездов Особое совещание спланировало продажные цены 22 апреля 1892 г. после обобщения информации о ценах на зерно и муку на основных местных (Ефремов, с. Сергиево) и соседних рынках (Орел, Ливны, Елец), а также с учетом ценовой политики некоторых уездных управ. В частности, стоимость пуда ржи для всех уездов составила от 105 до 120 коп. [3, лл. 20-20об.].

Особое совещание по продовольственной части в период 1891-1893 гг. постоянно увеличивало объемы помощи голодающему населению. Так, в 1892 г. из заготовленных припасов жители получили 2 745 470 п. 3 ф., в том числе ржи и ржаной муки 2 251 796 п. 7 ф., овса 156 663 п. 3 ф. и других продуктов 337 010 п. 33 ф., что значительно превысило продовольственную помощь, полученную населением в августе-декабре 1891 г. [9, с.7].

К осени 1893 г. масштабы продовольственной помощи по неурожаю 1892 г. составили по Тульской губернии уже 4 501 642 п. 25 ф. хлеба. Из них ржи было роздано и продано 2 678 870 п. 17,5 ф.; овса выделено 1 565 260 п. 2,5 ф. Наибольшая помощь оказалась Богородицкому уезду в размере 801 764 п. 2,5 ф., а также Ефремовскому (819 480 п. 26 ф.), Елифанскому (615 478 п. 7 ф.), Чернскому (513 472 п. 5 ф.), Новосильскому (465 884 п. 16 ф.) [9, с. 13-14].

Итак, меры, предпринятые Особым совещанием по продовольственной части Тульской губернии, стали частью государственной централизованной политики, координировавшейся МВД. Однако знание местной специфики, привлечение в состав этих органов представителей уездных земств, свидетельствовало об ориентированности членов Губернского продовольственного совещания на конкретные нужды населения пострадавших уездов, что позволило к лету 1893 г. нормализовать продовольственное дело в пределах губернии. Таким образом, обращение к осмыслению практической деятельности.

Список литературы

1. Акульшин П. В. Голод 1891–1892 гг. в России как актуальная проблема отечественной интеллектуальной истории// Актуальные проблемы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 8 нояб. 2016 г. / РГРТУ, Гуманитарный ин-т, Ряз. отд-ние Рос. О-ва интеллектуальной истории, Ряз. регион. общ. орг. Союз социально активной молодежи «Созвездие». – Рязань: РРОО ССАМ «Созвездие», 2016. – С. 10–13.

2. Государственный архив Тульской области. – Ф. 90. – Оп. 1. – Т. 43. – Д. 37636.
3. Государственный архив Тульской области. – Ф. 4. – Оп. – 1. – Д. 367.
4. Давыдов М. Цена утопии: История российской модернизации. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 536 с.
5. Демина Ю.В. Современная отечественная историография голода 1891-1892 гг. // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 4. – С. 85-94.
6. Кравцова Е. С. Организация антикризисных мероприятий в курской губернии в период голода 1891-1892 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 75-82.
7. Местные продовольственные капиталы, губернские сословные и общественные, и хлебные запасы в общественных магазинах в 1867-1891 гг. в 44-х губерниях Европейской России // Временник Центрального Статистического Комитета МВД. – 1895. – № 39. – СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1895. – 61 с.
8. Обзор Тульской губернии за 1892 год: приложение ко Всеподданнейшему отчету. –Тула. 1893. – 140 с.
9. Обзор Тульской губернии за 1892 год: приложение ко Всеподданнейшему отчету. –Тула. 1893. – 186 с.
- 10.Рогожина А. С. Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков / А. С. Рогожина // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 423— 437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437.
- 11.Статистические данные по выдаче ссуд на обсеменение и продовольствие населению, пострадавшему от неурожая в 1891-1892 гг. // Временник Центрального Статистического Комитета МВД. – 1894. – № 28. – СПб.: Изд. ЦСК МВД. 1894. – 182 с.
- 12.Штепа А. В., Понарин П. В. Участие духовенства Калужской и Тульской епархий в преодолении последствий голода 1891-1892 гг. в Центральном регионе России// Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. Серия «Гуманитарные науки». 2016. – Калуга: Издательство КГУ им. К. Э. Циолковского. – 481 с.

**ДРЕВНЕЙШИЙ НАРРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК МЕСТНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ («ПОВЕСТЬ О
ГРАДЕ КУРСКЕ» XVII ВЕКА)**

А. И. Раздорский

Российская национальная библиотека;
Санкт-Петербургский институт истории РАН
razdor@nlr.ru

Аннотация: в статье приведены сведения о древнейшем нарративном источнике местного происхождения, связанным с Курским краем – «Повести о граде Курске и о явлении курской иконы Знамения Богородицы». Представлены сведения о количестве и местонахождении известных на сегодняшний день списков этого рукописного памятника, рассмотрен вопрос о его авторе. Подробно рассмотрен вопрос о времени обретения курской иконы Знамения Богородицы, поскольку «Повесть о граде Курске» является единственным первоисточником информации об этом событии.

Ключевые слова: история Курского края, «Повесть о граде Курске», Курская икона Знамения, сказания о чудотворных иконах, нарративные южнорусские источники 17 века.

THE OLDEST NARRATIVE SOURCE OF LOCAL ORIGIN ON THE HISTORY OF THE KURSK REGION ("THE TALE OF THE CITY OF KURSK" OF THE 17TH CENTURY)

A. I. Razdorsky

Russian National Library;

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

razdor@nlr.ru

Annotation: The article provides information about the oldest narrative source of local origin associated with the Kursk Region – “The Story of the city of Kursk and the appearance of the Kursk icon of the Sign of the Virgin”. Information is provided on the number and location of the currently known lists of this handwritten monument, and the question of its author is considered. The question of the time of the Kursk icon of the Sign of the Virgin was considered in detail, since the “Tale of the City of Kursk” is the only primary source of information about this event.

Keywords: The history of the Kursk Region, “The Tale of the City of Kursk”, Kursk icon of the Sign, tales of miraculous icons, narrative South Russian sources of the 17th century.

Наиболее древние дошедшие до нашего времени письменные источники местного происхождения, связанные с Курским краем, относятся к первым годам после завершения Смутного времени. Это, в частности, две «книги курскому кабацкому пойлу — вину и меду, и пошлинным, и пятенным, и лошадиным деньгам», датированные 1619 г. (см. о ней: [11, с. 67–68]). Указанные документы, типологически принадлежащие к категории делопроизводственных источников, относятся к числу наиболее древних памятников местного таможенного и кабацкого делопроизводства, причем не только по южнорусским городам, но и по России в целом.

Что же касается нарративных источников, связанных своим происхождением с Курском и его округой, то наиболее ранним из них является «Повесть (вариант — «Сказание») о граде Курске и о явлении курской иконы Знамения Богородицы» (в разных списках и редакциях название памятника варьируется). Этому документу посвящена наша специальная статья, опубликованная в 2003 г. [10, с. 141–154]. В ней представлен краткий обзор исторических и краеведческих публикаций разного времени, вышедших в свет с конца XVIII в. До начала XXI в., в которых приведены сведения из «Повести», приведен перечень всех

выявленных на тот момент списков памятника, обозначены его редакции, а также содержится общая характеристика структуры и содержания. В настоящей статье сообщаются некоторые новые данные, касающиеся «Повести», полученные после 2003 г., а также рассмотрен один из важнейших сюжетов, освещаемых ею — время и обстоятельства явления курской иконы Знамения.

Прежде всего, необходимо дополнить состав выявленных списков памятника еще одним. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде М. П. Погодина хранится ранее не учтенный нами список «Повести», относящийся к XVIII в. [8]. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о девяти дошедших до нашего времени списках этого произведения. Пять из них, в том числе древнейший XVII в., находятся в разных собраниях отдела рукописей Государственного Исторического музея (Уваровское, Чертковское, Щукинское), по два имеются в отделах рукописей Российской государственной библиотеки (Румянцевское собрание) и Российской национальной библиотеки (Основное собрание рукописной книги и Погодинское собрание).

В литературе высказаны различные мнения относительно времени создания «Повести». Так, Д. М. Буланин отнес начало работы над ней к 1637 г. [4, с. 574], А. Эббингхаус связывает возникновение памятника с основанием курского Знаменского монастыря в 1613 г. [14, s. 89], Т. Н. Нечаева предполагает, что рассматриваемое произведение в основном было написано в первой половине XVII в., а затем дописывалось и дополнялось новыми сведениями вплоть до начала 1660-х годов [7, с. 455].

В списке «Повести» из Погодинского собрания описание чудес, произошедших от курской иконы Знамения, завершается рассказом об исцелении слепой и хромой девиц из Ливен, которое произошло, согласно источнику, в 7159 (1651) г. (автором особо отмечено, что это последнее известное ему чудо). Данное обстоятельство позволяет установить верхнюю границу окончания работы над наиболее ранней из известных редакций памятника. Можно предположить, что основной текст «Повести» был создан в начале 1650-х годов, а наиболее полная редакция произведения возникла в первой половине 1660-х годов (последние описанные в нем чудеса, связанные с иконой Знамения, относятся именно к этому времени).

Автор «Повести» остается неизвестным и, на наш взгляд, его имя едва ли когда-либо удастся установить. Есть основания полагать, что он был жителем Курска, который он неоднократно именует в тексте «нашим градом» («а сей наш град Куреск», «над сим нашим градом Курским»), однако, был ли он курянином по рождению или же приехал в город из других мест, точно сказать невозможно. А. А. Танков зафиксировал присутствие в «Повести» элементы местного курского говора [12, с. 747], однако детальный лингвистический анализ текста памятника, который позволит, в частности, подтвердить или опровергнуть мнение Танкова, еще только предстоит сделать. По мнению А. В. Зорина, проанализировавшего «Повесть» в

качестве исторического источника (на основании анализа историографических материалов, а не непосредственно текстов памятника), автор уроженцем Курска не являлся, а прибыл сюда только в начале 1630-х годов, на что, по мнению исследователя, указывает «избирательное и довольно слабое знакомство непосредственно с местными преданиями, собирать которые автор начал, видимо, не ранее 1640-х гг.» [5, с. 94].

Некоторое время назад Т. Н. Арцыбашева выдвинула гипотезу, что автором «Повести» является уроженец Курска, известный русский духовный писатель и философ Сильвестр (в миру Симеон Агафонович Медведев) (1641–1691) [1, с. 4]. Однако данное предположение несостоятельно: наиболее ранняя редакция «Повести» возникла, как уже говорилось выше, не позднее начала 1650-х годов, к началу же 1660-х годов текст памятника уже окончательно сложился в наиболее полном виде. Литературное же творчество Сильвестра относится к более позднему периоду.

В основу «Повести» положен хронологически последовательный рассказ о чудесах, совершенных курской иконой Знамения. Только этим, однако, содержание памятника не исчерпывается, поскольку автор, помимо изложения истории самой иконы, стремился осветить и наиболее значимые моменты в исторической судьбе Курска и Курского края начиная еще с домонгольского времени.

«Повесть» является единственным первоисточником информации об обретении курской иконы Знамения. Однако ни в одном из списков памятника дата этого события не указана. Очевидно, что ее не было и в протографе произведения. В «Повести» говорится о том, что в окрестности разгромленного монголами древнерусского Курска, местность которого к тому времени уже заросла густым лесом, наведывались охотники и бортники (сборщики меда) «из градов из Рыльска и из ыных». Один из таких промысловиков и обнаружил на горе у реки Тускари образ Знамения Богоматери. Весьма вероятно, что этот человек был рылянином, поскольку из всех близлежащих русских городов, сохранившихся после нашествия Батыя и последовавших затем монгольских карательных «ратей», Рыльск был к окрестностям запустевшего Курска ближайшим. После того, как нашедшие икону люди поведали о ней своим землякам, молва о явленном образе распространилась в народе и на место его явления начали приходить паломники. Среди тех, кто посещал икону, был и человек, впервые ее увидевший. Некоторое время спустя о чудотворном образе прослышал рыльский князь, именуемый в «Повести» «Шемякой», который решил забрать икону в Рыльск.

В данном случае речь может идти либо о князе Иване Дмитриевиче Шемякине (ум. После 1471 г.), которому после его бегства в Литву королем Казимиром IV было пожаловано Новгород-Северское княжение (не ранее 1456 г.), либо, что более вероятно, о его сыне — новгород-северском и рыльском князе Василии Ивановиче Шемячиче, который весной 1500 г. вместе со своими вотчинами перешел из-под власти польского короля в

подданство великого князя московского Ивана III. В какие годы Василий Шемячич владел Рыльском, точно не известно. Ясно только, что он либо получил его по наследству от отца, либо захватил в 1500 г. в момент перехода в московское подданство (существует мнение, что до 1500 г. Рыльск являлся не княжеским, а «господарским» городом, напрямую подчинявшимся властям Великого княжества Литовского, и ни Ивану Шемякину, ни его сыну Василию Шемячичу не принадлежал). В 1523 г. по обвинению в измене Василий Шемячич был арестован и умер в заточении в 1529 г. (см.: [13, с. 251; 15, s. 519–520]).

Судя по контексту «Повести», между явлением иконы и моментом, когда о ней узнал князь «Шемяка», прошел сравнительно небольшой временной отрезок. Следовательно, время обретения чудотворного образа можно условно датировать второй половиной XV — первой четвертью XVI в. (не позднее 1523 г.), причем более вероятным представляется отнесение этого события к периоду уже после 1500 г. Все дальнейшие события, связанные с иконой, о которых идет речь в «Повести», представляют нам реалии исключительно XVI–XVII вв. (В курской церковно-исторической и краеведческой литературе до сих пор безосновательно утверждается, что нападение крымских татар на часовню, в которой стояла икона Знамения, рассечение образа надвое, пленение рыльского иерея Боголюба и его увод в Крым произошли в 1383 г. Однако в «Повести» указанной даты также нет. Более того, в данном случае имеет место явная хронологическая нестыковка: Крымское ханство возникло только в 1441 г., а первый поход крымских татар на русские земли относится к 1507 г.).

В качестве даты обретения чудотворного образа Знамения еще с XVIII в. прочно закрепилось «8 сентября 6803/1295 г.» При этом при редукции дат с византийской эры на современную изначально была допущена грубая ошибка, которая по сей день остается почему-то никем незамеченной: для периода с 1 сентября по 31 декабря от года византийской эры следует отнимать не 5508 (как это делается для периода с 1 января по 31 августа или же во всех случаях, когда точный день события не известен), а 5509, что в нашем случае дает 1294-й, а не 1295 г.

Что же касается даты «8 сентября 6803 г.», то ее возникновение относится ко времени не ранее конца XVII — начала XVIII в. По мнению Т. Н. Нечаевой, именно тогда эта дата была внесена в краткие сказания о курской иконе, включенные в сборники повестей о различных чудотворных образах, затем попала оттуда в месяцесловы и вошла, таким образом, в широкий оборот [7, с. 456].

Данная дата является, без сомнения, вымышленной. Во-первых, если бы она (или какая-либо иная дата) действительно присутствовала в предании об обретении иконы, о ней несомненно бы знал автор «Повести», однако он про нее ничего не говорит. Во-вторых, сам по себе факт безошибочной устной передачи на протяжении многих поколений точной даты обретения образа, пусть и весьма почитаемого, представляется совершенно

невероятным. В случае с курской иконой предание донесло лишь информацию о том, что она была обретена в период запустения древнерусского Курска и что сравнительно скоро после ее явления произошли события, связанные с княжившим в Рыльске князем «Шемякой». Именно эти сведения, избегая разного рода домыслов, и зафиксировал автор «Повести», являвшийся, по-видимому, монахом Курского Знаменского монастыря, имевшим доступ к архиву этой обители и собравшим самым тщательным образом все доступные ему письменные и устные сведения об иконе.

К концу XVII в., когда почитание чудотворного образа уже широко распространилось среди богомольцев и вышло за пределы Курского края, у монастырских властей возникла наконец потребность официально установить «точную» дату его обретения. Постигнуть логику произведенного расчета едва ли возможно, хотя не приходится сомневаться, что в данном случае имело место сознательное удревнение рассматриваемого события. Относительно же правомерности подобных «вычислений» надо заметить, что люди той эпохи не видели в них ничего зазорного. Как известно, даты обретения многих, если не большинства, явленных русских икон изначально письменным образом не были зафиксированы и их пришлось определять позднее сугубо умозрительным путем. Нередко за дату явления той или иной иконы просто брался некий круглый год (например, последний год столетия), в других случаях от круглого года для пущей «правдоподобности» отсчитывалось несколько лет в ту или иную сторону. Именно так, например, применительно к целому ряду икон, время обретения которых было неизвестно, поступил сторож московского кремлевского Благовещенского собора Симеон Моховиков, составивший в 1715–1716 гг. рукописный сборник «Солнце Пресветлое», содержащий исторические сведения о 136 иконах [6, с. 405, 411; 9, с. 182].

Важно отметить, что дата «8 сентября 1295 г.» по неизвестным причинам утвердилась в качестве «канонической» далеко не сразу. Еще в конце XVII в. И даже значительно позднее имели хождение и иные версии времени обретения курской иконы Знамения. Об одной из таких версий упоминает в своем «Описании Курского наместничества», составленном в 1785 г., курский губернский землемер И. Ф. Башилов. В своем труде он приводит исторические сведения о чудотворном образе, взятые из «рукописной книги (неизвестным человеком в 1690 году писанной)», которая представляла собой, по-видимому, либо недошедший до нашего времени еще один список «Повести о граде Курске», в который были внесены редакционные вставки со сведениями, отсутствовавшими в протографе, либо, что более вероятно, краткое сказание о курской иконе, первые редакции которого как раз появились в конце XVII столетия. О времени обретения образа Башилов пишет так: «По прошествии многих уже лет по Батыевом нашествии и разорении российских стран, в Курской пустоши, разстоянием от существующаго ныне города Курска в двадцати семи верстах, в 1289-м

году сентября 8 (чему поныне прошло 496 лет) один из рыльских охотников для ловли зверей в ту пустошь приехавши, нашел ту икону на горе лежащую лицом к земли» [2, л. 22].

Правдоподобность приведенной датировки ничем не отличается от «канонической», она, несомненно, также была «выведена» искусственным образом. Но сам по себе факт параллельного существования разных «версий» времени обретения чудотворного образа свидетельствует о том, что подлинная дата этого события изначально не была зафиксирована и была домыслена лишь впоследствии.

К сказанному добавим, что в 1920-е годы, когда курская икона Знамения находилась в русской Троицкой церкви в Белграде, ее с разрешения архиепископа Курского и Обоянского Феофана (Гаврилова) осмотрел историк и искусствовед Н. М. Беляев (1899–1930). В специальной статье, опубликованной в Праге еще в 1929 г., он отметил, что икона состоит из средника (17x14,5 см) и большой доски (41x34 см), в которую вставлен средник. Исследователь отметил, что «небольшие реставрационные пробы показали, что средник и поля написаны на золотом фоне, но относятся к разному времени. Живопись в среднике соответствует XV в., на полях — кон. XVI в.» [3, с. 297–299]. Выводы Беляева, таким образом, полностью укладываются в исторический контекст времени обретения чудотворного образа, представленный в «Повести о граде Курске».

Список литературы

1. Арцыбашева Т. Н. Сильвестр Медведев, курские монастыри и местные рукописные памятники XVII века (опыт гипотетического рассуждения) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – № 2 – (34).
2. Башилов И. Ф. Описание Курскаго наместничества, вообще, и порознь: всякого города и уезда, с планами городам, и картами уездам. Сочиненное в 1785-м году курским губернским землемером, порутчиком Иваном Башиловым // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Ед. хр. 18801.
3. Беляев Н. М. Отчет об осмотре чудотворной иконы Знамения Божией Матери Курской Коренной // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. – Прага, 1929. – С. 297-299. (Seminarium Kondakovianum; Т. 3).
4. Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Курской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 2004. – Вып. 3, ч. 4.
5. Зорин А. В. «Повесть о граде Курске» как исторический источник // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Белгород, 2023. – Вып. 8.

6. Кочетков И. А. Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII–XIX веков // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. – М., 1996.
7. Нечаева Т. Н. Курская-Коренная икона Божией Матери «Знамение» // Православная энциклопедия. – М., 2015. Т. 39.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 588 (М. П. Погодин). – Оп. 2. – № 931.
9. Поздеева И. В. Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г. П. Тепчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв.: (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). – М., 1976.
10. Раздорский А. И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII века // Очерки феодальной России. – М., 2003. – Вып. 7.
11. Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). – СПб., 2001.
12. Танков А. А. Историческая заметка о сказании об иконе Знамени Божьей Матери, рекомой Курской // Курские епархиальные ведомости. – 1891. Ч. неофиц. – № 40.
13. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. – СПб., 1891. – Т. 2.
14. Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. – Wiesbaden, 1990.
15. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscu od konca czternastego wieku. – Warszawa, 1895.

**СТОЛИЧНЫЙ ТЕАТР И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЗРИТЕЛЬ:
СПЕКТАКЛИ АРТИСТОВ ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ
НА КУРСКОЙ СЦЕНЕ (1850-е – 1890-е годы)**

В.В. Раков

Курский государственный университет

vrakov@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматривается практика гастролей артистов Императорских театров во второй половине XIX века на сценических площадках Курска. На основе источников в периодических изданиях анализируется репертуар, состав гастрوليрующих трупп, игра актёров. В публикации содержатся оценочные характеристики зрителей игры гастролёров. Отдельным сюжетом рассматривается выступление артистов Малого театра в Судже в 1895 г.

Ключевые слова: Артисты Императорских театров. Гастроли в Курске. Театр Лазаретного сада. Городской зимний театр. Императорский Московский Малый театр в Судже.

**CAPITAL THEATER AND PROVINCIAL AUDIENCE:
PERFORMANCES OF THE IMPERIAL THEATER ARTISTS
ON THE KURSK STAGE (1850-s – 1890-s).**

V.V. Rakov

Annotation: The article deals with the practice of touring artists of the Imperial theatres in the second half of the XIX century on the stages of Kursk. On the basis of sources in periodicals the repertoire, the composition of touring troupes, the performance of actors are analysed. The publication contains evaluative characteristics of spectators of the game of the touring actors. The performance of the Maly Theatre actors in Sudzha in 1895 is considered as a separate subject.

Keywords: Artists of the Imperial Theatres. Tour in Kursk. Theatre Lazaretny Garden. City winter theatre. The Imperial Moscow Maly Theatre in Sudzha.

Императорские театры России (также назывались придворными театрами) – театры, существовавшие за казённый счёт и находившиеся в ведении императорского двора в период с 1756 г. по 1917 г. Во второй половине XIX в. в штате конторы Императорских театров в Санкт-Петербурге состояли: Александринский театр – императорский театр русской драмы; Большой Каменный театр – императорский театр итальянской оперы; Малый (Апраксинский) театр (впоследствии – Суворинский; затем – Большой драматический) – императорский театр французской, затем русской оперетты, Мариинский театр – императорский театр русской оперы и балета, Михайловский театр – императорский театр французской музыкально-драматической труппы. В Москве таких театров было три: Большой, Малый и Новый (1898–1907) театры.

Регулятивным правовым актом в отношении артистов Императорских театров являлся Указ № 11934 от 15 января 1839 г. Под артистами императорских театров понимались: актеры, управляющие труппами, режиссеры, капельмейстеры, балетмейстеры, дирижеры оркестров, танцовщики, музыканты, декораторы, машинисты, живописцы, главный костюмер, суфлеры, гардеробмейстеры, фехтмейстеры, театрмейстеры, скульпторы, надзиратель нотной конторы, фигуранты, нотные писцы, певчие и парикмахеры.

Все они считались состоящими на службе. Как говорилось в Указе «...по их талантам и занимаемым ими амплуа и должностям ...» персонал Императорских театров делился на три разряда: к первому разряду относились актеры, занимающие первые амплуа во всех родах драматического искусства, управляющие труппами, режиссеры, капельмейстеры, балетмейстеры, главный костюмер, дирижеры оркестров, декораторы, машинисты, музыканты-солисты и танцовщики-солисты; ко второму разряду относились актеры, играющие вторые и третьи роли, суфлеры, гардеробмейстеры, театрмейстеры, музыканты, живописцы, скульпторы, надзиратель нотной конторы и фехтмейстеры; в третьем разряде состояли актеры-хористы, актеры, употребляющиеся для выходов, для вывода хористов и статистов, фигуранты, нотные писцы, певчие и парикмахеры.

Артистам первого разряда предоставлялось право, «... буде пожелают, и во время службы их при театрах, и по увольнению от оной, получать почетное гражданство: личное – по беспорочном и усердном прослужении при театрах не менее десяти, а потомственное не менее пятнадцати лет» [9, с. 62-63].

Артисты Императорских театров, после отмены крепостного права, относились к категории придворных служащих, что давало определенные льготы. Актеры и служащие находились на полном государственном обеспечении, получая гарантированное жалованье. За творческие успехи им присваивалось звание заслуженного артиста (или солиста) Императорских театров. «Социальный пакет» того времени включал бесплатное лечение в госпиталях придворного ведомства и пенсию за выслугу лет. В 1888 и 1895 гг. даже были специально высочайше учреждены знаки отличия для солистов, заслуженных артистов и актеров, проработавших в театрах более 25 лет. И это, не считая поощрений в виде различных драгоценных подарков – перстней, браслетов, табакерок от царя за отдельные спектакли. Именно поэтому, а не только из-за жажды известности и славы, многие актеры стремились попасть на императорскую сцену.

Провинциальный театр последней четверти XIX – начала XX вв. развивался как самостоятельное культурное явление, рефлексирующее как на события местного значения, так и на общероссийские. Заимствуя практику столичных театров в сфере сценического искусства и репертуара, провинциальный театр и сам являлся поставщиком блестящих актёров для Императорских театров, прошедших нелёгкую школу театральной периферии. Приезд общероссийских знаменитостей в губернские центры становился настоящим событием для местных театралов. Не была исключением и курская сцена. К нам приезжали как отдельные артисты Императорских театров, так и временные гастрольные труппы (антреприза) и даже – театр в полном составе.

Первое из выявленных упоминаний о гастроях в Курске артистов Императорских театров относится к 1850-м гг. В июне 1850 г. театральная хроника Курска представила небывалое ни ранее не позднее явление – гастроль итальянской труппы Императорских Санкт-Петербургских театров. Труппа дала семь спектаклей-опер: *Lucia di Lammermoor*, *Barbier de Sevigla*, *D'Elisir d'amore*, *Lucrecia Borgia*, *Italiens in Algeri* Pasqual и *Linda di Chamounix*. Особенный фурор среди публики производила Амалия Корбари, засыпанная дождем цветов, в виде букетов, венков и проч. Кроме участия в операх, прима Амалия Корбари, в антрактах пела русские песни. Особенно восхищала она слушателей песенкой: «*Соловей мой, соловей*» [7, 1895, 20 мая].

Осенью 1852 г. внимание курской публики было занято представлениями труппы Карла Ранно и гастроями балерины Императорских петербургских театров Т.П. Смирновой-Невахович (1821-

1871), участвовавшей в спектаклях постоянной труппы, подвизавшейся тогда в Курске. В день бенефиса, 7 декабря, от лица ценителей высокого таланта госпоже Смирновой был поднесён золотой браслет с бриллиантами [7, 1895, 13 июня].

В июне 1853 г. Курск, в качестве гастролёров, посетила семья артистов Никулиных, служивших тогда на Императорской московской сцене. Никулины ехали в Одессу и по пути дали в курском театре несколько представлений: французскую драму в 2-х действиях, в переводе К. К-з-ра «Отцовское проклятье», драму с куплетами в 5-ти действиях, Н.А. Некрасова «Материнское благословение, или Бедность и честь», водевиль П.С. Фёдорова «Нет действия без причины» и русскую быль в 2-х действиях Н.А. Полевого «Параша-Сибирячка». Своею игрою, особенно в местах патетических, Л.П. Никулина так сильно умела привлечь к себе внимание, что зрители забыли, по словам рецензента, все окружающее и видели перед собою не сцену с размалеванными кулисами, а действие, совершающееся в жизни [7, 1895, 29 июня].

Летом 1860 г. Курск, проездом, посетили артисты Императорских московских театров Живокини 1-й и Владиславлев. Обе знаменитости приняли участие только в двух спектаклях, доставивши курскому содержателю труппы – Чинерелли (бывшему хористу итальянской оперы Бергера) полные сборы, и уехали пожинать лавры в Харьков, а затем – Полтаву [3, с. 240]. За последующие четверть века сведений о приезде в Курск артистов Императорских театров к настоящему времени нами не выявлено.

Новая информация относится уже к середине 1880-х гг. У исследователя истории курского театра Ю.А. Бугрова указано, что в 1884 г. Товарищество артистов Малого театра, возглавляемое Осипом Андреевичем Правдиным, в состав которого входили М.И. Добрынина, М.И. Бабилов, М.Ф. Багров (Топор), дало спектакли на курской сцене [2, С. 61-62].

Зимой этого же, 1884 г. «Курское общество любителей музыкального и драматического искусства» для организации спектаклей пригласило известного московского артиста Бурдина, прослужившего на Императорской сцене 25 лет. Участие приезжей знаменитости несколько оживило деятельность любителей, однако долго на курской сцене (!) Бурдин не задержался: месяца через три любители нашли, что господин Бурдин лишний и, как метко укажет на страницах газеты «Театральный мирок» некий Н. Т-ов, «... стали сами откалывать раздирательные драмы и весёлые комедии» [10, 1884, № 11, с. 7]. Публика не ходила на такие спектакли с момента образования товарищества, точнее, ходили только из любезности знакомые и друзья исполнителей. С удалением же Бурдина перестали ходить и последние.

Попытка привлечения известных артистов для повышения интереса зрителей к постановкам гастролирующей труппы в театре Лазаретного сада была предпринята антрепренёром Майской весной – летом 1885 г. 5 июня 1885 г. на сцене Лазаретного сада, в комедии А. Островского «Лес», в роли Несчастливцева выступил артист Императорских театров Иван Платонович Киселевский, одно время служивший нотариусом курского окружного суда и здесь же дебютировавшего в 1869 г. под псевдонимом Зорин в роли Подколесина в «Женитьбе» Н.В. Гоголя. Это обстоятельство позволяло курянам считать его своим земляком. И.П. Киселевский много играл в провинции, а с 1879 г. в Петербурге и Москве, исполняя роли трагиков и драматических резонёров. Талантливый артист хорошо знаком той части курской публики, которой приходилось посещать столичные сцены: кто из них не испытывал высокого эстетического наслаждения от исполнения им ролей Опольева, Телятаева, Несчастливцева, Кречинского и др. 9 июня 1885 г. в театре Лазаретного сада прошёл бенефис Ивана Платоновича Киселевского. Шла драма «Роковой шаг», сочинения Кареева. В Курске артиста публика принимала горячо и с любовью [10, 1885, № 23, с. 5]. Артист уехал, а проблемы труппы остались.

19 июля 1885 г. для участия в спектакле труппы Майской в Курск прибыл артист Императорских театров Ф.П. Горев. Но, по причине нам неизвестной, он в тот же вечер отбыл обратно [10, 1885, 3 29, с. 3].

Из-за отсутствия зимнего театра, труппы артистов в Курск наезжали на лето. Зимой же куряне довольствовались концертами, да выступлениями магов и фокусников. А летом по-прежнему основным театром являлся театр Лазаретного сада. Первым, в начале июня 1886 г. в курские палестины прибыл хорошо знакомый и не нуждающийся в рекламе Иван Павлович Киселевский, о котором мы уже достаточно подробно писали выше. Он появился перед курской публикой в комедиях «Особое поручение» Н.Н. Николаева (как говорится, «свежая постановка»: премьера пьесы состоялась в театре Корша 22 ноября 1885 г. в бенефис Н. П. Рощина-Инсарова) и «Денежные тузы» М. Балуцкого (впервые поставлена самим К.С. Станиславским в домашнем любительском театре в Доме Алексеевых (это настоящая фамилия Станиславского) у Красных ворот 18 февраля 1886 г.). Конечно, приезд любимого актёра-земляка привлёк в театр зрителя, но история повторилась: остальные артисты, игравшие вместе с Киселевским на подмостках Лазаретного сада, исключая немногих, были профессионально слабы. А, как известно, если история повторяется, она превращается в фальшь ...

Во второй половине июня 1886 г. в Курск приехал, как тогда принято было писать, «артист московских театров» Александр Иванович Южин (настоящая фамилия – князь Сумбатов), который с 1882 г. служил в Малом театре. С его участием в Лазаретном саду были даны комедия Крылова (Александрова) «Баловень», трагедии У. Шекспира «Гамлет» (сцена с

матерью) и «Ричард III» (4-я сцена 1-го действия), драма Карла Фердинанда Гуцков «Уриель Акоста» (1-е действие), драма Раупаха «Полночь на кладбище», драма А. Дюма «Железная маска», комедии «Горе от ума» А. Грибоедова и «Муж знаменитости» самого Южина (князь Сумбатов) [10, 1886, № 20 (35), С. 3].

Весенне-летний сезон 1888 г. неожиданно выдался необыкновенно разнообразным и богатым. Это был второй сезон, когда в городе работало два театра: городской и Лазаретного сада. Первым событием выдающегося театрального сезона 1888 г. в Курске стали гастроли «Товарищества русских драматических артистов» под управлением Ленского с участием артистки Императорских Санкт-Петербургских театров М.Г. Савиной.

Вот что писал об этой актрисе театральный обозреватель «Курского листка»: «Мы не знаем ни одного сценического дарования на русской сцене, более самобытного, более неподражаемого ... Даже такой колоссальный литературный талант, каким был покойный А.Н. Островский, вдохновился этим блестящим цветком русской сцены и написал «Дикарку» - одно из неподражаемых сценических творений Марьи Гавриловны ... Репертуар артистки так велик, так разнообразен; ею создано столько типов, образов, характеров; разработано столько сценических положений, что, право, невозможно перечислить тех пьес, где она лучше. Везде она неподражаемо хороша, везде она лучше» [8, 1888, 19 мая].

Мария Гавриловна Савина (урождённая Подраменцева) – действительно явление на российских театральных подмостках 1870-х – 1910-х гг. Дочь провинциальных актёров, на сцене выступала с 8 лет. Ученица А.И. Шуберта, М.С. Щепкина и П.М. Медведева. Играла в водевилях, опереттах, комедиях, драмах. В 1874 г. Савина приехала в Петербург, где после блестящего дебюта на сцене Благородного собрания была приглашена в Александринский театр. Отличительными чертами таланта Савиной были поэтическая женственность, искренняя весёлость наряду с глубоко трогаящим драматизмом, развитая до высокой степени совершенства мимика. В императорской труппе дебютантку встретили настороженно, и Савина поняла, что она должна строить актерскую судьбу сама, заниматься репертуаром, соответствующим ее данным и стремлениям, и даже участвовать в выборе партнеров, близких по духу и по характеру творчества. Так с первых шагов Савина шла к утверждению себя в двух ипостасях – первой актрисы русской драматической труппы и директора.

Всегда помнила и опекала Савина своих провинциальных собратьев. В конце каждого сезона огромное количество костюмов отправлялось в провинцию начинающим актрисам. Постоянно работала Савина в ею же организованном Российского Театрального Общества, была деятельным его председателем. Знала нужды обитателей Убежища

для престарелых артистов и Приюта для сирот при РТО, устраивала им замечательные праздники [1, С. 372-376].

Спектакли с участием М.Г. Савиной состоялись в Городском зимнем театре в период с 18 по 23 мая 1888 г. На курской сцене Товарищества русских драматических артистов, а в него, кроме Савиной входили Ленский, Максимов, Ильинский, Сахарова, были поставлены «Маргарита Готье» Александра Дюма-сына, «Сорванец» В.А. Крылова, «Дикарка» А.Н. Островского, «Чародейка» И.В. Шпажинского.

На всех спектаклях залы были полны. Курская публика, чего уж там греха таить, довольно сдержанная и скупая на аплодисменты, как волной покрывала каждую сцену с участием Савиной, громом рукоплесканий. «Стены нашего театра, – писали газеты, – впервые вызывают такую бурю оваций; вызовом нет числа» [8, 1888, 22 мая]. Но Савина не была бы Савиной, если бы позволила себе быть бриллиантом без оправы. Её партнёры по товариществу не были артистами одного с ней порядка, но это были очень качественный актёры, позволяющие приме раскрыть свои самые сильные стороны.

Театральный обозреватель «Курского листка», и мы согласны с ним, как говорится, на сто процентов, так резюмировал прошедшие гастроли: «Да, такие таланты, как Савина, Федотова, Давыдов, Ермолова не мыслимы в провинции, но ведь и провинциальные артисты жалуются не на слабые сборы, а на полное отсутствие сборов, на невозможность своего существования. Нам кажется, что эта невозможность существования устранилась сама собою, когда господа актёры поднимут искусство в провинции, когда они не будут ставить пьес без репетиций, когда они перестанут идти, так сказать, по суфлёру, когда срепетовка и труд сделаются и труд сделаются в их глазах необходимостью, а не излишней роскошью. У нас в провинции попадают дарования, но им не достаёт школы, недостаёт того серьёзного отношения к делу, какое показывают нам наглядно заехавшее к нам товарищество.

Вот почему гастроли такого товарищества, как товарищество под управлением г. Ленского во главе с Марьей Гавриловной, является делом не только приятным для публики в смысле истинного наслаждения, какое доставляется нам их игрою, но и в смысле школы и образца для наших провинциальных трупп. Дайте нам в провинции хотя бы сносный драматический театр, а главное ансамбль – и, поверьте, что публика не будет столь безучастна к драматическому театру» [8, 1888, 22 мая].

Театральный пир весенне-летнего сезона 1888 г. продолжался. Не успела труппа с участием Савиной уехать из Курска, как в город прибыло ещё одно товарищество – «Товарищество Императорского Московского театра», в составе которого находились Г.Н. Федотова, Е.К. Лешковская, О.А. Правдин, П.Е. Греков, А.И. Южин, К.Н. Рыбаков и др.

Гликерия Николаевна Федотова (1846 – 1925) – одна из крупнейших актрис Малого театра. Ученица И.В. Самарина, она очень скоро обращает на себя внимание М.С. Щепкина, и он постоянно заботится о ее образовании и таланте. Тонкий знаток театра А.И. Урусов, тогда еще студент, восторженно отзывался в «Библиотеке для чтения» о неподдельном чувстве, искренности и теплоте игры юной дебютантки. Вскоре после дебюта М.С. Щепкин взял Федотову к себе в дом и до замужества она не выходила из-под опеки знаменитого актера.

Вместе с Федотовой на курской сцене играла тогда ещё молодая (24 года) артистка Елена Константиновна Лешковская, только, что принятая в труппу Малого театра. Лешковская обратила на себя внимание естественностью и легкостью игры, искренностью чувств, выразительностью мимики, пластичностью. В воспоминаниях актрисы Т.Л. Щепкиной-Куперник так характеризуется игра Лешковской: «Когда она появлялась на сцене, казалось, будто пьешь бокал холодного, покалывающего шампанского... И когда она играла, то можно было словами Ростана о ней сказать, что в театре: „При ней все женщины – ревнивы, и все мужчины – неверны!“» [11, С. 102]. А партнёрами по спектаклям у Федотовой были Осип Андреевич Правдин, Александр Иванович Южин, Константин Николаевич Рыбаков!

Товарищество дало в Курске всего только три спектакля: 29 мая было поставлено «Без вины виноватые», сочинения А.Н. Островского, 30 мая – «Счастливец», сочинения В.И. Немировича-Данченко и 31 мая – «Вторая молодость», сочинения П.М. Невежина [7, 1888, 7 июня]. Первые два спектаклю с участием Фёдоровой особенно выдающегося денежного успеха не имели. Прощальный спектаклю, однако, привлек такое количество зрителей, что в театре не хватило мест: пришлось обходиться без оркестра, а места для него были отведены для публики. Замечательная игра Фёдоровой вызвала целую бурю рукоплесканий. По окончании прощального представления многие из зрителей упрашивали артистку дать ещё один спектакль, но Фёдорова не могла исполнить этого желания курян, так как торопилась в Харьков, где уже было объявлено о спектаклях с её участием.

В мае 1889 г. в Курск приехало Товарищество артистов Малого театра, предполагавшее дать три спектакля. В составе труппы: И.П. Уманец-Райская, А.П. Ленский, О.А. Правдин, И.Н. Греков, Г.В. Панова и др. Однако же, после представления в воскресенье, 14 мая пьесы «Татьяна Репина» А.П. Чехова был объявлен второй и последний спектакль (пьеса В.И. Немировича-Данченко «Последняя воля»). Товарищество досрочно покинула Курск. Причина – первый спектакль дал не полный сбор, 600 руб. [7, 1889, 16 мая]. Артисты рассчитывали на большее.

Товариществом артистов театра Лазаретного сада летом 1890 г. был приглашен на несколько гастрольных спектаклей известный артист

Мариус Мариусович Петипа, служивший в Александринском театре с 1875 по 1888 г. После конфликта с дирекцией Императорских театров ему пришлось выйти в отставку и, покинув столичную сцену, работать в провинции.

Для своего дебюта в Курске он выбрал комедию В.А. Дьяченко «Гувернёр», где играл заглавную роль. Дебют состоялся в пятницу 3 августа [7, 1890, 7 августа]. В театре собралось очень много публики, жаждавшей увидеть знаменитого гастролера, о котором приходилось много слышать и читать в столичных газетах. Роль гувернёра недаром считается одной из лучших в репертуаре Петипа. Он играл необыкновенно удачно, в надлежащем тоне, не прибегал к шаржу и создал живой тип «благородного» гувернёра из французов, которые были в барских домах четверть века тому назад. Проблемой для Петипа был слабый уровень труппы, гастролировавшей в то лето в театре Лазаретного сада. Большинство артистов плохо знали свои роли, жались к суфлёрской будке или заставляли его кричать «на всю ивановскую».

6 августа в Лазаретном саду была дана бессмертная комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» [7, 1890, 10 августа]. Главный интерес зрителей был, конечно, сосредоточен на Петипа, исполнявшем роль Хлестакова. Знаменитые монологи о чудесах столичной жизни, постепенное опьянение рассказом – всё это было передано с особой художественностью и реализмом.

И, что всего более заслуживало внимания и удивления зрителя, без малейшего шаржа, в который так легко впасть именно в этой сцене. Подобное исполнение увлекло и наэлектризовало многочисленную публику, наградившую Петипа после спектакля продолжительными и шумными аплодисментами. Как и в первом спектакле слабый ансамбль артистов вызывал у зрителей огорчение, но, как это и не прозвучит странно, увеличивал впечатление, произведённое на публику Петипа.

После спектакля артист уехал в Киев, но через несколько дней в городе появились афиши, извещающие курян, что «настоятельному желанию публики» М.М. Петипа даст в Лазаретном саду ещё три спектакля 16, 17 и 18 августа 1890 г. К началу первого спектакля 16 августа, когда шла пьеса А.С. Грибоедова «Горе от ума», артист опоздал из-за задержки киевского поезда, но никто из зрителей не ушёл, правда, Петипа пришлось выходить на сцену в роли Чацкого, как говорят, «с корабля на бал» [7, 1890, 17 августа].

11 мая 1893 г. в городском зимнем театре был дан первый гастрольный спектакль Товарищества артистов Императорских петербургских театров с участием В.А. Мичуриной-Самойловой, В.Н. Давыдова, П.Д. Ленского и Р.Б. Аполлонского, а также Шмитовой-Козловской, Лариной, Зверевой, Медведевой, Яковлева, Петрова, Шумова, Орлева и др.

В Курске были показаны спектакли по пьесам «Завоёванное счастье» А.В. Крылова, «Школьная пара» Е.М. Бабецкого, «Свадьба Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина, «Жертва» И.В. Шпажинского и «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Из Курска Товарищество отбыло в Киев [4, 1893, кн. 6, № 7, с. 48].

В конце января 1897 г. в городском театре состоялись несколько спектаклей Общества любителей драматического и музыкального искусств при участии артиста Императорских театров Ивана Платоновича Киселевского. Были поставлены пьесы: драма в 4-х действиях «Чужие» И.Н. Потапенко и фарс-водевиль в одном действии «Старый математик, или Ожидание кометы в уездном городе» А.Н. Андреева (26 января); комедия в 3-х действиях «Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина, комедия в одном действии «Под душистой веткой сирени» А. Корнелиевой и дивертисмент (спектакль, состоящий из отдельных номеров).

Пьеса «Чужие» шла впервые на курской сцене. Это обстоятельство, многократно усиленное участием в постановке такого талантливого и известного артиста, каковым, бесспорно, являлся И.П. Киселевский заинтриговало публику, переполнившее зрительный зал театра в первый вечер. В этот вечер на сцене играли: И.П. Киселёв (Аполлон Аркадьевич Дыбольцев), И.И. Лаврова (Матрёна Игнатьевна, жена Дыбольцева), А.Н. Неверов (Константин, сын Дыбальцевых), Е.Л. Левшина (Алина Петровна Колесига), А.И. Чарин (Миша, брат Колесиной), М.И. Летар (Татьяна Львовна Уткина) и др. [7, 1897, 2 февраля].

В начале июля 1898 г. губернские газеты запестрели анонсами предстоящих гастролей: «Сегодня, 8 июля, в зимнем городском театре Товариществом оперных артистов под управлением Я.М. Любина и М.Ф. Салтыкова с участием артиста (первого баритона) Санкт-Петербургской Императорской оперы Я.Г. Яковлева представлен будет «Евгений Онегин», опера в трёх действиях и семи картинах, музыка П. Чайковского. Начало в 9 часов вечера. Для удобства публики вагоны электрического трамвая будут ожидать у театра до окончания спектакля» [6, 1898, 8 июля].

На курскую публику часто жаловались, что она индифферентно относится к театру, но при этом оговариваясь, что истинные артисты всегда встречают радужный приём в Курске. Достаточно вспомнить приём Фигнера, когда битком был набит зал общественного клуба или концерт Мазини, когда громадный зал дворянского собрания не мог вместить всех желающих. Тоже самое можно было наблюдать и 8 июля 1898 г. в зимнем театре, где Товарищество оперных артистов давало оперу «Евгений Онегин»: в зале, как говорится, негде было яблоку упасть, так много собралось публики на знаменитую оперу. Яковлев артистически исполнил партию Онегина, а госпожа Эйген – справилась с

ролью Татьяны. Призывы спеть «на бис» следовали один за другим, публика неистово аплодировала ... [6, 1898, 10 июля].

Опера завершилась в половину первого. А разгорячённых зрителей на улице ждал обещанный сюрприз: к театру были поданы вагоны трамвая, и публика отправилась в них по домам. Стоимость проезда в ночных трамваях ничем не отличалась от дневной, что не могло не порадовать ту часть публики, которая привыкла считать копейки.

С меньшим успехом и с таким же переполненным, как и в первый раз, залом, прошла опера Шарля Гуно «Фауст». Вновь выделялся Яковлев, певший партию Валентина. Хорош был Любин в роли Фауста. Успехом у зрителей пользовался и Сангурский (Мефистофель), правда, очень злоупотреблявший жестиком, что свидетельствовало о его невысокой артистической подготовке. Из женских партий выделялись Мельникова (партия Маргариты) и Шау (Зибель) [6, 1898, 11 июля]. И даже оркестр, и хор были хороши, что, впрочем, большая редкость для провинциальной сцены.

Мало зрителей в театре – плохо, много зрителей в театре ... Приезд оперной труппы, вызвавший небывалый для города интерес, вскрыл ряд проблем в организации спектаклей. Билеты в ложи и партер, дороже обычного, увеличивали количество желающих попасть на галерею. Отсутствие нумерации мест на галерее позволяла организаторам, используя ажиотаж публики, продавать туда в два – три раза больше билетов, чем было установлено правилами [6, 1898, 12 июня]. Все любители оперы, имевшие на руках билеты, не помещались на галерею. Это приводило к конфликтам, и кое-кто вместо театрального действия оказывался в полицейском участке.

Часть счастливых обладателей контрамарок успевала занять свободные места, остальная же – оставалась стоять между рядами и в проходах, мешая тем, кто сидел на скамьях. А все вместе они плохо видели то, что происходило на сцене. Шум, гвалт, теснота, духота мало способствовали восприятию оперы. Но и это не всё: происходящее на галерее лишало и остальную возможность насладиться пением и игрой актёров.

Опереточный бум продолжался недолго, и после отъезда труппы Я.М. Любина и М.Ф. Салтыкова были подведены финансовые итоги. Сборы получились хоть и не такие, как столичных и больших городах, но, в общем-то, весьма приличные: «Евгений Онегин» собрал на круг, т.е. без вычета расходов, 810 руб., «Фауст» – 565 руб., «Демон» – 875 руб., «Кармен» – 635 руб., «Паяцы» – 600 руб. [6, 1898, 19 июля].

Музыкальный жанр оказался необычайно популярен в этот год. Подтверждением тому – анонс в «Курской газете»: «Зимний городской театр. Сегодня, 2 ноября 1898 года, 2-я гастроль полного ансамбля артистов Московского интернационального театра русской комической оперы и оперетты дирекции М.П. Никитиной, под управлением артиста

Императорских театров А.Э. Блюменталь-Тамарина, при участии М.П. Никитиной и А.Э. Блюменталь-Тамарина. Представлено будет: оперетта в 3-х действиях «Мартин Рудокон (Der Robersteige)», музыка Целлера, оригинальная постановка по miseenscene А.Э. Блюменталь-Тамарина, при участии полного состав артистов и участии балета. Подробности в афишах. Начало в 8 часов вечера» [6, 1898, 2 ноября].

Спектакли московской опереточной труппы в зимнем театре начались 1 ноября 1898 г. Справедливости ради заметим, что лёгкая музыка, игривые опереточные мотивы, каскадные певцы и певички всегда пользовались в Курске успехом. Театральные старожилы хорошо помнили знаменитого опереточного героя баритона Эспе, гастролировавшего в Курске годами пятнадцатью ранее в театре Лазаретного сада, который к завершению сезона приобрёл себе массу поклонников и поклонниц. Кстати сказать, господин Эспе и в конце 1890-х гг. выступал на сцене, подвизавшись в Москве в театре Омона. Свежа ещё была в Курске и память о Чарове, несколько раз посещавшего Курск в последнее десятилетие, первоначально в качестве солиста-тенора, а потом – антрепренёра.

Оперетка всегда порождала некоторое волнение в среде курских обывателей. Наши «стыдливые» куряне без всякой краски на лице и забыв правила мудрой скупости, толпами устремлялись в театр смотреть *la belle Helene*, Боккачио, «Корневильские колокола» Р. Планкетта и т.п., которые было трудно назвать высокоморальными и пуританскими. Так было ранее, когда Курск посещали малоизвестные или известные одному только Курску труппы. И вот в город приезжает комическая опера и оперетка, пользующаяся уже несколько лет успехом в Москве!

В день открытия гастролей куряне увидели и услышали оперетту Штрауса «Цыганский барон». В вокальном отношении всё было выдержано в лучшем виде. Наибольший успех из солистов имели: Милютина в роли молодой цыганки Саффи и Светланов – в роли эмигранта Барника [6, 1898, 3 ноября]. Хор был настолько большой, что его громкое пение в небольшом зале городского театра было даже непривычно для зрителей, особенно сидевших в первых рядах. Прекрасно играл оркестр. А балетное исполнение «Чардаша» во втором акте вызвало бурную одобрительную реакцию зрителей. Публика, явившаяся на оперу в большом количестве, осталась вполне довольна превосходной постановкой.

Поставленная 2 ноября оперетка Целлера «Мартин Рудокон» прошла с неменьшим успехом. В этот раз весь интерес публики сосредоточился, главным образом, на господине Блюменталь-Тамарине, с неподражаемым комизмом, исполнившим роль директора рудника Цвака. Глядя на его игру, публика от души смеялась с момента поднятия занавеса и до того момента, когда его опустили в финале спектакля. Шумное одобрение зала вызвали и номера Никитиной (в роли

кружевницы Нелли) и Милютиной (в роли графини Фихтенау). Мимо внимания зрителей не прошёл тот факт, что декорации и костюмы, привезённые из Москвы, были новы и роскошны [6, 1898, 5 ноября].

На следующий спектакль, 3 ноября, когда шла новая для Курска оперетка «Гейша» Сиднея Джонса, публики собралось невероятное количество. Не то, что все места в зале были заполнены, а почти столько же желающих попасть на спектакль не смогли купить билеты. Интерес к «Гейше», в общем-то весёлой и лёгкой вещице, объяснялся, в том числе, сценографией и бутафорией спектакля: роскошные костюмы, декорации буквально забывали сидящих в зале зрителей, что они находятся в курском театре с его, чего греха таить, убогом убранстве [6, 1898, 5 ноября].

Гастроли оперно-опереточной труппы Блюменталь-Тамарина завершились 6 ноября комбинированным спектаклем: первым актом «Гейши» и старинной комической опереткой в 3-х действиях «Красное солнышко» французского композитора Одрана Эдмонда. Все остались довольны: куряне – представленным удовольствием, а труппа – радушным приёмом, который оказала ей местная публика, о чём и было высказано в конце спектакля, пусть и в игривой форме, самим Блюменталь-Тамариным. А уже через два дня вся труппа играла в Москве, в театре Щукина [6, 1898, 8 ноября].

Отдельного рассказа заслуживает, пожалуй, единственное в своем роде в истории русского театра событие российского масштаба, произошедшее 10 мая 1895 г в уездном городе Судже. На афишах, расклеенных по Судже, значилось, что в городе состоится «... спектакль в пользу фонда имени М.С. Щепкина, в городе Судже, во вновь устроенном театре в Земском саду, даваемый артистами Императорского Малого театра, с участием любителей Курского драматического кружка». [12, с. 48].

Зрители лицезрели выдающихся актёров (М.Н. Ермолова, Н.А. Никулина, М.К. Бларамберг-Чернова, Н.М. Медведева, О.О. Садовская, А.П. Щепкина, В.А. Макшеев, А.И. Южин, А.М. Кондратьев, И.И. Геннерт, Н.М. Падарин, М.Н. Верещагина, Д.В. Гарин и др.), представивших на суджанской сцене отрывки из разных спектаклей, шедших на сцене Малого театра: 1-е и 2-е действие комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», 3-е действие комедии А.Н. Островского «Таланты и поклонники», 3-е действие комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», 3-е действие трагедии Шиллера «Мария Стюарт» [5].

Приезд маститых столичных артистов, о которых писали газеты, игру, костюмы и пикантные подробности личной жизни которых вовсю обсуждали «просвещённые» курские обыватели, каждый раз становился большим событием губернского города. Подлинный профессионализм получал поддержку, симпатии и нескончаемые овации; халтура и

попытка заработать на провинциальных простаках – полупустые залы и плохую прессу.

Список литературы

1. Актеры-легенды Петербурга / Сборник статей. – СПб., 2004. – 508 с.
2. Бугров Ю.А. Свет курских рамп: Очерки истории театральной культуры Курского края / Изд. 2-е изм. и доп. – Курск: Издательский дом «Славянка», 2009. – 480 с.
3. Денисов И. Курский театр // Театральный и музыкальный вестник. – СПб., 1860. - № 30. – 31 июля. – С. 239-240.
4. Дневник артиста: Приложение к журналу «Артист». – М., 1893. – Кн. 6. – № 7.
5. Раков В.В. Первый памятник русскому актёру (открытие памятника М.С. Щепкину в Судже) // События и люди в документах курских архивов. Выпуск XIX: [Текст] / под ред. В. Л. Богданова. – Курск: ООО «Евромастер», 2020. – С. 53-66.
6. Курская газета: орган обществ. жизни, политики, лит. и торговли / Ред.-изд. С.А. Григорьева-Сидорова. – Курск, 1897, 9 дек. – 1903, 24 апр.
7. Курские губернские ведомости. – Курск, 1838–1918. – Часть неофиц.
8. Курский листок: газ. обществ. жизни, политики, лит., пром-сти и торговли. – Курск, 1879– 1906.
9. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2: (1825–1881). – СПб, 1840. – Т. 14: 1839. – № 11934. – С. 62-63.
10. Театральный мирок: еженед. иллюстрир. издание. – Санкт-Петербург: тип. С.Н. Худенкова. – 1884 – 1893.
11. Щепкина-Куперник Т.Л. Из воспоминаний о русском театре. – М.: Детгиз, 1956. – 158 с.
12. Ярцев А.А. Первый памятник русскому актеру // Ежегодник Императорских театров: Сезон 1894-1895 гг. – Приложения. – Кн. 1. – СПб., 1895. – С. 17-71.

РЕАКЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1905-1907 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

П. С. Резухин

Тульская духовная семинария

mitra2003@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается отношение православного духовенства к политическим событиям 1905-1907 гг. На примере Тульской епархии автор показывает поляризацию священно- и церковнослужителей по отношению к происходящим в государстве и обществе изменениям. Опираясь на опубликованные источники и неопубликованные архивные материалы, показывается, что духовное сословие, сохраняя в

подавляющей массе, лояльность к имперско-синодальной системе, вместе с тем позволяло и критику по отношению к государственным и церковным властям. В статье делается вывод, что в период 1905-1907 гг. происходила активная политизация приходского духовенства, высказывавшегося как с консервативных, так и умеренно либеральных позиций.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, духовенство, реформы, революция, империя.

THE REACTION OF THE PROVINCIAL ORTHODOX CLERGY TO THE POLITICAL EVENTS OF 1905-1907 (ON THE EXAMPLE OF THE TULA PROVINCE)

P. S. Rezukhin

Tula Theological Seminary

mitra2003@mail.ru

Annotation: the article examines the attitude of the Orthodox clergy to the political events of 1905-1907. Using the example of the Tula diocese, the author shows the polarization of the clergy and clergy in relation to the changes taking place in the state and society. Based on published sources and unpublished archival materials, it is shown that the clergy, while remaining overwhelmingly loyal to the imperial-synodal system, at the same time allowed criticism of state and church authorities. The article concludes that in the period 1905-1907. There was an active politicization of the parish clergy, who spoke from both conservative and moderate liberal positions.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, reforms, revolution, empire

Драматичный период 1905-1907 гг. является одним из интереснейших этапов в российской истории, потому что многие события, происходившие в столицах, находили отражение как в общественном сознании, так и поведенческих практиках социальных групп и отдельных ее представителей в провинции. Реакцию на такие резонансные события как, например, рабочая демонстрация 9 января 1905 в Санкт-Петербурге или опубликование Манифеста 17 октября, давали представители даже прежде «молчаливого» духовного сословия.

В рамках настоящей статьи, на примере поведения приходского православного духовенства Тульской епархии, будет рассмотрено отношение провинциальных священно- и церковнослужителей к политическим событиям 1905-1907 гг.

Важно, что в современной историографии некоторые аспекты обозначенной проблемы уже получили освещение в работах региональных исследователей [7, с.16-17; 2, с. 245-276]. Отдельно выделим труды ученых, которые осмысливали, в том числе, сюжеты из церковной истории Курского края [1, с.24-60; 4, с. 129-178]. Эти сочинения существенно дополнили эмпирическим материалом уже существующие фундаментальные исследования по истории Русской Православной Церкви [10, с. 175-193].

В тоже время отметим, что опубликованные источники и неопубликованные архивные материалы позволяют уточнить некоторые научные позиции относительно участия православных священно- и

церковнослужителей в общественно-политической жизни Российской империи в обозначенный период. Считается, что клир в условиях 1905-1907 гг. либо сохранял верноподданнические чувства и монархические взгляды [6, с. 176], либо оставался в массе своей аполитичным [5, с. 275]. Не ставя под сомнение обозначенные мнения, отметим, что период 1905-1907 гг. стал временем поляризации как общества в целом, так и духовного сословия. Наряду с консервативным большинством в нем выделялись священно- и церковнослужители, положительно воспринявшие не только государственные преобразования, но и идеи освободительного движения. По отношению к общей массе клира, таких пастырей насчитывалось немного, но это были яркие клирики, пользовавшиеся авторитетом у мирян, что делало их заметными фигурами в епархиальной жизни.

Укреплению консервативного отношения среди духовенства к происходящим событиям содействовала церковная печать, прежде всего, епархиальные ведомости. В «Тульских епархиальных ведомостях» в 1905-1906 гг. чаще публиковались статьи и речи представителей приходского духовенства, придерживающегося как умеренных, так и ультраконсервативных взглядов. В частности, известный в Тульской епархии прот. Казанской церкви г. Тулы о. Ф. Тихвинский в речи в день тезоименитства императора Николая II, 6 декабря 1906 г., говоря о значимости церкви в жизни русского общества, отмечал, что «лучшим средством и лучшим лекарством против современных нам разрушительных стремлений к ниспровержению порядка и к восстановлению оного может служить только возврат во всех областях жизни общественной и государственной к истинно-христианским правилам и постановлениям святой веры и церкви нашей» [9, с. 837].

Укреплению лояльности среди клира содействовали и многочисленные речи и выступления представителей епархиального руководства, также озвучивавших идею единения православных пастырей вокруг Церкви и Государя Императора. Так, ректор Тульской Духовной семинарии архимандрит Алексей, выступая перед выпускниками 1907 г, резко обличал врагов Православия и государства, предлагая будущим пастырям «совершенно отвергнуть гнилые учения, которые, как язва, как червь, подтачивают тело Церкви и Государства нашего. Вы должны знать, что тот, кто хочет быть верным сыном Св. Церкви, должен быть вместе с тем и добрым своего отечества... Трудитесь всеми силами над тем, чтобы ваша деятельность клонилась к укреплению веры православной и верности Царю Самодержавному, – сих священных и дорогих для каждого русского начал...» [8, с.373].

На страницах епархиальных ведомостей, естественно, было разрешено высказывание взглядов, соответствовавших официальной политике. Вместе с тем в проповедях, в неформальном общении с паствой, священнослужители затрагивали разные темы, несмотря на официальные запреты. Так, священник села Урусова Веневского уезда о. Иоанн Лихаревский выразил несогласие с циркулярным указом Тульской духовной консистории от № 14

от 21 февраля 1906 г., предписывавшим говорить только слово Божие и не касаться мирских тем. Клирик считал, что точное исполнение предписаний начальства, предусматривавшее произнесение только проповедей догматического содержания, без касательства нравоучительных тем, ориентированных на проблемы паствы, не соответствует пастырскому долгу: «Даже точно и ясно выраженные в Свящ. Писании нравственные правила после указа Консистории оказываются запрещенными для проповеди...» [2, л. 45-45об].

Другой приходской священник – о. Прохор Щеглов из села Малевка Богородицкого уезда – подробно растолковал прихожанам во время обедни Манифест от 17 октября 1905 года, сказав, в частности, что «такое устройство управления, которое дает возможность участвовать в устройстве государственной жизни, всем людям, а не одним только чиновникам» [3, л.53 об].

Под влиянием дарованной свободы священнослужители стали проявлять разные гражданские инициативы. Так, несколько сельских пастырей Богородицкого уезда под руководством молодого священника о. Николая Алявдина, составили адрес в поддержку оппозиционного столичного клирика о. Г. Петрова, что стало предметом разбирательства как в рамках духовного, так и гражданского судопроизводства [4, л. 3-3об]. По итогам расследования, установившего незаконность собрания, потому что было создано без разрешения благочинного и епархии, о. Н. Алявдин был перемещен в более худшее село Злобино Каширского уезда.

Приведенные примеры являются наиболее значительными среди разнообразных кейсов, встречающихся в делопроизводстве духовных консисторий. Но и они свидетельствуют об активной политизации приходского духовенства, которое, повторимся, оставалось неоднородным в зависимости от политических предпочтений. В этот период клирики высказывались не только с консервативных, но и умеренно либеральных позиций.

Список литературы

1. Бунин А. Ю. Деятельность православного духовенства Курского края в 1905-1929 гг.: дис...канд. ист. наук. – Курск, 2005. – 228 с.
2. Государственный Архив Тульской области. – Ф. 3. – Оп. 11. – Д. 3488.
3. Государственный Архив Тульской области. – Ф. 3. – Оп. 18. – Д. 7578
4. Государственный Архив Тульской области. – Ф. 3. – Оп. 11.– Д.3568.
5. Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис...канд. ист. наук. – Воронеж, 2015. – 416 с.
6. Ледовских Е. А. Православная церковь и общество во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. (на материалах центрально-черноземных губерний): дис...канд. ист. наук. – Воронеж, 2019. – 210 с.

7. Леонов Д. Е. Русская православная церковь в период революции 1905-1907 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): автореф. дисс... канд. истор. наук. – Ярославль. 2010. – 24 с.
8. Речь о. Ректора архимандрита Алексия воспитанникам, окончившим курс Семинарии в настоящем 1907-м году // Тульские епархиальные ведомости. – 1907. – №24. – 22 июня. – Неофиц. часть. С. 370-374.
9. Тихвинский Ф., прот. Слово в день Святителя Николая Мур Ликийских чудотворца и тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича // Тульские епархиальные ведомости. – 1906. – №46-47. – 16 декабря. – Неофиц. часть. – С. 833-837.
10. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). – М., 2002. – 623 с.

СОВЕТСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КУРСКОГО КРАЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Г.А. Салтык

Курский государственный университет

galinasaltyk@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития советской промышленности в одном из промышленных регионов России – Курском крае. Автором рассматривается степень изученности данной темы в отечественной историографии. Проанализированы исследования ученых последних десятилетий, а также представлен обзор источниковой базы – опубликованных и неопубликованных документов, хранящихся в архивных, библиотечных и музейных фондах, частных коллекциях. Особое внимание уделено источниковой базе по истории Курского завода тракторных запчастей (КЗТЗ) и Курской биофабрики.

Ключевые слова: промышленность, Курский край, архивные материалы, машиностроение, завод, биофабрика, историография, источники.

SOVIET INDUSTRY OF THE KURSK TERRITORY: HISTORIOGRAPHY AND SOURCES

G.A. Saltyk

Kursk State University

galinasaltyk@yandex.ru

Annotation. Annotation. The article is devoted to the history of the formation and development of Soviet industry in one of the industrial regions of Russia – the Kursk Region. The author examines the degree of study of this topic in Russian historiography. The research of scientists of recent decades is analyzed, and an overview of the source base is presented – published and unpublished documents stored in archival, library and museum collections, private collections. Special attention is paid to the source base on the history of the Kursk Tractor Spare Parts Plant (KZTZ) and the Kursk Biofactory.

Keywords: industry, Kursk Region, archival materials, mechanical engineering, plant, biofactory, historiography, sources.

Проблемы становления и развития ряда отраслей Курского края в годы Советской власти долгое время оставались вне поля зрения региональных исследователей. Заслуживают внимания работы Я.И. Иванова, И.Ф. Миненко, В.В. Коровина и Е.А. Головина, в которых дана характеристика состояния степени изученности темы и частично представлена характеристика ее источниковой базы [6; 9; 24].

Одной из первых работ, посвященных становлению и развитию отдельных отраслей промышленности исследуемого региона – сахарной – является небольшая работа А.Н. Бочарова и А.С. Травиной, увидевшая свет в 1982 г. [1]. В начале 2000-х гг. этой теме посвятили свои работы Ю.М. Миргородова [18]. Среди проблем, которые она рассматривала – труд стахановцев на предприятиях свеклосахарной промышленности в годы первых пятилеток, ее состояние в первые послевоенные десятилетия. Частично тема нашла отражение в исследованиях Р.С. Воронцова, который ее затрагивал в рамках изучения состояния пищевой промышленности Курской области [2].

Состоянию промышленности исследуемого региона в первые годы Советской власти посвящены работы Е.Ю. Прокофьевой и Г.А. Ямпольской. В частности, они отмечали, что ее основную часть составляли небольшие предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье. Причем большая их часть находилась в сельской местности. По их данным в 1920 г. в Курской губернии было зарегистрировано 13005 предприятий. Ведущими отраслями промышленности в этот период были маслобойное и сахарное производство. Вместе с тем, авторы не остались без внимания геолого-разведывательная деятельность по выявлению полезных ископаемых на территории Курской губернии и их промышленное освоение накануне НЭПа [23; 22, с. 190].

Предвоенному состоянию промышленности исследуемого региона посвятил свои работы С.А. Никифоров [20]. Н.Г. Кононов на большом фактическом материале проанализировал состояние легкой, пищевой, топливной и строительной промышленности с февраля 1943 г. по май 1945 г. Заслугой автора, в первую очередь является то, что он ввел в научный оборот большой пласт архивных документов. Он привел данные по численности рабочих, служащих и инженерно-технических работников, стахановцев и ударников на предприятиях области, показал их производственные мощности, проанализировал итоги их восстановления [11].

Условия зарождения и становление предприятий химической отрасли рассматривают Е.А. Головин и С.С. Коптев, агробиологической промышленности – В.М. Безгин, Н.С. Шевырев и И.Ф. Миненко [7; 12; 10; 17]. Ряд публикаций посвящена истории машиностроения [26]. В наших публикациях рассматриваются судьбы сотрудников предприятий Курского края, пострадавших в годы массовых политических репрессий 1930–1940-х гг. [25]. В настоящее время курские ученые поднимают проблемы, связанные

с движением рационализаторов и изобретателей, с зарождением и функционированием института наставничества на предприятиях Курской области [17].

В целом, в научный оборот введены сотни документов, которые позволяют существенно расширить наши знания по истории промышленного развития Курской области. Вместе с тем, источниковая база по теме исследования действительно обширна и включает в себя, прежде всего, архивные материалы, в которых содержатся протоколы производственно-технических совещаний, перспективные планы развития предприятий, отчеты по производству, труду, внедрению новой техники, механизации и автоматизации на предприятиях, документы ВОИР (Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов) и БРИЗ (Бюро рационализации и изобретательства), результаты социалистических соревнований, представления к присвоению звания «Ударник коммунистического труда» и т.д. Ценная информация отложилась в документах по организации института наставничества.

Так, в одном из фондов Государственного архива Курской области (ГАКО) нами был обнаружен Приказ № 346 «Об итогах социалистического соревнования коллектива изобретателей и рационализаторов цехов и отделов за первое полугодия 1979 г.» в котором, в частности, отмечается, что за текущий период было начато внедрение в производство 705 рационализаторских предложений и 6 изобретений. Названы цеха, добившиеся лучших показателей в социалистическом соревновании, указаны имена рабочих и инженерно-технических работников, представленных к награждению за выполнение и перевыполнение трудовых обязательств [4, оп. 8, д. 42, л. 40–42]. В этом же деле отложились планы, сметы, справки, творческие обязательства, отчеты первичной организации научно-технического общества – НТО.

Весьма ценным источником являются документы о работе Совета наставников на одном из предприятий областного центра – биофабрике. В них содержится «Положение о наставничестве», принятое Советом наставников предприятия», в котором, в частности, были определены цели и задачи наставничества: «Наставничество организовано на фабрике для оказания помощи молодым работникам (подшефным) в овладении ими и совершенстве избранной профессией и передовыми методами труда, оно должно помочь им стать достойными продолжателями лучших традиций рабочего класса, высококультурными, всесторонне развитыми строителями коммунизма». В Положении также перечислены требования, предъявляемые к наставнику, его обязанности и права, а также меры по поощрению их труда. Кроме того, названы десятки передовых рабочих и мастеров производства, которые выполняли роль наставников молодежи [3, оп. 4, д. 105-а. Л. 1–8].

Интерес представляют договора предприятий, которые заключались трудовым коллективом с их администрациями. Они содержат перечень обязательств, которые должно выполнять руководство предприятия по

организации производства в рабочее и во внерабочее время. Так, в коллективном договоре между рабочими и администрацией КЗТЗ среди подобных мероприятий отмечалось следующее: «... содержать в хорошем состоянии Дворец культуры и спортивные сооружения, пополнить и заменить выбывшие из строя спортивные и культурно-массовое имущество» и т.д. [4, оп. 6, д. 41, л. 1–6].

В Государственном архиве общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО) наибольшую ценность представляют материалы, отложившиеся в фонде обкома ВКП(б). Прежде всего, это решения пленумов Курского обкома ВКП(б) о разработке комплекса мероприятий по восстановлению и улучшению работы промышленности области, календарные планы выпуска продукции по каждому предприятию, динамика ее выработки, материалы о подведении итогов социалистических соревнований, годовые отчеты партийно-хозяйственных органов заводов и фабрик. В документах также отложились решения бюро обкома ВКП(б) и решения облисполкома о проведении мероприятий по устранению недостатков в работе того или иного предприятия и обеспечении его рабочей силой [5, оп. 1, д. 2954, л. 1–2; оп. 1, д. 3535, л. 160–163].

Повседневная жизнь рабочих и служащих курских предприятий, их участие в общественной жизни, художественной самодеятельности, военно-спортивной работе отражены в отчетах фабрично-заводских комитетов, профсоюзных собраний и постояннодействующих совещаний, жилищно-бытовых комиссий, комиссии по социальному страхованию [3, оп. 3, д. 38, л. 32–34; оп. 1, д. 3597, л. 5052].

Важная информация по истории промышленности исследуемого региона содержится на страницах областных и малотиражных периодических изданий. Так, областная газета «Курская правда» публиковала материалы о стахановцах, наставниках, народных контролерах и т.д. Красноречивы их названия: «Замечательно трудится Борис Шустер», «Мастер Михаил Евстифеев», «Шлифовальщик Сергей Поздняков» и др. [13; 15; 27; 29; 30].

Среди многотиражных газет, выпускавшихся на ряде предприятий Курской области отметим «Машиностроитель» – орган партбюро, профсоюза и дирекции Курского завода тракторных запасных частей. Особый интерес представляют выступления на отчетно-выборных профсоюзных и партийных собраниях руководства завода, которых публиковались на их страницах. Здесь можно найти информацию о лучших наставниках молодежи, передовиках производства, ветеранах Великой Отечественной войны. Так, в одном из номеров газеты за 1985 г. были опубликованы фамилии рабочих, удостоенных звания «Лучший по профессии». Это – шлифовальщица ЦТА-2 Л.К. Гришина, фрезеровщик модельного цеха А.Н. Яковлев, наладчик ЦТА-1 В.С. Мякота, шлифовальщица ЦТА-1 З.Я. Ельчанинова (Худякова), формовщица А.А. Ермолаева, выбивщик Ю.В. Мартьянов, вагранщик М.Б. Ноздрин [16].

На страницах газеты содержится ценная информация о наставниках молодежи. Примечательно, что в газете имелась одноименная рубрика, в которой размещались сведения о лучших из них. В 1980-е годы это были Е. Афанасьева – заместитель председателя инструментального цеха КЗТЗ, ответственная за работу с подростками; шлифовальщик Б.П. Давыдов – неоднократный победитель социалистического соревнования, а также рабочие механического цеха – Глухих, В. Морковчин, Э.М. Новикова и др. [8; 19; 28]

Зачастую рабочие и ИТР через газету делились опытом организации той или иной формы работы с молодежью. Так, о работе школы передового опыта цеха топливной аппаратуры № 2 поделился с читателями инженер по техническому обучению В. Лященко. Он рассказал о методике работы по выявлению, изучению, обобщению и внедрению передового опыта в этом цехе. Называл он и имена руководителей – шлифовщицы Р. Сурковой и доводчицы В. Бугорской. Под их руководством «молодые работницы цеха постигали передовые приемы организации производства непосредственно на рабочем месте». В итоге – все ученицы значительно сократили брак, а их трудовые показатели существенно улучшились, о чем свидетельствует рост производительности труда на 3–5 процентов [14].

Злободневные вопросы, волновавшие коллективы цехов, размещали также на страницах стенгазет. В первую очередь поднимались вопросы, связанные с выполнением трудовых норм, соблюдением трудовой дисциплины и др. Так, в стенгазете «Топливник», которая выпускалась в цехе топливной аппаратуры № 1 в мае 1987 г. важное место уделялось государственной приемке продукции. В газете также освещались результаты социалистического соревнования, его ход, назывались имена победителей. (Александрова) Размещались в стенгазете и материалы с критикой недостатков работы цехов. Всего на биофабрике было 12 цеховых газет и 3 общефабричных – «Биопрепарат», «ДПО» и «Голос школы» [3, оп. 4, д. 78, л. 176].

Интересные документы содержатся в фондах музеев заводов и фабрик. Прежде всего, это фотографии передовиков производства, почетные грамоты и сертификаты, ордена и медали участников Великой Отечественной войны, воспоминания ветеранов труда и почетных работников. К примеру, в музее Курской биофабрики хранятся воспоминания сотрудников, руководившим эвакуацией предприятия и его работой в г. Орске Оренбургской области и в г. Уфа (Башкирская АССР). Среди его экспонатов – командировочное удостоверение на имя главного ветврача биофабрики № 1 А.Н. Шеина о направлении его в г. Уфу и справка на имя начальника сывороточного цеха К.Д. Беловой о назначении ее начальником эвакуационного эшелона, который направлялся в г. Орск. Имеются здесь и документы, в которых отражена история предприятия в период ее реконструкции. В витринах музея – кубки победителей спортивных состязаний, почетные грамоты передовиков производства, сертификаты на изобретения, а также многочисленные

фотографии членов коллектива. Все это – богатейший материал по истории предприятия, становлению его организационной культуры.

Среди опубликованных источников отметим воспоминания и мемуары руководителей предприятий и инженерно-технических работников, а также справочные издания, на страницах которых представлены биографические сведения о руководителях заводов и фабрик, в том числе М.Д. Овчаренко – директоре Курского завода тракторных запчастей, Д.П. Дробязго, В.П. Чумакове, Т.А. Перминове – директорах Курской биофабрики и др. [10; 21, с. 514–516]

Таким образом, изучение истории развития промышленности Курского края в годы Советской власти в настоящее время является перспективным направлением. Интерес вызывают проблемы, связанные с развитием движения рационализаторов и изобретателей, становлением института наставничества, формированием корпоративной (организационной) культуры и др. При этом следует подчеркнуть, что, как показало исследование, источниковая база данной темы чрезвычайно обширна и ждет своего исследователя...

Список литературы

1. Бочаров А.Н., Травина А.С. Курский сахар. – Курск, 1982. – 118 с.
2. Воронцов Р.С. О некоторых проблемах развития предприятий отечественной пищевой промышленности в 1950-х – начале 1960-х годов (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2017. – Т. 7. № 4 (25). – С. 181–190.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Курская Ордена Трудового Красного Знамени биофабрика Главного управления биологической промышленности Министерства сельского хозяйства СССР – Ф. Р – 3636.
4. ГАКО. Производственное объединение «Курский Ордена Трудового Красного Знамени завод тракторных запасных частей им. 50-летия СССР» (ПО «Завод КЗТЗ») – Ф. Р – 5182.
5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). – Ф. П – 1.
6. Головин Е.А. Коровин В.В. Архивные документы о развитии отечественной промышленности в 1950–1960-е годы: по материалам Курской области // Вестник архивиста. – 2016. – № 4. – С. 87–99.
7. Головин Е.А. Роль Совета Министров РСФСР в организации строительства Курского завода синтетического волокна (1957-1960 гг.)// Столица и провинция: история взаимоотношений. Матер. VI регион. науч. конф. / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2012. С. 218–222.
8. Евдокимова Н. Когда рядом наставники // Машиностроитель. – 1978. – 25 апреля.

9. Иваненко Я.И. Развитие промышленности Курской области в 1934–1950 гг. в отечественной историографии 1950-х – 2000-х годов [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-promyshlennosti-kurskoy-oblasti-v-1934-1950-gg-v-otechestvennoy-istoriografii-1950-h-2000-h-godov/viewer> (дата обращения: 12.04.2024).
10. Как это было. К 110-летию Российской агробиологической промышленности и Курской биофабрики: факты, события, воспоминания: учеб. пособие / Отв. ред. В.М. Безгин. – Курск: изд-во КГСХА, 2006. – 688 с.
11. Кононов Н.Г. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению. Кн. 1. – Курск: Бабкина Г.П., 2018. – 725 с.
12. Коптев С.С. 2013. Становление и развитие предприятий химической промышленности Курской области в 1930-е – начале 1990-х гг. Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2013. – 260 с.
13. Кузин Л. Шлифовальщик Сергей Поздняков // Курская правда. – 1956. – 19 августа.
14. Лященко В. Школы передового опыта // Машиностроитель. – 1978. – 19 сентября.
15. Мастер Михаил Евстифеев // Курская правда. – 1958. – 1 октября.
16. Машиностроитель. – 1985. – 5 мая.
17. Миненко И.Ф. Движение рационализаторов и изобретателей в СССР в 1950–1980-е годы: опыт Курской биофабрики // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-ratsionalizatorov-i-izobretateley-v-sssr-v-1950-1980-e-gody-opyt-kurskoy-biofabriki/viewer> (дата обращения: 12.04.2024).
18. Миргородова Ю.М. Свеклосахарная промышленность Курской области в 20-х годах XX века // Научные ведомости БелГУ. Сер. История, Политологич. Экономика. Информатика. – 2011. – № 1 (96). Вып. 17. – С. 139–144.
19. Надеждина С. Наставник молодежи // Машиностроитель. – 1989. – 7 марта.
20. Никифоров С.А. Промышленность Курской области накануне Великой Отечественной войны // Известия регионального финансово-экономического института. – 2016. – № 3 (12). – С. 1.
21. Овчаренко Н.Д. Наш вклад: об участии коллектива Курского ордена Трудового Красного Знамени завода тракторных запасных частей им. 50-летия СССР в решении Продовольственной программы. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1983. – 62 с.
22. Прокофьева Е.Ю. Промышленность по добыче и обработке полезных ископаемых на территории Центрального Черноземья: трудности и перспективы развития в 1920-е годы // Исторические, философские,

- политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, Грамота. – 2015. – № 8 (58). Ч. III. – С. 162–167.
23. Прокофьева Е.Ю., Ямпольская А.Г. Промышленность и сельское хозяйство Центрального Черноземья в эпоху военно-хозяйственной диктатуры: осень 1917 – весна 1921 гг. (по материалам Воронежской и Курской губерний). – Белгород: ООО «ГиК», 2011. – 447 с.
24. Салтык Г.А., Миненко И.Ф. К вопросу о становлении агробиологической промышленности в Курском крае: историография и источники // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023 № 4 (68). С. 24–33 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=26888 (дата обращения: 12.04.2024).
25. Салтык Г.А. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 147 с.
26. Салтык Г.А., Салтык И.П., Холтобина Л.С. Курский завод тракторных запасных частей: факты, события, люди. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. – 302 с.
27. Сорокина А. Замечательно трудится Борис Шустер // Курская правда. – 1960. – 28 апреля.
28. Сорокина А. Равнение на наставников // Машиностроитель. – 1979. – 16 января.
29. Социалистические обязательства бригады обрубщиков // Курская правда. – 1983. – 24 декабря.
30. Экономия сырья и средств – под народный контроль // Курская правда. – 1964. – 1 февраля.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ 1986-1999

С.А. Самедова

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)
sad17082003@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена деятельности учреждений здравоохранения города Нижний Тагил в период 1986-1999 гг. В ходе исследования были выявлены основные направления их деятельности в изучаемый период. Источником анализа деятельности здравоохранения послужили годовые отчеты, хранящиеся в Нижнетагильском городском историческом архиве. На примере Демидовской центральной городской больницы № 2, выявлены динамика численности должностей, коек, посещений.

Ключевые слова: Нижний Тагил, здравоохранение, Демидовская больница, медицинский персонал, посещения.

HEALTHCARE IN NIZHNY TAGIL 1986-1999

S.A. Samedova

Russian State Vocational Pedagogical University (branch in Nizhny Tagil)

Annotation: The article is devoted to the activities of healthcare institutions in Nizhny Tagil in the period 1986-1999. In the course of the study, the main directions of their activities during the period under study were identified. The source of the analysis of health care activities was the annual reports stored in the Nizhny Tagil City Historical Archive. Using the example of Demidov Central city hospital No. 2, the dynamics of the number of positions, beds, and visits are revealed.

Keywords: Nizhny Tagil, healthcare, Demidovskaya hospital, medical staff, visits.

Здравоохранение является важным аспектом общественной жизни, влияющим на благополучие и качество жизни населения. Деятельности здравоохранения Нижнего Тагила посвящено достаточно большое количество научных работ. Все они обращают внимание на различные аспекты деятельности здравоохранения. Однако, обобщающих работ о деятельности здравоохранения города Нижний Тагил периода 1986-1999 гг. нет. Поэтому анализ развития здравоохранения в данный период представляется актуальным.

В 1986 году в городе функционировало 23 больницы, 35 поликлиник, располагающих 5710 больничными койками. В Нижнем Тагиле трудилось 1300 врачей, 7 кандидатов медицинских наук, 100 врачей высшей категории, 215 врачей первой категории, 5000 среднего медицинского персонала. Обслуживание населения за этот год составило 16000 посещений в день.

Можно выделить следующие основные задачи отдела здравоохранения с 1986 по 1999 гг.: снижение заболеваемости, увеличение доступности и уровня оказания медицинской помощи, повышение уровня знаний населения в профилактике заболеваний. Для осуществления этих задач проводились тематические и комплексные проверки учреждений здравоохранения с последующим заслушиванием итогов на медицинском совете городского здравоохранения.

Проводились организационные мероприятия по охране здоровья и снижению смертности новорожденных, по улучшению охраны здоровья детей раннего возраста в поликлиниках, по улучшению стационарной помощи детям первого года жизни, по экстренной и скорой медицинской помощи, санитарное воспитание населения по здоровому образу жизни, по обучению кадров, по охране здоровья женщин и антенатальной охране плода. Важным элементом здравоохранительных реформ стало также обновление материально-технической базы медицинских учреждений [1].

Более подробно охарактеризуем деятельность Демидовской центральной городской больницы № 2, на основе годовых отчетов, хранящихся в Нижнетагильском городском историческом архиве (НТГИА).

Можно заметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода с 1986 по 1999 гг. количество врачей в Демидовской центральной городской больнице № 2 увеличилось на 121,75. Этот свидетельствует о росте численности врачебного персонала и, вероятно, о повышении медицинского

обслуживания в больнице. Число среднего медицинского персонала возросло на 222,75. Возможно, выросла потребность в помощи и поддержке пациентов, а также о расширении спектра медицинских услуг, предоставляемых больницей. Число младшего медицинского персонала увеличилось на 225,75. Это свидетельствует о расширении команды медицинских работников, занятых выполнением различных процедур и обслуживанием пациентов. А количество прочего медицинского персонала увеличилось на 100,25; в 1999 году сократилось на 164,75 (табл. 1). Вероятно, эти работники играют важную роль в поддержке и обеспечении эффективной работы больницы.

Таблица 1

Специализация должностей центральной городской больницы № 2 г. Нижний Тагил в 1986-1999-е гг.

Год	1986	1990	1994	1998
Врачи	224,0	234,25	231,75	345,75
Средний медицинский персонал	553,5	564,75	596,5	776,25
Младший медицинский персонал	286,25	297,25	335,5	512,0
Прочий	116,0	78,5	216,25	51,5

* Составлено по: НТГИА. – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 23., – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 31., – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 38., – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 43.

За рассматриваемый период количество больничных коек снизилось на 179, это может говорить о сокращении спроса на стационарное лечение. При этом их количество увеличилось в 1999 году на 302. Это может быть связано с растущей потребностью в медицинской помощи. Количество посещений в 1994 году по сравнению с 1986 годом увеличилось на 150882, затем в 1999 году сократилось на 50904 (табл. 2).

Стремительное увеличение посещений в 1994 году может говорить о расширении доступа к услугам. Также это может быть связано с изменениями в структуре заболеваний.

Таблица 2

Общее количество коек и посещений центральной городской больницы № 2 г. Нижний Тагил в 1986-1999-е гг.

Год	Кол-во коек	Кол-во посещений
1986	710	65700
1994	531	216582
1999	833	165678

* Составлено по: НТГИА. – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 23., – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 31., – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 38., – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 43.

На основании проведенного анализа деятельности здравоохранения города Нижний Тагил в период с 1986 по 1999 год можно сделать следующие выводы.

Одним из ключевых факторов развития здравоохранения было увеличение численности медицинского персонала. Дополнительные кадры были привлечены для обеспечения более эффективной работы медицинских учреждений. Это позволило снизить нагрузку на существующих специалистов и повысить качество оказываемой медицинской помощи. В результате этих усилий медицинская помощь стала более доступной.

Значительное внимание уделялось профилактике заболеваний и повышению уровня знаний населения в этой области. Организационные мероприятия проводились с участием медицинского совета городского здравоохранения, что способствовало эффективной предупредительной работе и контролю за соблюдением здорового образа жизни. Все эти усилия способствовали повышению благополучия и качества жизни населения в городе.

Список литературы

1. НТГИА. – Ф. 320. – Оп. 1. – Д. 589.
2. НТГИА. – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 23.
3. НТГИА. – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 31.
4. НТГИА. – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 38.
5. НТГИА. – Ф. 619. – Оп. 1. – Д. 43.

СОСТОЯНИЕ ПИВОВАРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЗОРОВ ГУБЕРНИЙ)

С.Л. Смородский

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО
«Уфимский университет науки и технологии»
a.smorodskiy@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается развитие пивоваренного производства в Российской Империи в конце XIX – начале XX вв. Для сравнения взяты губернии: с традиционным массовым потреблением пива, столичная губерния и типичный аграрный регион.

Ключевые слова: пиваваренный завод, пиво, производство, Российская Империя.

THE STATE OF THE BREWING INDUSTRY IN RUSSIA IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES. (BASED ON THE MATERIALS OF SURVEYS OF PROVINCES)

S.L. Smorodsky

Sterlitamak branch of the Federal State Budgetary Educational
Institution Ufa University of Science and Technology

Abstract: The article examines the development of brewing production in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. For comparison, the provinces are taken: with traditional mass consumption of beer, the capital province and a typical agricultural region.

Keywords: Brewery, beer, production, Russian Empire.

Пивоварение было известно в России с давних времен, но промышленная революция, и последовавшая за ней индустриализация российской экономики привели к изменениям в технологии производства: от домашнего пивоварения к строительству пивомедоваренных заводов. Оборудование, которым оснащались промышленные площади пивоваренных заводов, в большинстве случаев было импортного производства (Австро-Венгрия, Германия), поскольку отечественных аналогов не было, исключения составляли пивные чаны, которые отливались на металлургических заводах Урала. Рост производства был обоснован и ростом потребления этого слабоалкогольного напитка в стране практически всеми слоями российского общества.

Весь процесс производства и дальнейшей реализации в Российской империи был регламентирован Питейными уставами и дополнениями к ним (см.: 2, 9 и др.). Такой контроль со стороны государства, а также довольно высокое налогообложение производства и продажи алкоголя [см. 3, 4] являлись своеобразным тормозом для развития производства. Однако в конце XIX – начале XX столетий в Российской империи наблюдалось развитие пивоваренного производства, что удовлетворяло потребности населения в качественных пивных напитках. Особенно производство пива в промышленных масштабах было распространено в западных губерниях страны, (Прибалтика, Польша). В других регионах Империи большое распространение имело домашнее производство пива [см.1].

Наиболее плотная концентрация пивного производства находилась на польских территориях. Промышленный переворот, охвативший все сферы производства в российском государстве, затронул и пивомедоваренные заводы. Активно стали внедряться паровые машины, происходила автоматизация некоторых производственных процессов. Эти новации приводили к увеличению производства хмельной продукции и снизить затраты на его производство. В результате польское пиво получило широкое распространение не только среди туземного населения, но и экспортировалось в Германию и Австро-Венгрию. Так, в 1896 г. в Варшавской губернии работали двадцать семь заводов [6, прил.1.], т.е. пивоваренное производство в польских губерниях в конце XIX - начале XX века переживало свой процветающий период, становясь важным элементом экономики страны.

В типично русских губерниях производство пива было менее интенсивно. Так, столичная Московская губерния была одним из крупнейших центров пивоваренной промышленности в Российской империи. В 1900 г. в ней действовали четыре крупных пивоваренных завода [8, прил. 1], которые поставляли свою продукцию, как на местный рынок, так и за его пределы. Эти заводы постоянно увеличивали свои производственные мощности, внедряли новые сорта пива, что приводило к обновлению технологических процессов и в результате увеличило число потребителей. Большое внимание уделялось качеству сырья. В этой связи многие крестьянские хозяйства Московской губернии, расположенные вблизи от заводов, стали ориентироваться на выращивание ячменя и хмеля, что приносило стабильный доход сельским обывателям.

В провинциальных губерниях страны также наблюдалось увеличение числа пивоваренных заводов. В 1900 г. в Курской губернии работали восемь заводов по производству хмельного напитка [7, прил. 1]. Отметим, что они были сконцентрированы не только в губернском Курске, но и уездных городах. Это свидетельствует о стабильном спросе на этот напиток в регионе. Специалистами по варке пива чаще всего были русские подданные, но крупные заводы приглашали для работы и иностранцев. Так, главным пивоваром на крупнейший и известный пивомедо-варенный завод Курской губернии Л. М. Вильма был приглашен нидерландский поданный Жан Юзеф Клессен [5, с. 19]. На курских заводах изготавливались как популярные на напитки по классическим технологиям, так и создавались уникальные купажи с использованием новых ингредиентов. Отметим, что для производства качественной продукции большая роль принадлежала сырью, большая часть которого производилась на курщине, что гарантировало его свежесть. Главными потребителями курского пива были местные обыватели, однако курские заводы поставляли пенный напиток и в другие губернии, а также в две столицы.

Таким образом, производство пива промышленным способом было более всего распространено на западных территориях страны.

Литература:

1. Выслоужилова Д.Л. «В каждом доме угощаются гусятиной, пивом и кумышкой»: пиво как маркер удмуртской культуры и этнопринадлежности // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931-2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911-1994), Михаил Андрианович Садаков (1916-1993). материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции. Ижевск:ИжГУ, 2021. С. 85-92.

2. Высочайше утвержденный 14 мая 1884 года новый питейный устав и Правила о раздробительной продаже напитков Руководство для содержателей питейных заведений, ведерных и винных лавок, трактиров. – М.: Тип. Ф. Иогансон, 1885. – 48 с.

3. Кравцова Е.С. История Отечества с древнейших времен до начала XXI столетия: учеб. пособие для студентов фак. клинической психологии мед. вузов. Курск: КГМУ, 2006.

4. Кравцова Е.С. Фискальная политика государства в отношении российского предпринимательства на рубеже XIX-XX столетий (на примере губерний центральной России) // Финансы и бизнес. 2007. № 4. С. 155-166.

5. Кравцова Е.С. Особенности жизни и быта иностранцев в русской провинции в конце XIX – начале XX века (на примере нидерландского подданного Жана Юзефа Клессена) // Экономическая история. 2013. № 3 (22). С. 17-21.

6. Обзор Варшавской губернии за 1896 год. - Варшава: Губ. тип. 1897. - 66 с., прил.

7. Обзор Курской губернии за 1900 год. - Курск: Типо-лит. губ. правления, 1901. - 59 с., прил.

8. Обзор Московской губернии за 1900 год. - М: Губ. тип. 1901. – 88 с., прил.

9. Полный устав о питейном сборе. – М.: Тип. С. Орлова, 1870. – 354 с,

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА: ИЗ ОПЫТА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1917 ГОДА

П.Е. Соборнов

Нижегородская академия МВД России
sobornovpavel@inbox.ru

Аннотация: Одной из слабоизученных проблем отечественной исторической науки является процесс функционирования городского самоуправления на этапе революционных изменений 1917 года, когда практически впервые истории Российского государства, была сделана попытка передать органам местного самоуправления управленческие полномочия. Городские думы были подвергнуты небывалой за всю их историю демократизации. Эта демократизация выразилась в расширении количества городских избирателей, отмене имущественного ценза на городских выборах. На основе анализа протоколов заседаний Нижегородской городской думы и материалов периодической печати, автор статьи пришел к выводу о фактической передаче власти в системе местного самоуправления представителям партии социалистов – революционеров, оказавшейся практически «правлящей» на городском уровне управления задолго до Октябрьской революции 1917 года. Этот вывод заставляет пересмотреть традиционные для отечественной историографии представления о ничтожности изменений в системе местного самоуправления в период пребывания у власти в России Всероссийского Временного правительства (март – октябрь 1917 года), обострени

ведомственных конфликтов между органами управления и самоуправления на местах и складывании механизма распада системы местного управления и самоуправления летом 1917 года.

Ключевые слова: Нижний Новгород, городская дума, местное самоуправление, Временное правительство, демократизация, городской голова

**NIZHNY NOVGOROD CITY DUMA:
FROM THE EXPERIENCE OF DEMOCRATIZATION OF CITY SELF-
GOVERNMENT IN 1917**

BY P.E. Sobornov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
sobornovpavel@inbox.ru

Annotation: One of the poorly studied problems of Russian historical science is the process of functioning of city self-government at the stage of revolutionary changes in 1917, when almost for the first time in the history of the Russian state, an attempt was made to transfer administrative powers to local self-government bodies. This democratization was expressed in the expansion of the number of urban voters, the abolition of the property qualification in city elections. Based on the analysis of the minutes of the meetings of the Nizhny Novgorod City Duma and the materials of the periodicals, the author of the article came to the conclusion that the actual transfer of power in the system of local self-government to representatives of the Socialist Revolutionary Party, which turned out to be practically "ruling" at the city level of government long before the October Revolution of 1917. This conclusion forces us to reconsider the traditional ideas for Russian historiography about the insignificance of changes in the system of local self-government during the period when the All-Russian Provisional Government was in power in Russia (March - October 1917), the aggravation of departmental conflicts between local government and self-government bodies and the formation of the mechanism for the collapse of the system of local government and self-government in the summer of 1917.

Keywords: provincial and county commissars, temporary government, local administration, centralization, democratization, decentralization, local authorities

Февральская революция 1917 года в российских губерниях и городах характеризовалась сломом всей системы старой власти, выразившейся в губернаторах, земских участковых начальниках, жандармах и полицейских урядниках и названная теперь системой государственного насилия и полицейской опеки. В условиях продолжавшихся противоречий, вызванных участием страны в Первой мировой войне, «революционная власть с самого начала была поставлена в необходимость создавать, хотя бы какие –нибудь, организации на местах, которые бы регулировали местную жизнь и скрепляли бы местные интересы с задачами общегосударственными и национальными» [3, Л.16]. К таким организациям относились органы городского самоуправления – Городские думы, которые именовались теперь «драгоценным наследием, которое получает новая, демократическая Россия от старого земского и городского самоуправления, столько сделавшего для народного образования, здоровья, улучшения хозяйственной жизни страны» [3, Л.62].

Процесс функционирования органов городского самоуправления периода марта – октября 1917 года не становился предметом

самостоятельных научных исследований, так как в отечественной исторической науке органы городского самоуправления очень долго нивелировались в системе буржуазных органов власти и управления. Препятствием в деле изучения процесса функционирования городского самоуправления на этапе управления страной Временным правительством стал укоренившийся в отечественной историографии тезис о крайней медлительности демократизации органов городского самоуправления. «Вводилось представительство от земских служащих, кооперативов и ряда других, весьма расплывчатых, общественных организаций, что объяснялось стремлением контрреволюционного Временного правительства сохранить аппарат органов местного самоуправления без изменений» [1, С.54]. Такое понимание вектора развития органов городского самоуправления ставит задачи обращения к важнейшим нормативным правовым актам, регулирующим процесс функционирования и деятельности городских дум, как основных органов местного самоуправления.

Начало разработки Временным правительством нормативных правовых основ функционирования местного самоуправления было связано с работой постоянно действующего совещания по реформе местного самоуправления и управления Министерства Внутренних дел Временного правительства, созванного уже 23 марта 1917 года. В результате деятельности этого совещания, в апреле 1917 года было разработано постановление Временного правительства «О городских выборах», которое впервые в истории отечественной избирательной системы установило систему прямых, равных и тайных выборов в органы местного самоуправления с отменой имущественного ценза на городских выборах.

Опыт реализации этого постановления еще не становился предметом научного анализа, поэтому *целью работы является изучение опыта функционирования городского самоуправления в период пребывания у власти в России Всероссийского Временного правительства марта – октября 1917 года на примере Нижегородской городской думы*, положение в которой было характерно не только для городов Нижегородской, но и других губерний. Например, позиции Нижегородской городской думы по многим вопросам часто совпадали с позицией Московской городской думы в части, касающейся реакции органов городского общественного самоуправления на события общегосударственного масштаба.

Начало масштабных перемен в Нижегородском городском общественном управлении начали происходить в июле 1917 года, когда в соответствии с постановлением Временного правительства «О городских выборах» прошли дополнительные выборы в Нижегородскую городскую думу, «на основании всеобщего, равного и тайного избирательного права».

Были избраны представители: Сионистской партии, Торгово-промышленной партии, партии социалистов – революционеров, партии народных социалистов, партии конституционных демократов, меньшевиков и большевиков. Каждая из представленных на городском уровне

политических партий получила свое представительство в Городской думе Нижнего Новгорода, но ни одна из политических партий не получила большинства [2, Л.69]. Проистекало это обстоятельство из следующих факторов:

– отсутствие интереса горожан к этим выборам – «надо считаться с горожанином, который на выборах проявил поразительный абсентеизм, ведь к избирательным урнам явилось лишь 25 % городских избирателей» [2, Л.72 об.];

– политические партии, представленные в новой «демократической» Нижегородской городской думе, вступили между собой в конфликт по поводу выборов нового городского главы и президиума обновленного органа городского самоуправления. Особое большое количество конфликтов вызвала сама процедура избрания главы города. Партия социалистов – революционеров, имея самую большую фракцию в городской думе (40 человек), предлагала голосовать по партийным фракциям, что могло бы обеспечить победу на этих выборах городского главы кандидата от партии социалистов – революционеров, в то время как представители партии конституционных демократов («Народной свободы») выступали за проведение поименного голосования. В результате, было принято решение о поименном голосовании, которое по мысли, новых руководителей Нижегородской городской думы, должно обеспечить сбалансированный учет интересов всех партийных фракций, в том числе и малочисленных. Даже эти результаты не способствовали сохранению «умеренного» большинства в Нижегородской городской думе. Председатель комитета партии конституционных демократов Георгий Килевейн вообще отказался признавать выборы в Нижегородскую городскую думу, так как «они проходили с полным нарушением порядка проведения городских выборов и потребовала признания этих выборов ничтожными» [2, С.66]. Большинство избранных депутатов Нижегородской городской думы отказались голосовать за резолюцию партии «Народной свободы» и выступили за признание законности выборов. Особую остроту межпартийным разногласиям придавало тяжелое финансовое положение городского общественного самоуправления – задолженность Нижегородской городской думы на 1 мая 1917 года составляла 3 миллиона рублей, а бюджет оказался дефицитным.

Новым этапом конфликта внутри Нижегородского городского общественного управления становились выборы нового городского головы и его заместителей, ведь еще в мае 1917 года пост городского головы покинул Дмитрий Васильевич Сироткин, в связи с предстоящими выборами депутатов Городской думы. На выборах городского головы, которые в состоялись в июле 1917 года, на которых большинство голосов набрал представитель фракции социалистов – революционеров Владимир Генрихович Ганчель (1886 – 1918 гг.). По этой персоне на заседании Городской думы Нижнего Новгорода развернулась дискуссия. Представитель партии конституционных демократов Е.М. Ещин подверг кандидатуру Г.В. Ганчеля резкой критике, в

связи с тем, что «Г.В. Ганчель – солдат и таковой должен быть в армии, да и был чужд Нижнему Новгороду и его населению». В силу этих обстоятельств фракция конституционных демократов отказывала в поддержке представителю фракции социалистов – революционеров. Кадеты потребовали увольнения В.Г. Ганчеля от военной службы, на основании телеграммы МВД Временного правительства от 1 августа 1917 года. В телеграмме, присланной из Петрограда в Нижегородскую городскую думу, говорилось о том, что «до увольнения от военной службы, военнослужащие вступать на общественную работу не могут» [2, Л.83].

На заседании городской думы Нижнего Новгорода конституционные демократы были обвинены в «создании препятствий на пути становления новой власти – демократии». Представители партий социалистов – революционеров и меньшевиков дали понять присутствующим, что «если капиталисты откажутся кредитовать город, то деньги будут добыты путем радикальной реформы, реформы городских налогов и возложения их на имущие классы города». В результате члены партии конституционных демократов отказались поддерживать кандидатуру солдата нестроевой роты 185 пехотного запасного полка В.Г. Ганчеля на пост городского главы Нижнего Новгорода и он был избран 1 августа 1917 года большинством голосов представителей эсеровской, меньшевистской и большевистской фракций городского общественного управления, о чем был уведомлен военный министр Временного правительства А.Ф. Керенский. Таким образом, Нижегородская городская дума заявила на одном своих августовских заседаний о том, что «она будет действовать в полном согласии с революционно – демократическими организациями и окажет всемерную поддержку Временному правительству в спасении страны и революции».

Таким образом, небывалый для дореволюционной России процесс реорганизации городского самоуправления, на примере Городской думы Нижнего Новгорода, или Нижегородского городского управления возымел следующие последствия:

– усиление влияния активистов партии социалистов – революционеров, которая в период июля – октября 1917 года стала фактически «правлящей», оттеснив от процесса принятия решений представителей «умеренной части» городской интеллигенции, фактически принимающих решения в системе городского самоуправления со второй половины XIX века. Эти факты позволяют преодолеть представление, существующее в отечественно историографии с конца 1920-х годов неглубоком характере перемен в системе городского самоуправления, происходящих в период пребывания у власти в России Всероссийского Временного правительства в марте – октябре 1917 года;

– «политизация» деятельности органов городского самоуправления, которые все больше начинали обсуждать на своих заседаниях проблему введения в России смертной казни на фронте, отношения разных партийных фракций к выступлению Л.Г. Корнилова и проблему обоснованности

отправления делегатов думы на Демократическое совещание. Традиционные же для городского самоуправления хозяйственные вопросы либо отходили на второй план, либо делегировались на уровень создаваемых в этот период районных дум и управ, создание которых стало важнейшим проявлением последствий дальнейшей демократизации городского и поселкового самоуправления. При этом, вопрос об обоснованности создания районных дум города Нижнего Новгорода в сентябре 1917 года снова обострил межпартийные конфликты в Нижегородском городском общественном самоуправлении. Ведь районные думы стремились, в условиях децентрализации органов самоуправления, обременить население районов налогами, вызывавшими лишь обострение конфликтов.

– распад всей системы органов местного самоуправления, на которые опиралось Всероссийское Временное правительство уже в июле 1917 года. При этом, несмотря на увеличение количества социалистов – революционеров в органах местного самоуправления и в самом Временном правительстве не привел к стабилизации системы управления страной в центре и на местах, ведь большая часть населения города Нижнего Новгорода, например, осталась безучастной к проблемам функционирования городского общественного управления.

Список литературы

1. Серебрянский З.Л. От керенщины к пролетарской диктатуре. Очерки по истории 1917 года. – М. - Л., 1927. – 200 с.
2. Центральный архив Нижегородской области. – Ф.27. – Оп.1. – Д.2.
3. Центральный архив Нижегородской области. – Ф.1887. – Оп.1. – Д. 3.

ПЕРВОЕ КРУПНОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ РЕЖИМА АТАМАНА Г.М. СЕМЕНОВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Д.А. Таскин

Забайкальский государственный университет

taskins@yandex.ru

Аннотация: В статье, на основании не публиковавшихся ранее архивных материалов, подробно рассматриваются события, связанные с восстанием против режима атамана Г.М. Семенова населения сел Верхняя Талача, Богомяково и поселка Казановский под руководством И.К. Бурдинского. В исследовании приводятся неизвестные ранее факты о восстании, а также разобраны фактические неточности, представленные в советской и современной историографии.

Ключевые слова: партизаны, Восточное Забайкалье, гражданская война, Г.М. Семенов, И.К. Бурдинский, восстание, документы.

THE FIRST MAJOR UPRISING AGAINST THE REGIME OF ATAMAN G.M. SEMENOV IN TRANSBAIKALIA

D.A. Taskin

Trans-Baikal State University

Annotation: The article, based on previously unpublished archival materials, examines in detail the events related to the uprising against the regime of ataman G.M. Semenov of the population villages of Verkhnyaya Talacha, Bogomyakovo and the village of Kazanovsky under the leadership of I.K. Burdinsky. The study provides previously unknown facts about the uprising, as well as examines factual inaccuracies presented in Soviet historiography.

Keywords: partisans, Eastern Transbaikalia, civil war, G.M. Semenov, I.K. Burdinsky, uprising, documents.

В отечественной историографии, посвященной Гражданской войне в Забайкалье, началом массового партизанского движения против режима атамана Семенова принято считать выступление подпольной Алтагачинской коммуны. Удачный налет ее 70 членов на с. Курунзулай и разгром двух сотен 3-го казачьего полка 28 марта 1919 года стал началом регулярных боевых действий и сформировал ядро будущей партизанской армии.

Однако, претендовать на такую роль могло и другое вооруженное выступление если бы закончилось победой восставших. Речь идет о восстании отряда под руководством Ивана Кузьмича Бурдинского, сформированного из жителей сел Верхняя Талача, Богомяково, Казаново, начавшееся 4 марта 1919 года. Несмотря на то, что отряд И.К. Бурдинского был более многочисленным, чем отряд алтагачинцев, в советской историографии его выступлению уделялось недостаточно внимания. Поражение отряда обуславливало слабый интерес исследователей, удостоившаяся лишь кратких упоминаний. В частности, сжатые сведения о выступлении отряда Бурдинского приводятся в сборнике «Партизаны» [15, с. 13] работах В.И. Василевского [1, с. 33], [3, с. 84], а также в публицистическом сборнике «Годы и люди» [6, с. 49 – 52] где этим событиям посвящен отдельный очерк. В современной историографии эти события также не получили должного внимания, ограничиваясь лишь короткими упоминаниями [4, с. 106 – 107].

Цель данной статьи дать наиболее полное описание восстания отряда И.К. Бурдинского. Основой для исследования стали не публиковавшиеся ранее архивные документы следственной комиссии под руководством полковника Рождественского, сформированной приказом начальника 3-го казачьего военного района Забайкальской области [10, л. 10]

Руководитель восстания Иван Кузьмич Бурдинский (род. в 1896 г.) казак Размахнинской станицы, участник Первой мировой войны и активный сторонник Советской власти. После ее установления в Чите в феврале 1918 года, он становится инструктором бюро по записи добровольцев в Красную Армию, а затем его избирают Акшинским уездным комиссаром [2, с. 19]. После падения Советской власти в августе 1918 года и установления режима атамана Семенова, Бурдинский переезжает в Верхнюю Талачу. Там он возглавляет подпольную группу, которая начинает готовить вооруженное выступление. Свои действия Бурдинский координировал с подпольной

большевистской организацией, базировавшейся в Чите. По воспоминаниям участника событий Н.Я. Косова на совещании по подготовке восстания присутствовала член организации Л.Б. Литвина, а позже после поражения, Бурдинский направил Косова в Читу с целью получить от подпольной организации указания по дальнейшим действиям [13, л. 3 об.]. Восстание должно было начаться в мае 1919 года, но из-за публичного скандала с отцом братьев Забелиных [1, с. 33], входивших в подпольную группу, и опасения быть раскрытыми, восстание было решено начать немедленно.

Здесь необходимо отметить, что с датой начала выступления существует определенная путаница. Так, в работах В.И. Василевского как советского, так и современного периодов датой начала восстания называется 19 февраля 1919 года [1, с. 33], [3, с. 84], [4, с. 106]. В сборнике «Партизаны», вышедшего в 1929 году, указано, что восстание началось 8 марта [16, с. 13]. Однако, во всех документах следственной комиссии Рождественского датой выступления повстанцев является 4 марта 1919 года. При этом по дате окончательного разгрома отряда и гибели И.К. Бурдинского (10 апреля 1919 года) ни в историографии, ни в архивных материалах расхождений нет. Изучая этот вопрос, нами было установлено, что дата 19 февраля вошла в научный оборот благодаря упоминавшимся выше воспоминаниям Н.Я. Косова. Очевидно, что расхождение связано с разными способами исчисления времени. Так, память Н.Я. Косова зафиксировала дату начала восстания по Юлианскому календарю, а делопроизводство при власти Г.М. Семенова велось уже по Григорианскому календарю. А упомянутая выше дата 8 марта, фигурирующая в сборнике «Партизаны» скорее всего, в своей основе имеет воспоминания еще одного участника события В.М. Сокол-Номоконова [14, л. 28], который указывал на дату 22 февраля по старому стилю. Таким образом, в своем исследовании при определении даты начала восстания мы опираемся на документы следственной комиссии Рождественского и считаем, что выступление отряда И.К. Бурдинского началось 4 марта 1919 года.

Согласно спискам лиц, присоединившихся к отряду, представленным в следственную комиссию Рождественского, его численность составляла 102 человека. Из них 52 человека из Верхней Талачи, 29 человек из с. Богомяково и 21 человек из поселка Казановский [9, л. 8, 15, 22].

4 марта отряд занял поселок Казановский, где в станичном правлении восставшими были захвачено стрелковое оружие и патроны [9, л. 17]. Кроме того, около 50 человек было направлено на прииск «Недуманный» товарищества братьев Шумовых, где они реквизировали 7 лошадей, седла и упряжь [10, л. 5]. В Казановском восставшие провели собрание, агитируя население присоединиться к их отряду. Восставшие убеждали население поселка, что власть атамана Семенова в Чите и Нерчинске пала.

Помощник Казановского станичного атамана Александр Филаретович Казанов в этот день ездил в Шилку за почтой и возвратившись вечером в поселок узнал о нападении. Ему удалось незаметно пробраться в дом

станичного атамана Селина, который приказал ему немедленно ехать в Шилку и донести о нападении атаману 3-го отдела полковнику Селинскому [9, л. 18]. Телеграфировав о произошедшем, Казанов получил ответные телеграммы о том, что для подавления восстания выдвигается японский отряд, а также указание организовать казаков Размахнинской и Шилкинской станиц для борьбы с большевиками [9, л. 19].

5 марта отряд Бурдинского занял село Митрофаново. Здесь был остановлен паровоз, с которого сняли и арестовали машиниста, помощника машиниста, японского офицера и двух японских солдат, кроме того, восставшие разобрали железнодорожные пути. Бурдинский собрал жителей и агитировал их вступить в его отряд, но поддержки не встретил [9, л. 29].

Главной целью восставших был захват станции Шилка – ключевого железнодорожного узла в этом районе. Поэтому вечером 5 марта отряд выдвинулся туда. Однако занять Шилку не удалось. К этому времени на станцию прибыл отряд японцев и к двум часам ночи 6 марта нападавшим стало понятно, что бой за станцию проигран [9, л. 18].

Отпустив пленных железнодорожников и японцев, восставшие отступили к реке Кээкен, заняв расположенные по ней деревни Ивановка, Домочары и Кээкен. Снабжение отряда осуществлялось за счет реквизиций на прииске «Недуманный» откуда были взяты лошади, сено и мясо. При этом командованием отряда руководству прииска были выданы расписки на изъятое имущество [10, л. 5,6]. Вечером 8 марта к Ивановке подошел отряд подполковника Никольского и после непродолжительного боя выбил восставших из занятых ими деревень. Отряд Бурдинского вынужден был отступать на север в район реки Жарча. Здесь 9 марта он имел столкновение с казаками Знаменской станицы, которые по приказу станичного атамана самоорганизовались в дружину и 5 марта выдвинулись в район восстания [9, л. 25]. Всего против восставших, помимо упомянутых отряда Никольского и Знаменской дружины действовали две японские части и сотня казаков 1-го Забайкальского полка. Не имея поддержки и достаточного количества оружия и боеприпасов отряд Бурдинского укрылся в тайге.

Части под командованием подполковника Никольского преследовать его не стали, а вместо этого устроили настоящий террор населению окрестных деревень. Так в Богомяково чины отряда изнасиловали женщину, реквизировали лошадей, при обысках в домах забирали деньги и имущество [11, л. 15]. При этом, прибывшие в селение казаки Нерчинской сотни 4-го Забайкальского полка встали на сторону населения и остановили грабеж. За эти действия подчиненных подполковник Никольский был отдан под суд и разжалован в капитаны [7, л. 12].

Повстанцы, около месяца скрывались в лесу в районе Верхней Талачи. По всей видимости месторасположение отряда было выдано одним из местных жителей [5] и 10 апреля в пади Дагача восставшие были застигнуты отрядом белых и вынуждены принять бой. В этом бою И.К. Бурдинский погиб, а большая часть его отряда была перебита [12, л. 186].

Подытоживая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Активная фаза восстания, включая боевые действия, продолжалась с 4 по 9 марта 1919 года. Не сумев овладеть станцией Шилка дальнейшее поражение восстания было предопределено – военная неудача оттолкнула от повстанцев потенциальных сторонников среди местного населения.

2. Действия отряда Никольского против жителей сел, входивших в территорию восстания, носили явно незаконный и карательный характер. Как показало дальнейшее развитие событий, именно такое поведение правительственных войск привело к разрастанию партизанской борьбы и увеличению сторонников советской власти.

3. Выявленные нами в процессе исследования нюансы, связанные с определением даты начала восстания, позволяют использовать их в региональном образовательном пространстве [15, с. 125] в качестве иллюстрации к проблематике соотношения различных систем исчисления времени.

Список литературы

1. Василевский В. И. Дела легендарных дней. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – 96 с.
2. Василевский В. И. Революция и Гражданская война в Забайкалье. Краткий биографический указатель. – Чита: Чит. обл. изд-во, 1989. – 111 с.
3. Василевский В.И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 144 с.
4. Василевский В.И. Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны – Чита: ред.-изд. центр Управления судебного департамента в Читинской области, 2007. – 174 с.
5. Вологдин П.Н. Их имена не забыты...// Шилкинская правда. – 19 ноября 1966 года.
6. Годы и люди. Статьи и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье. – Чита: Чит. кн. изд-во, 1960. – 415 с.
7. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 128 – Оп. 1. – д. 290.
8. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 364. – Оп. 1. – Д. 13.
9. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 364. – Оп. 1. – Д. 7.
10. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 364. – Оп. 1. – Д. 13.
11. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 364. – Оп. 2. – Д. 70.
12. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 364. – Оп. 2. – Д. 5.
13. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. П-4307. – Оп. 2. – Д. 333.
14. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. П-4307. – Оп. 2. Д. 652.
15. Игумнова Е.А. Системный подход как методологическая основа исследования регионального образовательного пространства //

Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского – 2011 – № 3 (34). – С. 123–130.

16. Партизаны. Сборник статей, партизанских и красногвардейских воспоминаний, историч. документов и боевых песен - посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. – Чита: Печатное дело, 1929. – 205 с.

ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ГОДЫ: ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕХНИКУМА

А.А. Фоменков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
artjom2310@inbox.ru

Е.А. Пахомова

Волжский государственный университет водного транспорта
pahomova-e@inbox.ru

Аннотация: настоящие тезисы посвящены особенностям изучения истории такого значимого для культуры Нижегородской области заведения, как Нижегородское музыкальное училище им. М.А. Балакирева. Авторами указаны наиболее значимые проблемы, препятствующие всестороннему изучению отдельных важных аспектов функционирования упомянутого учреждения в первые годы советской власти. Упомянуты некоторые учившиеся в Нижегородском музыкальном техникуме люди, добившиеся больших профессиональных успехов.

Ключевые слова: музыкальное образования, Нижний Новгород, техникум, выпускники, А.Н. Цфасман.

THE HISTORY OF NIZHNY NOVGOROD EDUCATION IN THE EARLY SOVIET YEARS: DIFFICULTIES IN STUDYING THE HISTORY OF THE NIZHNY NOVGOROD MUSIC COLLEGE

A.A. Fomenkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
artjom2310@inbox.ru

E.A. Pakhomova

Volga State University of Water Transport
pahomova-e@inbox.ru

Annotation: these theses are devoted to the peculiarities of studying the history of such an institution significant for the culture of the Nizhny Novgorod region as the Nizhny Novgorod Music College named after M.A. Balakirev. The authors indicate the most significant problems that prevent a comprehensive study of certain important aspects of the functioning of the mentioned institution in the early years of Soviet power. Some people who studied at the Nizhny Novgorod Music College and achieved great professional success are mentioned.

Keywords: musical education, Nizhny Novgorod, college, graduates, A.N. Tsfasman.

Авторы выражают признательность Е.П. Москалёвой и Е.А. Пятунинной, без помощи которых этот текст не был бы написан.

Сразу же подчеркнём: данный текст скорее предваряет довольно обширный труд, который готовится в настоящий момент авторами, нежели является законченным повествованием об истории музыкального образования в послереволюционном Нижнем Новгороде. Как следствие, в данных тезисах больше будет написано не о достижениях, но о проблемах, с которыми пришлось столкнуться. Отметим также, что наряду с упоминанием о проблемах будет обозначено и то, как авторы с трудностями справлялись (или, на худой конец, пытались это сделать).

Теперь относительно хронологических рамок: таковые ограничены 1918–1923 годами. Разумеется, можно признать таковые выбранными условно, но при этом же вполне имеющими право на существование. Впрочем, нами двигали несколько иные мотивы. Во-первых, означенные годы – это не что иное, как время становления советской власти. И, во-вторых, что, пожалуй, ещё важнее – применительно к Нижегородскому музыкальному техникуму (это наименование учебного заведения «продержалось» дольше [4, с. 246]) это ещё и время учёбы в нём А.Н. Цфасмана. Последний по праву считается одним из пионеров советского джаза, а до появления в СССР Э. Рознера он претендовал на первенство среди советских джазменов. То есть, нами было принято решение обратиться к истории нижегородского музыкального техникума периода обучения в нём А.Н. Цфасмана.

Укажем, что в большинстве случаев именно один из пионеров советского джаза первым упоминается среди выдающихся выпускников означенного учебного заведения, ныне именуемого Нижегородской музыкальной училище им. М.А. Балакирева (колледж). Следом за ним сразу же обычно упоминают Б.А. Мокроусова [6, с. 13], написавшего среди прочего несколько культовых советских песен. Вместе эти двое выдающихся советских музыканта не учились – в период получения образования в Нижегородском музыкальном техникуме Б.А. Мокроусова А.Н. Цфасман уже учился в Москве в консерватории. Ничуть не умоляя заслуг обоих мэтров, мы попытались доказать, что Нижегородской музыкальное училище им. М.А. Балакирева (колледж) вправе гордиться и ещё немалым числом учащихся, которые обучались как раз в первые советские годы вместе с выдающимся джазменом, но, к сожалению, есть сложности с идентификацией людей.

Одна из причин тому связана с малым объёмом информации об обучающихся. Списки тех, кто учился в Нижегородской народной консерватории (первое наименование изучаемого нами учебного заведения в послереволюционные годы были именно таким, но вскоре его поменяли на то, каким мы оперируем) а затем и в Нижегородском музыкальном техникуме, находятся в документах в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) [7]. Однако степень информативности таковых оставляет желать лучшего. Во-первых, не указаны отчества, а есть лишь фамилия и

имя. Во-вторых, далеко не всегда указан возраст обучающегося. В-третьих, не всегда понятны причины внесения изменений в эти списки. Так, например, одна из заинтересовавших нас обучавшихся содержится в списках, занимающихся специальным фортепиано по классу педагога Бовиной, однако её фамилия зачёркнута [7, л. 151]. Вероятнее всего она начала обучение, но затем прекратила, однако понять, сколь долго это обучение длилось, невозможно. И, наконец, ещё одна вполне очевидная причина: многие обучавшиеся фигурировали под своими девичьими фамилиями. Как следствие, делать выводы об их обучении в изучаемом нами учебном заведении можно только если при каких-либо обстоятельствах они указывали о факте своего обучения в Нижегородском музыкальном техникуме.

В некоторых случаях мы делаем вероятностные выводы, основываясь на неполных данных. Так, среди обучавшихся на кларнете и гобое в Нижегородском музыкальном техникуме в начале 1920-х годов был Константин Хомицкий [7, лл. 149, 165, 187]. Его тезка и однофамилец и, что самое важное, музыкант-духовик, был героем публикаций Е. Пятуниной о Государственном духовом оркестре СССР, почти в полном составе погибшим под Вязьмой в 1941 году [5]. Без обращения к московским архивам подтвердить или опровергнуть тождество К. Хомицкого-учащегося Нижегородского музыкального техникума и К.Л. Хомицкого-видного участника Государственного духового оркестра СССР невозможно. Е. Пятунина в частной беседе заявила, что в это самое тождество она верит.

Укажем, что случаев, подобных описанному нами, в ходе исследования, выявлено немало. Все они нуждаются в проверке, причём верификация далеко не всегда проста. Довольно неожиданная причина тому – ряд обучавшихся в музыкальном техникуме в итоге не стали музыкантами, но добились немалых успехов в других областях. Так, с высочайшей степенью вероятности один из несостоявшихся скрипачей Вульф Добрин [7, л. 55] стал в итоге доктором медицинских наук и заведовал кафедрой факультетской хирургии Астраханского медицинского института, а затем возглавлял аналогичную кафедру в Читинском государственном медицинском институте [1, с. 45]. Судя по всему, в своей автобиографии он не очень афишировал факт своего обучения музыке, благо его сфера деятельности была совсем иной, а профессиональные достижения не требовали упоминаний о ещё каких-либо навыках – включая игру на скрипке. Впрочем, представить себе, что в Нижнем Новгороде жило 2 Вульфа Добрин одного возраста, мы не можем.

Об необходимости быть осторожными с выводами на основе неполных данных можно судить по следующему факту: среди обучавшихся в Нижегородской народной консерватории упомянут Илья Эренбург [7, л. 20]. Учитывая тот факт, что учились тогда в упомянутом заведении как дети и молодёжь, так и взрослые [3, с. 21], можно начать радоваться от осознания, что неожиданно выявлен ранее неизвестный факт из биографии знаменитого литератора, введшего в оборот термин «оттепель» [2, с. 16]. Однако факт

проживания в Нижнем Новгороде И. Эренбурга не имел места, так что в список, который стал большим подспорьем в нашем исследовании, попал его тёзка и одновременно с этим же однофамилец. Не имеют, как выяснилось, Любовь и Яков Ливерганты прямого отношения к главному редактору журнала «Иностранная литература» А.Я. Ливерганту.

В целом же признаем, что изучение истории музыкального образования в послереволюционном Нижнем Новгороде даёт основания сделать выводы по обширному кругу проблем, связанных с развитием как образования, так и культуры в РСФСР, а затем и в СССР. Самое же важное в деле дальнейшего изучения малоизвестных и неизвестных страниц нижегородского музыкального образования заключается, во-первых, в строгом фактчекинге и, во-вторых, в кооперации со специалистами из других регионов, занимающимися как историей музыкальной культуры и музыкального образования, так и даже не связанных с музыкой страниц отечественной истории (прежде всего локальной).

Список литературы

1. Бессмертный полк Читинской государственной медицинской академии. – Чита: ЧГМА, 2023. – 128 с.
2. Герчук Ю.Я. «Кровоизлияние в МОСХ», или Хрущев в Манеже: [очерки визуальности]. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 327 с.
3. Казак С.В., Лемберская С.М. Горьковскому музыкальному училищу 100 лет: 1873-1973: [очерк]. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1972. – 54 с.
4. Пахомова Е.А., Сильчук О.Ю., Фоменкова Е.А. Опыт организации эстетического воспитания в ГРУ им. И.П. Кулибина (На примере работы хорового коллектива) // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2017. – № 52. – С. 246-249.
5. Пятунина Е. Подвиг трубачей // Вечерняя Москва. 2015. 15 апр.
6. Садовская В.В. 125 лет Нижегородскому музыкальному училищу им. М.А.Балакирева: [1873 - 1998]. – Н.Новгород: Нижполиграф, 1998. – 63 с.
7. Список учащихся Нижегородского музыкального техникума. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-6100. Оп. 5. Д. 13.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД 1917 ПО 1945 ГОД

У.А. Шабалина

Московский государственный юридический университет имени О. Е.

Кутафина

wqeqwe.1asdad@mail.ru

Аннотация: Данная научная статья посвящена изучению антирелигиозной политики советского государства в период с 1917 по 1945 годы. В начале статьи представлено определение религии и атеизма. Мы подчеркнём, что предоставляет из себя атеизм и почему он не является верой. Рассмотрим марксистские концепции, которые легли в основу антирелигиозной политики Советского государства. Далее обсудим подробно анализирую основные аспекты этих политических мероприятий и их влияние на религиозную жизнь в СССР. Основной акцент делается на отношениях государства и церкви, репрессиях и преследованиях религиозных организаций и верующих. Исследование включает описание и критический анализ документов, статистических данных и архивных материалов, а также учет различных точек зрения и подходов к данной теме. В заключение статьи делается попытка оценить результаты и последствия антирелигиозной политики на советском обществе и религиозную сферу. Эта статья представляет интерес для исследователей и всех тех, кто интересуется историей религии и политики.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, советское государство, 1917 —1945 годы, Великая Отечественная война, церковь, религия, репрессии, преследования, декреты, запреты, вероисповедание, идеология, атеизм, атеистическая идеология, религиозная свобода, государственные программы.

The anti-religious policy of the Soviet state in the period 1917 to 1945

U.A. Shabalina

O. E. Kutafin Moscow State Law University

wqeqwe.1asdad@mail.ru

Annotation: This scientific article is devoted to the study of the anti-religious policy of the Soviet state in the period from 1917 to 1945. The definition of religion and atheism is presented at the beginning of the article. We will emphasize what atheism is and why it is not a faith. Let's consider the Marxist concepts that formed the basis of the anti-religious policy of the Soviet state. Next, we will discuss in detail the main aspects of these political events and their impact on religious life in the USSR. The main focus is on the relations between the state and the church, repression and persecution of religious organizations and believers. The research includes a description and critical analysis of documents, statistical data and archival materials, as well as taking into account various points of view and approaches to the topic. In conclusion, the article attempts to assess the results and consequences of anti-religious policy on Soviet society and the religious sphere. This article is of interest to researchers and all those interested in the history of religion and politics.

Keywords: anti-religious policy, the Soviet state, 1917 -1945, the Great Patriotic War, church, religion, repression, persecution, decrees, prohibitions, religion, ideology, atheism, atheistic ideology, religious freedom, state programs.

Антирелигиозная политика большевиков в период с 1917 по 1945 год являлась одной из ключевых областей государственного влияния на религиозную жизнь советского народа. Революция 1917 года и последующее события которые только поспособствовали укреплению большевистской власти создали новый политический курс в России, который серьезно повлиял на религиозную сферу. Новая власть стремилась подавить влияние Русская Православная Церковь на общество. В начальный период своего правления большевики признавали свободу совести и вероисповедания.

Однако после непродолжительного количества времени, они стали преследовать и ограничивать религиозную деятельность, стремясь к полному уничтожению религии. Были предприняты шаги по закрытию храмов, преследованию представителей духовенства и запрету распространения религиозной литературы.

Атеизм — это отсутствие веры в существование богов или высших сил [20]. Религия и атеизм представляют собой две противоположные концепции. Религия включает в себя веру в сверхъестественное и обычно предполагает существование божественной силы или богов, которые влияют на мир и нашу жизнь и непосредственное сотворение мира. Основные элементы религии включают в себя учение, культ, ритуалы и организации. Религиозные люди следуют определенным вероучениям, исполняют ритуалы и обряды, а также могут быть членами религиозных организаций. В отличие от религии, атеизм не предполагает веру в сверхъестественное или божественное. Атеисты не признают существование богов или высших сил, и они отвергают религиозные верования. Однако атеизм сам по себе не представляет религиозную систему или организацию. Хотя некоторые атеисты могут объединяться в атеистические организации или сообщества с общими целями и убеждениями, по сути, как токовым и является коммунистическая партия. Но это не является неотъемлемой частью атеизма, а скорее вытекает из общественных потребностей. Атеисты, не являются верующими, а скорее людьми, подходящими к вопросу о происхождении мира с точки зрения строго реалистической позиции. Они рассматривают мир исключительно с позиции научных знаний и эмпирических доказательств, и отрицают существование сверхъестественного или божественного. Религиозные люди, напротив, они рассматривают мир исходя из веры в надприродные силы или богов при объяснении создания мира. Благодаря принципам, заложенным в учениях Маркса, большевики смогли успешно покончить с многими негативными последствиями, унаследованными от Российской империи, и достичь значительных успехов в области науки и устранении межнациональных конфликтов. Однако, некоторые из проектов Маркса так и не были полностью реализованы из-за недостатка времени и нарушений условий теории. Наиболее ярким примером такой нереализованной идеи является строительство коммунистического общества. Маркс считал, что рабочий класс должен восстать против буржуазии и бороться за коммунистические идеалы в масштабе мирового сообщества. Именно мировой масштаб является важным аспектом при создании идеального коммунистического общества.

Марксизм и в последствии ленинизм в целом не провозглашал агрессии к религиозным институтам, настоящие отношения большевиков к религии не является «агрессивно настроен» исходя из учений Ленина. Он пишет: «Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с

эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия род духовной сивухи (плохо очищенная водка прим. ВВ), в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [7, 8].

Революция привнесла множество изменений, однако Маркс и Ленин не уделили должного внимания вопросу религии и атеизма, считая их несущественными для революционного развития. Для них религия не обладала автономной силой, а была лишь частью надстройки, зависящей от экономических и политических основ. Без капиталистического фундамента и религиозных институтов, которые эксплуатируют массы, религия не могла бы существовать вместе с частной собственностью. Кроме того, Ленин не придавал большого значения атеизму как философской позиции. Ленин считал что:»Самый глубокий источник религиозных предрассудков – это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться» [7, 8].

С приходом большевиков к власти религия и любые религиозные движения были подвергнуты гнету. Религия была постепенно исключена из публичной жизни совершенно разными методами, власти активно устраивали публичные мероприятия тем самым пытаясь заменить религию. Ленин заявлял, что «Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по ею пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насилловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви» [7, 8] по своей сути Ленин и его сторонники провозглашали отделение церкви от государства и школ и свободу совести, что они и сделали в 20 января (2 февраля) 1918 г.

В результате своей политики они конфисковали церковные земли, закрыли и преобразовали церкви в музеи, склады. На протяжении всего существования советского государства духовенство, верующие и прочие религиозные фанатики, яростно выступавшие против режима, активно подвергались репрессиям. Одним из главных карательных органов выступавшим против Русской православной церкви являлся Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюционерами и саботажем (ВЧК — ОГПУ). В самые первые месяцы создания ВЧК во главе с Ф. Э. Дзержинским и Я. Х. Петерсом комиссия обладала правами предварительного следствия, но в феврале 1918 г. с принятием декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности» ее права стали практически неограниченными, они могли спокойно арестовывать людей без судебного решения, применять физическое насилие и пытки, применять оружие это доходило вплоть до расстрела на месте. Так же 1918 г. было принято решение о национализации церковных ценностей и предметов культового назначения в результате этого были созданы новые органы, которые занимались изъятием: органы Революционного трибунала, следственные комиссии, особые отделы воинских частей. Делегаты VII съезда Советов проголосовали за конфискацию церковного имущества в пользу государства. Это привело к значительному ослаблению и утрате материальной базы церкви. В 1922 году была принята законодательная норма, в соответствии с которой возобновление деятельности религиозных общин и создание новых организаций требовало предварительного разрешения ВЧК. Это позволило режиму контролировать и ограничивать религиозную свободу граждан. В 1920-е г. повалиться первые атеистические журналы: «Безбожник» (1922–1934, 1938–1941), «Атеист» (1922), журналы «Безбожник» (1923–1941; в 1923–1932 «Безбожник у станка»); «Атеист» (1922–1930), «Воинствующий атеизм» (1931), различные антицерковные семинары, кружки, образованное в 1924 г. Общество друзей газеты «Безбожник» (с 1925 — «Союз безбожников», в 1929–1947 — «Союз воинствующих безбожников»). В это же время началось послабления мусульманам, иудеям, обновленцам. Обновленцы – это члены Русской православной церкви, которые поддерживали идею религиозных реформ и обновления внутри церковных структур большевиками. Они выступали за укрепление и развитие церковной жизни в условиях атеистической государственной политики. Большинство верующих, представителей духовенства в последствии стали обновленцами.

В 1930-е г. стали для всех религиозных организаций одним из самых тяжелых. Одним из глобальных событий того времени хочется отметить проведение сплошной коллективизации, которая постоянно сопровождалась Крестинскими выступлениями и их организаторами зачатую становились священники, что непосредственно сказалось на отношении властей к ним. Несмотря на это Сталин и противоречиво относился к незаконному закрытию церковью «Что это – политика руководства колхозом или политика его разложения и дискредитации?»

Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов. Снять колокола – подумаешь какая ррреволюционность!» [11]. В 1930-е г. также были моменты, более благоприятные для церковников. В 1936 г. священники получили отобранные ими ранее избирательные права, что было положительным развитием. Переломным моментом в отношениях религии и государства стало начало Великой Отечественной войны. В то время религиозность населения достигла своего пика, и правительство осознало важность поддержки церкви в стремлении объединить население для противостояния общему врагу - нацизму. В этот период Сталин встретился с митрополитами и позволил восстановление патриаршества, которое было упразднено с 1721 г. Также было освобождено множество священников из тюрем. Которые в дальнейшем помогали гражданам союза справиться с военным временем.

Список литературы

1. Вдовин С.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.
2. Декрет об отмене частной собственности на землю [Электронный ресурс] // Электронная библиотека МГУ. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/EText/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения: 23.03.2024).
3. Докин А. Бог как иллюзия. – М.: Прогресс, 1983. – 160 с.
4. Исторические исследования российских революций: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Сибирский отдел Института отечественной истории РАН. – URL: https://ido.tsu.ru/iop_res/istrossii/text/2_Page42.html (дата обращения: 23.03.2024).
5. Конституция (Основной закон) Российской Федерации (принята 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/> (дата обращения: 23.03.2024).
6. Курляндский И. Сталин, власть и религия. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 210 с.
7. Ленин В.И. Государство и революция. – М.: Политиздат, 1988. – 367 с.
8. Ленин В.И. ПСС Ленина. – М.: Издательство политической литературы, 1966. – 730 с.
9. Маркс К. Капитал. – М.: Прогресс, 1977. – 432 с.
10. Музейная реформа и музейные собрания (Россия, XIX - начало XX века) [Электронный ресурс] // Museum Reforms. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13720> (дата обращения: 23.03.2024).
11. Сталин И.В. Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения [Электронный ресурс] // Правда. – № 60. – 2 марта. – 1930 //

- https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t12/t12_14.htm (дата обращения: 23.03.2024).
12. Статья «Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека МГУ. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 23.03.2024).
 13. Статья «Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека МГУ. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 23.03.2024).
 14. Статья «Религия в СССР» [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: [Религия в СССР — Википедия \(wikipedia.org\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Религия_в_СССР) (дата обращения: 23.03.2024).
 15. Сытин В.В. Антирелигиозная политика советского государства и протестные настроения крестьянства [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antireligioznaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-i-protestnye-nastroeniya-krestyanstva/viewer> (дата обращения: 23.03.2024).
 16. Троицкий Б.А. Религиозные мифы и религиозное сознание // Церковь в истории и культуре России: [Интернет-ресурс]. – URL: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st008.shtml> (дата обращения: 23.03.2024).
 17. Троцкий Л. Преданная революция. – М.: Госполитиздат, 1928. – 218 с.
 18. Троцкий Л.Д. Власть Советов и петлюра [Электронный ресурс] // Marxists Internet Archive. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl026.html#st03> (дата обращения: 23.03.2024).
 19. Троцкий Л.Д. Программа международного коммунизма [Электронный ресурс] // Marxists Internet Archive. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl965.html> (дата обращения: 23.03.2024).
 20. Трухин А.А. Проблемы государственного регулирования религиозной жизни в России в XIX-XX веках [Электронный ресурс] // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения 2001». – URL: <https://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/truhin.htm> (дата обращения: 23.03.2024).
 21. Философский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://bse.uaio.ru/FIL1963/fsl1963.htm> (дата обращения: 23.03.2024).
 22. Церковь и государство: юридические аспекты взаимоотношений [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5642316.html> (дата обращения: 23.03.2024).

«НИКОЛА РЫЛЬСКИЙ» И АМОНСКАЯ ПУСТЫНЬ

В.А. Шалыгин

Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь Курской епархии
rylol505@mail.ru

Аннотация: для духовной жизни Курского края, Посемья большое значение имели не только такие его «титульные», нашедшие общероссийское признание святыни, как Курская-Коренная икона Божией Матери, «Ратный» образ свт. Николая Мирликийского. Не меньшей любовью населения пользовались и местночтимые иконы, также стяжавшие славу чудотворных, среди которых имелись святыни, по древности и авторитету достойные более широкой известности, но ныне оказавшиеся забытыми. Примером тому служит образ «Никола Рыльский», который был обретен на удаленном острове реки Сейм в XV веке и до 1920-х годов являлся главной святыней Рыльского края. Неразрывно связана с иконой и судьба Амонской пустыни, в которой образ пребывал на протяжении 300 лет.

Ключевые слова: Рыльск, «Никола Рыльский», монастырь, пустынь, икона.

«NIKOLA RYLSKY» ICON AND AMONSKAYA PUSTIN MONASTERY

V.A. Shalygin

The St. Nicholas Rylsk monastery of Kursk eparhy
rylol505@mail.ru

Annotation: Spiritual life of Posemie land was not limited to its all-Russia worshiped «title» shrines, such as the «Kurskaya-Korennaya» icon. The backwoods of Kursk land had also in its treasures their own deserving ancient icons that were of great significance for our ancestry, but nowadays are forgotten. The good example is the miracle-working «Nikola Rylsky» icon, which was found in XV century on lonely island and since then till the 1920s became the main shrine of Rylsk land. Inseparable of the icon is the fate of Amonskaya Pustin monastery, which had kept the sacred image in its walls for 300 years.

Keywords: Rylsk, «Nikola Rylsky», monastery, pustin, icon.

Духовное богатство Курского края составляют не только такие его «титульные», нашедшие общероссийское признание святыни как Курская-Коренная «Знамение» икона Божией Матери и «Ратный» образ свт. Николая Мирликийского. Не меньшей любовью населения пользовались и местночтимые иконы, также стяжавшие славу чудотворных, среди которых имелись святыни, по древности и авторитету вполне достойные более широкой известности.

В годы лихолетий такие иконы уходили от нас, и новые поколения встречают хорошо забытые сведения о них как открытие. Так, еще несколько лет назад современные рыляне не подозревали о том, что Рыльский край имел собственную особую святыню – образ «Никола Рыльский».

А. Вознесенский в книге «Слава святителя Николая Чудотворца в России» в 1899 году писал: «Курская епархия – старинное порубежье Московского царства, помимо известного «Ратного» образа обладает еще и другим

славным чудотворным образом Святителя – не менее даже, может быть, более древним, в селе Осмолове (Рыльского уезда), в местной приходской церкви. По преданию, образ явился за рекою Сейм (еще в XV веке) и с того времени прославился многими чудотворениями» [5, с. 529 - 530].

Село Осмолово (а ныне деревня Асмолово) расположено в 15 км от г. Рыльска выше по течению реки Сейм. Минуя все невзгоды, жизнь в этом укромном местечке по оценкам археологов [1, с. 91 - 92] теплилась непрерывно, по крайней мере, с IX века, может быть как раз благодаря его уединенному расположению. Именно в таких потаенных уголках Посемья были обретены охотниками Курская-Коренная, а бортниками – Глинская иконы Божией Матери и Рыхловский образ свт. Николая Чудотворца. При схожих обстоятельствах был, по-видимому, обретен и образ свт. Николая Чудотворца у села Осмолово. «Сказания» или «Повести» об обретении иконы нет, и подробности этого события не сохранились. Настоятель приходской церкви Рождества Христова иерей Григорий Попов в 1872 году сообщал, что «между жителями Осмоловскаго прихода существует одно устное предание, преемственно передаваемое из поколения к поколению, следующего содержания: в XV и XVI столетиях, в Рыльском Округе, в местности села Осмолова, за реками Амонью и Сеймом явился образ Святителя и чудотворца Николая, прославившийся впоследствии многими чудотворениями. На месте явления основана была Засемская-Николаевская обитель, в которой и был поставлен чудотворный, явленный образ Святителя» [14, с. 399].

Датировку обретения иконы конкретизирует имевшаяся на ее обороте памятная надпись, текст которой дословно приводит архимандрит Рыльского монастыря Иннокентий. В 1820 году в рапорте начальству он сообщал: «В верхней церкви Николая чудотворца достойны примечания: 1) явленный образ св. Николая чудотворца, на исподе коей самага образа дске написано сими словами: «перенесен сей чудотворный св. образ из молитвенницы в новый храм року Божия тысяща четыриста шестьдесят втораго» [3, с. 293-294].

Эта надпись послужила основанием для общего убеждения в том, что икона явилась именно в XV веке. Не углубляясь в анализ деталей иконографии образа и лексических особенностей надписи, отметим, что они не противоречат этой датировке.

По описанию архимандрита Анатолия (Ключарева), управлявшего Рыльским монастырем с 1876 по 1886 годы, «образ имеет семь вершков в высоту и шесть – в ширину, само изображение Святителя Николая на сей иконе – менее даже пояснаго вида: лик его изображен с одними только плечами и верхнею частью груди и шеи. По правую и левую руку Святителя Николая на полях иконы имеются фигуры двух предстоящих святых, а именно: по правую сторону Святителя изображен св. Иоанн Златоуст, – в фелони с омофором, без шапки, замененной здесь нимбом; а по другую, левую сторону св. Николая – изображение преподобного Иоанна Рыльского, в мантии с епитрахилью и с обнаженною головою, окруженною так же нимбом» [3, с. 296-

297].

Среди икон свт. Николая Чудотворца, почитаемых на Руси как в общероссийском, так и в местном масштабе, оплечный, с двумя предстоящими Иоаннами рыльский образ выделяется уникальным своеобразием и легко узнаваем.

Подлинная древняя икона дошла до начала XX века, в сумятице после революционных событий скрылась от нас, и ее дальнейшая судьба неизвестна. Но имеются три старинных изображения чудотворного образа – два списка конца XVIII и более позднего (после 1834 года) времени и фотография 1907 года. Вместе с документами они дают довольно много и на значительную историческую глубину информации о «Николе Рыльском». Под таким «личным» именем образ упоминается в документах 1834 года, 1870-1880-х годов, 1911 года, то есть на протяжении сотни лет это наименование устойчиво употребляется как традиционное, в том числе в официальном церковном источнике – «Курских Епархиальных Ведомостях» [11].

Лаконична, но информативна надпись на иконе. Она сообщает о том, что первоначально образ был помещен в часовне, сооруженной в честь чудесного события, – несомненно, на том самом месте, где оно совершилось, на острове р. Семь. На смену часовне в 1462 году пришел храм, а затем вокруг святыни складывается монастырь, который в «Летописи Христорожественской церкви с. Осмолова» назван Засемская-Николаевская обитель [14], а по документам известен как Никольская Амонская пустынь или Амонская пустынь Николаевского монастыря («Амонская» – по р. Амоньке, впадающей в Сейм напротив острова, на котором стоял монастырь. В документах встречаются также названия: Рыльского Омонского (Аммонского) монастыря Николаевская пустынь (Строев П. «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви», СПб, 1877), Вармонская Николаевская мужская пустынь ([2]), Монской монастырь Рыльского уезда на р. Моне, Вамонская пустынь («Дополнения к актам историческим», Т.12, СПб, 1872 г. – *прим. авт.*).

В Посемье таким же типичным образом (явление иконы – часовня – храм – монастырь) начинали свою жизнь Курская-Коренная, Глинская, Молченская, Рыхловская пустыни. Чудотворная икона притягивала в «избранный» ею уголок поток паломников, вместе с его ростом возникали необходимость (часовня уже не вмещала богомольцев и не соответствовала возросшему статусу чтимого образа) и возможность (появлялись средства) для строительства вместо часовни храма, а это, в свою очередь, стимулировало возникновение монашеской общины.

Строительство церкви на удаленном острове – нелегкая и физически, и с материальной точки зрения задача, которая, кроме того, требовала одобрения церковных властей и решения земельного вопроса с местным землевладельцем. Большинство обителей той эпохи не обходились без участия власть предержащего и состоятельного ктитора, и Амонская пустынь вряд ли была

исключением.

Когда даже в более удаленных от Рыльска землях Курского княжества вблизи р. Тускарь была обретена Курская-Коренная икона Божией Матери, весть об этом событии безотлагательно достигла рыльского князя. Без сомнения, князь Иван Дмитриевич Шемячич, который владел Рыльском в 1462 году, также одним из первых узнал о явлении в своих пределах чудотворной иконы. Как правило, и сами явленные иконы приносились тому владельческому лицу, на землях которого были обретены. Явление в пределах княжества чудотворного образа уже само по себе являлось резонансным событием, а икона с изображением двух Иоаннов – свт. Иоанна Златоуста и прп. Иоанна Рыльского, – главой рыльского княжеского дома Иваном Шемячичем, у которого имелся и сын Иван, воспринималась как особенно близкая, почти «семейная» святыня. Для населения же края факт обретения такой иконы служил явным знаком высшего благоволения к правящему дому Шемячичей и благословения всему краю на процветание под его рукой. «Личный фактор», помимо благочестия, которым всегда славился род Шемяки, мог способствовать участию князя Ивана Дмитриевича в строительстве для явленной иконы храма на острове и в устройении здесь монастыря, взявшего на себя ответственную миссию «киота-хранителя» чудотворного образа, которую одинокий храм выполнять не мог. Не случайно уже на начальном этапе своего существования Амонская пустынь была наделена и землей, и различными «ухожеями».

Считать условной отправной точкой существования Амонской Никольской пустыни следует дату строительства в 1462 году Никольского храма. Два эти события – возведение церкви и создание монашеской общины – не могли далеко отстоять друг от друга по времени. Постоянное проживание хотя бы малого числа служителей при часовне – желательно, а при церкви – просто необходимо. Причем вопрос этот решается заранее, до создания храма: бросить святой престол на произвол судьбы невозможно. В глухих лесах и на островах при часовнях и храмах селились именно монашествующие, создавая свои общины.

Если в обезлюдившем Курском крае Коренная обитель возникла только в XVI веке, спустя длительный срок после возведения часовни на месте явления чудотворного образа, то в Путивльско-Рыльской округе, во многом благодаря географической близости новых обителей к существующим (а в треугольнике Глинская – Молченская – Волынская пустыни стороны составляют всего от 30 до 50 км) монастыри на месте явления икон возникают в близкие ко времени их обретения сроки. Так, на месте обретения Глинской иконы Рождества Пресвятой Богородицы в лесу ставится часовня, а затем и храм, при котором селятся монахи близлежащего Молченского монастыря, и благодаря им здесь возникает новая обитель.

Как Глинская пустынь ведет свое духовное монашеское родство от Молченского монастыря, так и Амонская пустынь, по всей видимости, стала (как сказали бы пчеловоды) «отводком» монашеской семьи близлежащей Во-

лынской пустыни (так ранее назывался Рыльский Свято-Николаевский монастырь), малая часть братии которого (возможно, не без участия князя Ивана Дмитриевича) отошла в укромное святое место, располагающее к уединенной молитве. Поначалу больше неоткуда было взяться на острове инокам, положившим здесь основание монашеской жизни. В дальнейшем братию Амонской пустыни будут пополнять и выходцы из рыльской округи, и пришельцы со сторонних краев, но тесные связи с Рыльским монастырем сохранятся у нее во все времена существования (например, рыльские игумены будут освящать ее храмы), а в итоге пустынь, завершив свой 300-летний путь, полностью сольется со вскормившей ее во младенчестве «альма-матер», став скитом Рыльского монастыря.

О раннем начале существования Амонской пустыни свидетельствует и первое письменное упоминание о ней, относящееся к 1621 году. Прибывшие в Рыльск из Москвы чиновники Посольского приказа застают на острове не одинокий храм, а целый «монастырь Омонские пустыни» с Никольской церковью [6]. По-видимому, она и была тем самым «новым храмом», о котором сообщает надпись на иконе. «Новым» он был в 1462 году, в течение 159 лет деревянный сруб храма ветшал и обновлялся, но на прежнем месте. Трудно представить, чтобы икону то уносили с места явления, то обратно возвращали на остров. Даже в самые критические для Амонской Никольской пустыни времена, вплоть до закрытия обители в 1781 году, чудотворный образ не покинет ее, а потом будет ежегодно «навещать» крестными ходами.

В Дозорной книге 1621 года монастырь предстает перед нами давно сложившимся. Он имеет деревянную («клетцки») церковь в честь свт. Николая Чудотворца и различные строения, включая десять домиков-келий: в обитель собралась относительно многочисленная братия. Ее возглавлял тогда старец строитель Боголеп (Лодыгин) – принявший постриг выходец из давно осевшего в местных краях служивого рода детей боярских, владевшего в 6 км от Осмолово крупной деревней Лодыгиной. В миру Боголеп прозывался Борисом Михайловичем, в родной деревне жили его брат и два племянника (упоминаются в «Исторической летописи курского дворянства» А.А. Танкова). Обитель имеет разнообразную церковную (включая недешевые колокола) и хозяйственную утварь, а также различные уголья. В описи монастырских владений подробно перечисляются «пашни паханые наезжие добрые», «лес хоромный и дровяной», «ухожеи бортные» (то есть лесные пасеки), сенокосы, рыбные ловли («озерки»), которые уже тогда числились за Амонской пустыней и на самом острове, и у села Осмолово. В числе жертвователей «к Николе Чудотворцу» упомянут «донской атаман Курбат Новгородец» из беломестных казаков.

Активное участие в устройении Амонской пустыни принимали и другие ее вкладчики из числа землевладельцев Амонского стана Рыльского уезда. Мелкопоместные дворяне Волжины, Лодыгины, Константиновы, Офросимовы и другие благодетельствовали островной обители, считая ее и помещавшуюся в монастыре святыню «своими». Окруженная такими

надежными стражами (а все они поколениями верстались на государеву службу), Амонская пустынь имела определенную степень защиты от татар, которые, рыская по округе, натыкались и на Осмолово, подвергавшееся разорению от крымцев и ногаев [15, с. 4], а в годы Смуты – и от иных «лихих людей». Парадоксально, но в наступившие в 1620-е годы мирные времена Амонской пустыни потребовалась еще более серьезная защита этих верных ей служивых родов, которые включаются в неравную битву за существование монастыря – уже не с татарами, а с верховными инстанциями.

В рамках реформ царя Феодора Алексеевича, затронувших церковно-административную сферу, была проведена реорганизация Патриаршей области, к которой относились Рыльская и Амонская обители. В 1679 году по утвержденному государем решению Патриаршего разрядного приказа Амонская Никольская пустынь прекратила самостоятельное существование и со всеми владениями и имуществом была приписана к Рыльскому Никольскому монастырю, о чем его игумену Иосифу были присланы из Посольского приказа правоустанавливающие документы [6].

Однако это был не занавес, а только первый акт растянувшейся на столетие драматической «борьбы за независимость» Амонской пустыни. Ее закрывали три раза, и дважды сельскому приходу удавалось переубедить высшие инстанции, продлевая жизнь «своему» монастырю.

Каким образом это произошло в 1679 году – неизвестно, но ясно, что удалось. Спустя 45 лет Святейший Синод повторно приписал обитель к Рыльскому монастырю [12, с. 416-417], а значит в какой-то момент в период между 1679 и 1725 годами самостоятельность Амонской пустыни была возвращена. По всей видимости, ее отстаивали (как это было и далее) осмолдовские помещики. В 1705 году они строят на острове второй храм – в честь Рождества Пресвятой Богородицы [13, с. 16], а значит к тому времени пустынь опять имела независимый статус (Осмолдовские помещики вряд ли стали бы усердствовать для Рыльского монастыря, который казался им узурпатором (хотя и невольным) их традиционных прав и с которым у них были сложные отношения, включая земельные. – *прим. авт.*). Успеху ходатайства способствовала смена власти на Москве. Когда после скончавшегося в 1682 году царя Феодора Алексеевича (по матери Милославского) на престол вступил Петр Алексеевич (по матери Нарышкин), многие подходы Милославских к вопросам государственной и церковной политики были пересмотрены. Чем и могли воспользоваться вкладчики Амонской пустыни.

Однако тяжелые времена для обители были не за горами. Еще в 1701 году в указе Монастырскому приказу Петр I заявил о необходимости ввести в отношении иноческого чина жесткие ограничительные меры «не ради разорения монастырей, но лучшего ради исполнения монашеского обещания» (то есть обетов). Практичному Петру казалось, что в отличие от древних подвижников современные монахи живут праздно, потребляя плоды чужих трудов и не принося пользы обществу, «а что, говорят, молятся, то и

все молятся», – писал император [10, с. 428]. Введенный в 1722 году «Духовный регламент» подверг особой критике скиты и пустынножителство, которое, с точки зрения возобладавших в государстве практичных умов, предпринимается якобы исключительно «свободного ради жития, чтобы быть удалену от всякой власти и надсмотрения и дабы собирать деньги и ими корытоваться». Аналогичные подозрения и запреты распространились и на почитание явленных чудотворных икон, за которым был установлен строгий надзор: «Еще сие наблюдать, чтоб как деялось, впредь бы того не было: понеже сказуют, что неции Архиереи, для вспоможения церковей убогих, или новых построения, повелевали проискивать явления иконы в пустыне, или при источнице и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворною» [9].

Святейшему Синоду были поставлены задачи по укрупнению монастырей. Петр полагал, что численность братии должна составлять не менее 30 иноков, иначе их хозяйство содержать себя не сможет. Запросив у монастырей сведения о численности и определив подлежащие закрытию, Св. Синод незамедлительно приступил к исполнению указа, начав с обителей, находившихся в его прямом подчинении, то есть относившихся к Синодальной (бывшей Патриаршей) области.

«В 1725 г. Рыльского Николаевского монастыря Волынской пустыни строитель иеромонах Иринарх забрал из Амонской пустыни колокола, евангелия и ризы и прочую церковную утварь и монастырские заводы, и отвез в Волынскую пустынь, и с того времени Амонская пустынь стала быть в приписке» [12, с. 416-417].

Случилось так, что в том же 1725 году, когда была закрыта Амонская пустынь, царь российский Петр Великий был отозван Царем Небесным дать отчет в своих деяниях, включая церковную реформу. Осмоловское общество, за почти три сотни лет пребывания чудотворного образа сроднившееся со своей обителью, вновь воспользовалось сменой власти, чтобы вернуть ее себе. В 1726 году вкладчики Амонской пустыни, а именно капитан Иван Афанасьевич Волжин и поручик Осип Осипович Офросимов «с товарищи» обратились в Святейший Синод с ходатайством о возобновлении Амонской пустыни «на том основании, что в ней монахов было двадцать пять человек, и хотя она не имела ни крестьян ни пашен (Насчет пашен помещики лукавят: они за монастырем, как известно, были, известно и то, куда делись: «всеми угоды издавна завладели насильно рыльские помещики», как будет видно ниже – прим. авт.), тем не менее довольствовалась для своего существования от мирского подаяния, и жалованья от казны не требовала. По справке в Канцелярии Синода с присланными в оную к сочинению штата ведомостями, оказалось: Амонская Николаевская пустынь разстоянием от Рыльска в девяти верстах, а от Волынской пустыни в семи верстах, имеет строения: четыре церкви, кельи и ограду, и прочее монастырское здание, деревянным; до приписки к Волынскому монастырю в ней было игуменство и двадцать шесть монахов» [10, с. 417].

Поданные в Канцелярию Синода сведения о существовании в Амонской пустыни четырех храмов можно рассматривать как непонятный казус. До последних дней обители на острове стояли только два однопрестольных храма. Учитывая, что ведомость подавалась в Синод для составления штатов в тот период, когда малочисленные монастыри легко закрывались, приходится допустить, что податели этих сведений пошли на рискованное лукавство в подсчете храмов (а скорее всего, и монахов), хотя и с благой целью – сохранить обитель от закрытия, представив ее властям более крупной, чем она была на самом деле.

Уловка удалась. 21 сентября 1726 года Святейший Синод определил: «В силу приводимых просителями доводов, Амонской пустыни быть особно, и буде братия из нея уже выведены в Волынскую пустынь, отпустить в нее обратно, и все взятое из нея воротить обратно» [12, с. 418].

Так благодетелям Амонской пустыни удалось отразить и вторую атаку на обитель. А. Вознесенский, написавший про осмоловцев, что «местные жители страшно дорожат своею святынею» [5], не преувеличил. В жизни всей округи чудотворная икона играла огромную организующую роль. Никола Чудотворец сопровождал селянина буквально с рождения до смерти, был с ним и в горе, и в радости не как сторонний наблюдатель, а как живой участник важнейших событий. Не чванясь, по первому зову он приходил своим образом к нему в дом, благословлял на брак, стоял у изголовья при недугах и родах, молился за его урожай, освящал жилище, поля и постройки, поручался за него в имущественных спорах. В селах южных районов Руси стали традиционными складывавшиеся вокруг конкретной иконы Никольские братства, быть членом и соблюдать правила которых считал необходимым каждый полагавший себя порядочным членом общества. Для общины чтимая икона служила камертоном христианской нравственности, судьей и непререкаемым авторитетом, лишиться которого казалось немислимым.

Даже сотни лет спустя, узнавая о событиях, связанных с закрытием Амонской пустыни, из бесстрастных казенных бумаг, живо ощущаешь, как взбудоражили они местное общество, и с каким рвением всеми правдами и даже неправдами осмоловцы старались удержать у себя дорогую им икону Николая Чудотворца и сохранить свой монастырь. Ради этого они не только осаждали высокие инстанции, но шли на крупные материальные издержки. Во второй половине 1720-х годов в глухом селе начался небывалый бум храмового зодчества: развернулось строительство сразу трех церквей.

Еще в 1721 году помещики села Осмолова братья Дементий и Василий Константиновы получили разрешение, а помещик Иван Афанасьевич Волжин к марту 1738 года довел до конца строительство в селе новой приходской церкви взамен обветшавшего здания храма Рождества Христова. Одновременно строили и на острове. В 1729 году капитан Михаил Иванович Волжин (вероятно, сын Ивана Афанасьевича) получил разрешение Святейшего Правящего Синода перестроить ветхую Никольскую церковь

Амонской Николаевской пустыни [15 с. 4]. Позаботились осмоловцы и о монастырской церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Оказалось, что в 1705 году она была построена слишком близко к берегу Семи. При высоких паводках, случавшихся тогда нередко, алтарная часть храма подтапливалась и уже к 1737 году потребовала капитального ремонта. Новый престол был освящен в 1738 году [13, с. 17].

Так, отстояв перед Синодом в 1726 году независимость Амонской пустыни, скромный сельский приход за краткий срок капитально обновил все три свои храма. Не было ли причиной необычного рвения осмоловцев беспокойство за судьбу Амонской пустыни и ее святыни в условиях церковной реформы? Чтобы снять поводы к ликвидации монастыря, нужно было его развивать, а значительные вклады, сделанные ктиторами в «свою» обитель, давали им право воздвигать голос в ее защиту, чем они успешно пользовались. В то же время весь ход вещей «в верхах» давал основания подозревать, что дни Амонской пустыни могут оказаться непродолжительными, поэтому вместе с монастырскими храмами ускорялось строительство и приходской церкви, имея в виду возможность, если монастырь все-таки закроют, предложить церковному начальству новый осмоловский приходской храм в качестве достойного места пребывания чудотворной иконы. Иерей Григорий Попов по воспоминаниям старожилов связывает строительство своего храма именно с закрытием пустыни и перенесением в него чтимого образа: «Одновременно с упразднением за-сеймской обители, и именно вследствие упразднения ее, построен в селе Осмолове, иждивением прихожан, деревянный храм, во имя Рождества Христова. В храм этот (по преданию) был перенесен из за-сеймской пустыни и чудотворный образ Святителя Христова Николая. Храм этот был поправляем снаружи и внутри от времени до времени средствами прихожан и существует и донныне» [14, с. 400].

Местное общество надеялось, что вариант передачи монастырской иконы в приход мог стать приемлемым для церковных властей решением, поскольку имел явные преимущества: образ оставался на историческом месте своего явления, и для этого достаточно было всего лишь перевезти икону с одного берега реки Семи на другой, где ее уже ждал новый храм.

В итоге этот замысел не удался, а чудотворному образу был уготован иной, более славный путь. Когда в 1781 году по указу из Севской духовной консистории Амонская пустынь будет окончательно закрыта, а чтимый образ из нее перенесен в Рыльский монастырь – таким путем он выйдет на широкое общественное служение и вступит в полную свою славу.

Амонской же пустыни храмовое зодчество если и продлило существование, то ненадолго. Обретя в 1726 году самостоятельность, она вновь ее утратила. Будет уместным связать приписку Амонской пустыни с переменой в ее церковно-административном подчинении, которая произошла в 1745 году. В «Истории российской иерархии» сообщается, что «Вармонская Николаевская мужеская упраздненная пустыня находилась в Рыльском уезде и состояла до 1745 года в Синодальной области, а потом упразднена» [2, с.

498].

В 1757 году Амонская пустынь уже числится приписной. На запрос Московской духовной консистории в Рыльский монастырь «о количестве доходов, расходов и остатков как в сем монастыре, так и в приписной к оному Амонской пустыни» казначей монах Моисей о числе насельников островной обители сообщал, что «на лицо их: строитель иеромонах 1, да в прошлом году присланный при указе из Московской духовной Консистории, под начал, иеромонах Арефий, коему, по усмотрению власти монастырской, дозволено и служение иметь. Пропитание оные монахи получают от мирскаго подаяния. За тою Амонскою пустынью вотчинных крестьян не бывало, и ныне нет; всеми угоды издавна завладели насильно рыльские помещики, и в ту Амонскую пустынь с тех угодий доходов никаких нет» [3, с. 267-268].

Столь плачевное положение – результат осуществленных над монашеством реформ – было характерно тогда и для самого Рыльского монастыря, который имел в братии лишь игумена и двух иеромонахов. Неудивительно, что семь лет спустя мы вообще не застаем в Амонской пустыни ни одного иеромонаха, а руководит ею «белый» священник. В 1764 году, когда остров посетил присланный из Счетной экспедиции Коллегии Экономии подпоручик Рязанцов, к составленной им описи «руку приложили» «правлящий строительскую должность белой поп Хрисанф Федоров» и «Николаевского монастыря Амонския пустыни монах Иосиф» [7].

В рапорте Рязанцова содержатся многие подробности об Амонской пустыни и двух ее храмах, позволяющие представить их внутреннее убранство, даже совершить своего рода «виртуальное паломничество». Например, мысленно войти в Никольскую соборную церковь, где справа от резных позолоченных царских врат бросался в глаза чудотворный образ святителя Николая в чеканной серебряной позолоченной ризе и с многими подношениями в виде крестов серебряных, рублевиков, полтинников, червонцев, гривенников и небольшой вынизанной жемчугом цаты. Спустя почти десяток или более лет после приписки Амонской пустыни к Рыльскому монастырю чудотворный образ все еще пребывал на острове.

Окончательный переход островной обители на положение скита Рыльского монастыря, тоже бедствовавшего, не облегчил положение Амонской пустыни. Монашеская жизнь в ней продолжалась, но за недостатком братии фактически угасала. Логическим итогом стало сделанное по ходатайству рыльского игумена Иосифа (Громнецкого) и оформленное указом Севской духовной консистории от 20 мая 1781 года распоряжение Преосвященного Амвросия «Амонскую пустынь совершенно упразднить и всю утварь церковную перевезть в Рыльский монастырь». Были даже разобраны и вывезены с острова обе ветхие церкви и другие строения пустыни, бревна от которых использовали в монастыре «для обжошки кирпича и известки».

А память об Амонской пустыни и подвизавшихся на острове подвижниках сохранилась, чтобы дойти до нас.

«Признаки существования в древности означенной обители сохранились и до настоящего времени, а именно: кладбище бывшего монастыря с надгробною плитою Пафнутия иеромонаха, бывшего в той обители игуменом, – остатки монастырского сада и монастырское подворье, даже урочища той местности, где была обитель сохранили до сих пор в народе названия того времени, например: место где был монастырь и теперь называется «монастырем», омывающее берега этого места озеро и теперь называется «Никольским»; место на Сейме, где в древности был устроен паром для сообщения богомольцев с монастырем, называется «перевозом» [14, с. 401].

Кроме строителя Боголепа (упоминается в 1621 и 1629 гг.) и игумена Пафнутия, в числе управляющих Амонской пустыни известны строитель Александр (1704 г.), игумен Антоний (1723 г.) и строитель Варсонофий (1737 г.), также сохранились имена подвизавшихся в обители старца Нафанаила (Агутко) (1678 - 1686 гг.), иеромонаха Арефия (1756 г.) и монаха Иосифа (1764 г.). Сколько же неизвестных иноков за 300 лет существования монастыря совершили здесь свои молитвенные подвиги и закончили земной путь?

Но все же и своим прижизненным благоденствием, и памятью о себе Амонская пустынь прежде всего была обязана святости того места, на котором стояла, и чудотворному образу, пребывавшему в ней без малого 300 лет и любимому всей округой. Монастырь был кровно связан с чудотворной иконой, возник благодаря ее явлению, развился на волне ее почитания и многие лета служил ей верную службу «киота-хранителя». Но и хороший киот порой меняют на лучший. Так произошло и с осоловским образом, который перешел на более почетное служение в Рыльский монастырь, из глухого труднодоступного угла оказался в наиболее оживленном центре местной жизни, занял место главной святыни Рыльского края. Вскоре после этого за Рыльским монастырем, издавна прозывавшимся Троицким, утвердилось имя Свято-Николаевского. А сам образ, в годы своего пребывания на острове известный под описательным именованием «икона Святителя Николая Амонской пустыни» обретает с тех пор «личное» имя «Никола Рыльский».

Перенесение иконы из Амонской пустыни в Рыльский монастырь, которое, согласно рапорту его игумена Иосифа (Громнецкого), состоялось 2 июня 1781 года, местное общество встретило с энтузиазмом. Рыльские купцы словно соревнуются в усердии украсить чтимый образ: заказывают оклад из чистого золота с драгоценными камнями, украшают образ золотой подвеской-цатой и ажурным облачением из жемчуга. Списки иконы распространялись в благочестивых семьях, изготавливались для местных храмов, служили лучшей поощрительной наградой благотворителям и подарком от церковного начальства по торжественным поводам.

Как сообщал в 1799 году рыльский настоятель архимандрит Иосиф (Лазарев) [3, с. 329], практически ежедневно кто-то из жителей обращался в монастырь с просьбой прислать священнослужителя с чудотворным образом

для совершения частного богослужения на дому – по самым всевозможным случаям: для освящения жилища, поля, нового колодца, ради исцеления в немощи лежащих. У рылян было принято также давать свт. Николаю обет совершить перед его образом домашний молебен (с сопутствующими пожертвованиями) в случае выполнения особых личных просьб, требующих сугубого заступничества мирликийского чудотворца. Такая практика создавала серьезную нагрузку на братию монастыря, среди которой было много престарелых, но обитель безропотно несла это служение.

Самым же ярким проявлением всенародного почитания рыльской святыни стали ежегодные крестные ходы, которые начали совершаться с образом на место его явления, на остров бывшей Амонской пустыни. Архимандрит Анатолий (Ключарев), настоятель Рыльского монастыря и его историограф, полагал, что традиция проведения таких крестных ходов возникла сразу же после перенесения образа в Рыльск: «Вероятно, с того же времени учреждены были из Рыльской градской соборной церкви крестные ходы в 9 день мая ежегодно» [3, с. 334].

Первое письменное упоминание о крестном ходе относится к 1799 году. Тогда архимандрит Иосиф (Лазарев) писал: «В монастырь для поклонения св. Иконе Угодника Христова Николая чудотворца разного звания люди приезжают, а в мае 9 дня бывает из города со всех церковей крестный ход со св. иконами и под монастырем – небольшая ярмарка; кроме дворянства и купечества, одной черни собирается в монастырь человек тысяч до двух, кои довольствуются квасом и хлебом чрез полтора дня – от монастыря» [3, с. 334].

Таким образом, спустя 17 лет после прибытия иконы в Рыльск 20-ти километровый (в один конец) двухдневный крестный ход с ней был уже традиционным и масштабным событием и собирал тысячи паломников всех сословий, которых не останавливали даже скудное пропитание и трудности с размещением.

О рыльском крестном ходе упоминает большинство общероссийских справочных изданий по церковной тематике. Изначально он совершался 9/22 мая, в праздник «Николы Вешнего» (В этот день празднуется перенесение мощей свт. Николая из Мир Ликийских в г. Бар (1078 г. – прим. авт.), отправным пунктом крестного хода служил городской собор – поначалу Никольский, а после 1811 года – Успенский. Сюда из монастыря предварительно приносилась чтимая икона, здесь собирался народ для торжественного молебна, после которого икона проносилась по всему городу, мимо главных его храмов, а их приходы под перезвон колоколов поочередно вливались в шествие со своими клирами, певчими, иконами и хоругвями. Всеобщее оживление, радостное ликование создавали неповторимую атмосферу этого красочного праздника. [16, с. 177-182] Рыльский монастырь устраивал в Пригородной Слободке под своими стенами многолюдную ярмарку. Кульминацией же всенародного торжества являлось принесение образа «Николы Рыльского» на место явления. Кроме

«большого» хода с чтимой иконой совершались так же регулярно и «малые» крестные ходы из монастыря по городу. Например, тысячи людей собирались для этого в Рыльск на отдание праздника Пасхи. В 1911 году крестный ход в этот день был особенно торжественным, поскольку в нем участвовали две святыни – «Никола Рыльский» и Курская-Коренная икона «Знамение», а возглавлял шествие епископ Рыльский Никодим (Кононов), ныне канонизированный в чине новомучеников и исповедников Российских [11, с. 197-198].

Почитание чудотворного образа служило делу сплочения всех сословий общества на основах патриотизма. После восшествия на престол государя Николая II, небесным покровителем которого был Святитель Николай, рыляне, имея у себя его чудотворный образ, сочли своим долгом возносить перед ним сугубые молитвы о здравии Императора и всей Царской Семьи. В 1896 году рыльское благотворительное «Общество Перенесения из Едессы в Константинополь Нерукотворного образа Иисуса Христа» испросило благословение на учреждение 29 августа ежегодного крестного хода с «Николой Рыльским» для совершения на месте его явления молебна о здравии Царствующего Дома. А через три дня после «большого» хода на остров 2 сентября «Общество» проводило и «малый» крестный ход по городу с тем же патриотическим звучанием [4]. Таким образом, почитание «Николы Рыльского» со временем ширилось, образ служил не только личным духовным нуждам и житейским чаяниям верующих, но также нес активное и непростое в те годы общественное служение укреплению основ российской государственности. Место пребывания Амонской пустыни тоже не было забыто. В 1899 году игумен Рыльского монастыря Карион построил на острове для проведения крестных ходов часовню, сюда совершались также индивидуальные паломничества на могилки чтимых в народе старцев Амонской пустыни, например, ее игумена Пафнутия.

Традиции почитания своей чудотворной иконы рыляне пронесли и через революционное лихолетье. В 1918 – 1919 годах монастырь был полностью разграблен, но «Никола Рыльский», лишившись своего драгоценного облачения, продолжал и в скромном киоте служить людям и поддерживал свою обитель. Икону по-прежнему по желанию рылян приносили в дома для служения частных молебнов, и эта статья дохода монастыря, согласно отчету за 1920 год казначея иеромонаха Пантелеймона, превышала остальные вместе взятые [8]. О. Пантелеймон сообщает и о том, что продолжались крестные ходы 29 августа на остров Амонской пустыни.

В 1925 году Рыльский монастырь был закрыт, и с тех пор место пребывания чудотворного образа неизвестно. Лишь в Покровской, не закрывавшейся в советские годы, церкви г. Рыльска сохранился его список, а иконы Николая Чудотворца из других поруганных храмов «расходились» по рукам верующих, совершали тернистый путь в изгнании. Например, наиболее старинный из известных, датируемый 1781 - 82 годами список «Николы Рыльского» оказался в храме «Знамения» в Киеве, куда он через третьи руки

пришел из закрытого в 1930-е годы храма Рыльской округи. Ценной находкой стала найденная на чердаке одного городского дома дарственная фотография «мера в меру» чудотворного образа, преподнесенная в 1907 году епископом Рыльским Иоасафом члену известной семьи купцов-благотворителей Филимоновых.

Вслед за годами духовного упадка в Рыльске идет процесс возвращения утраченных святынь, преодоления амнезии в отношении забытого, но славного прошлого. В Рыльском Свято-Николаевском монастыре написан новый список чудотворного образа, на месте его явления на острове Амонской пустыни и на месте бывшего Никольского (ранее Христорождественского) храма в с. Осмолово установлены поклонные кресты, по благословению митрополита Курского и Рыльского Германа наместник монастыря игумен Роман (Архипов) ежегодно совершает здесь молебны Николаю Чудотворцу 11 августа в день рождения Святителя, ведется работа по изысканию новых сведений об Амонской пустыни и традициях почитания древнего образа «Николы Рыльского». Ныне пограничному Рыльскому краю особенно нужны духовные силы и заступничество тезоименитого победителя святителя Николая.

Список литературы

1. Археологическая карта России: Курская область. Часть 2. – М., 2000.
2. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. – М., 1807. – Том III. – С. 498.
3. Анатолий (Ключарев). Волынская пустынь Рыльского монастыря // Курские епархиальные ведомости. – Курск, 1890. – № 52. – С. 267-268.
4. Бокадоров К. И. Исторический очерк г. Рыльска. К 100-летию Рыльского полка. – Рыльск, 1907.
5. Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. – Санкт-Петербург, 1899. – Цитируется по изданию: Минск, «Харвест». 2001.
6. Государственный архив Курской области. – Ф. 1555. – Оп. 1. – Д. 198.
7. Сведения Дозорной книги «письма и дозору Алексея Ушакова да подьячего Ивана Савина» 1621 года, в составе «Выписи из Рыльских книг письма и меры Петра Мусорского да подьячего Гаврила Федорова» 1628-29 гг.
8. Государственный архив Курской области. – Ф. 1555. – Оп. 1. – Д. 178. Л. 49-56.
9. Государственный архив Курской области. – Ф. Р-750. – Оп. 2. – Д. 6. Л.62.
10. Духовный регламент, повелением императора Петра Первого и по приговору Правительствующего Сената составленный в 1721 г. Еп. Феофаном (Прокоповичем). – М., 1856.
11. Именной указ «О звании монашеском», данный Синоду 31 января 1724 г. / Законодательство Петра I. 1696-1725 годы. – М., 2014.
12. Курские епархиальные ведомости. – Курск, 1911. – № 22.

13. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. – Санкт-Петербург, 1883. – Т. VI (1726 г.). – С. 416-417.
14. Петров В. Ивановская десятина. Документы к монастырским церквам Амонской Николаевской пустыни // Курские епархиальные ведомости. – Курск, 1908. – № 15.
15. Попов Г. Летопись Христорождественской церкви села Осмолова Рыльского уезда // Курские епархиальные ведомости. – Курск, 1872. – №7.
16. Сенаторский Н.П. Материалы к истории церквей Рыльской десятины // Курские епархиальные ведомости. – Курск, 1907. – № 23.
17. Чалых Н.Н. «Рыльск – духовный центр в Курском крае». – Курск, 2007.

КУРСКАЯ ЗЕМЛЯ КАК ЦЕНТР РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (РУССКОГО КАГАНАТА, 839 – 985 гг.)

Е. Н. Шумилов

Реабилитационный культурно-спортивный досуговый центр инвалидов
Пермской областной организации ВОС
e-mail: kinshum@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме начала русской государственности, которая тесно связана с Русским каганатом. На основании критического осмысления «Повести временных лет» и других письменных источников, а также материалов археологии, автор дает общее представление об этом государственном образовании и показывает его место в становлении русской государственности.

Ключевые слова: первые русы, Русский каганат, русская государственность.

Abstract: The article is devoted to the problem of the beginning of Russian statehood, which is closely connected with the Russian Khaganate. Based on a critical understanding of the «Povest vremennich let» and other written sources, as well as materials of archeology, the author gives a general idea of this state education and shows its place in the formation of Russian statehood.

Keywords: Russian Russians, the Russian khaganate, Russian statehood.

Важнейшим источником для изучения истории раннего периода Руси является «Повесть временных лет». К событиям, изложенным в ней до эпохи князя Владимира Святославича, историки относятся неоднозначно. Одни из них полностью доверяют каждому слову летописца, другие, напротив, всё отвергают, считая приведенные сведения малодостоверными. Но истина где-то рядом. Действительно, блок летописи, датированный второй половиной IX – первой половиной X в., очень сложный по своей источниковой базе. Здесь

присутствуют народные предания, выписки из иностранных хроник, акты договорной документации и т.д. Для нас первейший интерес представляют именно акты, в частности, мирные договоры русов с греками. Их достоверность не вызывает сомнения. Более того, исследователи установили, что первоначально они были составлены на греческом языке, а затем переведены [1].

Остановимся подробнее на одном из них – самом первом – договоре от 2 сентября 911 г., когда 15 послов от великого русского князя Олега, его светлых князей и бояр, прибыли в Константинополь и заключили с греками мирный договор. Этот договор можно рассматривать как равноправный. Основные статьи документа посвящены вопросам взаимоотношений русов и греков: проблеме избиений, убийств, воровства, присвоения чужой собственности, о пленниках, рабах, русах, служивших у греков. Был затронут вопрос и «о взимающих куплю руси», т. е. русских торговцах. Однако самой статьи в договоре нет (она только обозначена). Мы обнаруживаем ее в описании событий 907 г. Статья 907 г. посвящена походу князя Олега на греков и его последствиях. Летописец красочно описывает штурм русами Царьграда (Константинополя) и капитуляцию греков, согласившихся выплачивать им дань. Странно, но в византийских источниках того времени нет ни слова об этом походе. В связи с этим большинство российских историков считают его легендарным. Самое любопытное в статье 907 г. – это отрывок о русских торговцах, вырванный из договора 911 г. Для чего летописец совершил подлог? По-нашему мнению для того, чтобы придать походу 907 г. достоверность. С этой же целью в статью вставлены имена некоторых послов из договора. Однако этими манипуляциями летописец не ограничился. В статье о торговле указаны по старшинству города: Киев, Чернигов, Переяславль. И здесь мы находим явные нестыковки. В Киев князь Игорь перебрался только в 940-е годы, а начало заселения города относится по данным дендрологии к 887 г. [2]. Также неубедительным выглядит упоминание Переяславля. Согласно данным археологии первое поселение на территории города появилось лишь в конце X в. [3].

Летописец идет еще дальше и заявляет, что греки дали дань для русских городов: Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова и т. д., хотя в договоре об этом нет ни слова. И опять это заявление вступает в противоречие с данными археологии: например, первое сооружение в Ростове было возведено в 963 г. [4].

Ясно, что летописец назвал имена городов, современных ему. Но как быть с тремя городами, упомянутыми в договоре? Они, несомненно, были, но под другими названиями, и речь здесь идет не о Киевской Руси, а Русском каганате, о котором мы узнаем в «Бертинских анналах» за 839 г. Тогда послы кагана русов (по-гречески росов) прибыли к франкскому императору Людовику I, возвращаясь окольным путем домой из Константинополя: *«В лето от Воплощения Господня 839-е [...] прибыли также греческие послы...*

С ними (послами) он прислал еще неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ их, называются рос и что король их, именуемый хаканом...» [5].

Появление русов в Константинополе исследователи увязывают с вооруженным конфликтом между ними и греками в конце 30-х годов IX в., который упомянут в житии святого Григория Амастридского. В «Житии» речь идет о *«нашествии росов – народа в высшей степени дикого и грубого»* [6].

Есть упоминание о русах и у восточных авторов за тот же период. В частности, персидский ученый ал-Хорезми в «Книге картины Земли» говорит о Русской горе, с которой течет река Др.ус [7]. Другой восточный источник – «Худуд ал-алам» – уточняет, что данная гора находилась к северу от «внутренних болгар», живших на берегах Азовского моря [8]. Это сообщение обычно датируют первой третью IX в. Следовательно, время появления русов фиксируется одновременно западными, византийскими и восточными источниками. Русская гора могла быть только Донецким кряжем (других здесь нет), а река Др.ус, несомненно, Северский Донец, который в средние века считался главным руслом Дона.

Именно в первой трети IX в. в степной зоне от Волги до Днепра, входившей в состав Хазарского каганата, наблюдался кризис, связанный с голодом, который был вызван изменениями в климате. То же самое тогда происходило и в Западной Европе, которую заливали дожди и охватили холода [9]. Климатические катаклизмы привели к ослаблению многонационального Хазарского каганата, что привело в конечном итоге к гражданской войне. Одновременно происходило разрушение давно налаженных торговых отношений. Это случилось по данным обращения монет в 833 г. [10].

Этим же периодом времени археологи датируют и гибель волынцевской культуры славян-северян – одной из областей Хазарского каганата: горят и подвергаются уничтожению поселения на левобережье Днепра и на его притоках Десне, Суле, Псёлу, гибнет вместе со своими жителями ставка хазарского наместника – Битицкое городище. Археологи связывают эти трагические события со вторжением русов [11]. Подчинив себе северян, русы создали базу волынцевской культуры Русский каганат, известный археологам как роменская культура.

Хазарский каганат рухнул в одночасье под ударами русов, была сокрушена и резиденция кагана – Правобережное Цимлянское городище на реке Дон. Кагану удалось спастись: он бежал в район северного Дагестана, где находилось княжество савиров, подвластное хазарам. В результате синтеза хазарской и савирской знати появились тюркские хазары. Была создана своеобразная форма правления, при которой имелись царь (бывший савирский князь) и каган. Несмотря на то, что царь был только заместителем кагана, реальная власть принадлежала ему, а каган являлся чисто номинальной фигурой. Его никуда не выпускали из дворца, а в случае катаклизмов казнили или он сам кончал жизнь самоубийством, т. е. каган по

сути превратился в своеобразного козла отпущения [12]. Правящая элита 2-го Хазарского (савирского) каганата кочевала от реки Волги до среднего Дона [13]. В низовьях Волги была возведена их зимняя ставка (столица) – Итиль [14].

На западных рубежах 2-го Хазарского каганата, проходивших по левому берегу среднего Дона, новые правители возвели в 838 г. из сырцового и обожженного кирпича с помощью византийцев крепость Саркел, защищавшую их от русов [15]. При этом тюркские хазары сохранили за собой контроль за Керченским проливом, где находился город Хамлидж (по-арабски халидж – пролив; позднее – Тмутаракань). В нем русы, отправлявшиеся с товаром (им чаще всего были подвластные им славяне) в Византию и в столицу Арабского халифата Багдад, вынуждены были платили таможенный сбор – десятину [16].

Происхождение русов – отдельная далеко еще не апробированная историками тема исследований. Поэтому не будем на ней останавливаться, а отметим лишь, что происходили они с южного побережья Балтийского моря, где полиэтничное население было занято торговлей янтарем с купцами из Хазарского каганата. Решающую роль в торговле играли скандинавы – выходцы с острова Готланд. Это обстоятельство способствовало тому, что восточные и западные средневековые авторы не всегда могли отличить руса от скандинава, хотя славян они от них отличали [17].

По мнению археологов центром Русского каганата (роменской культуры) мог быть современный Курск [18]. От византийского императора Константина Багрянородного мы знаем его скандинавское название – Немогард: *гард* здесь усадьба (скандинавское слово), что может говорить о резиденции князя [19].

Русский каганат с самого своего рождения показал агрессивный характер. Он воевал не только с хазарами, но не боялся даже нападать на византийские территории, правда, войны были не всегда удачными. В частности, поход русов в июне 860 г. на Константинополь закончился их полным разгромом [20].

Временным ослаблением Русского каганата воспользовалась другая группа русов, которая появилась на Севере в 860-е годы. Историки их обычно называют русами Рюрика. Эти русы сыграли выдающуюся роль в освоении северных территорий. Они совершали длительные походы за меха, в ходе которых обкладывали данью местных финноязычных охотников и строили первые фактории на пути к Волге. В целом их взаимоотношения с Русским каганатом были мирными: об этом свидетельствует торговля мехами, проходившая через земли, контролируемые Русским каганатом. Тогда как с волжскими булгарами русы Рюрика периодически воевали. Единственный спорный объект, из-за которого они враждовали, был Полоцк, так как он находился на пути к их общей родине [21].

В 880-е годы лесостепная зона (север Русского каганата) подверглась

экспансии со стороны кочевников-печенегов. Это привело к массовому исходу славянского населения – северян, вятичей, донских славян. Они бежали на северо-запад каганата в район верхнего Днепра, Десны, Сожа, где в результате их смешения возникло новое племя – радимичи [22].

В целом Русский каганат устоял под напором печенегов, лишившись при этом части своего населения. Печенеги ушли за правобережье Днепра и оттуда совершали набеги на земли каганата. У Русского каганата явно не хватало сил, чтобы защитить свои юго-западные границы. Нужна была помощь извне и она поступила. Об этом свидетельствует появление на западных землях Русского каганата русов Рюрика: они селятся на рубеже IX – X вв. в роменском Подесенье на землях северян. Их первые следы археологи фиксируют с 887 г., когда Киев начинает застраиваться двухэтажными деревянными домами, которых до того на юге никогда не было, зато они были типичными для Севера. Помимо Киева, игравшего роль пограничного поселения, возникает Чернигов, близ которого селятся северные вои. Вместе с ними здесь появляется гончарная керамика северорусского варианта [23].

Приток нового военизированного населения усилил позиции Русского каганата. С окрепшим каганатом вынуждена была считаться и Византийская империя. Об этом наглядно говорит договор 912 г. русского князя (кагана) Олега с греками, он рассматривает обе стороны как равноправных партнеров [24].

Благоденствие закончилось на рубеже 930 – 940-х годов, когда русы начали отвоевывать у 2-го Хазарского каганата Керченский пролив, чтобы избавиться от унизительной для них таможенной десятины. Но не учли одного обстоятельства: у тюркских хазар появился талантливый военачальник Песах и они уже опирались на силы наемных мусульманских воинов. В итоге русы были разгромлены в Крыму. Массовому физическому уничтожению подверглось христианское население Керченского полуострова. Далее за несколько месяцев Песах сокрушил сопротивление Русского каганата на его же территории. Результатом поражения стала зависимость Русского каганата и славян-вятичей от тюркских хазар [25].

И тогда на помощь Русскому каганату пришли осевшие в Чернигове и Киеве русы Рюрика. Но это сделали отнюдь не бескорыстно: за свою помощь потребовали выдать дочь Олега Ольгу за своего князя Игоря. Помощь была оказана, Русский каганат избавился от хазарской зависимости, но попал в зависимость от русов Рюрика. После смерти князя Олега каганат оказался в полном подчинении князя Игоря, обосновавшегося в 945 г. в Киеве, когда были отвоеваны правобережные земли полян, уличей и древлян. В последующие годы в Русском каганате (по терминологии византийцев это была Внешняя Русь) правил малолетний сын Игоря Святослав, разумеется, под чьим-то контролем, т. е. каганат превратился в провинцию Киевской Руси [26].

Князь Святослав, пришедший к власти в 962 – 963 гг. в результате

переворота, организованного дружинниками-язычниками, всю последующую жизнь посвятил войне. В 968 г., когда он вел боевые действия на территории дунайской Болгарии, Киев осадили печенеги. Реальная опасность угрожала его матери Ольге и сыновьям. Спасение пришло с левобережья Днепра в лице воеводы Претича, бывшего, по видимому, наместником Русского каганата, как провинции Киевской Руси: он испугался кары со стороны Святослава, если не поможет [27].

Автономия Русского каганата явно не устраивала правителей Киевской Руси, так как мешала их продвижению по Северскому Донцу, как относительно безопасному пути в Черное море. Это обстоятельство привело к тому, что в 985 г. в ходе похода князя Владимира Святославича с торками на болгар и крымских хазар с целью выхода к Керченскому проливу, каганат подвергся разгрому. Очевидно, его жители были не готовы к такому раскладу и не смогли оказать серьезного сопротивления. Древнерусский летописец стыдливо обошел данную тему, но материалы археологии красноречиво свидетельствуют о том, что масштабная катастрофа имела место именно в то время [28].

Значение Русского каганата в истории русской цивилизации трудно переоценить. Так называемая Киевская Русь стала во многом преемником его культурных и политических традиций. Достаточно сказать, что киевские князья по примеру правителей каганата именовали себя каганами. Несомненно, что в Русском каганате существовала письменность. И первые сведения о русах Рюрика были зафиксированы именно там. Летописец Нестор пытался соединить несоединимое, т. е. информацию из летописей каганата с информацией, полученной им изустно от потомков русов Рюрика. Тем самым он основательно запутал исследователей. Его попытки привести всё к единому знаменателю неуклюжи. Таково сообщение о появлении князя Игоря в 880-е годы в Киеве, который тогда только начал строиться и строили его именно русы Рюрика; двойная дата вокняжения Игоря в Киеве: 913 и 945 г. (вторая дата более достоверна), замена названий городов каганата на названия городов Руси, возникших значительно позже. Многие даты подтверждаются археологическими раскопками: появление русов Рюрика на Севере и в Киеве и т. д. Это трудно объяснить только народной памятью. История Русского каганата требует детального изучения. Тем более, что в этом году исполняется 1185 лет со времени его первого упоминания в письменных источниках.

Список литературы

1. Беззаконов С.Н. Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – Вып. 8. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 208.
2. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 83 – 89.

3. Ищенко А.С. Переяславль Южный в политической структуре Древней Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – Вып. 8. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 259 – 278.
4. Плешанов Е.В. К вопросу о происхождении города Ростова // История и культура Ростовской земли. – Ростов, 2002. – С. 172 – 181.
5. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. – Ч. 1. – М. – Лд, 1989. – С. 10 – 11.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 1999. – С. 225.
7. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. – М.: Наука, 1988. – С. 12.
8. Новосельцев А.П. «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. – 1986. – С. 90 – 103.
9. Артамонов М.И. История хазар. – СПб.: Лань, 2001. – С. 376.
10. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. – М.: Наука, 1967. – С. 118 – 121.
11. Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Альманах історії та археології Східної Європи RUTHENICA. – 2005. – № 4. – С. 115 – 137.
12. Семенов И.Г. К локализации савиров (по данным «Армянской географии» VII в.) // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии: Межрегион. науч. конф. V «Минаевские чтения» музееведению Северного Кавказа – «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии». – Ставрополь, 2001. – С. 63 – 66.
13. Плетнева С.А. Хазары. Исчезнувшие народы. – М., 1988. – С. 56.
14. Флёрв В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры, 2010. – С. 83 – 106.
15. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М., 1993. – С. 129 – 141.
16. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку: Элм, 1986. – С. 124.
17. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку: Элм, 1986.
18. Енуков В.В. Начальная история Курска. – Курск, 2009. – С. 78 – 79.
19. Багрянородный Константин. Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. – С. 45, 47.
20. Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. – М, 2003. – С. 3 – 172.
21. Летописный сборник именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. – Т. 9. – СПб., 1862. – С. 9.
22. Шумилов Е.Н. Радимичи в контексте истории Южной Руси // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: Зборнік навуковых прац удзельнікаў X Міжнар. навук. канф., 25 – 26 мая 2017 г., г. Магілёў. –Магілёў, 2017. – С. 18 – 22.
23. Сагайдак М.А. Древньокиївський Поділ: проблеми топографії, стратиграфії, хронології. – Київ: Наукова думка, 1991. – С. 48 – 65.

24. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 85 – 89.
25. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1932. С. 117 – 120; Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 79.
26. Багрянородный Константин. Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. – С. 45, 47.
27. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1. СПб.: Наука, 1997. – С. 115.
28. Енуков В.В. Начальная история Курска. – Курск, 2009. – С. 78 – 79.